

ISSN 0321-0391

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

Том 84

1

Москва
2024

НАУКА
— 1727 —

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

Том 84 № 1

Январь—Февраль—Март

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1937 г.

МОСКВА
2024

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом всеобщей истории РАН в сотрудничестве с Государственным Эрмитажем и Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова

Международный редакционный совет

Председатель акад. РАН *М.Б. Пиотровский* (Санкт-Петербург)

проф. *Э. Андерсен* (Осло), проф. *К. Антонетти* (Венеция),
проф. *Г. Бауэрсон* (Принстон), проф. *Д. Браунд* (Эксетер),
проф. *А. Брессон* (Чикаго), проф. *Г.-И. Герке* (Фрайбург),
акад. РАН *Н.Н. Казанский* (Санкт-Петербург), проф. *Ф. де Каллатай* (Брюссель),
проф. *П. Калльери* (Болонья), акад. РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск),
акад. РАН *В.С. Мясников* (Москва), проф. *Г. Парцингер* (Берлин),
проф. *Х. Ремесаль Родригес* (Барселона), проф. *С. Розен* (Стокгольм),
проф. *Ч.Б. Роуз* (Филадельфия), проф. *Н. Симс-Вильямс* (Лондон),
проф. *П. Функе* (Мюнстер), проф. *М. Хадзопулос* (Афины),
проф. *А. Ханиотис* (Принстон), проф. *Ш. Шакед* (Иерусалим),
проф. *Д. Шарпен* (Париж)

Редакционная коллегия

Главный редактор член-корр. РАН *А.И. Иванчик* (Москва)

д.и.н. *А.Ю. Алексеев* (Санкт-Петербург),
к.и.н. *И.С. Архипов* (ответственный секретарь, Москва),
д. филол. н. *Л.С. Баюн* (Москва), д.и.н. *А.О. Большаков* (Санкт-Петербург),
д.и.н. *А.А. Вигасин* (Москва), к.и.н. *В.А. Головина* (Москва),
член-корр. РАН *Н.П. Гринцер* (Москва), к.и.н. *М.М. Дандамаева* (Санкт-Петербург),
к.и.н. *А.А. Ильин-Томиш* (Майнц), д-р *Г.М. Кантор* (Оксфорд),
д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (Москва), к. филол. н. *П.Б. Лурье* (Санкт-Петербург),
к.и.н. *Е.В. Ляпустина* (Москва), к.и.н. *И.А. Макаров* (Москва),
к.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Москва), к.и.н. *А.В. Муравьев* (Москва),
к.и.н. *А.А. Немировский* (Москва), д.и.н. *А.В. Подосинов* (Москва),
д.и.н. *С.Ю. Сапрыкин* (Москва), д.и.н. *А.В. Седов* (Москва),
к. филол. н. *И.С. Смирнов* (Москва), к.и.н. *С.В. Смирнов* (Москва),
д.и.н. *А.М. Сморгчов* (Москва), к. филол. н. *С.А. Степанцов* (Москва),
д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), член-корр. РАН *И.В. Тункина* (Санкт-Петербург)

Заведующая редакцией *А.В. Иванова*

E-mail: vdi-red@yandex.ru

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY
INSTITUTE OF WORLD HISTORY

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

Volume 84 Issue 1

January–February–March

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED IN 1937

MOSCOW
2024

International Council

Prof. *Mikhail Piotrovsky* (Chairman, Saint Petersburg)

Prof. *Øivind Andersen* (Oslo), Prof. *Claudia Antonetti* (Venice),
Prof. *Glen Bowersock* (Princeton), Prof. *David Braund* (Exeter), Prof. *Alain Bresson* (Chicago),
Prof. *François de Callatay* (Brussels), Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna),
Prof. *Angelos Chaniotis* (Princeton), Prof. *Dominique Charpin* (Paris),
Prof. *Peter Funke* (Münster), Prof. *Hans-Joachim Gehrke* (Freiburg),
Prof. *Miltiades Hatzopoulos* (Athens), Prof. *Nikolai Kazansky* (Saint Petersburg),
Prof. *Vyacheslav Molodin* (Novosibirsk), Prof. *Vladimir Myasnikov* (Moscow),
Prof. *Hermann Parzinger* (Berlin), Prof. *José Remesal Rodríguez* (Barcelona),
Prof. *C. Brian Rose* (Philadelphia), Prof. *Staffan Rosén* (Stockholm),
Prof. *Nicholas Sims-Williams* (London), Prof. *Shaul Shaked* (Jerusalem)

Editorial Board

Prof. *Askold Ivantchik* (Editor-in-Chief, Moscow)

Prof. *Andrey Alekseev* (Saint Petersburg), Dr. *Ilya Arkhipov* (Moscow),
Prof. *Liliia Bayun* (Moscow), Prof. *Andrey Bolshakov* (Saint Petersburg),
Dr. *Maryam Dandamayeva* (Saint Petersburg), Dr. *Vera Golovina* (Moscow),
Prof. *Nikolay Grintser* (Moscow), Dr. *Alexander Ilin-Tomich* (Mainz),
Ph.D. *Georgy Kantor* (Oxford), Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow),
Dr. *Pavel Lurje* (Saint Petersburg), Dr. *Elena Lyapustina* (Moscow),
Dr. *Igor Makarov* (Moscow), Dr. *Valentina Mordvintseva* (Moscow),
Dr. *Alexey Muraviev* (Moscow), Dr. *Alexander Nemirovsky* (Moscow),
Prof. *Alexander Podossinov* (Moscow), Prof. *Sergey Saprykin* (Moscow),
Prof. *Alexander Sedov* (Moscow), Dr. *Ilya Smirnov* (Moscow),
Dr. *Svyatoslav Smirnov* (Moscow), Prof. *Andrey Smorchkov* (Moscow),
Dr. *Sergey Stepantsov* (Moscow), Prof. *Igor Surikov* (Moscow),
Prof. *Irina Tunkina* (Saint Petersburg), Prof. *Alexey Vigasin* (Moscow)

Head of the Editorial Office *Anna Ivanova*

E-mail: vdi-red@yandex.ru

DOI: 10.31857/S032103910021827-2

ЦАРЬ РАМСЕС И БАКТРИЯ. ОБ ОДНОМ МОТИВЕ ПОЗДНЕЕГИПЕТСКОГО ИСТОРИОПИСАНИЯ

И. А. Ладынин

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия*

E-mail: ladynin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8779-993X

В статье рассматривается комплекс сообщений античной традиции, в которых идет речь о завоевании или о попытке завоевания египтянами Бактрии (Diod. I. 46–47; Тас. *Ann.* II. 60. 3; Strabo XVII. 1. 46), сообщение Манефона Севеннитского о широких завоеваниях царя Сетоса-Рамессеса (I) (Manetho. Frg. 50 = Ios. *C. Ap.* I. 15. § 98–102), а также текст иероглифической «Стелы Бентреш», отражающий взаимодействие Египта при царе Рамсесе с далекой азиатской страной Бахтан. Все эти источники отражают фиванскую традицию реминисценций о войнах царей XIX династии: Сети I (Сетос-Рамессес (I) Манефона), восстановившего сферу египетского влияния в Азии после наступления хеттов, и Рамсеса II (Осимандия Гекатея Абдерского и Диодора, Рамсес «Стелы Бентреш»), не сумевшего развить этот успех и заключившего компромиссный мир с хеттами. Отчасти их образы контаминировались (царь Рамсес Тацита), и, видимо, к ним стягивались реминисценции обо всем наступлении Египта Нового царства в Азию (не только при XIX, но и при XVIII династии). Замещение в этой традиции исторического Хеттского царства Бактрией произошло в результате не только забвения его реалий и трансформации его обозначения, но, видимо, и общего представления египтян о том, что противником их страны на данном этапе ее истории было некое необычайно удаленное крупное государство, долго не входившее в состав междурегionalных азиатских держав I тыс. до н.э.

Ключевые слова: Египет, Бактрия, Хеттское царство, Сети I, Рамсес II, войны, историческая традиция

Данные об авторе. Иван Андреевич Ладынин — доктор исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, профессор Школы исторических наук НИУ ВШЭ.

Статья подготовлена при поддержке проекта РНФ 22-28-01236 «Комплекс представлений египтян I тыс. до н.э. — начала н.э. об истории своей страны и его интеграция в античную картину прошлого».

KING RAMESSES AND BACTRIA: A MOTIF OF THE LATE EGYPTIAN HISTORY WRITING

Ivan A. Ladynin

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia;
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*

E-mail: ladynin@mail.ru

Acknowledgements: Russian Science Foundation, project no. 22-28-01236

The article analyses a set of Classical evidence reflecting the Egyptian conquest of Bactria or its attempt (Diod. I. 46–47; Tac. *Ann.* II. 60. 3; Strabo XVII. 1. 46), a statement of Manetho of Sebennytyos on the vast conquests of king Sethos-Ramesses (I) (Manetho. Frg. 50 = Ios. *C. Ap.* I. 15. § 98–102), and the text of the hieroglyphic *Bentresh Stela* telling about the relations of Egypt under a king Ramesses with a distant Asiatic land of Bakhtan. These sources reflect the Theban tradition based on the memories of Egyptian expansion under Dynasty XIX, i.e. the conquests of Sethy I, who successfully restored the sphere of Egyptian hegemony in Asia after the Hittite assault at the end of Dynasty XVIII (Manetho's Sethos-Ramesses (I)), and the wars of Ramesses II, who failed to continue that effort and had to conclude a compromise peace with the Hittites (Osymandias of Hecataeus of Abdera and Diodorus, Ramesses of the *Bentresh Stela*). The images of these kings were partially intermingled (Tacitus' king Ramesses), and probably involved the recollections of the whole New Kingdom expansion in Asia (under both Dynasty XVIII and XIX). The historical Hittite Kingdom happened to be replaced in this tradition with Bactria due not only to the erosion of its memory and the transformation of its denotation but also to the Egyptian notion that the adversary of Egypt at that stage of history was a great and a very distant realm, which remained outside of the Asiatic empires of the first millennium B.C. for a long time.

Keywords: Egypt, Bactria, the Hittite Kingdom, Sethy I, Ramesses II, wars, historical tradition

Одним из мотивов античной традиции о древнем Египте, не принадлежащим к ее «мейнстриму», но все же засвидетельствованным весьма надежно, являются сведения о войнах царя, памятники которого находились в Фивах и который достаточно уверенно отождествляется с Рамсесом II, с Бактрией. Ранее всего об этом сообщил Гекатей Абдерский, чей труд о Египте (*FGrHist* = *BNJ* 264), по-видимому, был создан при дворе сатрапа Птолемея в 310-е годы до н.э. и лег в основу I книги «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского¹. Согласно Гекатею, вся последовательность египетских царей

¹ О зависимости I книги Диодора от сведений Гекатея Абдерского и о вероятной датировке труда последнего см. с подробными отсылками к литературе: Ladynin 2017, 221–222. Начиная с 1970-х годов, высказывались сомнения относительно зависимости сведений Диодора от труда Гекатея (Burton 1972, 1–34; Rathmann 2016, 163–164; Muntz 2017, 22–23 и др.), хотя в целом на сегодняшний день этого мнения придерживается большинство исследователей. Эти сомнения кажутся нам неоправданными по следующей причине: Диодор ссылается на Гекатея в связи с описанием царских гробниц в Фивах (F. 2 = Diod. I. 46. 8), однако это описание примыкает к описанию

делится на три ряда: не имеющий четкой локальной привязки и начинающийся с царствования Менеса (Diod. I. 45. 1–3); фиванский, в начале которого правили разделенные семью царствованиями два царя по имени Бусирис² (45. 4–50. 2); и мемфисский, открывшийся царствованием Ухоревса (50. 3–68)³. Первый из этих рядов символизирует совершенно легендарную древность, а к последнему, напротив, отнесено большинство реальных реминисценций египетской истории от рубежа III–II тыс. до н.э. и, по сути дела, до начала эллинизма (согласно интерпретации А.Е. Демидчика, с которой мы согласны, Ухоревс — это обосновавшийся в Мемфисе царь X династии, автор знаменитого «Поучения царю Мерикара» Хети Уахкара⁴). Второй, фиванский, ряд царей Египта оказывается, таким образом, несколько странной интерполяцией, как бы дублирующей в последовательности царей реальную историю II тыс. до н.э.: по-видимому, это можно объяснить стремлением информаторов Гекатея связать более древний этап египетской истории именно с Фивами.

Согласно Гекатею и Диодору, известный им второй царь Бусирис основал Фивы, а правившие там цари оставили 47 гробниц в районе этого города, из которых до времени «Птолея, сына Лага» сохранилось 17 (Diod. I. 46.7): порядок первого из этих чисел сопоставим с реальным числом погребений в Долине царей, которых на сегодняшний день известно 64⁵. Из них с наибольшей подробностью описана гробница Осимандии, которая находилась в 10 стадиях «от первых гробниц, в которых, согласно преданию, похоронены наложницы Зевса»⁶. Соответствие формы имени «Осимандия» (Ὀσυμανδύας) «солнечному» имени Рамсеса II *Wsr-m³t-R³ stp.n-R³* («Сильна истина /бога/ Ра, Избранный /богом/ Ра») и его гробницы, описанной Гекатеем и Диодором, — Рамессеуму, заупокойному комплексу Рамсеса II на западном берегу Нила напротив Фив⁸, было неоднократно и подробно обосновано в литературе. Среди прочих деталей этого комплекса Гекатей и Диодор подробно описывают рельефы, изображающие военные подвиги Осимандии. Упоминание в этом контексте ряда деталей (см. далее наше прим. 11), а также сцены, в которой «изображен царь во время осады укрепленного

гробницы Осимандии и явно входит в характеристику второго, фиванского, ряда царей Египта (см. далее). Поскольку единство схемы последовательностей его царей в I книге Диодора и ее происхождение из одного первоисточника не вызывают сомнений, естественно счесть этим первоисточником именно труд Гекатея.

² См. об их идентификации: Ladynin 2017, 201–204.

³ Ladynin 2017, 222–229.

⁴ Demidchik 2010.

⁵ Wilkinson, Weeks 2016, 6–7. Страбон говорит о приблизительно 40 царских гробницах в Фивах (Strabo. XVII. 1.46).

⁶ Здесь и далее перевод по Tsybenko 2017, 86, 88; Diod. I. 47. 1: ἀπὸ γὰρ τῶν πρώτων τάφων, ἐν οἷς παραδέδοται τὰς παλλακίδας τοῦ Διὸς τεθάρθαι, δέκα σταδίων φησὶν ὑπάρχει βασιλέως μνημα τοῦ προσαγορεῦ θέντος Ὀσυμανδύου. А. Бэртон полагала, что в данном случае имеется в виду Долина цариц, находившаяся в 1,5 милях от Рамессеума (Burton 1972, 147); по мнению Кр. Леблана, речь идет о часовнях жриц Амона, находившихся вблизи Рамессеума (Leblanc 1985, 71, n. 7).

⁷ Beckerath 1999, 154–155; Burton 1972, 148.

⁸ Burton 1972, 148–150; Leblanc 1985, 70–82; Burstein 1992, 46.

и окруженного города», который «сражается с врагами впереди [своего войска] вместе со львом», помогающим ему в сражении⁹, не оставляет ни малейшего сомнения в том, что речь идет о тех частях Рамессеума, где сохранились свидетельства о битве Рамсеса II с хеттами при Кадеше в 1285 г. до н.э. Согласно Гекатею и Диодору, эти сцены находятся во втором «перистиле» гробницы Осимандии (Diod. I. 47. 6–48. 1) — и действительно, сцена, изображающая Рамсеса II, сражающегося со львом, находится на внутренней стороне второго пилона Рамессеума, служащей одной из стен второго двора Рамессеума (PM II². 434 (10))¹⁰. Однако сцены, изображающие Кадешскую битву, есть и на внутренней стороне первого пилона, выходящего в первый двор Рамессеума (PM II². 433 (2–4)); «перистиль» Гекатея и Диодора — см. о нем Diod. I. 47. 2–5), так что описание нашего источника содержит небольшую ошибку. Вместе с тем, при несомненности идентификации описанных Гекатеем и Диодором сцен как изображений Кадешской битвы между египтянами и хеттами, сами античные авторы были твердо убеждены, что они изображают «войну с повстанцами в Бактрии, против которых [царь] повел в поход четыреста тысяч пехотинцев и двадцать тысяч всадников, разделив все войско на четыре части, во главе которых стояли царские сыновья»¹¹. При этом на «третьей стене» с изображениями, связанными с этой войной, якобы находятся «всевозможные изображения и великолепные росписи, изображающие царя, который приносит в жертву быков и, торжествуя, возвращается с войны»¹². По сути дела, это единственное в описании Гекатея и Диодора упоминание завершения этой войны, которое, однако, не дает представления о ее результате: она как будто представлена как победоносная, но неясно, сколь полным оказался при этом разгром врагов Египта и были ли подчинены их земли. Подобная неясность хорошо согласуется и с реальным содержанием древнеегипетской «Поэмы о Кадешской битве», воспевающей доблесть Рамсеса II, но не акцентирующей

⁹ Diod. I. 48. 1: καὶ κατὰ μὲν τὸν πρῶτον τῶν τοίχων τὸν βασιλέα κατεσκευάσθαι πολιορκοῦντα τεῖχος ὑπὸ ποταμοῦ περίρρυτον καὶ προκινδυνεύοντα πρὸς τινὰς ἀντιτεταγμένους μετὰ λέοντος, συναγωνιζομένου τοῦ θηρίου.

¹⁰ На внешней стороне второго пилона находятся также тексты хетто-египетского договора 1270 г. до н.э. (PM II². 433 (8)) и «Поэмы о Кадешской битве» (PM II². 434 (9)).

¹¹ Diod. I. 47.6: μετὰ δὲ τὸν πυλῶνα περίστυλον εἶναι τοῦ προτέρου ἀξιολογώτερον, ἐν ᾧ γλυφὰς ὑπάρχειν παντοίας δηλοῦσας τὸν πόλεμον τὸν γεγόμενον αὐτῷ πρὸς τοὺς ἐν τοῖς Βάκτροις ἀποστάντας· ἐφ' οὓς ἐστρατεύσθαι πεζῶν μὲν τετταράκοντα μυριάσιν, ἵπλεῦσι δὲ διςμυρίοις, εἰς τέτταρα μέρη διηρημένης τῆς πάσης στρατιᾶς, ὧν ἀλάντων υἱοὺς τοῦ βασιλέως ἐσχηκέναι τὴν ἡγεμονίαν. См. о разделении войска Рамсеса II на четыре корпуса: KRI II. 21–23 («Поэма о Кадешской битве»); о присутствии при нем его сыновей: KRI II. 144–145 (подписи к рельефам со сценами битвы в Карнакском храме); Kitchen 1985, 53. Изображения царских сыновей, ведущих азиатских пленников, имеются на внутренней стороне первого пилона Рамессеума (PM II². 432 (2)).

¹² Diod. I. 48. 3: τὸν δὲ τρίτον ἔχειν γλυφὰς παντοίας καὶ διαπρεπεῖς γραφάς, δι' ὧν δηλοῦσθαι βουθυσίας τοῦ βασιλέως καὶ θρίαμβον ἀπὸ τοῦ πολέμου καταγόμενον. Данное описание не идентифицируется с известными сценами Рамессеума и, может быть, относится к утраченным изображениям западной внешней стены его второго пилона (PM II². 433 (8)).

тот факт, что сама крепость Кадеш осталась не взята, а хеттское войско в результате сражения не было полностью разгромлено¹³.

Следующее античное свидетельство, в котором отразился, очевидно, этот же эпизод взаимодействия египтян с бактрийцами, содержится в созданных во II в. н.э. «Анналах» Корнелия Тацита, а именно в описании пребывания Германика в Египте в консульство М. Силия и Л. Норбана, т.е. в 19 г. н.э., в принципат Тиберия (Тас. *Ann.* II. 59–61). В ходе этого путешествия Германик проплыл по Нилу от Канопы до Элефантины и Сиены, посетив в том числе и Фивы, где на развалинах сохранились иероглифические надписи.

Старейший из жрецов, получив приказание перевести эти надписи, составленные на его родном языке, сообщил, что некогда тут обитало семьсот тысяч человек, способных носить оружие, что именно с этим войском царь Рамсес овладел Ливией, Эфиопией, странами мидян, персов и бактрийцев, а также Скифией и что, сверх того, он держал в своей власти все земли, где живут сирийцы, армяне и соседящие с ними каппадокийцы, между Вифинским морем с одной стороны и Ликийским — с другой. Были прочитаны надписи и о податях, налагавшихся на народы, о весе золота и серебра, о числе вооруженных воинов и коней, о слоновой кости и благовониях, предназначавшихся в качестве дара храмам, о том, какое количество хлеба и всевозможной утвари должен был поставлять каждый народ, — и это было не менее внушительно и обильно, чем взимаемое ныне насилием парфян или римским могуществом¹⁴.

Исследователи рассказа Тацита о путешествии Германика по Египту обращали внимание на то, что именно этот фиванский эпизод особенно акцентирован римским историком¹⁵. Его достоверность неясна: в частности, подробно обсуждался вопрос о том, не является ли рассказ об этом путешествии Германика приемом его уподобления Александру, для которого пребывание в Египте, как известно, имело особое значение¹⁶; в таком случае пришлось бы констатировать, что, посетив Фивы и юг Египта, Германик исполнил намерение Александра, которое тот, согласно другому римскому историку Кв. Курцию Руфу, не успел осуществить из-за недостатка времени (Curt. IV. 8. 3). Для наших целей существенно, что в данном контексте мы видим употребление совершенно определенной формы имени египетского царя — Рамсес; и при этом он предстает не просто успешным завоевателем, а создателем целой системы управления подчиненными народами, с таким важнейшим ее атрибутом, как регулярная система налогообложения. Явно неслучайно и ее сравнение с современными Германику Римской империей и Парфянской державой: по мнению Б. Келли, для целей Тацита оно было

¹³ Kitchen 1985, 60–62; Spalinger 2005, 226.

¹⁴ Перевод по Bobovich 1993, 71; Тас. *Ann.* II. 60. 3 = *FGrHist.* 665. F. 25b: et manebant structis molibus litterae Aegyptiae, priorem opulentiam complexae: iussusque e senioribus sacerdotum patrium sermonem interpretari, referebat habitasse quondam septingenta milia aetate militari, atque eo cum exercitu regem Rhamsen Libya Aethiopia Medisque et Persis et Bactriano ac Scythia potitum quasque terras Suri Armenique et contigui Cappadoces colunt, inde Bithynum, hinc Lycium ad mare imperio tenuisse. legebantur et indicta gentibus tributa, pondus argenti et auri, numerus armorum equorumque et dona templis ebur atque odores, quasque copias frumenti et omnium utensilium quaeque natio penderet, haud minus magnifica quam nunc vi Parthorum aut potentia Romana iubentur.

¹⁵ Kelly 2010, 226.

¹⁶ См. подробно: Kelly 2010, 222–226.

важно, поскольку демонстрировало бренность могущества, достигнутого усилиями одного правителя¹⁷; однако, независимо от этого, в рамках такого сравнения Рамсес представлял фактически создателем первого в истории ближневосточного миродержавия по достаточно полной аналогии с египетским царем Сесоосисом в свидетельствах Гекатея Абдерского и Диодора Сицилийского¹⁸.

То, что сообщение Тацита может быть компилятивным и не вполне достоверным, подтверждается весьма полной его аналогией в значительно более раннем источнике, а именно в «Географии» Страбона, созданной в начале I в. н.э. Рассказывая о Фивах, Страбон описывает сам этот город, превратившийся к его времени в группу деревень, упоминает о сильном разрушении фиванских храмов, приписывая его Камбису, рассказывает об осмотре сохранившегося колосса Мемнона и о гробницах на западном берегу Нила напротив Фив, а также говорит следующее:

В Фивах на некоторых обелисках есть надписи, показывающие богатство царей того времени, их владения, простиравшиеся до скифов, бактрийцев, индийцев и теперешней Ионии, общую сумму собираемых ими податей и численность войска, составлявшую около 1 миллиона человек¹⁹.

Достаточно очевидно значительное сходство сообщений Тацита и Страбона в перечислении народов, с которыми имели дело египтяне (в частности, оно отмечено Ф. Якоби, отнесшим их, как показывают наши ссылки, к одному и тому же фрагментарному сообщению о Египте); однако, если присмотреться, характер взаимодействия египтян с ними в сведениях этих двух авторов оказывается

¹⁷ Kelly 2010, 226.

¹⁸ «Мягко обращаясь со всеми покоренными народами и завершив свой поход через девять лет, Сесоосис велел посылать ежегодно дары в Египет в соответствии с возможностью [каждого]. Захватив невероятное множество пленных и другой добычи, он возвратился на родину, величием совершенных дел превзойдя [всех] своих предшественников... (покоренным) народам по мере возможности приносить ежегодную дань в Египет, а сам, собрав несметное множество пленников и прочей добычи, отбыл на родину, превзойдя (таким образом) подвиги своих предшественников. ...Прежде всего, начав с богов, он воздвиг во всех городах Египта святилище наиболее почитаемого в каждом из них божества. К этим работам [Сесоосис] не привлёк ни одного египтянина, но соорудил все трудом пленников...» (перевод по Tsybenko 2017, 100, 102; Diod. I. 55. 10: ἐπεικῶς δὲ προσενεχθεὶς ἅλασι τοῖς ὑποταταγμένοις καὶ συντελέσας τὴν στρατείαν ἐν ἔτεσιν ἐννέα, τοῖς μὲν ἔθνεσι κατὰ δύναμιν προσέταξε δωροφορεῖν κατ' ἐνιαυτὸν εἰς Αἴγυπτον, αὐτὸς δ' ἄθροίσας αἰχμαλώτων τε καὶ τῶν ἄλλων λαφύρων πλῆθος ἀνυπέρβλητον ἐπανῆλθεν εἰς τὴν πατρίδα, μεγίστας πράξεις τῶν πρὸ αὐτοῦ κατειργασμένος... Diod. I. 56. 2: πρῶτον μὲν γὰρ ἀπὸ θεῶν ἀρξάμενος ψκοδόμησεν ἐν πάσαις ταῖς κατ' Αἴγυπτον πόλεσιν ἱερὸν θεοῦ τοῦ μάλιστα παρ' ἐκάστοις τιμωμένου. πρὸς δὲ τὰς ἐργασίας τῶν μὲν Αἰγυπτίων οὐδένα παρέλαβε, δι' αὐτῶν δὲ τῶν αἰχμαλώτων ἅπαντα κατεσκεύασε...); Ladynin 2017, 240–242.

¹⁹ Перевод по Stratanovskiy 1964, 752; Strabo XVII. 1. 46 = *FGrHist.* 665. F. 25a: ἐν δὲ ταῖς Θήβαις ἐπὶ τινῶν ὀβελίσκων ἀναγραφαὶ δηλοῦσαι τὸν πλοῦτον τῶν τότε βασιλέων καὶ τὴν ἐπικράτειαν, ὥς μέχρι Σκυθῶν καὶ Βακτρίων καὶ Ἰνδῶν καὶ τῆς νῦν Ἰωνίας διατείνασαν, καὶ φόρων πλῆθος καὶ στρατιᾶς περὶ ἑκατὸν μυριάδας. Отметим, что в комментариях к «Географии» Страбона Шт. Радта какое-либо обсуждение этого пассажа по существу отсутствует: Radt 2009, 486.

разным. Если Тацит уверенно говорит о том, что всеми перечисленными народами египтяне владели (неясно только, включает или нет обозначенная им полоса египетских владений от «Вифинского» и до «Ликийского» моря западную оконечность Малой Азии), то для Страбона земли «скифов, бактрийцев, индийцев и теперешней Ионии» — это явно территории, на которые власть египтян не распространилась. Характерным образом, в другом фрагменте «Географии», восходящем к свидетельству Мегасфена, Страбон специально перечисляет ряд великих завоевателей, включающий египетского царя Сесостриса и Теаркона — царя XXV династии Тахарку, — и констатирует, что ни один из них не смог завоевать Индию и что со времен Геракла и Диониса это удалось лишь Александру Великому²⁰. Что касается скифов, то о войне египтян с ними Страбон не говорит специально; однако в приведенном сообщении он косвенно воспроизводит мотив поражения египетского царя-завоевателя при покорении Скифии, который должен был присутствовать и в известном Страбону свидетельстве Мегасфена с перечислением великих завоевателей (скифский царь Иданфирс «дошел до Египта», очевидно, после того, как отразил попытку египтян покорить его страну)²¹. В таком случае утверждение Тацита о власти царя Рамсеса над всеми перечисленными народами, по-видимому, представляет собой огрубление более нюансированных сведений его первоисточника. Примечательно, однако, что и Страбон говорит об установлении египтянами взимания точно исчисленных податей с подвластных народов, приписывая им, как и Тацит, создание миродержавия.

Думается, что между сообщениями Страбона и Тацита должна быть связь, но совершенно точно ее характер установить невозможно. Определенную основу для суждения о ней предоставляет явно бо́льшая подробность сообщения Тацита:

²⁰ «...никогда индийцы... не посылали своего войска за пределы страны и никогда [войско] из-за рубежа не нападало и не покоряло их, за исключением военной силы под предводительством Геракла и Диониса, а в последнее время — македонян. Впрочем, Сесострис египтянин и Теаркон эфиоп дошли до Европы. Набокодроксор же, который у халдеев прославился еще более Геракла, доходил даже до Столпов; этих мест, по словам Мегасфена, достигал и Теаркон, а Сесострис даже из Иберии ходил походом во Фракию и на Понт. Наконец, Иданфирс скиф прошел Азию вплоть до Египта. Однако никто из них, говорит этот писатель, не достигал Индии, и Семирамида умерла, не успев совершить похода. Правда, персы приглашали наемников из Индии — гидраков, — но сами не ходили туда войной, а только подходили близко во время похода Кира на массагетов» (Strabo XV. 1.6–8 = *FGrHist.* 715. F. 11a: ...οὐτε γὰρ παρ' Ἰνδῶν ἔξω σταλῆναί ποτε στρατιάν, οὐτ' ἐπελθεῖν ἔξωθεν καὶ κρατῆσαι πλὴν τῆς μεθ' Ἡρακλέους καὶ Διονύσου καὶ τῆς νῦν μετὰ Μακεδόνων. καίτοι Σέσωστριν μὲν τὸν Αἰγύπτιον καὶ Τεάρκωνα τὸν Αἰθίοπα ἕως Εὐρώπης προελθεῖν, Ναβοκοδρόσορον δὲ τὸν παρὰ Χαλδαίοις εὐδοκίμησαντα Ἡρακλέους μᾶλλον καὶ ἕως Στηλῶν ἐλάσαι. μέχρι μὲν δὴ δεῦρο καὶ Τεάρκωνα ἀφικέσθαι, ἐκεῖνον δὲ καὶ ἐκ τῆς Ἰβηρίας εἰς τὴν Θράκην καὶ τὸν Πόντον ἀγαγεῖν τὴν στρατιάν· Ἰδάνθυρσον δὲ τὸν Σκύθην ἐπιδραμεῖν τῆς Ἀσίας μέχρι Αἰγύπτου· τῆς δὲ Ἰνδικῆς μηδὲνα τούτων ἄψασθαι· καὶ Σεμίραμιν δ' ἀποθανεῖν πρὸ τῆς ἐπιχειρήσεως· Πέρσας δὲ μισθοφόρους μὲν ἐκ τῆς Ἰνδικῆς μεταπέμψασθαι Ὑδράκας, ἐκεῖ δὲ μὴ στρατεῦσαι, ἀλλ' ἐγγὺς ἔλθεῖν μόνον ἥνικα Κῦρος ἤλανεν ἐπὶ Μασσαγέτας; Radt 2009, 142–144; Ladynin 2012.

²¹ Ivantchik 2005, 209–210; Ladynin 2017, 253, n. 2–3; 2021; 2023.

как мы видели, оно содержит имя египетского царя — создателя мировой державы, которое у Страбона отсутствует и которое Тацит едва ли стал бы измышлять сам, а также более детальное перечисление его владений. Трудно сказать, мог ли Страбон быть знаком с каким-либо описанием пребывания Германика в Египте, хотя его труд, по крайней мере, дописывался (если не был написан полностью) в 18–24 гг. н.э.²² Однако в контексте описания Фив Страбон сам говорит, что познакомился с этим городом, будучи в свите префекта Египта Элия Галла, т.е. в середине 20-х годов до н.э.²³ (ср. Strabo XVI. 4. 22–24²⁴). Исходя из этого, можно думать, что сведения Страбона о Фивах, как и схожие с ними сведения Тацита, восходят к неизвестному нам первоисточнику, скорее грекоязычному, нежели латинскому, и существовавшему уже в I в. до н.э., сообщение которого Страбон воспроизвел сокращенно, а Тацит — с отмеченным нами искажением. Можно констатировать, что в этом первоисточнике должны были присутствовать сведения о том, что царь Рамсес владел мировой державой, территория которой простиралась вплоть до земель скифов, бактрийцев, индийцев и Ионии, причем эти земли не были ей подвластны.

Наконец, для наших целей достаточно существенно свидетельство Манефона, известное благодаря его цитированию Иосифом Флавием, о царе XIX династии его царского списка Сетосе, или Рамессесе, называвшемся также Египтом. Мы назовем его Сетосом-Рамессесом (I), поскольку в сюжете о царе Аменофисе в конце Манефоновой XIX династии (Manetho. Frg. 54 = Ios. C. Ap. I. 26–31. § 227–287) появляется еще один царь с таким же двойным именем — сын Аменофиса²⁵; версии эпитомы Манефона у христианских хронографов именуют его просто Сетос (Manetho. Frg. 55–56a–b), как может называть его и Флавий. Полностью данное свидетельство выглядит следующим образом:

Затем правил Сетос, он же Рамессес, у которого были сильные конница и флот. Он назначил правителем своего брата Гармаиса и наделил его всеми царскими полномочиями, только велел не надевать царского венца, не трогать царицу, мать его детей, и воздерживаться от остальных царских наложниц. А сам пошел войной против Кипра, Финикии и далее на ассирийцев и мидян. Всех подчинил он своей власти: одних силой оружия, других — без боя, наводя ужас своей несметной силой. Воодушевленный успехами, он еще решительнее стал продвигаться вперед, завоевывая города и области на востоке. Когда прошло уже немалое время, оставленный в Египте Гармаис стал вести себя дерзко, все делая вопреки наказам брата. Он силой овладел царицей, а другими наложницами постоянно пользовался, сколько хотел, и, поддавшись на уговоры друзей, стал носить царский венец и, наконец, восстал на брата. Но верховный жрец Египта написал и отправил Сетосу письмо, рассказав ему все, в том числе, что, мол, брат Гармаис восстал на него. Немедленно возвратился Сетос в Пелузий и овладел собственным царством. Страна же получила название Египет по его имени, поскольку Сетоса, как говорят, звали Египтом, а брата его Гармаиса — Данаем²⁶.

²² Dueck 2000, 146–151.

²³ Dueck 2000, 20.

²⁴ Radt 2009, 382–383.

²⁵ См. подробно: Ladynin 2009; 2017, 55–59.

²⁶ Перевод по Stern, Braginskaya 1997, 76; Manetho. Frg. 50 = Ios. C. Ap. I. 15. § 98–102: τοῦ δὲ Σέθως ὁ καὶ Ῥαμέσσης ἱπικτὴν καὶ ναυτικὴν ἔχων δύναμιν τὸν μὲν ἀδελφὸν Ἄρμαϊν ἐλίτρολον τῆς Αἰγύπτου κατέστησεν καὶ πᾶσαν μὲν αὐτῷ τὴν ἄλλην

К данному сюжету нам уже приходилось обращаться как совместно с А. А. Немировским, так и самостоятельно. А. А. Немировский в нашей совместной публикации 2001 г. отметил, что это описание соответствует войнам исторического Сети I (1304–1290 гг. до н.э.) в начале XIX династии: войны Сетоса-Рамессеса (I) представлены как инициативные и успешные (в отличие от войн исторического Рамсеса II, которые, по существу, продолжали войны Сети I, причем, по сравнению с ними, с меньшим успехом), а за его царствованием у Манефона следует 66-летнее царствование Рампсеса — явного аналога Рамсеса II (Fig. 54 = Ios. C. Ar. I. 26. § 231–232). Двойное имя этого царя, вероятно, соответствует воспоминанию о соправлении (формальном или фактическом) исторического Сети I с его правившим около двух с половиной лет отцом Рамсесом I²⁷. Эпизод же борьбы Сетоса с братом Хармаисом, или Данаем, попытавшимся захватить в Египте власть в пору его отсутствия, может трактоваться как реминисценция исторического противостояния Хоремхеба и Эйе, одной из центральных фигур которого должна была быть ставшая супругой Эйе Анхесенамон. При этом, в отличие от исторической реальности, где Анхесенамон, по-видимому, принудил к браку именно Эйе, в изложении Манефона негативная роль переносилась на аналога Хоремхеба — Хармаиса, а позитивная роль исторического Хоремхеба — на Сетоса-Рамессеса (I)/Сети I, что согласуется и с приписыванием Сетосу-Рамессесу (I) очень большого срока царствования в 55 лет, по явной аналогии с почти 60-летним царствованием Хоремхеба после причисления к нему же всех царствований амарнского времени²⁸. Таким образом, Манефон воспроизводил сложившееся во много более ранних представлениях проведение финала амарнского времени по рубежу между царствованием Хоремхеба и XIX династией, хотя сути этого рубежа египетский историк явно не сознавал: царь Сетос-Рамессес (I) хотя и открывает XIX династию, как ее представлял Манефон, но при соотношении со строгой последовательностью исторических царствований должен соответствовать не Сети I, а Сети II, а его время оторвано как от реальных соответствий амарнским царствованиям в середине Манефоновой XVIII династии, так

βασιλικὴν περιέθηκεν ἔξουσίαν, μόνον δὲ ἐνετείλατο διάδημα μὴ φορεῖν μηδὲ τὴν βασιλίδα μητέρα τε τῶν τέκνων ἀδικεῖν, ἀπέχεσθαι δὲ καὶ τῶν ἄλλων βασιλικῶν παλλακίδων. αὐτὸς δὲ ἐπὶ Κύπρον καὶ Φοινίκην καὶ πάλιν Ἀσσυρίους τε καὶ Μήδους στρατεύσας ἅπαντας τοὺς μὲν δόρατι, τοὺς δὲ ἀμαχητὶ φόβῳ δὲ τῆς πολλῆς δυνάμεως ὑποχειρίους ἔλαβε καὶ μέγα φρονήσας ἐπὶ ταῖς εὐπραγίαις ἔτι καὶ θαρσαλεώτερον ἐπεπορεύετο τὰς πρὸς ἀνατολὰς πόλεις τε καὶ χώρας καταστρεφόμενος. χρόνου τε ἱκανοῦ γεγονότος Ἄρμαϊς ὁ καταλειφθεὶς ἐν Αἰγύπτῳ πάντα τᾶμπαλιν οἷς ἀδελφὸς παρήνει μὴ ποιεῖν ἀδεῶς ἔπραττεν· καὶ γὰρ τὴν βασιλίδα βιαίως ἔσχεν καὶ ταῖς ἄλλαις παλλακίσιν ἀφειδῶς διετέλει χρώμενος, πειθόμενος δὲ ὑπὸ τῶν φίλων διάδημα ἐφόρει καὶ ἀντήρε τῷ ἀδελφῷ. ὁ δὲ τεταγμένος ἐπὶ τῶν ἱερέων τῆς Αἰγύπτου γράψας βιβλίον ἔπεμψε τῷ Σεθώσει δηλῶν αὐτῷ πάντα καὶ ὅτι ἀντήρεν ὁ ἀδελφὸς αὐτοῦ Ἄρμαϊς. παραχρῆμα οὖν ὑπέστρεψεν εἰς Πηλούσιον καὶ ἐκράτησεν τῆς ἰδίας βασιλείας. ἡ δὲ χώρα ἐκλήθη ἀπὸ τοῦ αὐτοῦ ὀνόματος Αἰγυπτος· λέγει γὰρ, ὅτι ὁ μὲν Σέθωος ἐκαλεῖτο Αἴγυπτος, Ἄρμαϊς δὲ ὁ ἀδελφὸς αὐτοῦ Δαναός.

²⁷ Helck 1956, 41; ср. Murnane 1977, 183–185; Hornung *et al.* 2006, 211.

²⁸ Hornung *et al.* 2006, 209.

и от смыслового соответствия амарнскому времени в сюжете об Аменофисе, прокаженных и гиксосах в финале Манефоновой XIX династии²⁹.

Обращаясь к труду Манефона, мы уже замечали, что сюжет о войнах Сетоса-Рамессеса (I) — фактически единственная реминисценция экспансии Нового царства, зафиксированная Манефоном отдельно от сюжета изгнания из Египта гиксосов. Войны этого царя, согласно Манефону, не только носят наступательный характер, но и фактически создают под властью Египта мировую державу; тем самым они нарушают достаточно стройную схему второго тома труда Манефона, согласно которой на протяжении освещенного в нем второго цикла истории Египта наивысшим взлетом должны были быть аналогичные по масштабу и значению войны Сесостриса — исторического Сенусерта III³⁰, а «точкой надлома» — последовавшее за ними гиксосское завоевание. Как мы отмечали, базовой для второго тома труда Манефона является именно последовательность событий, в которой за экспансией Египта при Сесострисе следует его завоевание гиксосами, далее освобождение Египта при царях XVIII династии и в конце второго тома повторное более краткое завоевание Египта гиксосами в союзе с египетскими прокаженными. Введение в повествование Манефона рассказа о наступательных войнах египетских царей еще и в начале XIX династии рисковало разрушить эту схему, поскольку было непонятно, как в ходе этих войн могло уцелеть «постгиксосское» царство с центром в Иерусалиме, возникшее после изгнания гиксосов царями XVIII династии (Manetho. Frg. 42 = Ios. C. Ap. I. 14. § 90) и послужившее базой для повторного завоевания Египта ими в союзе с египетскими прокаженными при царе Аменофисе в конце XIX династии. По-видимому, это сознавал и сам Манефон, приписавший Сетосу-Рамессесу (I) поход против Кипра и Финикии — именно в такой последовательности, как будто в обход Палестины и Иерусалима, так что пресловутое «постгиксосское» царство «получало шанс» уцелеть (возможно, предполагалось, что его охранял договор, заключенный с гиксосами, по Манефону, еще при завершившем их изгнание царе XVIII династии Туммосисе, или Тетмосисе: Manetho. Frg. 42 = Ios. C. Ap. I. 14. § 88). Понятно, однако, что такая кампания (дальний и к тому же двухэтапный морской десант, который якобы переместил большое войско, достаточное для борьбы с великими державами Азии!) выглядит нереально. Очевидно, Манефон оказался перед необходимостью учесть в своем повествовании противоречащую базовой для него схеме традицию о великом царе-воителе начала XIX династии, поскольку и сам знал о ее соответствии определенным реалиям прошлого, и не мог ее проигнорировать в силу ее общеизвестного авторитета (заметим, что к первой половине III в. до н.э., когда, очевидно, и был создан труд Манефона, уже должно было приобрести известность произведение Гекатея

²⁹ Ladynin, Nemirovskiy, 2001, 89–92.

³⁰ По-видимому, сведения, которые приводил о нем Манефон (Manetho. Frg. 34–36), в целом соответствовали рассказу Геродота о царе-завоевателе с этим именем (Hdt. II. 102–110) и во многом аналогичному рассказу Гекатея и Диодора о Сесоосисе (Diod. I. 53–58): Ladynin 2017, 42, 148–161, 239–247.

Абдерского с описанием деяний Осимандии, соответствующих этому же этапу истории Египта)³¹.

В свое время Г. Масперо также проводил разделение между традициями о царях-завоевателях с именами «Осимандия» и «Сесострис», однако считал их вариациями одного и того же исходного сюжета, основанного на реминисценциях о Рамсесе II, которые сложились, соответственно, на фиванской и на мемфисской почве³². Фиванская привязка традиции об Осимандии у Гекатея и Диодора и о Рамсесе у Тацита и Страбона, действительно, очевидна, а связь традиции о Сесострисе с Мемфисом кажется логичной³³, однако взаимодействие между этими традициями определяется не только их локальной спецификой. Следует обратить внимание, что войнам Сетоса-Рамессеса (I) предшествует очень важный рубеж, отмеченный не самим Манефоном, а, видимо, его эксцерпторами, — Исход, отнесенный в передаче Манефона Евсевием ко времени царя Ахенхерсеса, или Кенхереса (Manetho. Frg. 53a), или Ахенхереса (Frg. 53b)³⁴. У Манефона Исход завершал сюжет о захвате власти над Египтом при Аменофисе в конце XIX династии потомками гиксосов и местными прокаженными и об их изгнании и маркировал конец второго цикла египетской истории; очевидно, сходное значение приписывалось ему и при перенесении на конец XVIII династии. При этом в Манефоновом сюжете об Аменофисе опознаваемы реминисценции амарнского времени, маркирующие время этого царя как кризисное³⁵, так что совсем не удивительно, что в ином изводе традиции, известном эксцерпторам Манефона, сохранились соответствующие реальности воспоминания о том, что такой эпохой глубокого кризиса было завершение XVIII династии — собственно Амарна. Но тогда следующая за этим временем эпоха завоеваний Сетоса-Рамессеса (I) предстает как взлет Египта после минования данного кризиса, что определенным образом соответствует реальности и, как мы предполагали, находит отражение и в ассоциации с этим этапом начала летосчисления, привязанного к гелиакическим восходам Сотиса, — «эры Менофриса»³⁶. Сама последовательность событий, в которой царствование Сетоса-Рамессеса (I) — исторического Сети I — открывает большую эпоху в истории Египта и при этом обозначает его взлет, должна быть частью ее масштабной схемы, альтернативной той, что была базовой для труда Манефона.

В цитировании Манефона Иосифом Флавием нет прямого упоминания о завоевании Сетосом-Рамессесом (I) Бактрии и/или о его войнах с бактрийцами; однако в нем идет речь о покорении им «ассирийцев и мидян» и о его дальнейшем

³¹ Ladynin 2017, 53–54, n. 1.

³² Maspero 2002, cxxii–cxxiii.

³³ Как Геродот (II. 110), так и Диодор вслед за Гекатеем (I. 57. 5) сообщают о возведении этим царем в Мемфисе колоссальных статуй себя, своей супруги и своих сыновей (примечательно, что данное сообщение, скорее всего, имеет в виду мемфисские памятники Рамсеса II: Lloyd 1988, 36–37); кроме того, мемфисская привязка ощущается и в некоторых других сообщениях Диодора (I. 53. 9; 57. 2).

³⁴ Ladynin 2018, 102–109.

³⁵ Ladynin 2009, 169–170.

³⁶ Ladynin 2019, 255–261.

продвижении на восток. Очевидно, это продвижение, по логике тех географических представлений, которые у создателей этого сюжета и у Манефона, несомненно, были, и выводило египетского царя к пределам Бактрии и Индии, в достаточно точном соответствии свидетельству Страбона о границах египетских владений: едва ли при этом имелось в виду, что Сетос-Рамесес подчинил и Бактрию, поскольку при ее геополитическом значении Манефон сказал бы об этом явно, а Иосиф Флавий это известие бы удержал. Таким образом, можно уверенно сказать, что свидетельства Тацита, Страбона и Диодора, следующего Гекатею, о соприкосновении египтян с бактрийцами должны восходить к той же исторической схеме, что и сведения Манефона о Сетосе-Рамесесе (I). При этом Тацит и Страбон описывают этот цикл завоеваний гораздо масштабнее, чем Манефон, и считают, что они распространились не только на восток до Бактрии, но и на север и запад до Скифии и Малой Азии, приведя к созданию системы миродержавия. В связи с этим нельзя не задать вопрос, не был ли в данной схеме образ царя-завоевателя вообще собирательным, соответствующим максимальному взлету Египта и вобравшим, по полной аналогии с образом Сесостриса в альтернативной ей схеме, реминисценции обо всех этапах экспансии Египта II тыс. до н.э. (соответственно, не сократил ли сам Манефон в своей презентации Сетоса-Рамесеса (I) масштаб его завоеваний до экспансии в Месопотамии и Иране, не желая, чтобы они сравнивались с принципиально важными для его схемы деяниями Сесостриса). Нам не хватает данных, чтобы с уверенностью ответить на эти вопросы утвердительно, но, во всяком случае, это представляется возможным.

Подводя промежуточный итог наблюдениям над данными античной традиции и Манефона, отметим, что в них предполагаемое взаимодействие Египта с Бактрией охарактеризовано в значительной степени по-разному. В сведениях Гекатея и Диодора об Осимандии бактрийцы изначально как будто были подчинены Египту, но отложились при Осимандии или до его царствования; согласно Страбону и вероятному первоисточнику, использованному им и Тацитом, египтяне распространили свое влияние вплоть до Бактрии, но, очевидно, не владели ею (причем у Тацита эти сведения преобразовались в утверждение, что они ею владели); наконец, свидетельство Манефона, известное через посредство Иосифа Флавия, может предполагать тот же самый смысл имплицитно. Переосмысление в этой традиции реминисценций о хетто-египетском противостоянии времени XIX династии (и, тем самым, соотнесение Бактрии и бактрийцев с историческими хеттами) заметно наиболее явно в сведениях Гекатея и Диодора, непосредственно восходящих к рельефам и текстам Рамессеума. Очевидно, что информаторы Гекатея сопровождали свою характеристику этого памятника историческим комментарием, источники которого были шире, нежели оформление фиванских памятников как таковое. В связи с этим представляет интерес, какие именно реалии послужили основой для упоминания Гекатея и Диодора о «восстании» бактрийцев против египтян.

В реальной истории войны Сети I и Рамсеса II были направлены на возвращение Египту территорий Восточного Средиземноморья, которые были утрачены в пост-амарнское время, в ходе хетто-египетской войны в царствование Хоремхеба: тогда Египет потерял свои владения вплоть до Южной Палестины, и те перешли в сферу

влияния хеттов. Далее Сети I вернул часть этих территорий и вышел на подступы к остальной их части с явным расчетом, что он или его наследник продолжит эту войну. Наконец, Рамсес II действительно ее продолжил, причем уже на ее начальном этапе, в Кадешской битве, не обрел ожидаемого успеха и далее воевал с хеттами в течение 15 лет, не добившись перелома в свою пользу и заключив с ними мир, лишь когда они сами на это пошли из-за неудач на другом (ассирийском) направлении их политики³⁷. Таким образом, у создателей интересующей нас традиции были основания считать, что сначала (на этапе войн Сетоса-Рамсеса (I) Манефона, Рамсеса Тацита и, видимо, некоего неизвестного предшественника Осимандии в традиции, известной Гекатею и Диодору) имело место частичное покорение египтянами этих их противников с выходом к остальным их владениям (может быть, отражение двойственности этого результата объясняет и расхождение Страбона и Тацита в вопросе о том, завоевали ли египтяне Бактрию); а затем (при соответствующем Рамсесу II Осимандии и, возможно, при преемнике Сетоса-Рамсеса (I) Рамсесе в свидетельствах Манефона, оставшихся нам неизвестными) были вынуждены подавлять их восстание. При этом Рамсес Тацита, по смыслу свидетельств об успехе его завоеваний, скорее должен соответствовать историческому Сети I и Сетосу-Рамсесу (I) Манефона, хотя форма его имени, воспроизводящая египетское имя «Рамсес», позволяет допустить, что сведения о нем вобрали в себя и реминисценции Рамсеса II³⁸. Нашей реконструкции содержания и логики данной традиции не противоречит и то, что войны Осимандии представлены Гекатеем и Диодором как явно победоносные: даже в «Поэме о Кадешской битве», которая описывала неудачное, особенно в сравнении с ожидавшимся успехом, сражение (и на сведения которой, несомненно, ориентировались информаторы Гекатея, знавшие памятники с ее записью), заняла должное место фикция победы Рамсеса II и подвластности ему хеттов.

Вместе с тем сведения о взаимодействии Египта при Рамсесе II с Бактрией имеются не только в античной традиции, но, по-видимому, и в таком позднеегипетском историко-литературном тексте, как «Стела Бентреш». На сегодняшний день этот текст известен в двух записях — на стеле Louvre C284, в соответствии с которой он публикуется и переводится, и на неопубликованных пока что блоках из Луксора, обнаруженных Эпиграфической экспедицией Восточного института Чикагского университета в 1978–1979 гг. Первый из этих памятников, в полном соответствии с упоминаниями в его тексте фиванских божеств, был обнаружен на территории храма Хонсу «подающего советы в Фивах» (*p3 ir shrw m W3st*) в восточной части Карнакского комплекса (РМ II² 254, plan XXIII), в небольшой часовне, которая должна датироваться временем не позднее царствования Неферита I (398/7–392/1 гг. до н.э.), а блоки из Луксора могут датироваться временем

³⁷ См. в целом Stuchevskiy 1984, 23–61; Murnane 1985; Kitchen 1985, 43–72; Spalinger 2005, 187–234.

³⁸ Соответственно, мы считаем ошибочным мнение И. А. Стучевского, что данные сообщения Манефона и Тацита относятся к войнам Рамсеса II: Stuchevskiy 1984, 66–67.

от XXX династии до начала эпохи Птолемеев³⁹. Так или иначе, наиболее вероятным временем создания данного текста представляется IV в. до н.э.

Как известно, «Стела Бентреш» представляет собой позднюю стилизацию под историческую надпись времени XIX династии, а ее сюжет сводится к следующему: египетский царь Рамсес посылает статую фиванского бога Хонсу «подающего советы в Фивах» своему тестю, правителю далекой страны Бахтан, для исцеления душевной болезни его дочери Бентреш; правитель Бахтана пробует удержать статую у себя, но, когда обнаруживает, что этому противится сам бог, все же ее возвращает⁴⁰. Как давно заметили исследователи, «солнечное» и личное имена египетского царя (стк. 1: *nsw-bity nb t3wy Wsr-m3't-R^c stp.n-R^c z3-R^c n ht.f R^c-msy-sw mry-Imn* «царь Верхнего и Нижнего Египта, владыка Обеих Земель Усерматра Сетепенра сын Ра от плоти его Рамсес Мериамон») совпадают с именами Рамсеса II, а его Хорово имя, имя Обеих Владычиц и имя Хора Златого (стк. 1: *Hr K3-nht twt-h^cw Dd-nsyt-mi-Im Hr nbw Wsr-hpš dr-pdt-9* «Хор Мощный бык, соразмерный венцами, (Обе владычицы) Прочный царствованием подобно Атому, Хор Златой Сильный дланью, прогоняющий Девять Луков») — с соответствующими титулами Тутмоса IV⁴¹. Подобная ассоциация двух царей едва ли случайна: исторически именно при Тутмосе IV завершилось вековое противостояние Египта и Митанни в Восточном Средиземноморье и, по-видимому при участии касситской Вавилонии, был заключен компромиссный договор, согласно которому Египет отказывался от притязаний на Северную Сирию в пользу Митанни⁴². Существенно, что память об этом, возможно, сохранилась и в Позднее время, запечатлевшись в труде Манефона: в нем противостояние Египта и Митанни при XVIII династии представлено как длительная завершающая фаза борьбы с гиксосами и, согласно цитате Иосифа Флавия, при преемнике царя Мисфрагмутосиса Туммосисе, или Тетмосисе, их изгнание из Авариса было скреплено соглашением (Manetho. Frg. 42 = Ios. С. Ар. I. 14. § 88)⁴³. В таком случае допустимо считать, что в образе царя Рамсеса в «Стеле Бентреш» совместились реминисценции сразу о двух соглашениях, завершивших длительное военное противостояние уступками со стороны Египта, — о трехстороннем урегулировании времени Тутмоса IV и о хетто-египетском договоре между Рамсесом II и Хаттусилисом III 1270 г. до н.э.

Совмещение реалий времени XVIII и XIX династий наблюдается и в других нюансах «Стелы Бентреш». Так, опять же давно замечено, что брак Рамсеса с дочерью царя Бахтана, получившей титул «великой жены царицы Нефрура» (стк. 6: *hmt-nsw wrt Nfrw-R^c*), является репликой реального династического

³⁹ См. об этих памятниках: Simpson 2003, 361; Ryholt 2013, 65–66. Издания текста по стеле Louvre C284: KRI II. 284–287; Broze 1989; переводы: Belova, Sherkova 1998, 57–63, 245–256 (А. Е. Демидчик); Simpson 2003, 361–367 (Р. Ритнер). Публикация блоков из Луксора была подготовлена Р. Ритнером для издания Epigraphic Survey's Luxor Project, но, насколько известно, оно на сегодняшний день не появилось.

⁴⁰ См., с подробной аннотацией высказывавшихся в связи с этим памятником мнений: Gozzoli 2006, 240–247.

⁴¹ Belova, Sherkova 1998, 245, n. 1; cp. Beckerath 1999, 138–141, 154–155.

⁴² Nemirovskiy 1999, 157–158.

⁴³ Ladynin 2017, 46.

брака Рамсеса II с дочерью Хаттусилиса III, получившей имя Маатхорнефрура⁴⁴; а просьбы прислать врачей и лекарства для членов семьи Хаттусилиса III и для него самого зафиксированы в его переписке с Рамсесом II в богазкейском архиве⁴⁵. При этом Тутмос IV также вступил в династический брак с дочерью царя Митанни Артадамы⁴⁶, каковой, очевидным образом, мог быть заключен лишь после урегулирования отношений между державами, по еще одной аналогии со временем Рамсеса II. В начале текста «Стелы Бентреш» упоминается о пребывании Рамсеса II в Нахарине, «согласно обычаю его ежегодному» (стк. 4: *is hm.f m Nhrn mi nt-^c.f tñw rnpt*), причем достаточно ясно, что обозначенная таким образом территория воспринимается как часть египетских владений. Между тем само это обозначение относится к Митанни⁴⁷, и в данном контексте, скорее всего, предполагается его перенесение на территорию северной или центральной Сирии, которая с конца XVI в. до н.э. неоднократно оказывалась под властью этого государства, а также воспринималась как «крайняя точка» египетских владений⁴⁸. При Рамсесе II обозначение «Нахарина» встречается в перечислении стран, выступивших против него в кадешской кампании (KRI II. 3, 17), а также в указаниях мест его сражений с хеттами (KRI II. 175: *Twnp m p3 t3 Nhrn* «Тунип в стране Нахарина»); однако «Сте́ла Бентреш» явно переосмысливает тот этап хетто-египетских отношений, который пришелся на время после договора 1270 г. до н.э., оставившего северную и среднюю Сирию за хеттами. По-видимому, упоминание применительно к этому этапу Нахарины как египетского владения — анахронизм, переносимый на время Рамсеса II реалии XVIII династии, когда обозначаемая таким образом территория Сирии действительно попадала под власть египтян, причем в тексте «Стелы Бентреш» Бахтан и Нахарина недвусмысленно разделены, а территория Бахтана лежит значительно дальше (как и территория хеттской метрополии лежала дальше и Северной Сирии, и коренных земель Митанни). В таком случае в тексте «Стелы Бентреш» ко времени его действия стянуты реминисценции обоих этапов экспансии Египта Нового царства, завершившихся соглашением с его главным противником, т.е., по сути дела, всего широкого наступления Египта в Азии во II тыс. до н.э., однако акцентирован все же второй из этих этапов, приходящийся на начало XIX династии. Похоже, что в этом проявляется аналогия с традицией, представленной в сведениях Манефона о Сетосе-Рамсесе (I) и Тацита — о Рамсесе: как мы говорили, образы этих царей-завоевателей также могли представлять собой такой широкий синтез реминисценций. Очевидно, однако, что если сообщения Манефона и Тацита, как мы говорили, отражали активную фазу экспансии Египта, прототипом которых должны были быть

⁴⁴ Schulman 1979, 186, n. 41; Belova, Sherkova 1998, 249, n. 19; о схождениях «Стелы Бентреш» и текстов, связанных с этим династическим браком Рамсеса II, см. Lefebvre 1944; Morschauser 1988, 207–209; Gozzoli 2006, 243, n. 78.

⁴⁵ Edel 1976; Belova, Sherkova 1998, 251–252, n. 27.

⁴⁶ Schulman 1979, 183.

⁴⁷ Helck 1962, 285.

⁴⁸ В частности, в их суммарном описании как простирающихся от Нахарины до Карои (область в Нубии выше 4-го порога): *Urk*. IV. 1448. 13; 1628. 14–15; 1741. 15; Helck 1962, 285; Stockfisch 2006, 269, n. 67–68.

войны Сети I, то сюжет «Стелы Бентреш» отражает время после ее завершения: собственно ее события в нем не представлены, а образ Рамсеса в этом тексте, переосмысливающий реминисценции Рамсеса II, должен соответствовать Осиманди Гекатея и Диодора и, видимо, Рампсесу Манефона.

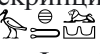
Характерной чертой «Стелы Бентреш» является, как и в случае с античными свидетельствами, специфически фиванская привязка этого текста. Как мы помним, обе его записи были обнаружены в Фивах; однако и в самом ее сюжете ключевую роль играет фиванское божество, а просьбу об отправке его статуи в Бахтан Рамсес получает, когда прибывает для участия в празднике Амона-Ра в Фивы, которые характеризуются в этой связи яркими прославляющими их эпитетами (стк. 6–7: *isk hm.f m W3st-nht hnwt niwwt hr iri hsw n it.f Imn-R nb ns(w)t t3wy m hb.f nfr n Ist-rst* «воистину, Величество его /был/ в Фивах победоносных, владычице городов, исполняя восхваления отца его Амона-Ра, владыки престолов Обоих Земель на празднике его прекрасном Покоя южного (Луксора)»).

Разумеется, ключевым моментом для интерпретации текста «Стелы Бентреш» является трактовка обозначения «Бахтан», относящегося к стране, с которой взаимодействует царь Рамсес. Очевидно, что положение этой страны по отношению к Египту воспроизводит положение Хеттского царства при историческом Рамсесе II: номинально считается, что правитель Бахтана отправляет приношения и свою старшую дочь Рамсесу в Нахарину в знак покорности (стк. 5: *hr sw3sy hm.f hr dbh nh hr.f* «восхваляя Величество его /и/ вымаливая жизнь у него»), однако сам он, в отличие от подлинных вассалов египетского царя, на встречу с ним в этой стране не является. В этом династическом браке очевидно проявляется примерное равенство двух держав, и далее правитель Бахтана чувствует себя в достаточной безопасности от Египта, чтобы произвольно задержать присланную ему статую божества. Хотя в тексте ничего не говорится о войне Египта и Бахтана, но, учитывая недружественность попытки его правителя удержать у себя статую божества, ее завершение в недавнем прошлом не было бы удивительным; при этом непохоже, чтобы при царе Рамсесе или до него Бахтан был в точном смысле слова завоеван египтянами. Вместе с тем само обозначение этой страны (*Bhtn*: ,) отличается от египетского обозначения Хеттского царства. В самом первом комментарии к «Стеле Бентреш» Э. Присс д'Авенн, доставивший этот памятник в Париж, предположил, что обозначение «Бахтан» относится к Мидии и восходит к названию ее столицы «Экбатаны» (на это, в частности, указывало наличие при нем детерминатива GG (SL) O₄₉ , относящегося к названиям городов; детерминатив же GG(SL) N₂₅ , представляющий горную страну, якобы показывал, что речь должна идти о севере Мидии — современном Иранском Азербайджане)⁴⁹; в дальнейшем эту же версию приняли С. Моршаузер⁵⁰ и Г. Буркард⁵¹. Вскоре после этого С. Бёрч высказал мысль, что это обозначение может соответствовать названию знаменитой скалы Бехистун (Бисутун, Багастана) либо ряду сходно звучащих названий городов

⁴⁹ Prisse d'Avennes 1847, 5, pl. XXIV.

⁵⁰ Morschauer 1988, 222.

⁵¹ Burkard 1994, 51.

в Сирии, причем первое допущение с энтузиазмом поддержал Э. де Руже⁵². Однако Ж. Познер в 1934 г. высказал мнение, что данное обозначение соответствует хорониму «Бактрия»: он обратил внимание на сообщение Тацита о владычестве царя Рамсеса над бактрийцами, а также предположил влияние на сюжет «Стелы...» ситуации первого персидского владычества и в особенности царствования Дария I, когда названия подвластных ему стран, в т.ч. Бактрии, появились на египетских памятниках и у египтян возникло стремление уравнивать своих древних царей в размахе их завоеваний с персами⁵³. Серьезной проблемой Познеру представлялось несоответствие транскрипции *Bh̥tn* реальной форме хоронима «Бактрия» в египетских текстах (*B3-h-t-rw* в тексте стелы из Телль эль-Масхуты⁵⁴, а также на постаменте статуи Дария I из Суз⁵⁵), хотя позднее Э. Эдель высказал предположение о возможной передаче в данном написании звука *r* через согласный знак *n*⁵⁶. По мнению Э. Спэлинджера, написание *Bh̥tn* может быть искаженной поздней формой египетского обозначения Хеттского царства *H̥t3*: в его иероглифическом написании присутствует знак GG(SL) U₃₀ () , который мог быть принят за D₅₈ (); а присутствующие в некоторых написаниях слова *H̥t3* знаки GG(SL) N₁₇ () и N₁₆ () могли, особенно через посредство иератической записи, быть восприняты как GG(SL) N₃₅ ()⁵⁷. При этом Спэлинджер также обратил внимание на сообщения Диодора и Тацита о войнах исторического Рамсеса II с бактрийцами и предположил, что основой для них обоих стало ошибочное чтение (соответственно, информаторами Гекатея и жрецом, переводившим египетские надписи для Германика) обозначения *H̥t3* как *Bh̥tn*, что в эллинистическое и римское время вызвало однозначную ассоциацию с Бактрией⁵⁸. «Бактрийскую версию» горячо поддерживал К. Рихолт, который, принимая датировку «Стелы Бентреш» уже птолемеевским временем, допустил, что упоминание Бактрии как давнего партнера Египта во внешнем мире могло быть вызвано актуализацией сведений о ней при Александре, в т.ч. благодаря его браку с Роксаной (его параллелью он считает династический брак царя Рамсеса в данном тексте)⁵⁹. Наконец, на рубеже XX и XXI в. А. Лоприено высказал довольно ожидаемое в свете историографических трендов этого времени мнение, что для написания *Bh̥tn* вообще не надо искать никакого определенного соответствия в реальных хоронимах, поскольку это чисто условная

⁵² Birch 1853, 232–233; Rougé 1910, 179 (републикация исследования, написанного в 1856–1858 гг.). Указание С. Моршаузера, что де Руже отождествлял Бахтан с Экбатанами (Morschauser 1988, 222, п. 85), неверно и основано на неправильно понятой отсылке П. Трессона (Tresson 1933, 65).

⁵³ Posener 1934.

⁵⁴ Posener 1936, 54, 184.

⁵⁵ Perrot 2010, 28.

⁵⁶ Edel 1975, 60, п. 9.

⁵⁷ В связи с этим стоит обратить внимание на засвидетельствованное в письме Аменхотепа II наместнику Нубии Усерсатету обозначение *p3-H̥3ty* (*Urk.* IV. 1344. 3:) — видимо, обозначение Хеттского царства с употреблением при нем определенного артикля (Helck 1962, 280), что, при озвончении начального согласного, могло дать основу форме *Bh̥tn*.

⁵⁸ Spalinger 1977–1978.

⁵⁹ Ryholt 2013, 62–72.

«воображаемая страна, находящаяся вне пределов политического понятия о чужеземных странах» (*une entité imaginaire au-delà des frontières de l'étranger politique*)⁶⁰.

Мнения Познера и Спэлинджера подводят, на наш взгляд, к правильной интерпретации обозначения «Бахтан», хотя оба они в определенной мере «недоформулированы» и несвободны от ошибок. Познер использовал в качестве аргументов в свою пользу сообщение Тацита и появление обозначения «Бактрия» в египетских текстах первого персидского владычества, однако странным образом (причем зная I книгу Диодора!) прошел мимо свидетельства о войне Осимандии с бактрийцами и оставил в тени полное сходство в положении по отношению к Египту Бахтана и исторического Хеттского царства. Спэлинджер по какой-то причине не сделал вывод, что если, как он считал, и информаторы Гекатея, и жрец, служивший переводчиком Германику, прочитали обозначение Хеттского царства с полностью аналогичной ошибкой, то эта ошибка представляла собой не случайное неверное чтение устаревшего хоронима, а его реинтерпретацию, произошедшую на системном уровне. Не вызывает сомнений, что и сообщение Гекатея и Диодора о войнах Осимандии с бактрийцами, и «Стела Бентреш» отражают опознаваемо и весьма четко геополитическую ситуацию на разных этапах исторического царствования Рамсеса II (соответственно, войну и мирные отношения с Хеттским царством); кроме того, оба эти свидетельства принадлежат к фиванской традиции и могут быть разделены лишь очень небольшим временным промежутком (если «Стела Бентреш» датируется временем не ранее XXX династии, то труд Гекатея, как мы говорили, был, видимо, создан в 310-е годы до н.э.). В таком случае наиболее вероятно, что и в «Стеле Бентреш» транскрипция *Bhṭn* является не просто ошибочной передачей обозначения Хеттского царства, а предполагает перенесение его реминисценций на Бактрию, по полной аналогии со свидетельством Гекатея и Диодора. Нет ничего удивительного, что реалии исторического Хеттского царства к середине I тыс. до н.э. были прочно забыты египтянами (как, в частности, и греками при бытовании гомеровского эпоса⁶¹); однако замещение этих реалий ассоциацией именно с Бактрией, по-видимому, требует все же объяснения более сложного, нежели породившее эту ассоциацию ошибочное чтение.

Думается, стоит еще раз обратить внимание на конфигурацию египетских владений согласно рассмотренным нами сообщениям Страбона и Манефона. У Страбона неподвластную египтянам периферию их владений образуют земли, которые либо вообще никогда не входили во владения межрегиональных ближневосточных держав I тыс. до н.э. (Скифия, Индия), либо покорились лишь Ахеменидам, сумевшим, кстати, подчинить и сам Египет (Бактрия, Иония). Манефон говорит о том, что Сетос-Рамессес (I) покорил Финикию и Кипр, бывшие владениями доахеменидских межрегиональных держав, а также Ассирию и Мидию, ставшие в должное время их метрополиями; иными словами, он приписывает этому царю создание исторически первой межрегиональной державы в ее максимально возможном «доахеменидском» объеме. Соответственно, противник, а затем внешнеполитический партнер такой державы должен локализоваться за ее пределами: нет сомнения, что огромный,

⁶⁰ Loprieno 2001, 83.

⁶¹ О замещении Хеттского царства в гомеровской традиции царством амазонок см. Leonhardt 1911; Mayor 2014, 287–288 и др.

согласно «Стеле Бентреш», срок путешествия из Египта в Бахтан — год и пять месяцев (стк. 17) — призван исключительно подчеркнуть удаленность этой страны. По всей вероятности, создатели рассмотренной нами традиции, основанной на реминисценциях о войнах XIX династии, полагали, что противником Египта в это время не были ни греки, ни некий народ кочевой периферии Ближнего Востока (скифы, в рамках альтернативной традиции о войнах царя Сесостриса⁶²) и что при этом данный противник был интегрирован в его ойкумену, в отличие, например, от индийцев. «Подходящим кандидатом» на такую роль действительно оказывалась Бактрия, какой ее знали в середине I тыс. до н.э. и помнили в дальнейшем. Древнебактрийское царство, по-видимому, существовало вплоть до времени Кира II и было крупным образованием, интегрировавшим в своем составе ряд земель к востоку от Ирана⁶³; при этом Ктесий Книдский, ориентировавшийся на персидскую традицию, приписывал создателю ассирийской мировой державы Нину неудачную попытку покорить Бактрию (Stesias. F. 1b = Diod. II. 5–6⁶⁴). Иными словами, персидская (и, весьма вероятно, в целом ближневосточная) традиция не только помнила и знала о Древнебактрийском царстве, но и приписывала ему глубокую древность, что вполне могло повлиять и на египетскую традицию.

Таким образом, нам, как представляется, удалось не просто связать сюжет о противостоянии Египта и Бактрии в античных свидетельствах / Бахтана «Стелы Бентреш» с отдаленным восприятием противоборства Египта и Хеттского царства в начале XIX династии (этот вывод был очевиден и нашим предшественникам), но и объяснить такую его особенность, как явная ограниченность успеха египтян в этом противостоянии, согласно данным свидетельствам, а также сам «выбор» именно Бактрии на роль противника Египта на данном этапе. Вместе с тем едва ли не более важным нам кажется такой момент, как прослеживающаяся, на наш взгляд, системность схождений между рассмотренными нами сообщениями (как античной традиции, так и «Стелы Бентреш»). Именно эта системность позволяет говорить о том, что мы имеем дело не с разрозненными, хотя и тематически близкими сообщениями, а с репликами единой схемы, претендовавшей на осмысление прошлого Египта в историческом II тыс. до н.э. и уже существовавшей не позднее начала эллинизма (времени творчества Манефона⁶⁵ и наиболее поздней из возможных датировок текста «Стелы Бентреш»). Вероятная фиванская привязка этой схемы, чувствующаяся в ее репликах, уже была нами отмечена.

Литература / References

- Beckerath, J. von 1999: *Handbuch der ägyptischen Königsnamen*. (Münchener ägyptologische Studien, 49). 2. Aufl. München.
 Belova, G.A., Sherkova, T.A. (eds.). 1998: *Skazki drevnego Egipta [The Tales of Ancient Egypt]*. Moscow.
 Белова, Г.А., Шеркова, Т.А. (ред.). *Сказки древнего Египта*. М.

⁶² Ivantchik 2005, 190–221; Ladynin 2014; 2017, 251–264; 2021.

⁶³ Diakonoff 1971, 134–135; Frye 2002, 64–66.

⁶⁴ Llewellyn-Jones, Robson 2010, 117–119.

⁶⁵ Ladynin 2017, 30–31 (с отсылками к литературе).

- Birch, S. 1853: Notes upon an Egyptian Inscription in the Bibliothèque Nationale of Paris. *Transactions of the Royal Society of Literature of the United Kingdom Ser. II* 4, 217–251.
- Bobovich, A.S. (ed.) 1993: *Korneliy Tatsit. Sochineniya*. T. 1. *Annaly. Malye proizvedeniya*. [Cornelius Tacitus. Works. Vol. I. *Annals. Minor Works*]. 2nd ed. Saint Petersburg.
- Бобович, А.С. (пер.). *Корнелий Тацит. Сочинения*. Т. 1. *Анналы. Малые произведения*. (Литературные памятники). 2-е изд. СПб.
- Broze, M. 1989: *La princesse de Bakhtan: Essai d'analyse stylistique*. (Monographies Reine Elisabeth, 6). Bruxelles.
- Burkard, G. 1994: Medizin und Politik: Altägyptische Heilkunst am persischen Königshof. *Studien zur Altägyptischen Kultur* 21, 35–57.
- Burstein, S.M. 1992: Hecataeus of Abdera's History of Egypt. In: J.H. Johnson (ed.), *Life in a Multi-Cultural Society: Egypt from Cambyes to Constantine and Beyond*. (Studies in the Ancient Oriental Civilisations, 51). Chicago, 45–49.
- Burton, A. 1972: *Diodorus Siculus: Book I*. Leiden.
- Demidchik, A.E. 2010: [Once again on the Author of the "Teaching for Merikare"]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Journal of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology] 9/1, 5–10.
- Демидчик, А.Е. Еще раз об авторе «Поучения царю Мерикара». *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология* 9/1, 5–10.
- Diakonoff, I.M. 1971: Eastern Iran before Cyrus (On the Possibility of Raising New Issues). In: B.G. Gafurov (ed.), *Istoriya iranskogo gosudarstva i kul'tury* [The History of the Iranian State and Culture]. Moscow, 122–154.
- Дьяконов, И.М. Восточный Иран до Кира (К возможности новых постановок вопроса). В кн.: Б.Г. Гафуров (отв. ред.), *История иранского государства и культуры*. М., 122–154.
- Dueck, D. 2000: *Strabo of Amasia. A Greek Man of Letters in Augustan Rome*. London—New York.
- Edel, E. 1975: Neue Identifikationen topographischer Namen in den konventionellen Namenszusammenstellungen des Neuen Reiches. *Studien zur Altägyptischen Kultur* 3, 49–73.
- Edel, E. 1976: *Ägyptische Ärzte und ägyptische Medizin am hethitischen Königshof: neue Funde von Keilschriftbriefen Ramses' II. aus Boğazköy (Vorträge G / Rheinischwestfälische Akademie der Wissenschaften. Geisteswissenschaften, 205)*. Opladen.
- Frye, R.N. 2002: *Nasledie Irana* [The Heritage of Iran]. 2nd ed. Moscow.
- Фрай, Р.Н. *Наследие Ирана*. 2-е изд. М.
- Gozzoli, R.B. 2006: *The Writing of History in Ancient Egypt During the First Millenium B.C. (ca. 1070–180 BC). Trends and Perspectives*. London.
- Helck, W. 1962: *Die Beziehungen Ägyptens zu Vorderasien im 3. und 2. Jahrtausend v. Chr.* (Ägyptologische Abhandlungen, 5). Wiesbaden.
- Hornung, E., Krauss, R., Warburton, D. (eds.) 2006: *Ancient Egyptian Chronology*. (Handbook of Oriental Studies. Section One: The Near and Middle East, 83). Leiden.
- Ivantchik, A.I. 2005: *Nakanune kolonizatsii: Severnoe Prichernomor'e i stepnye kochevniki VIII–VII vv. do n.e. v antichnoy literaturnoy traditsii: fol'klor, literatura i istoriya* [On the Eve of Colonization: The North Black Sea Area and the Nomads of the Steppes in the 8th–7th Centuries B.C. in the Classical Narratives: Folklore, Fiction and History]. Moscow—Berlin.
- Иванчик, А.И. *Накануне колонизации: Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история*. (Pontus Septentrionalis, 3). Москва—Берлин.
- Kelly, B. 2010: Tacitus, Germanicus and the Kings of Egypt (Tac. Ann. 2.59–61). *Classical Quarterly* 60/1, 221–237.
- Kitchen, K.A. 1985: *Pharaoh Triumphant: The Life and Times of Ramesses II*. Warminster—Missisauqua.
- Ladynin, I.A. 2009: [The Story of the King Amenophis (Manetho, ed. Waddell, frg. 54, Chaeremon, *FGrHist.* 618. F. 1) and the Ending of Manetho's Second tomos]. In: A.O. Bol'shakov (ed.), *Peterburgskie egiptologicheskie chteniya 2007–2008. Pamyati O.D. Berleva. K 75-letiyu so dnya ego rozhdeniya. Doklady* [Saint Petersburg Egyptological Readings 2007–2008. Commemorating O.D. Berlev on His 75th Birthday: Proceedings]. Saint Petersburg, 164–180.
- Ладынин, И.А. Легенда о царе Аменофисе (Manetho, ed. W.G. Waddell, frg. 54, Chaeremon, *FGrHist.* 618. F. 1) и финал второго тома труда Манефона. В сб.: А.О. Большаков (ред.),

- Петербургские египтологические чтения 2007–2008: памяти О.Д. Берлева. К 75-летию со дня его рождения: Доклады.* (Труды Государственного Эрмитажа, 45). СПб., 164–180.
- Ladynin, I.A. 2012: [Tearco/Taharqa in Megasthenes' Evidence (FGrHist. 715. F. 11A = Strab. XV.1.6–8)]. In: *Vostok, Evropa, Amerika v drevnosti*. Вып. 2: *Sbornik nauchnykh trudov XVIII Sergeevskikh chteniy [Orient, Europe and America in Antiquity. Issue 2: Proceedings of the 18th Sergeev's Readings]*. Moscow, 29–41.
- Ладынин, И.А. Теаркон/Тахарка в сообщении Мегасфена (FGrHist. 715. F. 11A = Strab. XV.1.6–8). В кн.: *Восток, Европа, Америка в древности*. Вып. 2: *Сборник научных трудов XVIII Сергеевских чтений*. М., 29–41.
- Ladynin, I.A. 2014: [The Motif of War between Egyptians and Scythians in the Graeco-Roman Tradition: In Search of a Historical Backbone]. In: M.A. Chegodaev, N.V. Lavrent'eva (eds.), *Aegyptiaca Rossica*. Issue 2. Moscow, 187–223.
- Ладынин, И.А. Сюжет войны египтян со скифами в сведениях античной традиции: к поиску исторической первоисточники. В сб.: М.А. Чегодаев, Н.В. Лаврентьева (ред.), *Aegyptiaca Rossica*. Вып. 2. М., 187–223.
- Ladynin, I.A. 2017: «Snova pravit Egipet!» *Nachalo ellinisticheskogo vremeni v kontseptsyakh i konstruktakh pozdneegipetskikh istoriografii i propagandy*. [“Egypt Rules Again!” *The Start of the Hellenistic Period in the Concepts and Constructs of Late Egyptian Historiography and Propaganda*]. Moscow–Saint Petersburg.
- Ладынин, И.А. «Снова правит Египет!» *Начало эллинистического времени в концепциях и конструктах позднеегипетских историографий и пропаганды*. (Труды Исторического факультета МГУ, 84. Сер. II: Исторические исследования, 40). М. – СПб.
- Ladynin, I.A. 2018: [Two Versions of the Exodus in the Tradition of Manetho of Sebennytos (Manetho, ed. W.G. Waddell, frgg. 51–53a-b)]. In: A.A. Bانشchikova, I.A. Ladynin, V.V. Shelestin (eds.), «*Khranyashchiy bol'shoe vremya*»: *Sbornik nauchnykh trudov k pyatidesyatil'etiyu A.A. Nemirovskogo* [“The Keeper of the Big Time”: *Papers in Honour of the 50th Birthday of A.A. Nemirovskiy*]. Moscow, 96–113.
- Ладынин, И.А. Две версии Исхода в традиции Манефона Севеннитского (Manetho, ed. W.G. Waddell, frgg. 51–53a-b). В сб.: А.А. Банщикова, И.А. Ладынин, В.В. Шелестин (ред.), «*Хранящий большое время*»: *Сборник научных трудов к пятидесятилетию А.А. Немировского*. М., 96–113.
- Ladynin, I.A. 2019: [Once again on the Time-Reckoning “After Menophris” (A History of a Scholarly Problem and a Search of Its Solution)]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 79/2, 245–265.
- Ладынин, И.А. Еще раз о летосчислении «от Менофриса» (к истории научной проблемы и поиску ее решения). *ВДИ* 79/2, 245–265.
- Ladynin, I.A. 2021: [From Maeotis to the Nile: The War between Egyptians and Scythians in the Traditions of Hecataeus of Abdera and Pompeius Trogus]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal “ISTORIYA” [The Journal of Education and Science “HISTORY”]*. 12/12.
- Ладынин, И.А. От Меотиды до Нила: война египтян со скифами в традициях Гекатея Абдерского и Помпея Трога. *Электронный научно-образовательный журнал «ИСТОРИЯ»* 12/12.
- Ladynin, I.A. 2023: [The War of the Egyptian King Sesostris against Scythians in Megasthenes' Narrative.] *Indoevropskoye yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European Linguistics and Classical Philology]* 27, 672–684.
- Ладынин, И.А. Война египетского царя Сесостриса со скифами в труде Мегасфена. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 27, 672–684.
- Ladynin, I.A., Nemirovskiy, A.A. 2001: [On the Evolution of the Attitude towards the Amarna Kings and Horemheb in the Ideological and Historical Tradition of Ancient Egypt]. In: O.I. Pavlova, A.A. Nemirovskiy (eds.), *Drevniy Vostok: Obshchnost' i svoeobrazie kul'turnykh traditsiy [Ancient Orient: Unity and Diversity of Cultural Traditions]*. Moscow, 80–99.
- Ладынин, И.А., Немировский, А.А. К эволюции восприятия амарнских царей и Хоремхеба в идеологической и исторической традиции древнего Египта. В сб.: О.И. Павлова, А.А. Немировский (ред.), *Древний Восток: Общность и своеобразие культурных традиций*. М., 80–99.
- Leblanc, Chr. 1985: Diodore, le tombeau d'Osymandyas et la statue du Ramesseum. In: P. Posener-Krieger (éd.), *Mélanges Gamal Eddin Mokhtar II*. Le Caire, 69–82.
- Lefebvre, G. 1944: Encore la stèle de Bakhtan. *Chronique d'Égypte* 19, 214–218.
- Leonhard, W. 1911: *Hetiti und Amazonen: Die griechische Tradition über die “Chatti” und ein Versuch zu ihrer historischen Verwertung*. Leipzig–Berlin.
- Llewellyn-Jones, Ll., Robson, J. 2010: *Ctesias' History of Persia: Tales of the Orient*. London–New York.

- Lloyd, A.B. 1988: *Herodotus, Book II. Commentary* 99–182. (Études préliminaires aux religions orientales dans l'Empire romain, 43/3). Leiden–New York.
- Maspero, G. 2002: *Popular Stories of Ancient Egypt*. Santa Barbara (CA)–Denver (CO)–Oxford.
- Mayor, A. 2014: *The Amazons: Lives and Legends of Warrior Women Across the Ancient World*. Princeton–Oxford.
- Morschauser, S.N. 1988: Using History: Reflections on the Bentresh Stela. *Studien zur altägyptischen Kultur* 15, 203–223.
- Muntz, Ch.E. 2017: *Diodorus Siculus and the World of the Late Roman Republic*. Oxford.
- Murnane, W.J. 1977: *Ancient Egyptian Coregencies*. (Studies in Ancient Oriental Civilization, 40). Chicago.
- Murnane, W.J. 1985: *The Road to Kadesh. A Historical Interpretation of the Battle Reliefs of King Sety I at Karnak*. (Studies in Ancient Oriental Civilization, 42). Chicago.
- Nemirovskiy, A.A. 1999: [Western Possessions of the Cassyite Babylonia in the 15th–14th Centuries BC and the Migration of the Arameans (Achlamеans)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 146–163.
- Немировский, А.А. Западные владения Касситской Вавилонии в XV–XIV вв. до н.э. и арамейское (ахламейское) переселение. *ВДИ* 1, 146–163.
- Perrot, J. 2010: *Le palais de Darius à Suse: une résidence royale sur la route de Persépolis à Babylon*. Paris.
- Posener, G. 1934: A propos de la stèle de Bentresh. *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale* 34, 75–81.
- Posener, G. 1936: *La première domination perse en Égypte*. (Bibliothèque d'étude, 11). Le Caire.
- Prisse d'Avennes, É. 1847: *Monuments égyptiens: bas-reliefs, peintures, inscriptions, etc., d'après les dessins exécutés sur les lieux; pour faire suite aux Monuments de l'Égypte et de la Nubie de Champollion-le-Jeune*. Paris.
- Radt, St. 2009: *Strabons Geographika*. Bd. 8. Buch XIV–XVII: Kommentar. Göttingen.
- Rathmann, M. 2016: *Diodor und seine "Bibliothek"*. *Weltgeschichte aus der Provinz*. (Klio-Beihefte, N.F., 27). Berlin.
- Ryholt, K. 2013: *Imitatio Alexandri* in Egyptian Literary Tradition. In: T. Whitmarsh, S. Thomson (eds.), *The Romance between Greece and the East*. Cambridge, 59–78.
- Schulman, A.R. 1979: Diplomatic Marriage in the Egyptian New Kingdom. *Journal of Near Eastern Studies* 38/3, 177–193.
- Simpson, W.K. (ed.) 2003: *The Literature of Ancient Egypt: An Anthology of Stories, Instructions, Stelae, Autobiographies and Poetry*. 3rd ed. New Haven (CT)–London.
- Spalinger, A.J. 1977–1978: On the Bentresh Stela and Related Problems. *Journal of the Society of the Studies of Egyptian Antiquities* 8, 11–18.
- Spalinger, A.J. 2005: *War in Ancient Egypt: The New Kingdom*. Malden (MA)–Oxford–Carlton (VA).
- Stern, M., Braginskaya, N.V. (eds.) 1997: *Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме. I: От Геродота до Плутарха*. [Greek and Roman Authors on Jews and Judaism. I: From Herodotus to Plutarch]. Moscow–Jerusalem.
- Штерн, М., Брагинская, Н.В. (ред.). *Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме. I: От Геродота до Плутарха*. Москва–Иерусалим.
- Stockfisch, D. 2006: Mitanni in den Fremdvölkerlisten. In: D. Bröckelmann, A. Klüg (Hrsg.), *In Pharaos Staat. Festschrift für R. Gundlach zum 75. Geburtstag*. Wiesbaden, 259–270.
- Stratanovskiy, G.A. (ed.) 1964: *Страбон. География в 17 книгах* [Strabo. Geography in Seventeen Books]. Moscow.
- Стратановский, Г.А. (пер.). *Страбон. География в 17 книгах*. М.
- Stuchevskiy, I.A. 1984: *Ramses II i Kherikhor: Iz istorii drevnego Egipta epokhi Ramessidov* [Ramses II and Herihor. From the History of the Ramesside Ancient Egypt]. Moscow.
- Стучевский, И.А. *Рамсес II и Херихор: Из истории древнего Египта эпохи Рамессидов*. М.
- Tresson, P. 1933: Un curieux cas d'exorcisme dans l'antiquité: la stèle égyptienne de Bakhtan. *Revue biblique* 42, 57–78.
- Tsybenko, O.P. (ed.) 2017: *Diodor Sitsiliyskiy. Istoricheskaya biblioteka. Kn. 1: Egipet* [Diodorus of Sicily. Library of History. Book I: Egypt]. Saint Petersburg.
- Цыбенко, О.П. (пер.). *Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Кн. 1: Египет*. (Новая историческая библиотека. Источники). СПб.
- Wilkinson, R.H., Weeks, K.R. (eds.) 2016: *The Oxford Handbook of the Valley of the Kings*. Oxford.

DOI: 10.31857/S032103910024546-3

ПОВЕЛЕНИЯ ДАРИЯ I И КСЕРКСА В КОРПУСЕ ЦАРСКИХ НАДПИСЕЙ АХЕМЕНИДОВ

Э. В. Рунг

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия;
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия*

E-mail: eduard_rung@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4200-4486

В статье исследуется вопрос о роли повелений Дария I и Ксеркса в функционировании правовой системы Персидской империи Ахеменидов. Отмечается, что средствами социально-политического и экономического регулирования в Ахеменидской империи, наряду с местными политико-правовыми традициями, были непосредственно царские распоряжения, которые исходили от самого царя и его канцелярии. В качестве основного источника информации по данной теме рассматриваются трилингвальные царские надписи Ахеменидов. В самих этих текстах присутствуют ссылки на повеления царя, а терминологический анализ, охватывающий соответствующую лексику надписей на основных трех языках (древнеперсидском, эламском и аккадском), позволяет прийти к определенным выводам в отношении функционирования правовой системы Ахеменидов в целом. Рассмотрение материала надписей позволяет утверждать, что царские повеления, упомянутые в них, могут быть разделены на три группы (царские указы, царские приказы и прокламации). В царских надписях Ахеменидов приказами могут считаться распоряжения, отданные царем своим военачальникам или армии, указы же не имеют конкретного адресата и носят более общий характер. Если же говорить об особом виде царских повелений, таких как прокламации, то они обращены ко всему населению Ахеменидской империи.

Ключевые слова: Ахемениды, правовая система, повеления, указы, приказы

Данные об авторе. Эдуард Валерьевич Рунг — доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета; профессор кафедры всеобщей и публичной истории Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 23-28-01562 «Правовая система Персидской империи Ахеменидов»).

THE ORDERS OF DARIUS I AND XERXES IN THE CORPUS OF THE ACHAEMENID ROYAL INSCRIPTIONS

Eduard V. Rung

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
Kazan Federal University, Kazan, Russia*

E-mail: eduard_rung@mail.ru

Acknowledgements: Russian Science Foundation, project no. 23-28-01562

The article examines the role of the orders of Darius I and Xerxes in the functioning of the legal system in the Achaemenid Persian Empire. It is concluded that along with local political and legal traditions, royal decrees, commands and instructions that came from the king himself and his office served as tools of socio-political and economic regulation in the Achaemenid empire. The Achaemenid trilingual royal inscriptions are analysed as the main source of information on this subject. These texts contain references to king's orders, and the terminological analysis, covering the corresponding vocabulary of inscriptions in the main three languages (Old Persian, Elamite and Akkadian), allows us to come to some conclusions regarding the functioning of the Achaemenid legal system as a whole. It can be asserted that royal orders mentioned there can be divided into three groups (royal decrees, royal commands and proclamations). In the Achaemenid royal inscriptions orders given by the king to his military commanders or his army can be considered as commands, while decrees do not have any specific addressee and are of more general nature. If one speaks about a special type of royal commands, such as proclamations, these are addressed to the entire population of the Achaemenid Empire.

Keywords: Achaemenids, legal system, orders, decrees, commands

Особенностью функционирования правовой системы Персидской империи Ахеменидов¹ было сочетание местных политико-правовых традиций² с царским законодательством, включавшим в себя указы и приказы монарха.

Важнейшим источником изучения царских приказов служат персепольские таблички крепостной стены и сокровищницы³, а царских указов — библейские книги Есфирь, Даниила и Ездры⁴. Между тем в историографии трилингвальные царские

¹ М.А. Дандамаев и В.Г. Луконин полагают, что на территории Ахеменидской империи существовали различные правовые системы и институты, что, таким образом, компенсировало отсутствие общеимперского кодекса законов (Dandamaev, Lukonin 1980, 127–128).

² В научной литературе подчеркивается роль Дария I в кодификации «местного права» в Египте и допускается возможность такой кодификации в Месопотамии (Olmstead 1935; Redford 2001). С. Демар-Лафон, К. Клебер и Дж. МакГиннис рассмотрели реминисценцию персидского права в вавилонской правовой традиции (Démare-Lafont 2006; Kleber 2010; MacGinnis 2008).

³ Hallock 1969. См. также коллективный труд, посвященный исследованию Персепольского архива: Briant *et al.* 2008.

⁴ Bickerman 1946; Vaux 1971; Rendtorff 1984; Walten 1988; Grabbe 2006.

надписи практически не привлекаются для изучения повелений Ахеменидов, очевидно, ввиду специфики самого этого источника: как правило, считается, что надписи не отражают царское законодательство⁵. Однако в самих этих текстах присутствуют ссылки на повеления царя, а терминологический анализ, охватывающий соответствующую лексику надписей на основных трех языках (древнеперсидском, эламском и аккадском), позволяет прийти к довольно интересным выводам в отношении функционирования правовой системы Ахеменидов в целом. Единственное исключение, когда царские надписи выступают важным источником по законодательству Персидской империи, касается изучения концепта *dāta*-⁶. Знаковым исследованием, основанным на изучении трилингвальных надписей, появившимся в последние годы, является статья Э. Филиппоне, в которой уделяется большое внимание лингво-историческому анализу текстов, ссылающихся на царские повеления⁷. Однако больший уклон в сторону лингвистического анализа в ущерб историческому фактически не позволил автору статьи выявить различные виды царских повелений, отделить указы от приказов. Указами, как это вполне очевидно, могут считаться распоряжения, постановления верховной власти, имеющие силу закона⁸. Приказы же имеют более частный характер, в них практически всегда указывается адресат, которому они предназначались.

В царских надписях Ахеменидов приказами могут считаться распоряжения, отданные царем своим военачальникам или армии, указы же не имеют конкретного адресата и носят более общий характер. Наконец, указы и приказы различаются между собой терминологически. В процессе работы над материалом появилась возможность выделения еще одного вида царских повелений — прокламации царя, которая также содержала императивное обращение, призыв к своим подданным (в антидэвовской надписи Ксеркса).

1. ДАРИЙ I – ПОВЕЛИТЕЛЬ

В ряде царских надписей на древнеперсидском языке используется существительное *framānā*-, которое, по мнению исследователей, может означать приказание, повеление⁹. В формулярах ряда надписей Ахеменидов на древнеперсидском языке, датируемых значительным хронологическим периодом от Дария I до Артаксеркса III (*DNa* § 1; *DSe* § 1; *DSf* § 1; *DE* § 1; *XPb* § 1; *XPc* § 1; *XPd* § 1; *XPh* § 1; *XE* § 1; *XV* § 1; *A¹Pa* § 1; *A²Hc* § 1; *A³Pa* § 1), говорится о том, что великий бог

⁵ В данной работе используются следующие издания царских надписей Ахеменидов: Herzfeld 1938; Kent 1950; Voigtlander 1978; Grilliot-Susini *et al.* 1993, 19–59; Lecoq 1997; Schmitt 1991; 2000; 2009. Сокращенные обозначения и транслитерация текстов на древнеперсидском дается по изданию Р. Шмитта (Schmitt 2009), которое на данный момент является самым новым собранием надписей, а их перевод на русский язык выполнен автором данной статьи.

⁶ Schmitt 1994.

⁷ Filippone 2019.

⁸ Ushakov 2014, 704.

⁹ Kent 1950, 198 (command, judgement, decision); Tavernier 2007, 553 (command, order); Schmitt 2014, 176 (Gebot, Befehl, Befehlsgewalt); Bahenheimer 2018, 170 (mandate, command).

Ахурамазда сотворил землю, небо, человека, счастье для человека, сделал персидского монарха царем, и далее заявляется: «одного над многими царем, одного над многими повелителем» (*aṣṣam parūnām xšāyaθiyaṃ, aṣṣam parūnām framātāram*¹⁰).

В историографии закономерно ставится вопрос, почему строки надписи в идентичном контексте отделяют «царя» (*xšāyaθiya*) от «повелителя» (*framātār*)¹¹. Согласно мнению М.-Л. Шомон, в древнеперсидском языке существительное *framātār* появляется в царских титулах и всегда сопровождается словом *paru-*, означающим «много, многие»; обычно это слово переводят как «повелитель, господин [многих]». Таким образом, по словам Шомон, Ахемениды описывают себя как «повелевающие многими» (*givers of commands to many*)¹². К. Таплин, однако, обратил внимание, что древнеперсидское слово, переводимое как «повелитель» (*framātār*), дважды передается в эламской версии надписей (*DNa* и *DSf*) как *tenumdattira*. Что касается эламского слова *tenum*, то оно используется единожды как эквивалент древнеперсидского слова *framānā-* со значением повеления или решения¹³ (*DNa* § 6). К. Таплин считает это слово когнатом аккадского *dīnu*, которое часто переводится как «закон» (по-древнеперсидски — *dāta-*)¹⁴. В данном контексте исследователь ссылается на перевод Ф. Гриллио-Сузини эламской версии надписи Дария из Суз (*DSf*), в которой слово *tenumdattira* переводится как «законодатель» (*législateur*)¹⁵. В итоге К. Таплин даже осторожно заключает, что «царь» и *framātār* едва ли были просто синонимами. С последним мнением, конечно, нужно согласиться.

Вавилонская версия надписи Дария I из Суз называет его царем «многих царей, который многими повелевает» (*DSf Akk. 3: LUGAL.MEŠ ma-du-ú-tum ša ana ma-du-ú-tum ú-ta-a'-a-ma*)¹⁶. В итоге *framātār* передается на аккадском языке посредством глагола *tu'umu* — «повелевать». В одной из надписей Ксеркса из Персеполя этот царь называется «царем многих царей, который один над совокупностью всех стран властвует» (*XPc Akk. 4–5: LUGAL šá LUGAL.LUGAL.MEŠ ma-du-ú-tum šá e-diš-ši-šú a-na par-ḥa-ar KUR.KUR.MEŠ ga-ab-bi ú-ta'-a-ma*), а в другой — именуется царем «первым над многими царями, первым повелителем многих» (*XPb Akk. 5–6: iš-ten ana LUGAL.MEŠ ma-du-ú-tu iš-ten mu-te'-e-me ma-du-ú-tu*); таким образом, ряд

¹⁰ В. Хинц приводит следующие значения слова *framātār*: повелитель, судья, правитель, законодатель (Hinz 1942, 82: Gebieter, Richter, Oberherrn, Gesetzgeber). Ср. Kent 1950, 198 (master, lord, giver of judicial decision); Tavernier 2007, 379 (commander, master, lord); Schmitt 2014, 176 (Gebieter); Bahenheimer 2018, 170 (ruler).

¹¹ Tuplin 2015, 77.

¹² Как отмечает М.-Л. Шомон, слово *framātār* состоит из *fra* + основа *mā* = *farman*/*framan* — «порядок» + суффикс *tar* — «кто поддерживает» (Chaumont 2000, 125–126). В Иране вплоть до современности термин *farmān*/*framān* обозначает указ, повеление, приказ, суждение, в его административном и политическом употреблении — шахские или правительственные указы (Fragner 2016).

¹³ Hinz, Koch 1987, 318 (Gebot); ср. Hinz 1973, 60.

¹⁴ Tuplin 2015, 76–77. Р. Хэллок интерпретировал слово *tenumdattira* как «повелитель» (lord), однако этот свой вывод исследователь сделал на основании его древнеперсидского эквивалента *framātār*. Далее автор отмечает, что это слово может происходить от древнеперсидского **dainām-dātar-*, «законодатель» (law-maker) (Hallock 1969, 761).

¹⁵ Grilliot-Susini 1990, 216.

¹⁶ Steve 1987, 74–76.

надписей Ксеркса особенно близко по тексту соотносится с древнеперсидской версией, где слово *framātār* передается на вавилонском как *mute 'imu*, что обычно переводится как «повелитель, правитель, принц» и соотносится с глаголом *tu 'imu*¹⁷. Можно заключить, что в древнеперсидской версии фраза *aīvam parūnām xšāyaθīyam* обозначает статус персидского монарха как царя царей, но *aīvam parūnām framātāram* описывает его статус как повелителя над многими правителями и/или же подданными (здесь обнаруживается расхождение в понимании различными переводчиками на аккадский этого древнеперсидского выражения)¹⁸.

Однако следует отличать по значению эламское слово *tenum* как эквивалент *framānā-* от аккадского *dīnu* и древнеперсидского *dāta-*. Во-первых, древнеперсидское слово *dāta-*, обычно переводимое как «закон»¹⁹ и транслируемое в вавилонских версиях как *dīnātu* (*DB Akk.* § 8, 51; *DSe Akk.* 28), уже в эламских версиях надписей Дария I передается как *datam* (*DNa Elam.* 16; *DSe Elam.* 16). Во-вторых, *dāta-* в древнеперсидских надписях отнюдь не означало закон царя как таковой, а обозначало тот общий правовой порядок, санкционированный Ахурамаздой, который включал в себя несение дани и выполнение подданными повелений царя²⁰. Поэтому думается, что эламское слово *tenum* не может быть эквивалентом древнеперсидского *dāta-* и не употребляется в текстах в качестве такового. Таким образом, вызывает сомнение предположение, что *tenumdattira* практически дословно может означать «законодатель».

Тем не менее очевидно также, что слово *framātār* передается как *tenumdattira* исключительно в надписях Дария I (*DNa Elam.* 5–6; *DSe Elam.* 4–6; *DSf Elam.* 4–5). В эламских версиях надписей его сына Ксеркса существительное *framātāram* (acc. sing.) просто калькируется как *pirramatarum* (*XPb Elam.* 5–7; *XPc Elam.* 4–5; *XV Elam.* 7–9; *XE Elam.* 9–12). Только Дарий удостоивается обозначения *tenumdattira* в своих надписях на эламском языке, что, естественно, не может оказаться случайным; данное слово скорее всего было призвано продемонстрировать, что *framātār* / *tenumdattira* относится к царю, известному своей деятельностью по обустройству Персидской империи²¹. Поэтому слово *framātār* должно было характеризовать право царя Дария на издание своих повелений, приказов — *framānā-*²². В дальнейшем формуляр царских надписей на древнеперсидском, сло-

¹⁷ Black *et al.* 2000, 224 (master, ruler, prince).

¹⁸ Первое находит отражение также в традиционном титуле «царь царей» (*xšāyaθīya xšāyaθīyānām*), второе, очевидно, уже соотносится с титулом «царь стран многих людей» (*xšāyaθīya dahyūnām paruzanānām*). Об этом см. Rung 2015b, 133.

¹⁹ Kent 1950, 189 (law); Schmitt 2014, 166 (Gesetz).

²⁰ Об этом значении термина *dāta-* подробнее см. Isakova, Rung 2023, 51–56.

²¹ Так Дарий воспринимался, в частности, в труде Геродота (об этом см. Rung, Chiglintsev 2017, 711–712).

²² Слово *framātār-*, характеризующее право персидского царя в Ахеменидской империи отдавать повеления (*framānā-*), может быть соотнесено со словом *imperator*, обозначающим в Древнем Риме носителя высшей военной власти (*imperium*), которое происходит от глагола *imperare* и относится к праву магистратов приказывать. Примечательно, что еще Ю. Опперт интерпретировал термин *framātār-* как *emperor* в своих переводах на английский царских надписей Ахеменидов, переводя фразу *aīvam parūnām xšāyaθīyam*, *aīvam parūnām framātāram* как «одного царя над многими царями,

жившийся уже при Дарии I, остается неизменным в течение всего периода правления Ахеменидов, однако в эламских и вавилонских версиях он мог претерпевать некоторые изменения.

Далее, обращение к контекстам употребления в надписях слова *framānā*- и его производных (глагольных форм *framāta* и *frāmāyātā*) показывает, что эти слова отнюдь не относятся к обозначению конкретных указов персидских царей, но скорее обозначают само их право издавать такие указы. Так, во второй Накше-Рустамской надписи Дария I качествами царя дважды называются понимание и повеление (*uš ūtā framānā*) (D*Nb* § 8). Этими своими качествами, проявляемыми в военное и мирное время, царь, как он заявляет, превосходит всех остальных людей: «и пониманием и повелением тогда первым я считаю себя при страхе смерти, когда я вижу врага или когда не вижу его» (*utā ušibiyā utā framānāyā adakaj fratarā maniyaj afuvāyā, yadi vajnāmi hamiciyam yaθā yadi naj vajnāmi*). Очевидно, что в данном контексте именно обладание *framānā*- означает неотъемлемое право царя давать повеления своим подданным.

Некоторые тексты ссылаются на право царя приказывать в довольно обобщенном виде. Такова строительная надпись из Суз (D*Sf* § 14): «В Сузах много великолепного было приказано, много великолепного было сделано» (*Çūšāyā paru frašam framātam, paru frašam krtam*). В надписи Ксеркса из Персеполя также подчеркивается право царя давать повеления (X*Pg* § 1):

θāti Xšayāršā, xšāyathiya vazrka: vašnā A.uramazdāha vasaḡ taya najham akunauš utā frāmāyātā Dārāyava.uš xšāyathiya, haya manā pitā; vašnāci A.uramazdāha adam abiyajāvayam abi ava krtam utā fratarām akunavam.

Говорит Ксеркс, царь великий: Милостью Ахурамазды много что хорошего сделал и повелел Дарий царь, мой отец; милостью Ахурамазды я приумножил к тому, что было сделано и что прежде я сделал.

Кроме того, в первой Накше-Рустамской надписи в наставлении Дария I своим потомкам слово *framānā*- уже обозначает повеление Ахурамазды (D*Na* § 6): «О человек! Ахурамазды повелению ты противным не кажись; путь правды не оставляй; не восставай» (*martiyā hayā A.uramazdāhā framānā, haṡtaḡ gastā mā θadaya; paθīm tayām rāstām mā avarada; mā stabava*).

В надписи же из Суз слово *framāta* непосредственно соотносится с обращением царя за поддержкой к богу Ахурамазде (D*Sf* § 6): «Я почитаю Ахурамазду; Ахурамазда мне помощь приносит; что мной было приказано делать, то он хорошо для меня делал» (*adam A.uramazdām ayadaḡ; A.uramazdāmaḡ upastām abara; tayamaḡ framātam cartanaḡ, ava ucārammaḡ akunauš*).

Сохранившиеся эламские и вавилонские версии некоторых упомянутых древнеперсидских надписей, в которых встречается слово *framānā*- и его производные, фактически дают мало нового для интерпретации. В Накше-Рустамской надписи Дария I на эламском языке повеление Ахурамазды (*A.uramazdāhā framānā*) передается как *uramašdana tenum* (D*Na* Elam. 46–48), а в эламской версии надписи из Суз *framātam* – как *tenumduttuk* (D*Sf* Elam. 48–50), т.е. слово-композит, включающее в себя *tenum*. В вавилонской версии данной надписи выражение *tayamaḡ*

одного императора над многими императорами» (sole King of many Kings, sole Emperor of many Emperors) (Oppert 1875, 75, 79, 81–86).

framātam — «что мной было приказано» — передается как a-na-ku ú-ta-a'-a-ma, т.е. снова посредством глагола *tu'umi*.

Таким образом, из представленного анализа источников следует, что ни существительное *framānā-*, ни его производные — глагольные формы не отсылают к каким-то конкретным указам персидских царей. Между тем в корпусе надписей Ахеменидов конкретные указы царя упоминаются, однако для ссылки на них используются иные слова.

2. ЦАРСКИЕ УКАЗЫ

В древнеперсидских царских надписях при отсылке к конкретным указам царя употребляется глагол *niyaštāyam* (imperf. 1 sing.) — «я постановил», производный от не засвидетельствованного в ахеменидских текстах древнеиранского существительного **ništāy-*, обычно интерпретируемого как «указ, постановление, решение»²³. Всего же этот глагол в аналогичном значении встречается в пяти царских надписях Ахеменидов²⁴.

2.1 Указ Дария о казни вавилонского мятежника Арахи

Самое раннее употребление слова *niyaštāyam* засвидетельствовано в Бехистунской надписи при упоминании казни вавилонского мятежника Арахи (DB III. § 50):

avaθā avam Araxam, haya Nabukudracara duruxtam agaṣbatā, utā martiyā, tayaīšai fratamā anušiṣyā āhantā, agrbāya; niyaštāyam, haṣ Araxa utā martiyā, tayaīšai fratamā anušiṣyā āhantā, Bābiraṣ uzmayāpati akariyāntā.

Так, этого Арахи, который Навуходоносором ложно называл себя, и людей, которые его близкими приверженцами были, он (Виндафарна) схватил; я постановил, [чтобы] этот Арахи и люди, которые его близкими приверженцами были, в Вавилоне были помещены на кол.

В Бехистунской надписи еще несколько раз сообщается о казни мятежников, однако во всех остальных случаях ссылка на указ царя отсутствует, а казнь описывается как действие, совершенное перед самим царем. Так, Дарий, согласно тексту надписи, таким образом говорит о казни Фравартиша (DB II. § 32):

Fravartiš āgrabiya anayatā abi mām; adamšai utā nāham utā gayšā utā hazānam frājanam utāšai I cašma avajam; duvarayāmaṣ basta adāriya, haruvašim kāra avaiṣa; pasāvašim Hagmatānai uzmayāpati akunavam, utā martiyā tayaīšai fratamā anušiṣyā āhantā, avai Hagmatānai antar didām frāhajam.

²³ Bartholomae 1904, 1087 (Anordnung, Befehl). Префикс *nī-* обозначает «вниз, внутрь» (ЭСИЯ. V. С. 556; Bartholomae 1904, 1080; Mayrhofer 1996, 40). Глагольный корень *stā-/štā-* «стоять, ставить» в сочетании с префиксом *nī-* приобретает значение «устанавливать, предписывать, приказывать» (Bartholomae 1904, 1604: *instituere, anordnen, befehlen*). В. Хинц выводит от формы *nī-šta-* мидийское **ništāvana-* и арамейское *nštn*, которые он переводит как «постановление» (*Verfügung*) (Hinz 1975, 176). Арамейское слово *nštn*? (**ništāvana*), обозначающее повеление царя, встречается в книге Ездры (4: 7, 18, 23; 5: 5; 7: 11), в письме, адресованном Аршаме (Cowley 1923, No. 17.3 = *ElPap.* B10), а также в арамейских документах из «Бактрийского архива» IV в. до н.э. (Khalili A1:10; A6:6).

²⁴ В статье рассматривается упоминание об указах царя в четырех надписях — трех Дария I (DB, DZc, DSab) и одной надписи Ксеркса (XV). Пятая надпись, ссылающаяся на указ Артаксеркса II о восстановлении ападаны в Сузах после пожара (A²Sa), выходит за хронологические границы данной статьи (ее перевод на русский см. в Edakov 1979, 111).

Фравартиш был схвачен и приведен ко мне²⁵; я ему нос, уши и язык отрезал и ему один глаз я выколол; у ворот связанным держал его, чтобы народ видел [его]; затем его в Экбатанах я поместил на кол, и с людей, которые его близкими приверженцами были, в Экбатанах внутри крепости я содрал кожу²⁶.

В данном случае очевидно, что Фравартиш был приведен к самому царю, который мог лично распорядиться о его казни в устной форме, не прибегая к выпуску соответствующего указа в виде написанного на табличке документа. То же самое произошло и с сагартийцем Чисантахмой (DB II. § 33):

Ciçantaxmam aḡrbāya, anaya abi mām; pasāvašaj adam utā nāham utā gaṣšā frājanam utāšaj 1 cašma avajam; duvarayāmaj basta adāriya, haruvašim kāra avajina; pasāvašim Arbairāyā uzmayāpati akunavam.

Чисантахму (войско) схватило и привело ко мне; затем я ему нос и уши отрезал и ему один глаз я выколол; у ворот связанным держал его, чтобы народ видел [его]; затем его в Арбеле я поместил на кол.

О судьбе эламита Асамайты надпись еще более лаконична: «он был приведен ко мне, и я его убил» (*anaya abi mām utāšim adam avājanam*) (DB V. § 71). Вахияздату, еще одного мятежника, Дарий казнил в Персии, вероятно в своем присутствии, хотя об этом в надписи непосредственно и не говорится: «После этого я этого Вахияздату и людей, которые его близкими приверженцами были, в городе по имени Увадайчая в Персии поместил на кол» (*pasāva adam avam Vahyazdātam utā martiyā, tayajšaj fratamā anušiya āhanta, Uvādaicaya nāma vrdanam Pārsaj avadašiš uzmayāpati akunavam*) (DB II. § 43).

Таким образом, особенностью эпизода с Арахой могло быть то, что царь лично не видел этого мятежника и, как следствие, выпустил специальный указ о его казни. Нагляднее всего это подтверждает вавилонская версия Бехистунской надписи, в которой сообщается (DB Akk. § 39): «Я выпустил указ такой: “Араху и знатных, которые были с ним, поместите на кол”» (a-na-ku ṭe-e-me al-ta-kan um-ma^ma-ra-ḥu ul^lu DUMU.DÜ.MEŠ ša it-ti-šu šu-uk-na-’-šu-nu-tu [ina] za-qi-pi). Слово *ṭēmu*, среди прочего, употребляется в значении приказа, решения, повеления или инструкции²⁷, что в данном случае могло быть задокументировано в виде царского указа о казни Арахы в Вавилоне²⁸. Примечательно, что выражение *ṭēmu*

²⁵ Это же подтверждает текст надписи на аккадском: «они послали его ко мне» (a-na ʾra-ni-ia iš-pu-ru) (DB Akk. § 25).

²⁶ Вавилонская версия надписи отмечает обезглавливание последователей Фравартиша и демонстрацию их голов (DB Akk. § 25).

²⁷ CAD T, p. 85, s.v. *ṭēmu*: 1) report, news, information, situation, matter, 2) order, command, instruction, 3) decision, deliberation, (divine) counsel, will, discretion, initiative, 4) plan, intention, 5) reason, intelligence, 6) (friendly) relations, 7) characteristics, essence. С учетом специфики употребления слова *ṭēmu* в ахеменидском вавилонском, это слово скорее следует интерпретировать именно как «указ». Примечательно, что в книге Ездры указы персидских царей обозначались не иначе как арамейским словом *te'em* (Артахсеркс I: 4:10, 21; 7:14, 21; Кир: 5:13, 21; Дарий: 6:8, 11), когнатом аккадского слова *ṭēmu*.

²⁸ Издатель вавилонской версии надписи Э. Фойгтландер дает следующий перевод этого предложения: «Then I decreed, “As to Arakhu and the nobles who were with him, impale them”» (Voigtlander 1978, 60). Также и Ф. Мальбран-Лабат переводит: «alors je décrétai: “empalez Arahū et avec lui les seigneurs qui (étaient) de son parti”» (Malbran-Labat 1994, 118).

šakānu («выпустить указ») встречается в некоторых документах юридического содержания из Вавилонии, датируемых временем правления Дария I и содержащих ссылку на решения царя. Дж. Макгиннис, в частности, приводит два таких документа из коллекции Британского музея²⁹.

В первом документе, сохранившемся на табличке во фрагментарном виде, в неясном контексте прочитывается фраза: «Дарий царь указ выпустил следующий» (^mda-ri-'a-a-wuš LUGAL tè-e-mu il-ta-[kan] um-ma) (BM 79541, стк. 7–8). Во втором документе, датируемом 21 днем месяца тебету 17 года Дария, контекст более ясен (BM 75849). В нем говорится, что некий Набу-зер-укин, писец/переводчик, и его подчиненные в Сиппаре ссылались на конкретный указ Дария (^mda-ri-'a-šu LUGAL tè-e-mu il-ta-kan um-ma) о том, что было приказано получить финансовый отчет главного казначея бога Шамаша (стк. 1–7).

В эламской версии Бехистунской надписи в контексте рассказа о казни Арахи используется глагол *šera* (1 sing.) — «я приказал» как эквивалент *niyaštāyam* (DB Elam. § 39)³⁰. Тот же самый глагол *šera-* («приказывать, повелевать, постановлять»³¹) неоднократно встречается на табличках из персепольского архива крепостной стены и сокровищницы, в частности при ссылках на конкретные распоряжения как царя, так и других высокопоставленных служащих царской администрации³²; таким образом, кажется, что это слово в ахеменидском эламском не было *terminus technicus* для обозначения исключительно царских указов. О порядке передачи приказов от царя непосредственным исполнителям наглядно свидетельствует Fort. 6764 о выделении 100 овец царице Ирташдуне (Аристоне?): «Скажи Харрене, главному пастуху. Фарнак сказал следующее: царь Дарий велел мне (*še-ra-iš*⁴): “Из моего имущества 100 овец надо передать царице Ирташдуне”. Поэтому Фарнак говорит: “Как царь Дарий велел мне (*še-ra-iš-da*), я приказываю тебе (*še-ra-man-ka*₄): ты должен передать 100 овец царице Ирташдуне, как это приказано царем (*še-ra-ka*₄)”. 1-й месяц 19 (?) г., Ансукка написал [письмо], Мараза сообщил его содержание» (пер. М.А. Дандамаева)³³. Однако неизвестно, всегда ли древнеперсидский глагол *niyaštāyam* отсылал только к указам царя, поскольку в корпусе царских надписей все повеления исходят исключительно от него³⁴.

²⁹ MacGinnis 2008, 87–99.

³⁰ Grilliot-Susini *et al.* 1993, 54 (je donnai des ordres).

³¹ Hallock 1969, 756. Автор приводит этот глагол *šera-* в разных грамматических формах, встречающихся в персепольском архиве крепостной стены: *šera* («я приказал»), *šeraka* («было приказано»), *šeramanka* («я приказываю»), *šeraš* («он приказал»), *šerašta* («он/они приказали»).

³² Приказы царя: PF 1620, 1795, 1827, 1856; Fort. 6764; PT 4–8; приказы других должностных лиц: PF 309, 812, 1230, 1231, 1612, 1748, 1860.

³³ См. транслитерацию, перевод и интерпретацию этого документа в Henkelman 2010, 667–669.

³⁴ В двух документах на арамейском языке из «Бактрийского архива» IV в. до н.э. (Khalili A1:10; A6:6) встречается слово *nštn'*, *ništāvan(a), для обозначения повелений Ахвамазды, возможно, сатрапа Бактрии (Naveh, Shaked 2006, 17), своему подчиненному Багаванту. К. Таплин считает, что сатрап говорит о необходимости повиноваться его закону (Tuplin 2015, 77).

2.2 Указ Дария о постройке канала в Египте

Особенно примечателен царский указ о строительстве канала, соединяющего Нил с Красным морем и открывающего наиболее быстрое сообщение между Египтом и Персией. Вероятно, не только удобства коммуникации внутри империи³⁵ и торговые соображения³⁶ побудили Дария приказать прорыть канал, но и стремление превзойти в чем-то Камбиза и фараонов — своих предшественников в Египте³⁷, а также, возможно, и стратегические мотивы: благодаря этому каналу персы могли более эффективно контролировать Египет и Аравию³⁸. Одна из сохранившихся «Суэцких стел» Дария I³⁹ содержит текст на древнеперсидском языке, в котором, в частности, присутствует ссылка на сам указ Дария в отношении строительства этого канала (DZc § 3):

θāti Dārayava.us̥ xšāyaθiya: adam Pārsa ami; hacā Pārsā Mudrāyam agrbāyam; adam niyaštāyam, imām yaūviyām kantanaḥ hacā — Pirāva nāma raūta, taya Mudrāyaḥ danuvati, — abi draya, taya hacā Pārsā aḡti; pasāva iyam yaūviyā akaniya, avaθā yaθā adam niyaštāyam, utā nāva ayantā hacā Mudrāyā tara imām yaūviyām abi Pārsam, avaθā yaθā mām kāmā āha.

Говорит Дарий царь: я перс; из Персии я Египет захватил; я *постановил* этот канал прорыть — от реки по имени Нил, которая в Египте течет, — до моря, которое от Персии идет; после того этот канал был прорыт так, как я *постановил*, и корабли отправились из Египта по этому каналу в Персию, таково было мое желание.

Масштабность и значимость этого проекта трудно переоценить: подобный канал пытались прорыть, согласно древнегреческой традиции, еще египетские фараоны, затем их дело продолжил Дарий I, а завершил Птолемей II Филадельф. Наконец, существуют свидетельства, что канал был в употреблении в эллинистическое и римское время⁴⁰. По словам Геродота, (Hdt. II. 158; ср. IV. 42), Нехо, сын Псамметиха, первым начал строить канал, ведущий в Красное море, что потом продолжил персидский царь Дарий. Диодор (Diod. I. 33. 8–11) описывает историю строительства канала следующим образом: «Из Пелусийского устья идет искусственный канал в Аравийский залив и Красное море. Первым начал строить этот канал Нехо, сын Псамметиха, а после него некоторое время продолжал работы Дарий, персидский царь, но в конце концов оставил, не закончив строительство... Впоследствии второй Птолемей закончил строительство канала, соорудив в самом подходящем месте искусственно устроенный шлюз». Однако существовала и традиция, которая приписывала строительство канала

³⁵ Tuplin 1991, 255.

³⁶ К. Таплин отрицает «торговые мотивы» для строительства канала Дарием (Tuplin 1991, 281). Д. Клотц полагает, что канал был предназначен для наиболее рационального вывоза из Египта в Персию подати, рабочей силы и строительных материалов (Klotz 2015, 275–276), с чем, разумеется, следует согласиться.

³⁷ А.Б. Ллойд отмечает, что надпись, знаменующая строительство канала, хорошо соответствует египетским нормам (Lloyd 2007, 107).

³⁸ По всей видимости, канал мог предназначаться также для военных целей, например, чтобы ускорить переброску войск в Египет в случае восстания и для дальнейшего завоевания Аравии. Другое дело, что, вероятно, в таком качестве он никогда не использовался.

³⁹ Очень обстоятельный обзор «Суэцких стел» Дария I см. в Posener 1936, 50–87.

⁴⁰ Все основные свидетельства о строительстве и функционировании канала в период античности были собраны в статье Ж.-Ж. Обера (Aubert 2004, 225–239).

не кому иному, как еще фараону Сесострису (Arist. *Met.* 852b; Strabo. I. 2. 31 C38d; VIII. 1. 25 C804). Плиний Старший (Plin. *NH.* VI. 165), не упоминая фараона Нехо, полагает, что проект строительства канала задумал первоначально Сесострис, царь Египта, позже персидский царь Дарий, затем Птолемей II, который и прорыл канал. «Суэцкие стелы» Дария свидетельствуют, что строительство канала было им успешно завершено⁴¹.

2.3 Указ Дария о создании своей статуи в Египте

В Национальном музее Ирана в Тегеране экспонируется статуя Дария, обнаруженная в ходе франко-иранских раскопок в Сузах в 1972 г. Эта статуя Дария, сооруженная в Египте, несомненно, служила символом персидского господства над этой страной, как можно судить по присутствующим на ней надписям. Наряду с египетскими иероглифическими надписями, на статуе на складках одежды Дария имеются клинописные надписи на древнеперсидском, эламском и аккадском языках, которые ссылаются на указ Дария о сооружении этой своей статуи. Текст на древнеперсидском гласит (*DSab* § 2):

iyam patikara aḏangaiṇa, tayam Dārayava.us̥ xšāyadīya niyaštāya cartanaṇi Mudrāyā; avahyarādī hayašim aparam vaṇnāti, avahyā aždā bavātiy, taya Pārsa martiya Mudrāyam adāraya.

Вот статуя каменная, которую Дарий царь постановил сделать в Египте; того ради, чтобы тому, кто потом увидит ее, было известно, что персидский муж⁴² обладал Египтом.

В эламской версии надписи на месте глагола *niyaštāya* древнеперсидского текста стоит глагол *šeraš*, т.е. «он приказал», а в вавилонской видим уже традиционное выражение ^mda-a-ti-ia-a-muš LUGAL te-e-me iš-ku-nu, т.е. «Дарий царь указ выпустил»⁴³. Исторический контекст и идеологическое значение появления статуи Дария были обстоятельно исследованы в статье И.А. Ладынина, что избавляет от необходимости детального рассмотрения данных вопросов⁴⁴. Кратко резюмируем лишь два аспекта

⁴¹ А.В. Эдаков пишет о важных экономических последствиях сооружения канала по приказу Дария: «Значение канала Дария трудно переоценить. Прежде всего он способствовал первенствующей роли Египта в торговле со странами, находившимися в сфере действия этого водного пути. Не случайно Мемфис, Саис, Бубастис, Аххер (последний античные авторы называли египетским Вавилоном), Гелиополь (и этот список далеко не полный) — все эти города были торговыми и ремесленными центрами и до персов, и после них (в IV—III вв. до н.э.), и позднее» (Edakov 1980, 118).

⁴² Словосочетание «персидский муж» (*Pārsa martiya*) при отсылке на завоевания царя Дария содержится также в надписи на царской гробнице в Накше-Рустаме рядом с рельефом, изображающим народы, несущие царский трон (*DNa* § 4): «Если ты подумаешь, как многочисленны были эти страны, которыми царь Дарий обладал, то посмотри на рельефы, которые трон несут, тогда ты узнаешь и тебе будет известно, что копье персидского мужа далеко проникло (*Pārsahyā martiyahyā dūraṇi arštiš parāgmatā*), тогда тебе будет известно, что персидский муж далеко от Персии поразил (врага) в бою» (*Pārsa martiya dūraṇi hacā Pārsā partaram patiyajatā*). Как справедливо полагает П. Бриан, словосочетание «персидский муж» обычно подразумевает самого царя, но в то же время относится и ко всем персидским воинам, которые его сопровождают (Briant 1999, 110).

⁴³ Vallat 1974, 159—160.

⁴⁴ Ladynin 2011, 3—27.

темы: обстоятельства создания статуи Дария в Египте и ее попадания в Сузы. В отношении первого заманчиво связывать ее сооружение в Египте с рассказами Геродота (Hdt. II. 110) и Диодора Сицилийского (Diod. I. 58. 4) о том, что сам Дарий в Египте попытался поместить свою статую в мемфисский храм Гефеста (Птаха), но вынужден был подчиниться запрету жреца⁴⁵. В этом сообщении, собственно говоря, может содержаться ответ на второй вопрос: не найдя возможности поместить свою статую в один из храмов Египта, не нарушая египетских обычаев, сам Дарий мог приказать перевезти свою статую в Сузы и поместить у входа в царский дворец⁴⁶.

2.4 Указы Дария и Ксеркса о надписях в районе озера Ван

В данном разделе речь пойдет об указах царей Дария и Ксеркса о том, чтобы высечь на камне свои надписи, которые упоминаются в трилингвальной надписи Ксеркса, помещенной на южном склоне горы у крепости Тушпа (бывшая столица Урарту), недалеко от озера Ван, в сатрапии Армения. Надпись располагалась в нише, специально подготовленной на поверхности скалы, и состояла из 27 строк, высеченных на древнеперсидском, эламском и аккадском языках. Версия надписи на древнеперсидском языке гласит (XVa § 3):

ḏāti Xšayārša xšāyaθiya: Dārayava.uš xšāyaθiya, haya manā pitā, — haṇ vašnā A.uramazdāha vasaj taya najbat akunauš, utā ima stānam haṇ niyaštāya kantanaṇ, yanaṇ dipim naṇ nipištām akunauš; pasāva adam niyaštāyam imām dipim nipaṇtanaṇ.

Говорит Ксеркс царь: Дарий царь, мой отец, — милостью Ахурамазды много прекрасного сделал, и это место он *поставил* сделать, где текст надписи не сделал; затем я *поставил* этот текст написать⁴⁷.

Стремление Дария оставить надпись на скале вблизи озера Ван вызывает удивление у исследователей. А. Курт полагает, что это могло быть связано с многочисленными битвами, которые имели место в этом регионе после того, как Дарий овладел троном⁴⁸. По мнению Э. Дезинберр, эта надпись в Ване, — один из немногих найденных экземпляров древнеперсидского за пределами Ирана, — свидетельствует о том, что Дарий и Ксеркс открыто простирают свою царскую власть в горы и долины Анатолии. Исследователь утверждает следующее: «Первое упоминание Ксеркса об Ахурамазде подтверждает связь его с религией своего отца, используя язык, который отражает тот, что использовал Дарий в имперских надписях в Персии. В своей новой надписи в Ване Ксеркс утверждает, что его

⁴⁵ Ladynin 2011, 10, n. 38; Rung, Chiglintsev 2017, 709.

⁴⁶ Понятно, что предлог, выдвигаемый античными авторами, под которым жрецы запретили Дарию помещать свою статую в храм, вымышленный (Hdt. II. 110; Diod. I. 56. 4: персидский царь еще не превзошел своими деяниями Сесостриса, чтобы помещать свою статую перед статуями этого древнего царя). Истинную причину, видимо, нужно искать в соотношении египетских обычаев с отношением жречества к Дарию в Египте. Но предоставим возможность египтологам разбираться в этих вопросах. О других возможных причинах перемещения статуи Дария из Египта в Сузы см. Ladynin 2011, 7–8.

⁴⁷ Традиционно в эламской версии используется глагол *šeraš* (стк. 20–22) и *šera* (стк. 22–24), в вавилонской — *ṭemu [iš]takan* (стк. 20–21) и *anāku ṭemu altakan* (стк. 22–23).

⁴⁸ Kuhrt 2007, 301 (No. 86, n. 4).

бог — величайший бог, бог-творец и благодаря своей легитимирующей мощи Ксеркс правит. Кроме того, Ксеркс утверждает в этой надписи, что он является законным правителем по происхождению. И он хороший царь и хороший сын, заканчивающий дело, начатое отцом»⁴⁹. Л. Хачадурян обращает внимание на религиозное назначение надписи: «Но можно не сомневаться, что этот памятник был не для простых смертных. Его расположение на высоком скалистом утесе делало его трудноразличимым, а в районе, где практически не было и следа грамотности, он в любом случае был бы непонятен большинству наблюдателей. Поэтому нашего внимания требует космологическая коннотация текста»⁵⁰.

Однако сразу следует отметить, что «космологическая версия» появления текста не представляется убедительной, поскольку в своей надписи Ксеркс не привносит ничего нового в вопросах религии, а повторяет уже встречавшиеся в других текстах формулы прославления Ахурамазды. Также неубедительна точка зрения, что цель создания надписи Ксерксом состояла в том, чтобы открыто заявить о преемственности со своим отцом Дарием.

Нетрудно заметить, что Ванская надпись не несет никакой особой смысловой нагрузки кроме утверждения, что еще Дарий приказал высечь здесь эту надпись, а Ксеркс исполнил это намерение. Поэтому наиболее вероятной ее целью было желание Ксеркса просто сообщить о более раннем по времени указе Дария высечь свою надпись в районе озера Ван. Это было обусловлено тем, что содержательная сторона ненаписанного текста Дария должна была оставаться неизвестной для его сына Ксеркса. А Дарий, как справедливо предполагает А. Курт, мог действительно планировать увековечить надписью свои победы в Армении над мятежниками (*DB II. § 26–30*), однако его смерть в 486 г. до н.э. или какие-либо другие обстоятельства помешали исполнению этого замысла. Это представляется весьма вероятным, поскольку сохранились фрагменты победной стелы царя Дария из Вавилона, в которой тот воспроизводит рельеф и текст Бехистунской надписи, но только в отношении своих побед над вавилонскими «лже-царями» Надинтабайрой (Нидинту-Белом) и Арахой⁵¹. Поэтому можно предположить существование «локальных версий» Бехистунской надписи, имеющих привязку к конкретным событиям в сатрапиях.

3. ЦАРСКИЕ ПРИКАЗЫ

В ряде надписей в самом общем виде заявляется об обязательности исполнения царских повелений. Это считалось, наряду с выплатой подати, проявлением верноподданничества и следования царскому закону (*dāta-*): «Вот эти страны/народы, которые перешли ко мне, по воле Ахурамазды моими подданными они были, мою дань они несли, что мной было сказано им, днем ли, ночью ли, то они делали» (*tayašām hacāma adanhya xšapavā raucapativā, ava akunavayantā*) (*DB I. § 7*); «эти страны/народы моему закону следовали. Что мной было сказано им, то они делали» (*yaθāšām hacāma adanhya, avaθā akunavayantā*) (*DB I. § 8*); «вот эти страны/народы,

⁴⁹ Dusinberre 2013, 52.

⁵⁰ Khatchadourian 2016, 152.

⁵¹ Seidl 1999.

которые я захватил за пределами Персии, я ими управлял, мою дань они несли, что мной было сказано им, то они и делали (*tayašām hacāta ađanhya, ava akunava*), мой закон их удерживал» (*DNa* § 3; *DSe* § 3); «что я им говорил, то они и делали, таково мое желание» (*tayašām adam ađanham, ava akunava uadā mām kāmā*) (*DNa* § 4); «вот эти страны/народы, которых я был царем за пределами Персии, я ими управлял, мою дань они несли, что мной было сказано им, то они и делали (*tayašām hacāta ađanhya, ava akunava*), мой закон их удерживал» (*XPh* § 3)⁵².

Особую категорию царских повелений образуют царские приказы, которые выражаются, как правило, посредством глагола «говорить» (*ṭah-*) с последующей прямой речью, содержащей текст приказа в императиве. Во всем корпусе царских надписей Ахеменидов приказы встречаются исключительно в Бехистунской надписи, в основном от царя к командирам или армии. Всего насчитывается 6 случаев, когда Дарий отдает приказы.

Эти приказы следуют после сообщения о назначении царем военачальника в военной кампании против мятежников: Видарны (*DB II. § 25*), Дадаршиша (дважды: *DB II. § 26*; *III. § 38*), Ваумисы (*DB II. § 29*), Тахмасапы (*DB II. § 33*), Виндафарны (*DB III. § 50*). В таком случае устойчивые обороты имеют незначительное расхождение и зависят от того, отдает ли царь приказ своему военачальнику (*mađišta*)⁵³ или своей армии (*kāra*). Этот приказ начинается со слов царя: «Я ему/им так сказал»⁵⁴. Далее уже следует текст приказа: «Иди/идите, мятежное войско, которое меня не признает, разбей/разбейте»⁵⁵.

Можно предположить, что расхождение в адресате приказа было обусловлено тем, лично ли царь отдает свой приказ, как в случае, когда приказ отдается военачальнику, или же приказ имеет форму письменного распоряжения, которое зачитывается войску. Обращение к надписям на других языках Бехистунской надписи позволит отчасти пролить свет на этот вопрос.

Э. Филиппоне обращает внимание на строки эламской версии Бехистунской надписи, сообщающей о назначении Дадаршиша военачальником в кампании против мятежника Фрады в Маргиане⁵⁶. Но если древнеперсидская версия сообщает от первого лица, что царь «сказал ему» (*DB III. § 38: avađāšaj ađanham*), т.е.

⁵² О связи следования царскому закону (*dāta-*) с надлежащим исполнением поручений царя подробнее см. Isakova, Rung 2023, 53.

⁵³ О значении термина *mađišta* см. Rung 2015a, 337–339.

⁵⁴ Обоих случаев поровну. *DB II. § 26, 29; III. § 38*: «я сказал ему так» (*avađāšaj ađaham*); *DB II. § 25, 33; III. § 50*: «я сказал им так» (*avađāšām ađaham*).

⁵⁵ *DB II. § 26, 29: parađi, kāra haya hamičiya manā naj gaṇbataj avam jadi; DB III. § 38: parađi, avam kāram jadi, haya manā naj gaṇbataj; DB II. § 25: parađi, avam kāram tayam Mādam jatā, haya manā naj gaṇbataj; DB II. § 33: parađi, kāram hamičiyam, haya manā naj gaṇbataj, — avam jatā; DB III. § 50: parađi, avam kāram Bābiruvīyam jatā, haya manā naj gaṇbataj*. Из этой подборки ясно, что в двух случаях вместо обобщенного выражения «мятежная армия» (*DB II. § 26, 29, 33: kāra haya hamičiya*) или «эта армия» (*DB III. § 38: avam kāram*), которая не признает царя Дария, конкретизируется: «мидийская армия» (*DB II § 25: kāram tayam Mādam*) и «вавилонская армия» (*DB III. § 50: kāram Bābiruvīyam*).

⁵⁶ Filippone 2019, 296–297.

Дадаршишу, то эламская версия текста уточняет: «Вестник, которого я послал со словами» (*DB Elam. II. § 31: hutlak hupirrikki tinkia nanki*)⁵⁷.

Возможная причина такой конкретизации заключается в занимаемой Дадаршишем должности сатрапа в Бактрии (*Bāxtriya xšaçapāvā*), с которым сам Дарий в то время, когда отдавал ему свой приказ, мог сообщаться только посредством вестника. Вавилонская версия Бехистунской надписи во всех случаях, когда информирует о направлении Дарием своих приказов, использует глагол *šapāru* в форме перфекта⁵⁸ со значением «направлять вестника», «посылать сообщение», «приказывать»⁵⁹, поэтому в принципе допускает передачу царского приказа как лично, так и посредством направления вестника.

4. ПРОКЛАМАЦИЯ КСЕРКСА

В одном из текстов Ахеменидов — антидэвовской трилингвальной надписи, теперь известной на пяти каменных табличках из Персеполя и Пасаргад⁶⁰, — содержится призыв Ксеркса не почитать дэвов, а почитать Ахурамазду. Поскольку очевидно, что это заявление не относится непосредственно к царским указам или приказам, оно должно быть выделено в качестве отдельной разновидности повелений царя своим подданным — прокламации (*XPh § 4*):

utā antar aītā dahyāva āha, yadātaya paruvam daiṣvā ayadiya; pasāva vašnā A.uramazdahā adam avam daiṣvadānam viyakanam utā patiyazbayam: “daiṣvā mā yadiyaiša”; yadāyadā paruvam daiṣvā ayadiya, avadā adam A.uramazdām ayadaṣi rtācā brazmaniya.

И среди этих стран была такая, где прежде дэвы почитались. Затем милостью Ахурамазды я это место почитания дэвов срыл и призвал: «Дэвов не почитайте»; где прежде дэвов почитали, там я почитал Ахурамазду и Арту в бразмане⁶¹.

В историографии существуют значительные расхождения в интерпретации надписи. Споры исследователей как по поводу датировки документа⁶², так

⁵⁷ Grilliot-Susini *et al.* 1993, 51 (Je dépêchai un messenger auprès de lui, (en lui) disant). В тексте употребляется слово «вестник» (*hutlak*). Более точным, однако, представляется дословный перевод Ф. Валла: «Un messenger, à celui-ci, j'ai envoyé (auquel) j'ai dit» (Vallat 1977, 240).

⁵⁸ Всегда *altapar umma* (*DB Akk. § 22, 23, 24, 26, 31, 50*), без различий между адресатом приказа. Э. Фойгтландер переводит в зависимости от контекста: «I send (him/them) an order/orders» (Voigtlander 1978, 56–60).

⁵⁹ CAD Š, 1, p. 430, s.v. *šapāru*: 1) to send a person, to convey goods, animals, to send against, 2) to send word, to send a report, a message, to write, 3) to order, give orders, to command, to administer, to control, to govern, rule.

⁶⁰ Первоначальная публикация текста надписи с нормализацией и переводом на немецкий язык принадлежит Э. Херцфелду (Herzfeld 1936).

⁶¹ По мнению М. Н. Боголюбова, слово *brazmaniya* является производным от *brazman* («обряд», «молитва») и означало обряд поклонения Ахурамазде (Bogolyubov 1966, 44).

⁶² Э. Херцфелд и Р. Кент предположили, что события, упомянутые в надписи, относятся к периоду с 486 по 480 г. до н.э., но нет никакой возможности доказать это (Herzfeld 1936, 66; Kent 1937, 305). А. Курт осторожно датирует антидэвовскую надпись периодом после неудачной попытки Ксеркса завоевания греков в 480 г. до н.э. (Kuhrt 2007, 305), однако это мнение также лишено аргументации.

и относительно его содержания⁶³ не прекращаются десятилетиями. И помещение этой надписи в достоверный хронологический и исторический контекст на данном этапе исследований представляется едва ли возможным ввиду неясности самого текста и полного отсутствия современных тому времени свидетельств, которые могли бы быть соотнесены со сведениями, содержащимися в нем⁶⁴.

В тексте данной надписи особый интерес представляет глагол *patiyazbayam*, который встречается во всем корпусе надписей Ахеменидов лишь в этом тексте. Э. Герцфельд, *editor princeps* надписи, дает смысловые переводы этого глагола: «объявил о запрете», «издал запрет»⁶⁵. Однако в своей статье, являющейся откликом на первоначальную публикацию надписи, Р. Кент переводит глагол *patiyazbayam* как «провозгласил»⁶⁶. Р. Шмитт в своих переводах антидэвовской надписи Ксеркса интерпретирует глагол как «я отдал приказы»⁶⁷, но такой перевод-интерпретация на самом деле наименее точен, так как он не делает различия между терминами со схожим значением.

Глагол *patiyazbayam* (imperf. 1 sing.) в тексте антидэвовской надписи является производным от **pati-zbā-*, префикс *pati-* означает «против»⁶⁸, а корень **zbā-* — «звать», и таким образом глагол **pati-zbā-* может интерпретироваться как «призывать против»⁶⁹, что вполне соотносится с контекстом надписи. Так, надпись Ксеркса призы-

⁶³ Р. Стоунмен приводит основные версии локализации похода Ксеркса против почитателей дэвов, рассматривая в качестве альтернативы Вавилон, Египет и Грецию (Stoneman 2015, 106–107).

⁶⁴ В одном из недавних обстоятельных исследований антидэвовской надписи подчеркивается невозможность помещения событий, упомянутых в тексте, в достоверный исторический контекст и заявляется, что «идеологический фактор был самым значимым элементом этого текста» (Huyana Ávila 2020, 170–171). Однако недавно новая попытка исторической интерпретации этой надписи была предпринята И. Якубовичем, который привел ряд аргументов в пользу ее связи с походом Ксеркса в Грецию и сожжением Афин в 480 г. (Yakubovich 2023). Однако обстоятельная оценка этой интерпретации не может быть дана в рамках данной статьи.

⁶⁵ Herzfeld 1936, 61 (verkündete das verbot); 1938, 34 (erließ das verbot). Такой перевод принят в издании надписей Ахеменидов П. Лекока: «я запретил» (j'ai interdit) (Lecoq 1997, 258).

⁶⁶ Kent 1937, 297 (I proclaimed). В своем издании древнеперсидских надписей Р. Кент переводит глагол *patiyazbayam* как «I made proclamation» (Kent 1950, 151).

⁶⁷ Schmitt 2000, 93 (I gave orders); 2009, 167 (ich... angeordnet).

⁶⁸ Bartholomae 1904, 822: *patiy (pati)* — gegen (praen.); ЭСИЯ VI, С. 244–245, s.v. **pati* — наречие, предлог, проверб., префикс «против, перед, к, у» — из арийск. **pati*, восходящего к и.-е. **poti*. «напротив, вопреки, против».

⁶⁹ В. Хинц считает глагол **patizbāta* восточно-иранским / мидийским и переводит его как «запрещать» (verboten: Hinz 1975, 190). Р. Кент отмечает, что глагол *zbā-* означает «звать», а *pati-* + *zbaya* — «провозглашать» (proclaim), но при этом исследователь подчеркивает, что этот глагол используется только при запретах (Kent 1950, 211). Р. Шмитт переводил оба глагола *zbā-* и *pati-zbā-* только как «приказывать» (anordnen: Schmitt 2014, 231, 294). Примечательно, что в этимологическом словаре иранских языков сделана ссылка на Кандагарскую арамейскую надпись Ашоки, обнаруженную в 1958 г., в которой глагол *ptyzb (patizbada)* означает «тот, чей призыв направлен против, непокорный, противоречащий, грубый» (компози́т из **pati-* — «против» и **zbada* — «зов, возглас, призыв, речь») (ЭСИЯ VI, С. 248).

вает против почитания дэвов. Но если обратиться к вавилонской и эламской версиям антидэвовской надписи Ксеркса, получим ли мы подтверждения этому заключению? В вавилонской версии текста прокламация Ксеркса начинается со слов *apteqir umma* («я так провозгласил»), что не так явно передает запретительный характер воззвания царя (хотя одно из значений глагола *paqāru* — «бросить вызов», «противостоять»⁷⁰). Эламская версия надписи в данном месте содержит слово *kiten*⁷¹, которое, как считает В. Хенкельман, не соответствует параллельным пассажам надписи на древнеперсидском и аккадском языках: «Эламский имеет другое послание: царь хвастается *kiten*, чтобы навязать свою власть и справедливое правление, послание, которое переключается с новоэламскими надписями, в которых боги и цари помещают *kitin*, “защиту”, на рельефы или совместно устанавливают *kitin appa šutur*, “правильный порядок”. Обратим внимание, что и в *XPh* бог (Ахурамазда) сделан ответственный за *kiten*, установленным его агентом»⁷². На это можно сказать, что совсем не обязательно употребленное в эламской версии антидэвовской надписи слово *kiten* включало в себя какие-то идеологические коннотации, восходящие к ново-эламским реалиям. Чаще всего в качестве альтернативы древнеперсидским словам в эламском и аккадском языках подбирались слова и выражения, наиболее близко подходящие по смыслу, но в ряде случаев они, конечно, могут уточнить или прояснить значение текста.

Поэтому думается, что эламское слово *kiten* в данном контексте несет в себе примерно тот же смысл, что и глаголы **pati-ḫbā-* в древнеперсидском и *paqāru* в аккадском: воззвание Ксеркса, может быть, с дополнительным оттенком, выражающим запрещение. Так что эламская версия антидэвовской надписи скорее всего передает значение, зависящее от значения древнеперсидской версии, а не что-то совершенно иное, как полагает Хенкельман.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, исследование повелений Дария I и Ксеркса, отраженных в корпусе царских надписей Ахеменидов, позволяет прийти к следующим выводам. Прежде всего, такие повеления могут быть разделены на три группы: 1) царские указы; 2) царские приказы; 3) прокламации. Удалось выявить упоминания в надписях следующих царских указов: а) указ Дария о казни вавилонского мятежника Арахи (в Бехистунской надписи); б) указ Дария о постройке канала в Египте (на «Суэцкой стеле»); в) указ Дария о создании своей статуи в Египте (на статуе Дария из Суз); г) указы Дария и Ксеркса о надписях в районе озера Ван (в «Ванской» надписи Ксеркса). Что касается приказов, то они присутствуют только в Бехистунской надписи и представляют собой распоряжения Дария, отданные своим командирам или армии в устной или письменной форме, непосредственно или при помощи вестника. Среди царских повелений можно выделить

⁷⁰ От глагола *paqāru* (*baqāru*). См. CDA p. 38, s.v. *baqāru(m)*: to (lay) claim; CAD P, p. 130, s.v. *paqāru*: 1) to claim (property), to contest (a sale or transfer), 2) to challenge, contest the validity of (a seal), 3) to demand, command, to confront (someone); 4) to contest mutually, 5) to raise a claim, to lay claim to, to challenge, threaten (?), 6) to be claimed.

⁷¹ Перевод Р. Хэллока слова *kiten* как «запрет» (*ban*, *interdiction*) всецело зависит от перевода параллельного текста на древнеперсидском (Hallock 1969, 714).

⁷² Henkelman 2008, 367–368. Э. Филиппоне с энтузиазмом принимает интерпретацию В. Хенкельмана (Filippone 2019, 299–300).

также прокламацию Ксеркса, содержащуюся в антидэвовской надписи и обращенную в виде воззвания к подданным.

Такая систематизация царских повелений подтверждается и в результате анализов соответствующих терминов и идиоматических выражений на трех языках (древнеперсидском, эламском и аккадском), относящихся к царским повелениям. Так, встречающийся в ряде надписей термин *framānā-* (на эламском — *tenum*), переводимый как «приказание, повеление», не обозначал конкретные указы, а скорее имел отношение к праву царя издавать соответствующие повеления (отсюда происходит и один из эпитетов царя *framātār* — повелитель, а эламский его эквивалент *tenumdattira* даже употреблялся исключительно по отношению к Дарию I, известному своей деятельностью по обустройству Персидской империи). При упоминании конкретных указов надписи используют глагольную форму *niyaštāyam* (imperf. 1 sing.) — «я постановил», передаваемую на аккадском словосочетанием *ṭētu šakānu* — «выпустить указ». При ссылках на царские приказы в Бехистунской надписи употребляется глагол *ḡah-* («говорить») и его эквиваленты на других языках с последующей прямой речью, содержащей текст приказа в императиве. Особенно интересен случай с прокламацией Ксеркса, при передаче которой используется глагол *patiyazbayam* (imperf. 1 sing.) — «я призвал», однако с дополнительной запретительной коннотацией (благодаря префиксу *pati-*). Таким образом, подводя итог, можно отметить, что царские надписи предоставляют важную, подчас уникальную, информацию о правовой системе Ахеменидов.

Литература / References

- Aubert, J.-J. 2004: Aux origines du canal de Suez? Le canal du Nil à la mer Rouge revisité. In: M. Clavel-Lévêque, E. Hermon (éd.), *Espaces intégrés et ressources naturelles dans l'Empire romain. Actes du colloque de l'Université de Laval — Québec (5–8 mars 2003)*. Besançon, 219–252.
- Bahenheimer, A. 2018: *Old Persian: Dictionary, Glossary, Concordance*. Malden—Oxford—Chichester.
- Bartholomae, C. 1904: *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg.
- Bickerman, E.J. 1946: The Edict of Cyrus in Ezra 1. *Journal of Biblical Literature* 75, 249–275.
- Bogolyubov, M.N. 1966: [Aramaic Building Inscription from Aswan]. *Palestinskiy sbornik [Palestinian Collection]* 15 (78), 41–46.
- Боголюбов, М.Н. Арамейская строительная надпись из Асуана. *Палестинский сборник* 15 (78), 41–46.
- Briant, P. 1999: The Achaemenid Empire. In: K. Raaflaub, N. Rosenstein (eds.), *War and Society in the Ancient and Medieval Worlds. Asia, the Mediterranean, Europe and Mesoamerica*. Washington, 105–128.
- Briant, P., Henkelman, W., Stolper, M. (eds.) 2008: *L'archive des Fortifications de Persépolis. État des questions et perspectives de recherches*. Paris.
- Chaumont, M.-L. 2000: Framadār (Framātār). In: E. Yarshater (ed.), *Encyclopaedia Iranica*. Vol. X/2. New York, 125–126.
- Cowley, A. 1923: *Aramaic Papyri of the Fifth Century B.C.* Oxford.
- Dandamaev, M.A., Lukonin, V. 1980: *Kul'tura i ekonomika Drevnego Irana [The Culture and Economics of Ancient Iran]*. Moscow.
- Дандамаев, М.А., Луконин, В. *Культура и экономика Древнего Ирана*. М.
- Démare-Lafont, S. 2006: dātu ša šarri. La «loi du roi» dans la Babylonie achéménide et séleucide. *Droit et Cultures* 52, 13–26.
- Dusinberre, E.R.M. 2013: *Empire, Authority, and Autonomy in Achaemenid Anatolia*. Cambridge.
- Edakov, A.V. 1979: [Recently Discovered Achaemenid Inscriptions]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3, 104–114.
- Эдаков, А.В. Новые находки надписей Ахеменидов. *ВДИ* 3, 104–114.

- Edakov, A.V. 1980: [The Egyptian Canal of Darius I and Its Building Date: A Comparative Study of the Sources]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 105–120.
- Эдаков, А.В. Сравнительный анализ источников о египетском канале Дария I и время его сооружения. *ВДИ* 2, 105–120.
- Filippone, E. 2019: The Orders of the King: Reported Directive Quotations in the Achaemenid Royal Inscriptions. In: S. Badalkhan, G.P. Basello, M. de Chiara (eds.), *Iranian Studies in Honour of Adriano V. Rossi*. Pt. 1. Napoli, 291–323.
- Fragner, B.G. 2016: Farmān. *Encyclopaedia Iranica*. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/farman>; accessed on: 08.02.2024.
- Grabbe, L.L. 2006: The “Persian Documents” in the Book of Ezra: Are They Authentic? In: O. Lipschits, M. Oeming (eds.), *Judah and the Judeans in the Persian Period*. Winona Lake (IN).
- Grilliot-Susini, F. 1990: Les textes de fondation du palais de Suse. *Journal Asiatique* 278, 213–222.
- Grilliot-Susini, F., Harrenschmidt, K., Labat, F. 1993: La Version Elamite de la Trilingue de Behistun: un Nouvelle Lecture. *Journal Asiatique* 281, 19–59.
- Hallock, R. 1969: *Persepolis Fortification Tablets*. Chicago.
- Henkelman, W.F.M. 2008: *The Other Gods Who Are. Studies in Elamite-Iranian Acculturation based on the Persepolis Fortification Texts*. (Achaemenid History, XIV). Leiden.
- Henkelman, W.F.M. 2010: “Consumed before the King”: The Table of Darius, That of Irdabama and Irtaštuna, and That of His Satrap, Karkiš. In: B. Jacobs, R. Rollinger (eds.), *Der Achämenidenhof – The Achaemenid Court. Akten des 2. Internationalen Kolloquiums zum Thema “Vorderasien im Spannungsfeld klassischer und altorientalischer Überlieferungen”*, Landgut Castelen bei Basel, 23–25. Mai 2007. Wiesbaden, 667–775.
- Herzfeld, E. 1936: Xerxes’ Verbot des Daivā-Cultes. *Archäologische Mitteilungen aus Iran* 8, 56–77.
- Herzfeld, E. 1938: *Altpersische Inschriften*. Berlin.
- Hinz, W. 1942: *Altpersischer Wortschatz*. Leipzig.
- Hinz, W. 1973: *Neue Wege im altpersischen*. Wiesbaden.
- Hinz, W. 1975: *Altiranisches Sprachgut der Nebenüberlieferungen*. Wiesbaden.
- Hinz, W., Koch, H. 1987: *Elamisches Wörterbuch*. Bd. I–II. Berlin.
- Huyana, Á.C. 2020: Some Thoughts on Xerxes’s “Daiva” Inscription and Its Interpretation. *Antiguo Oriente* 18, 119–185.
- Isakova, A.S., Rung, E.V. 2023: [“I Established the Kingdom on Its Place”: An Idea of Law and Order in the Achaemenid Empire]. *Vostok (Oriens)* 3, 45–59.
- Исакова, А.С., Рунг, Э.В. «Я поставил царство на свое место». Идея законопорядка в Ахеменидской империи. *Восток (Oriens)* 3, 45–59.
- Kent, R.G. 1937: The Daiva-Inscription of Xerxes. *Language* 13, 292–305.
- Kent, R.G. 1950: *Old Persian: Grammar, Texts, Lexicon*. New Haven.
- Khatchadourian, L. 2016: *Imperial Matter: Ancient Persia and the Archaeology of Empires*. Oakland (CA).
- Kleber K., 2010: dātu ša šarri: Gesetzgebung in Babylonien unter den Achämeniden. *Zeitschrift für Altorientalische und Biblische Rechtsgeschichte – Journal for Ancient Near Eastern and Biblical Law* 16, 49–75.
- Klotz, D. 2015: Darius I and the Sabaeans: Ancient Partners in Red Sea Navigation. *Journal of Near Eastern Studies* 74, 267–280.
- Kuhrt, A. 2007: *The Persian Empire. A Corpus of Sources from the Achaemenid Period*. Oxford.
- Ladynin, I.A. 2011: [The Statue of Darius I from Susa: An Essay of Interpretation in the Light of Egyptian and Near Eastern Religious and Ideological Notions]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 3–27.
- Ладынин, И.А. Статуя Дария I из Суз: к интерпретации памятника в свете религиозно-идеологических представлений Египта и Переднего Востока. *ВДИ* 1, 3–27.
- Lecoq, P. 1997: *Les inscriptions de la Perse achéménide*. Paris.
- Lloyd, A.B. 2007: Darius in Egypt: Suez and Hibis. In: C.J. Tuplin (ed.), *Persian Responses: Political and Cultural Interaction with(in) the Achaemenid Empire*. Swansea, 99–115.
- MacGinnis, J. 2008: A Judgment of Darius the King. *Journal of Cuneiform Studies* 60, 87–99.
- Malbran-Labat, F. 1994: *La version akkadienne de l’inscription trilingue de Darius à Behistun*. Roma.
- Mayrhofer, M. 1996: *Etymologisches Wörterbuch des altindoirischen*. Bd. II. Heidelberg.
- Naveh, J., Shaked, S. 2012: *Aramaic Documents from Ancient Bactria (Fourth Century BCE)*. London.
- Olmstead, A.T. 1935: Darius as Lawgiver. *American Journal of Semitic Languages and Literatures* 51, 247–249.

- Oppert, J. 1875: Inscriptions of the Persian Monarchs (*Corpus inscriptionum Persicarum*). In: *Records of the Past: Being English Translations of the Assyrian and Egyptian Monuments*. Vol. IX. *Assyrian Texts*. London, 65–88.
- Pirngruber, P. 2021: Jurisdiction. In: B. Jacobs, R. Rollinger (eds.), *A Companion to the Achaemenid Persian Empire*. Hoboken, 1087–1096.
- Posener, G. 1936: *La première domination perse en Egypte. Recueil d'inscriptions hiéroglyphiques*. Le Caire.
- Redford, D.B. 2001: The So-Called “Codification” of Egyptian Law under Darius I. In: J.W. Watts (ed.), *Persia and Torah: The Theory of Imperial Authorization of the Pentateuch*. Atlanta, 135–160.
- Rendtorff, R. 1984: Esra und das Gesetz. *Zeitschrift für die Alttestamentliche Wissenschaft* 96, 165–184.
- Rung, E. 2015a: Some Notes on Karanos in the Achaemenid Empire. *Iranica antiqua* 50, 333–356.
- Rung, E.V. 2015b: [Imperial Idea in the Achaemenid Empire]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4, 130–140.
- Рунг, Э.В. 2015: Имперская идея в государстве Ахеменидов. *Проблемы истории, филологии, культуры* 4, 130–140.
- Rung, E.V., Chiglintsev, E.A. 2017: [*Darius versus Xerxes*: The Images of Darius I and Xerxes in Old Persian Texts and in the Works of Aeschylus and Herodotus]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 77/3, 696–719.
- Рунг, Э.В., Чиглинцев, Е.А. Darius versus Xerxes: Образы Дария I и Ксеркса в древнеперсидских текстах и в произведениях Эсхила и Геродота. *ВДИ* 77/3, 696–719.
- Schmitt, R. 1991: *The Bisitun Inscriptions of Darius the Great. Old Persian Text*. London.
- Schmitt, R. 1994: Dāta. In: E. Yarshater (ed.), *Encyclopaedia Iranica*. Vol. VII/1. New York, 114–115.
- Schmitt, R. 2000: *The Old Persian Inscriptions of Naqshi-Rustam and Persepolis*. London.
- Schmitt, R. 2009: *Die altpersischen Inschriften der Achaimeniden. Editio minor mit deutscher Übersetzung*. Wiesbaden.
- Schmitt, R. 2014: *Wörterbuch der altpersischen Königsinschriften*. Wiesbaden.
- Seidl, U. 1999: Ein Monument Darius' I. aus Babylon. *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie* 98, 101–114.
- Steve, M.-J. 1987: *Ville Royale de Suse*. Vol. 7. *Nouveaux mélanges épigraphiques: inscriptions royales de Suse et de la Susiane*. Nice.
- Stoneman, R. 2015: *Xerxes. A Persian Life*. New Haven–London.
- Tavernier, J. 2007: *Iranica in the Achaemenid Period (ca. 550–330 B.C.). Lexicon of Old Iranian Proper Names and Loanwords, Attested in Non-Iranian Texts*. Leuven–Paris–Dudley (MA).
- Tuplin, C.J. 1991: Darius' Suez Canal and Persian Imperialism. In: H. Sancisi-Weerdenburg, A. Kuhrt (eds.), *Achaemenid History*. Vol. VI: *Asia Minor and Egypt: Old Cultures in a New Empire*. Leiden, 237–283.
- Tuplin, C.J. 2015: The Justice of Darius: Some Reflections on the Achaemenid Empire as a Rule-bound Environment. In: A. Fitzpatrick-McKinley (ed.), *Assessing Biblical and Classical Sources for the Reconstruction of Persian Influence, History and Culture*. Wiesbaden, 73–126.
- Ushakov, D.N. 2014: *Tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language]. Moscow.
- Ушаков, Д.Н. *Толковый словарь современного русского языка*. М.
- Vallat, F. 1974: La triple inscription cunéiforme de la statue de Darius Ier (DSab). *Revue d'Assyriologie et d'archéologie orientale* 68, 157–166.
- Vallat, F. 1977: *Corpus des inscriptions royales en elamite achéménide*. Thèse de doctorat. Paris.
- Vaux, R. de. 1971: The Decrees of Cyrus and Darius in the Rebuilding of the Temple. In: C.H. Gordon, G.A. Rendsburg (eds.), *The Bible and the Ancient Near East*. New York–London–Garden City, 63–96.
- Voigtlander, E. 1978: *The Bisitun Inscription of Darius the Great. Babylonian Version*. London.
- Walton, J.H. 1988: The Decree of Darius the Mede in Daniel 6. *Journal of Near Eastern Studies* 31, 279–286.
- Wiesehöfer, J. 2008: Gerechtigkeit und Recht im achaimenidischen Iran. In: H. Barta, R. Rollinger, M. Lang (eds.), *Recht und Religion. Menschliche und göttliche Gerechtigkeitsvorstellungen in den antiken Welten*. Wiesbaden, 191–203.
- Wiesehöfer, J. 2013: Law and Religion in Achaemenid Iran. In: A.C. Hagedorn, R.G. Kratz (eds.), *Law and Religion in the Eastern Mediterranean: From Antiquity to Early Islam*. Oxford, 40–57.
- Yakubovich, I. 2023: “Daiva inscription” of Xerxes: Historical Account, Ideological Statement, or Propaganda? *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 83/1, 5–26.

DOI: 10.31857/S032103910030260-9

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ «МАХАБХАШЬИ»

А. А. Вигасин

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: alexey.vigasin@gmail.com

ORCID: 0009-0005-2166-795X

Статья посвящена классическому памятнику древнеиндийской лингвистики — комментарию Патанджали на грамматику санскрита Панини. Автор склоняется к датировке Панини рубежом IV—III вв. до н.э. Часто приводимые аргументы для датировки Патанджали серединой II в. до н.э. не кажутся убедительными. Упоминание похода греко-бактрийского царя в долину Ганга является не более чем *terminus post quem*. Есть основания думать, что «Махабхашья» была создана не ранее начала нашей эры. Особое внимание в статье обращено на интерпретацию фрагмента, в котором упоминается династия Маурьев. Автор полагает, что слова о Маурьях, которые изготавливают изображения богов с целью наживы, свидетельствуют о знакомстве Патанджали с циклом легенд о Чанакье и Чандрагупте, а возможно, и с традицией, отраженной в «Артхашастре».

Ключевые слова: Патанджали, Панини, хронология, династия Маурьев, изображения богов

SOME REMARKS ON *MAHĀBHĀṢYA*

Alexey A. Vigasin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: alexey.vigasin@gmail.com

The article is devoted to the classical monument of ancient Indian linguistics — Patañjali's commentary on the Sanskrit grammar by Pāṇini. The author is inclined to date Pāṇini to the turn of the 4th–3rd centuries BC. Frequently cited arguments for dating Patañjali to the mid-second century BC do not seem convincing. The mention of the campaign of

Данные об авторе. Алексей Алексеевич Вигасин — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры истории Южной Азии Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова.

the Graeco-Bactrian king in the Ganges valley is nothing more than a *terminus post quem*. There is a reason to think that *Mahābhāṣya* was written no earlier than the beginning of the Common Era. Particular attention in the article is paid to the interpretation of the passage in which the Mauryan dynasty is mentioned. The words about the Mauryas, who make images of the gods for the purpose of profit, indicate Patañjali's familiarity with the cycle of legends about Cāṇakya and Candragupta if not with the literary tradition reflected in the *Arthaśāstra*.

Keywords: Pāṇini, Patañjali, Mauryan dynasty, chronology, images of the gods

Хорошо известно, что памятники древнеиндийской литературы, как правило, не могут быть надежно датированы. Это затрудняет использование их в качестве исторических источников. Внимание историков нередко привлекают лингвистические труды древнеиндийских ученых, которые содержат имена авторов: «Аштадхьяи» Панини, варттики Катьяяны и «Махабхашья» Патанджали. Предполагается, что сама лексика и примеры на грамматические правила отражают историческую действительность эпохи их создания. Относительная датировка этих трех памятников не вызывает сомнений. «Аштадхьяи» — знаменитая грамматика санскрита. Ее комментировал Катьяяна. Труд его не сохранился, но, по всей видимости, был целиком процитирован в «Великом комментарии» Патанджали. Слова Катьяяны можно с уверенностью выделить в тексте этого комментария на грамматику Панини в тех случаях, когда Патанджали возражает предшественнику. Но часто он лишь следует ему, а тогда бывает сложно определить авторство того или иного фрагмента.

Абсолютная датировка этих текстов не является бесспорной. Грамматику Панини когда-то относили к VII или даже VIII в. до н.э.¹ В настоящее время склоняются к VI—V вв. до н.э.², а иногда, начиная с А. Вебера³ и О. Бетлинга⁴, говорили о IV в. до н.э. или о IV—III вв. до н.э.⁵ Варттики Катьяяны Х. Шарфе⁶ датирует временем правления Ашоки, а «Махабхашью» обычно относят на столетие позже.

Индологи были бы в трудном положении, если бы в их распоряжении не было античных источников. Упоминания греков в санскритской литературе и синхронизмы с историей античного мира позволяют наметить основные вехи древнеиндийской хронологии.

Внимание исследователей привлекает изложенное в «Аштадхьяи» (IV. 1. 9) правило, согласно которому слова женского рода могут быть образованы добавлением аффикса *-ānī*. Панини приводит ряд примеров, и в том числе *yavana* — *yavanānī*. Явана — обозначение греков, которое, в конечном счете, происходит от Ἰωνες, Ἰάωνες («ионийцы»). Обычно полагают⁷, что форма *yavana* появилась вследствие санскритизации пракритского *yona* (впервые в надписях Ашоки). Последнее слово

¹ Goldstücker 1861, 225. Cp. Winternitz 1993, 462.

² Agrawala 1953, 477; Thieme 1995, 1015; Scharfe 1977, 88.

³ Weber 1862.

⁴ Böhtlingk 1998, xviii; cp. Renou, Filliozat 1996, 86—87.

⁵ Macdonell 1913, 310; Lévi 1996, 189; Audouin, Bernard 1974, 6—41; Hinüber 1989, 34—35.

⁶ Scharfe 1977, 138.

⁷ Tóttösy 1955; 1977, 131; Karttunen 2015, 333.

могло возникнуть на основе персидского *yauna*, засвидетельствованного надписями Ахеменидов (эламское *(i)ja-u-na*)⁸.

Но возможен и другой вариант: санскритское *yavana* от арамейского *ywn* (ср. древнееврейское *Jāwān*). Против заимствования *yavana* из семитского выдвигалось возражение⁹, что знание о греках должно было проникнуть в Индию из Персии, а не с Ближнего Востока. Однако известно, что языком ахеменидской канцелярии был арамейский. Надписи персидских царей рассылались по сатрапиям в копиях по-арамейски на коже¹⁰. В Индии на основе арамейского алфавита возникла письменность кхароштки, а во времена Ашоки на северо-западе страны изготавливали для местного населения надписи на арамейском. Образованные индийцы могли быть знакомы с названием далекой страны не вследствие бытового общения с греками, а благодаря арамейским переводам царских надписей. М. Майрхофер¹¹ допускает возможность того, что заимствование санскритского слова *yavana* могло произойти независимо от пракритского *yona*. Как бы то ни было, обозначение греков как *yavana* или *yona* не могло появиться в индоарийских языках ранее того времени, когда при Дарии I были созданы персидские сатрапии Гандара и Хинду. Во времена похода Александра Македонского этим словом, очевидно, пользовались иранские переводчики, через которых греки общались с населением северо-западной Индии.

Показателен контекст, в котором фигурирует *yavana-yavanānī* у Панини. Другие приводимые им примеры: Индра — Индрани, Варуна — Варунани, Бхава — Бхавани, Шарва — Шарвани, Рудра — Рудрани, ачарьяни (жена учителя — ачарья), матулани (жена брата матери). Все это — слова, очень хорошо знакомые индийцам. Следует думать, что «грек» и «гречанка» (или «жена грека») тоже принадлежат к этой категории. Было бы странно в одном ряду с Индрой и «учителем» встретить обозначение одного из многочисленных народов, живших на противоположной окраине державы Ахеменидов. Но тогда, видимо, правы те исследователи, которые полагают, что грамматика Панини была создана после похода Александра (и даже, скорее всего, на несколько десятилетий позднее).

Комментируя слова Панини, Катьяяна говорит, что *yavanānī* относится к письменности: *yavanāl lipyāṇi*. Панини был уроженцем Шалатуры в Панджабе (район современного Лахора). Если он жил после похода Александра, в упоминании греческой письменности нет ничего невероятного. Смущает другое. Во-первых, это контекст приведенных примеров: рядом с женами Индры и Варуны, Шивы (Бхава) и Рудры «письменность греков» выглядит странно. Во-вторых, такое обозначение греческого письма практически не встречается в санскритской литературе. Г. Фальк¹² не без основания утверждает, что, если бы значение слова *yavanānī* было известно, сам комментарий Катьяяны оказался бы излишним. Но, если истолкование *yavanānī* принадлежит Катьяяне, а не Панини, его

⁸ Kent 1953, 204.

⁹ Tóttösy 1955, 312.

¹⁰ Dandamaev, Lukonin 1980, 267.

¹¹ Mayrhofer 1976, 9.

¹² Falk 1993, 259.

деятельность вряд ли может быть отнесена к III в. до н.э. Катьяяна был уроженцем Декана, а там широкое знакомство с греческим алфавитом произошло, вероятно, благодаря надписям на монетах индо-греческих царей II в. до н.э.

Почти общепринятая датировка «Махабхашьи» серединой II в. до н.э. основана на упоминании *yavana* в следующем контексте. Патанджали (III. 2. 111. 2) противопоставляет два вида прошедшего времени: имперфект и перфект. Первый указывает на события современные (*darśanaviṣaye* — «в пределах видимого»). И в качестве таких событий грамматик приводит фразы: *aruṇad yavanaḥ sāketam* и *aruṇad yavano madhyamikām*, то есть «Грек осадил Сакету» и «Грек осадил Мадхьямику». Речь, несомненно, идет о походах индо-греческих царей II в. до н.э. Но вряд ли это дает основание для датировки нашего источника тем же самым периодом¹³. И дело, мне кажется, даже не в том, что, по мнению некоторых ученых¹⁴, этот пример был заимствован у Катьяяны. Важнее то, что здесь недавнее прошлое противопоставляется мифической древности. В качестве примера употребления глагола в перфекте Патанджали дает такую фразу: *jaghāna kaṁsaṁ kila vāsudevaḥ* — «Васудева (то есть Кришна) убил Кансу». Подвиги Кришны, конечно, не принадлежат современности — о них повествуют лишь мифы. Справедливо замечает Ш.Д. Джоши¹⁵, что знаменитый пример с осадой греками Сакеты и Мадхьямики — не более чем *terminus post quem* для датировки «Махабхашьи».

Почти сто лет назад Л. де ла Валле Пуссен¹⁶ указал на значительно более важный для датировки источника фрагмент — и опять-таки связанный с греками. Панини (II. 4. 10) говорит, что сложное слово типа *dvandva* может стоять в единственном числе, если речь идет о таких шудрах, которые не являются «исключенными (из общения)» — *sūdrāṇām aniravasitānām (ekavacanam)*. В качестве примера у Патанджали фигурирует слово *śakayavana*. Грамматик объясняет, что речь идет о «шудрах, которых не следует рассматривать в качестве ритуально нечистых». Шаки и яваны, по его словам, живут за пределами Арьяварты, то есть наиболее священной для индийцев земли (центральной части Индо-Гангской равнины). Но указание на их ритуальную чистоту свидетельствует о том, что речь все же идет об Индии — скорее всего, о Пенджабе, находящемся на границах Арьяварты.

До конца II в. до н.э. среднеазиатские скифы, видимо, были плохо известны в Индии. Ситуация радикально изменилась в I в. до н.э., когда появились царства Мауэса, Аза и других индо-скифских правителей. В индийских источниках нередко можно видеть, что шаки ассоциируются с греками (иногда также и с парфянами)¹⁷. И правомерно считать, что все эти фрагменты относятся к концу I в. до н.э. или к началу н.э. Ортодоксальные индийцы, оказавшиеся под

¹³ Вопреки Р.Г. Бхандаркару (Bhandarkar 1933), которому следует большинство современных исследователей.

¹⁴ Liebich 1899, 312. Ф. Кильхорн (Kielhorn 1969a, 179) указывает, что данный пример регулярно использовался в санскритских трактатах. Так что, если бы текст «Махабхашьи» не сохранился до нашего времени, мы и средневековые памятники были бы готовы датировать временем царя Менандра (Kielhorn 1969b, 189).

¹⁵ Joshi 1980, 45.

¹⁶ De La Vallée Poussin 1930, 201–202.

¹⁷ См. подборку источников в книге Karttunen 2015.

властью чужеземцев, были вынуждены общаться с ними, признавая тем самым их ритуальную чистоту. «Ману-смирти» (X. 43–44) признает за ними кшатрийское происхождение. Почти тождественные стихи содержатся и в «Махабхарате» (XIII. 33. 19, ср. там же 35. 18). Будто бы лишь отсутствие почитания брахманов низвело их до состояния шудр (*vr̥ṣalatva*). Д.Ч. Сиркар¹⁸ перечислил целый ряд признаков, свидетельствующих о том, что «Махабхашью» вряд ли можно датировать ранее Кушанского времени, то есть I–II вв. н.э. Э. Фраувальнер¹⁹ полностью солидаризировался с такой оценкой, приведя дополнительные аргументы.

Для историка особый интерес представляет фрагмент грамматики Панини с комментарием Патанджали об употреблении аффикса *ka*. Панини говорит, что этот аффикс уменьшительный — например, *daṇḍaka* «палочка» от *daṇḍa* (V. 3. 87). Он может также выражать пренебрежительное отношение (*avakṣepana* — V. 3. 95). Когда речь идет об изображении (*pratīkṛtau* — V. 3. 96), аффикс указывает на сходство (например, *aśvaka*, *uṣṭraka*, *gardabhaka* — изображения лошади, верблюда, осла). И далее — наиболее важная сутра об изображении божества (V. 3. 99). Аффикс *ka* не употребляется при имени божества (примеры у Панини: Васудева, Шива, Сканды, Вишну, Адитья) — но только в том случае, если эти изображения *jīvikārthe*. Исключение составляет тот случай, когда речь идет о товаре (*paṇya*).

Слово *jīvikā* встречается у Панини: в сутре II. 2. 17 оно, видимо, означает «деятельность» и противопоставлено *krīḍā* — «игре»; в сутре VI. 2. 73 (*jīvikārthe*) речь идет о «предписанном занятии, профессии». Патанджали толкует *jīvikārthe* в рассматриваемой сутре как «непосредственно²⁰ с целью почитания» (*saṃpratīpūjārtha*). Общий смысл понятен: изображения не должны обозначаться с аффиксом уменьшительно-пренебрежительным, когда они используются по назначению, то есть в культовых целях. Но такой аффикс может присоединяться к имени, если изображение используется для наживы. Средневековый комментатор Кайята приводит в качестве примера фразу: «он продает шиваки» (*vikrīṇīte śivakān*), то есть изображения Шивы. Аналогия на русском языке выглядела бы примерно так — можно сказать: «торговля иконками», но нежелательно: «молиться иконкам».

Любопытно, что, говоря об изображениях, Панини называет основные божества индуизма. Ведийская религия не знала изображений. Но во времена, когда создавалась «Аштадхьяи», было широко распространено почитание Шивы, Сканды, Кришны-Васудевы — и важным элементом их культа было почитание изображений. Рассказывая о битве Александра Македонского с Пором, Квинт Курций Руф (VIII. 14. 11) говорит, что перед строем пехотинцев индийцы несли изображение Геркулеса. В данном случае не столь уж важно, каких именно индийских богов греки принимали за привычных для них небожителей или героев — за Диониса или за Геракла. Основанием для идентификации часто служила внешность мифологического персонажа. Спутники Александра указывают на атрибуты Геракла (одежда, палица) — они видели какие-то культовые изображения. Очевидно, это были фигуры богов из того же списка, который приводит Панини: Шива,

¹⁸ Sircar 1939, 633–638.

¹⁹ Frauwallner 1982, 301–303.

²⁰ Kielhorn 1969c, 253–254.

Сканда или Кришна-Васудева. Так как в нашем распоряжении нет памятников каменной скульптуры до времени правления Ашоки, можно думать, что изображения эти изготавливали из непрочных материалов — из дерева, луба, тканой материи, которые в индийском климате не имели шансов сохраниться.

Древняя Индия задолго до Ашоки знала изобразительное искусство, но оно было связано не с ведами, а с той народной религией, которая отражена в индийском эпосе и послужила основой классического индуизма. При раскопках Ай-Ханума были обнаружены монеты Агафокла, одного из первых индо-греческих царей (начало II в. до н.э.)²¹. На них присутствуют персонажи, которые надежно идентифицируются как Кришна и Баларама. Хорошо известно, что фигуры богов на античных монетах часто воспроизводили скульптуры, стоявшие в греческих храмах. Очевидно, мы можем и по монетам с индийскими надписями представить, как выглядели культовые образы божеств. Эстетика фигур на монетах Агафокла исключительно индийская, она радикально отличается от того, что нам привычно в каменной скульптуре маурийского времени. Ее специфическая черта — преимущественное внимание к знаковой стороне изображения, к символике.

Патанджали дает такой комментарий к рассматриваемой сутре Панини: *apaṇya ityucyate tatredaṃ na sidhyati | śivaḥ skandaḥ viśākha iti | kiṃ kāraṇam | mauriyair hiraṇyārthibhir ārcāḥ prakalpitāḥ | bhavet tāsu na syāt | saṃpratipūjārthāstāsu bhaviṣyati* || Это можно передать следующим образом: «Слово “не товар” употребляется здесь в качестве запрета (в отношении изображений богов): таких как Шива, Сканда, Вишакха. В чем причина? Маурьи²² изготавливали культовые изображения, будучи жадными до денег. Разве на них распространяется (это правило)? Нет, только на такие, которые предназначены для непосредственного богочитания».

Историки часто признаются, что точный смысл высказывания им не ясен²³. Средневековый комментатор Нагоджибхатта усматривал в слове «Маурьи» не знаменитую царскую династию, а некую корпорацию ремесленников-иконописцев (*pratimāśilpavantas*). Т. Гольдштюкер²⁴ переводил *arcā* как «празднества», а не «изображения». Слово *hiraṇya* обычно трактуется как «золото». Поэтому А. Вебер²⁵ высказывал предположение, будто служащие предметом купли-продажи изображения богов — это золотые монеты, изготовленные Маурьями по образцу античной нумизматики. Слова о жадности Маурьев воспринимаются как свидетельство того, что цари продавали статуи богов (тем более что, по контексту, речь идет о некоей торговле — *paṇya*). Поэтому Б.Н. Пури²⁶ с уверенностью говорит о том, что цари маурийской династии изготавливали на продажу золотые статуи богов. Остается лишь изумляться тому, что до сих пор археологи не находят ни золотые монеты, ни золотые статуи маурийского времени...

²¹ Audouin, Bernard 1974, 6—41.

²² Отметим, что и в контексте Маурьев речь идет не о буддийских мифологических персонажах, а о тех же божествах индуизма.

²³ «The exact import of this statement is not clear» (Nilakanta Sastri 1957, 61).

²⁴ Goldstücker 1861, 228.

²⁵ Weber 1873, 330—331.

²⁶ Puri 1968, 170.

Общий смысл комментария Патанджали, очевидно, совпадает с тем, что имел в виду Панини. Но фраза о Маурьях явно добавляет нечто новое, что автор «Аштадхьяи» вовсе не имел в виду. Для ее разъяснения следует обратиться к «Артхашастре» и к литературной традиции о Чандрагупте. В трактате, который приписывается Каутилье/Чанакье, советнику первого царя из династии Маурьев, содержится глава (V. 2), посвященная самым хитроумным способам пополнения казны. Речь идет об использовании коварных приемов, позволяющих царю проводить конфискации имущества состоятельных подданных. Один из важнейших методов пополнения казны заключается также в эксплуатации религиозных суеверий. Царь приказывает изготовить изображения сверхъестественных существ (*devatā, nāgapratimā*) и помещает их в святилищах и храмах. Затем его слуги распространяют слухи о волшебных явлениях, связанных с этими изображениями, и взимают деньги (*hiraṇya*) с толпы легковверных паломников (*yātrāsamājābhyāmājīvet*). Тех, кто выражает сомнение в чудесах, царские агенты тайно умерщвляют, объясняя их смерть проклятием божества. В данном контексте культовые изображения являются всего лишь средством наживы. Так как за созерцание их берутся деньги, они превращаются в предмет купли-продажи.

В «Артхашастре» слово *hiraṇya* означает не «золото», а «деньги» — золото обычно бывает выражено словом *suvarṇa*. Такое же значение *hiraṇya* имеет и у Патанджали (ср. I. 1. 1, 12: *arthinaśca rājāno hiraṇyena bhavanti* «цари охочи до денег»). Все это повествование, несомненно, связано с легендами о Чандрагупте и его советнике (так называемая «Чанакья-Чандрагупта-Катха»). Знаменитый джайнский писатель Хемачандра использовал подобные истории, рассказывая о коварных и хитроумных способах, которыми пользовался Чанакья для пополнения царской казны (*Parīṣiṣṭaparvan*, VIII. 352–376). В основе сочинений этого рода лежал фольклор. Сюжеты о Чанакье и Чандрагупте могли получить литературное оформление на рубеже н.э. «Артхашастра» была написана примерно в I в., судя по тому, что в ней говорится об импорте кораллов из Александрии Египетской (*ālakandaka* — II. 11. 42) и шелка из Китая (*cīnapaṭṭa* — II. 11. 114). Если «Махабхашья» была создана в I–II вв., не исключено, что ее автор мог быть знаком с легендами о Чанакье и даже с текстом «Артхашастры». В таком случае мы имеем дело не с историческим свидетельством о времени, близком составителю «Махабхашьи», а с отражением литературного сюжета, бытовавшего спустя столетия после гибели Маурийской державы.

Литература / References

- Agrawala, V.S. 1953: *India as Known to Pāṇini. A Study of the Cultural Material in the Aṣṭādhyāyī*. Lucknow.
- Audouin, R., Bernard, P. 1974: Trésor de monnaies indiennes et indo-grecques d'Aï Khanoum (Afghanistan). II. Les monnaies indo-grecques. *Revue Numismatique* 16, 7–41.
- Bhandarkar, R.G. 1933: On the Date of Patañjali and the King in Whose Reign He Lived. In: *Collected Works of Sir R.G. Bhandarkar*. Vol. I. *Comprising Miscellaneous Articles, Reviews, Addresses, etc.* Poona, 108–114.
- Böhtlingk, O. (Hrsg.) 1998: *Pāṇini's Grammatik. Herausgegeben, übersetzt, erläutert und mit verschiedenen Indices*. Reprint ed. Delhi.

- Dandamaev, M.A., Lukonin, V.G. 1980: *Kul'tura i ekonomika drevnego Irana* [Culture and Economics of Ancient Iran]. Moscow.
- Дандамаев, М.А., Луконин, В.Г. *Культура и экономика Древнего Ирана*. М.
- Falk, H. 1993: *Schrift im alten Indien. Ein Forschungsbericht mit Anmerkungen*. Tübingen.
- Frauwallner, E. 1982: Sprachtheorie und Philosophie im Mahābhāṣyam des Patañjali. In: G. Oberhammer, E. Steinkellner (Hrsg.), *Kleine Schriften*. Wiesbaden, 284–310.
- Goldstücker, Th. 1861: *Pāṇini. His Place in Sanskrit Literature. An Investigation of Some Literary and Chronological Questions*. Berlin–London.
- Hinüber, O. von 1989: *Der Beginn der Schrift und frühe Schriftlichkeit in Indien*. Stuttgart.
- Joshi, S.D. 1980: The Contribution of R.G. Bhandarkar to the Study of Sanskrit Grammar. In: M. Nagatomi, B.K. Matilal, J.M. Masson, E.C. Dimock (eds.), *Sanskrit and Indian Studies. Essays in Honour of Daniel H.H. Ingalls*. Dordrecht–Boston–London, 33–60.
- Karttunen, K. 2015: *Yonas and Yavanas in Indian Literature*. Helsinki.
- Kent, R. 1953: *Old Persian. Grammar, Texts, Lexicon*. 2nd ed. New Haven.
- Kielhorn, F. 1969a: Aruṇad yavano madhyamikām. In: W. Rau (Hrsg.), *Kleine Schriften, mit einer Auswahl der epigraphischen Aufsätze*. Bd. I. Wiesbaden, 179.
- Kielhorn, F. 1969b: Der Grammatiker Pāṇini. In: W. Rau (Hrsg.), *Kleine Schriften, mit einer Auswahl der epigraphischen Aufsätze*. Bd. I. Wiesbaden, 188–202.
- Kielhorn, F. 1969c: The Maurya-passage in the Mahābhāṣya (P. V. 3. 99). In: W. Rau (Hrsg.), *Kleine Schriften, mit einer Auswahl der epigraphischen Aufsätze*. Bd. I. Wiesbaden, 251–255.
- La Vallée Poussin, L. de 1930: *L'Inde aux Temps des Mauryas et des Barbares, Grecs, Scythes, Parthes et Yue-tchi*. Paris.
- Lévi, S. 1996: La Grèce et l'Inde d'après les documents indiens. In: *Mémorial Sylvain Lévi*. Delhi, 187–203.
- Liebich, B. 1899: Das Datum des Candragomin. *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes* 13, 308–315.
- Macdonell, A.A. 1913: *A History of Sanskrit Literature*. 4th Impression. London.
- Mayrhofer, M. 1976: *Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen*. Bd. III. Y–H. Nachträge und Berichtigungen. Heidelberg.
- Nilakanta Sastri, K.A. (ed.) 1957: *A Comprehensive History of India*. Vol. II. *The Mauryas and Satavahanas, 325 B.C. – A.D. 300*. Bombay.
- Puri, B.N. 1968: *India in the Time of Patañjali*. 2nd ed. Bombay.
- Renou, L., Filliozat, J. 1996: *L'Inde classique: manuel des études indiennes*. T. II. Réimpr. Paris.
- Scharfe, H. 1977: *Grammatical Literature*. (A History of Indian Literature, V/2). Wiesbaden.
- Sircar, D. Ch. 1939: Date of Patañjali's Mahābhāṣya. *Indian Historical Quarterly* 15, 633–660.
- Thieme, P. 1995: Etymologie – einst und heute. In: R. Söhnen-Thieme (Hrsg.), *Kleine Schriften*. Bd. II. Stuttgart, 1012–1021.
- Tóttösy, Cs. 1955: The Name of the Greeks in Ancient India. *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae* 3, 301–319.
- Tóttösy, Cs. 1977: Graeco – Indo-Iranica. *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae* 25, 129–135.
- Weber, A. 1862: Zur Frage über das Zeitalter Pāṇini's. Mit specieller Beziehung auf Th. Goldstücker's „preface“ zum „Mānavakalpasūtra“. In: A. Weber (Hrsg.), *Indische Studien. Beiträge für die Kunde des indischen Altertums*. Bd. V. Berlin, 1–176.
- Weber, A. 1873: Das Mahābhāṣya des Patañjali. Benares 1872. In: A. Weber (Hrsg.), *Indische Studien. Beiträge für die Kunde des indischen Altertums*. Bd. XIII. Leipzig, 293–496.
- Winternitz, M. 1993: *History of Indian Literature*. Vol. III. Reprint. Delhi.

DOI: 10.31857/S032103910024392-4

АРИСТОТЕЛЕВО ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОЛИГАРХИИ И ОЛИГАРХИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ В АФИНАХ V–IV вв. до н.э.

И. Е. Суриков

*Институт всеобщей истории Российской Академии наук, Москва, Россия;
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия*

E-mail: isurikov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2603-6146

В «Политике» Аристотеля содержится нетрадиционное и даже неожиданное определение олигархии, представляющее ее, в отличие от общепринятого понимания (исходящего из прозрачной этимологии самого термина) не как «власть немногих», а как «власть богатых». Соответственно один из главных признаков олигархий для философа — имущественный ценз. В статье рассматривается, как соотносилась с этими теоретическими выкладками политическая практика афинских олигархов. Обнаруживается, что две фазы олигархического движения в Афинах (конец V в. до н.э. и конец IV в. до н.э.) принципиально различаются именно в этом отношении. В первом случае вопрос о цензе даже не поднимался, был применен совершенно иной принцип — создание гражданского коллектива, ограниченного численным лимитом (5000 в 411 г. до н.э., 3000 в 404 г. до н.э.). Во втором же случае исходили из идеи ценза в чистом виде (2000 драхм в 322 г. до н.э., 1000 драхм в 317 г. до н.э.). Таким образом, олигархические режимы первого периода ближе к традиционному определению олигархии, олигархические режимы второго периода ближе к Аристотелеву определению (они и создавались под несомненным идеологическим влиянием перипатетической школы).

Ключевые слова: Аристотель, Афины, олигархия, демократия, гражданство, «Политика», «Афинская политика», перевороты, имущественный ценз, численный лимит, Четыреста, Тридцать, Деметрий Фалерский

Данные об авторе. Игорь Евгеньевич Суриков — доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ.

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-28-00024.

ARISTOTLE'S DEFINITION OF OLIGARCHY AND OLIGARCHIC REGIMES IN ATHENS, 5th–4th CENTURIES BC

Igor E. Surikov

*Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia*

E-mail: isurikov@mail.ru

Acknowledgements: Russian Scientific Foundation, project no. 23-28-00024

Aristotle's *Politics* contains a non-traditional and even unexpected definition of oligarchy that pictures it, unlike the conventional interpretation (which proceeded from the transparent etymology of the term itself), not as the 'rule of the few' but as the 'rule of the wealthy'. Accordingly, one of the main signs of oligarchies for the philosopher is the property qualification. The article analyzes how the political practice of Athenian oligarchs correlated with these theoretical theses. It appears that the two stages of the oligarchic movement in Athens (late fifth century BC and late fourth century BC) substantially differ precisely in this regard. In the first case, the question of a qualification was not even raised, and an entirely different principle was applied: creation of a citizen body restricted in number (5000 in 411 BC, 3000 in 404 BC). As to the second case, they used the idea of qualification in its full sense (2000 drachmas in 322 BC, 1000 drachmas in 317 BC). So oligarchic regimes of the first period are closer to the traditional definition of oligarchy, whereas oligarchic regimes of the second period are closer to Aristotle's definition (and were undoubtedly created under ideological influence of the Peripatetic school).

Keywords: Aristotle, Athens, oligarchy, democracy, citizenship, *Politics*, *Athenaion Politeia*, coups d'état, property qualification, number limit, the Four Hundred, the Thirty, Demetrius Phalereus

В «Политике» Аристотеля весьма значительное место уделено проблематике, связанной с греческими олигархиями¹. Безусловно, философ относил олигархию (как и демократию) к «неправильным», «отклоняющимся» формам правления². Но он не мог не отдавать себе отчета в том, что в реалиях современного ему эллинского мира «правильных» форм, как он их понимал, собственно,

¹ Лучшим, наиболее детальным анализом соответствующих пассажей «Политики» остается тот, который содержится в книге: Ostwald 2000, 31–75. В более новых монографиях об олигархических режимах в античной Греции (Shear 2011; Simonton 2017) эти вопросы почти не рассматриваются, поскольку указанные работы посвящены преимущественно перипетиям практической политики, а не политической теории. М. Саймонтон даже несколько пренебрежительно высказывается о теоретизировании Стагирита: «Аристотель был гипераналитическим философом, имевшим свойство усложнять общепринятый дискурс» (Simonton 2017, 35). Не можем не отметить, что исследование Саймнтонна — на этот момент последнее или одно из последних по времени об олигархиях — уже было подвергнуто достаточно жесткой критике (Harris 2019), отмечалась крайняя уязвимость многих базовых положений автора. В частности, рецензент упоминает и только что процитированную нами фразу о «гипераналитическом» Аристотеле, отмечая, что этот тезис бездоказателен.

² Simpson 2013, 108; Duke 2020, 11.

уже и не найти или почти не найти. Даже спартанский строй, в целом весьма ему любезный, он по ряду параметров подвергает довольно острой критике³.

М. Хансен давно уже указал⁴, что знаменитая шестеричная классификация государственных устройств⁵ фигурирует, по сути, только в теоретических разделах «Политики», а там, где рассматривается эмпирический материал, речь идет, как правило, об олигархиях и демократиях⁶, да еще о сконструированной самим Аристотелем средней между ними «политии», которая, конечно, являлась чем-то скорее желательным, нежели действительным⁷. Характерны хотя бы следующие пассажи: «Главными видами государственного устройства, по-видимому, являются два — демократия и олигархия (δημος καὶ ὀλιγαρχία)» (Arist. *Pol.* IV. 1290a13–16)⁸; «Теперь ясно и то, почему в большинстве случаев государственный строй бывает либо демократическим, либо олигархическим. Вследствие того, что средние занимают в государствах зачастую незначительное место (ἐν ταύταις πολλὰκις ὀλίγον εἶναι τὸ μέσον), те из двух, которые их превосходят, — либо крупные собственники, либо простой народ (εἴθ' οἱ τὰς οὐσίας ἔχοντες εἴθ' ὁ δῆμος), — отделившись от среднего состояния, перетягивают государственный порядок на свою сторону, так что получается либо демократия, либо олигархия. Так как сверх того между простым народом и состоятельными (τῷ δήμῳ καὶ τοῖς εὐπόροις) возникают распри и борьба, то кому из них удастся одолеть противника, те и определяют государственное устройство, причем не общее и не основанное на равенстве, а на чьей стороне оказалась победа, те и получают перевес в государственном строе в качестве награды за победу, и одни устанавливают демократию, другие — олигархию. И те два греческих государства, которым принадлежало главенство в Греции, насаждали в соответствии со своим государственным устройством в других государствах одно — демократию, другое — олигархию, причем считались с выгодой не этих других государств⁹, но лишь со своей собственной. В силу указанных причин средний государственный строй либо никогда не встречается, либо редко и у немногих (διὰ ταύτας τὰς αἰτίας ἢ μηδέποτε τὴν μέσην γίνεσθαι πολιτείαν ἢ ὀλιγὰκις καὶ παρ' ὀλίγοις)» (Arist. *Pol.* IV. 1296a22–38).

Притом Стагирит далеко не столь ригористичен, как его учитель Платон, прямо заявлявший (Plat. *Leg.* VIII. 832c), что ни демократия, ни олигархия вообще не может быть названа государственным устройством (полιτεία), а разве что постоянной смутой (στασιωτεία). Нет, он — в куда большей степени реалист,

³ Schütrumpf 1994.

⁴ Hansen 1993.

⁵ Она считается «Аристотелевой по преимуществу». Но, по верному наблюдению Хансена, эта модель встречается уже у Платона и Ксенофонта, а следовательно, восходит к Сократу.

⁶ То же мнение см. в Rutter 2000, 143; Duke 2020, 36.

⁷ Заходит в «Политике» речь также об аристократии, но эта форма правления для Аристотеля представляет собой скорее теоретическую опцию (Brock, Hodkinson 2000, 18).

⁸ Здесь и далее «Политика» цитируется в переводе С.А. Жебелёва с нашими коррективами в необходимых случаях, оговоренных в примечаниях.

⁹ В переводе Жебелёва — «этих двух государств» (то есть Афин и Спарты), что очевидным образом неверно ни с грамматической, ни со смысловой точки зрения.

констатирующий, что «и демократия, и олигархия, несмотря на их отклонения от наилучшего строя, все-таки могут иметь сносное устройство (ἥστιν ὥστ' ἔχειν ἱκανῶς)» (Arist. *Pol.* V. 1309b31–33), признающий, что в каких-то случаях перед общинами нет иного выбора, кроме как установить отклоняющуюся форму правления¹⁰. В частности, по его мнению, малым государствам более свойственно олигархическое устройство, крупные же тяготеют к демократическому¹¹. Впрочем, умеренные олигархии и умеренные демократии для него предельно сближаются друг с другом¹².

Как справедливо замечает М. Оствальд, Аристотель сообщает нам об олигархии (и как о теоретическом понятии, и как об исторической реальности) больше, чем любой другой античный автор¹³. В «Политике» мы найдем много ценных сведений и глубоких мыслей об олигархических режимах: об их типологии, особенностях, о факторах, способствующих их установлению и падению, об отличиях олигархий от демократий и т.п. Здесь мы остановимся на том определении, которое мыслитель дает олигархии. Определение это, если внимательно в него вчитаться, поражает своей неочевидностью и даже парадоксальностью. Его автор, казалось бы, идет против естественного здравого смысла. Ведь прямое значение лексемы ὀλιγαρχία предельно прозрачно: «власть немногих». Но Аристотель настойчиво повторяет (приводя аргументы в пользу своей точки зрения), что в действительности олигархию следует понимать не как власть немногих, а как власть богатых (πλούσιοι), состоятельных (εὐποροί)¹⁴.

Разумеется, эта интересная особенность не могла укрыться от внимания тех, кто читал трактат. Отличие Аристотелева словоупотребления от общепринятого оговорил уже выдающийся средневековый схоласт Фома Аквинский¹⁵ — автор первого в послеантичной Западной Европе комментария к «Политике», написанного сразу после того, как она в XIII в. появилась в латинском переводе Мербеке. В современной исследовательской литературе вопрос, о котором идет речь, тоже затрагивается, но, как правило, мимоходом¹⁶. Несколько более подробно, чем остальные, останавливается на нем разве что М. Оствальд¹⁷. Рассмотрим соответствующие свидетельства. Это — два места из «Политики».

Олигархия — тот вид, когда верховную власть в государстве имеют владеющие собственностью (ὅταν ὥσι κύριοι τῆς πολιτείας οἱ τὰς οὐσίας ἔχοντες); наоборот, при демократии эта власть сосредоточена не в руках тех, кто имеет большое состояние, а в руках неимущих (ὅταν οἱ μὴ κεκτημένοι πλῆθος οὐσίας ἀλλ' ἄποροι). И вот возникает первое

¹⁰ Simpson 2013, 110.

¹¹ Brock, Hodkinson 2000, 10.

¹² Piepenbrink 2018, 267.

¹³ Ostwald 2000, 12.

¹⁴ Точнее, вначале Аристотель дает общепринятое определение (Arist. *Pol.* III. 1278b12–13: ἐν μὲν ταῖς δημοκρατίαις κύριος ὁ δῆμος, οἱ δ' ὀλίγοι τοῦναντίον ἐν ταῖς ὀλιγαρχίαις), но уже вскоре противопоставляет ему свое (которое сейчас будет приведено). Ср. Duke 2020, 91.

¹⁵ Regan 2007, 210.

¹⁶ Dovatur 1965, 106; Day, Chambers 1967, 47; Brock, Hodkinson 2000, 17; Poddighe 2014, 42–43; Simonton 2017, 354; Giangulio 2018, 279; Duke 2020, 91.

¹⁷ Ostwald 2000, 43–44, 60, 65–66, 74–75.

затруднение при разграничении их: если бы верховную власть в государстве имело большинство и это были бы состоятельные люди (πλείους, ὄντες εὐποροί), — а ведь демократия бывает именно тогда, когда верховная власть сосредоточена в руках большинства, — с другой стороны, точно так же, если бы где-нибудь оказалось, что неимущие, хотя бы они и представляли собой меньшинство в сравнении с состоятельными (τοὺς ἀπόρους ἐλάττους μὲν εἶναι τῶν εὐπόρων), все-таки захватили бы в свои руки верховную власть в управлении (а, по общему утверждению¹⁸, олигархия там, где верховная власть сосредоточена в руках небольшого количества людей), то показалось бы, что предложенное разграничение видов государственного устройства сделано неладно. Но допустим, что кто-нибудь, соединив признаки: имущественное благосостояние и меньшинство и, наоборот, недостаток имущества и большинство (τῇ μὲν εὐπορίᾳ τὴν ὀλιγότητα τῇ δ' ἀπορίᾳ τὸ πᾶθος) и основываясь на таких признаках, стал бы давать наименования видам государственных устройств: олигархия — такой вид государственного устройства, при котором должности занимают люди состоятельные, по количеству своему немногочисленные (τὰς ἀρχὰς ἔχουσιν οἱ εὐποροί, ὀλίγοι τὸ πᾶθος ὄντες); демократия — тот вид, при котором должности в руках неимущих, по количеству своему многочисленных (οἱ ἄποροι, πολλοὶ τὸ πᾶθος ὄντες). Получается другое затруднение: как мы обозначим только что указанные виды государственного устройства — тот, при котором верховная власть сосредоточена в руках состоятельного большинства (πλείους οἱ εὐποροί), и тот, при котором она находится в руках неимущего меньшинства (ἐλάττους οἱ ἄποροι), если никакого иного государственного устройства, кроме указанных, не существует? Итак, из приведенных соображений, по-видимому, вытекает следующее: тот признак, что верховная власть находится либо в руках меньшинства, либо в руках большинства, есть признак случайный (τὸ μὲν ὀλίγους ἢ πολλοὺς εἶναι κυρίους συμβεβηκός ἐστιν) и при определении того, что такое олигархия, и при определении того, что такое демократия, так как повсеместно состоятельных бывает меньшинство, а неимущих большинство (διὰ τὸ τοὺς μὲν εὐπόρους ὀλίγους, πολλοὺς δ' εἶναι τοὺς ἀπόρους πανταχοῦ); значит, этот признак не может служить основой указанных выше различий. То, чем различаются демократия и олигархия, есть бедность и богатство (πενία καὶ πλοῦτος); вот почему там, где власть основана — безразлично, у меньшинства или большинства — на богатстве (ὅπου ἂν ἀρχῶσι διὰ πλοῦτον, ἂν τ' ἐλάττους ἂν τε πλείους), мы имеем дело с олигархией, а где правят неимущие (οἱ ἄποροι), там перед нами демократия. А тот признак, что в первом случае мы имеем дело с меньшинством, а во втором — с большинством, повторяю, есть признак случайный (συμβαίνει) (Arist. *Pol.* III. 1279b17–1280a4).

Демократию не следует определять, как это обычно делают некоторые в настоящее время, просто как такой тип государственного устройства, при котором верховная власть сосредоточена в руках народной массы, потому что и в олигархиях, и вообще повсюду верховная власть принадлежит большинству¹⁹ (καὶ γὰρ ἐν ταῖς ὀλιγαρχίαις καὶ πανταχοῦ τὸ πλεόν μέρος κύριον); равным образом и под олигархией не следует разуметь такой вид государственного устройства, при котором верховная власть сосредоточена в руках немногих. Положим, что государство состояло бы всего-навсего из тысячи трехсот граждан; из них тысяча были бы богачами (πλοῦστοι) и не допускали к правлению остальных трехсот — бедняков, но людей свободнорожденных (πένησιν ἐλευθέροις οὖσι) и во всех отношениях подобных той тысяче. Решится ли кто-нибудь утверждать, что граждане такого государства пользуются демократическим строем? Точно так же, если бы немногие бедняки имели власть над большинством состоятельных (εἰ πένητες ὀλίγοι μὲν εἶεν, κρεῖττους δὲ τῶν εὐπόρων πλείονων ὄντων), никто не назвал бы такого

¹⁸ В переводе Жебелёва — «по нашему утверждению», что опять же неверно как с грамматической точки зрения (в оригинале φασι, «говорят»), так и со смысловой (с излагаемым далее пониманием олигархии Аристотель как раз полемизирует).

¹⁹ Не вполне ясное выражение. Судя по всему, имеется в виду, что и в олигархических полисах решения в народном собрании принимаются большинством голосов. Другое дело, что при олигархии круг полноправных граждан, участвующих в народном собрании, будет уже, включая в себя только состоятельных лиц. Ср. Wallace 2013, 294.

рода строй олигархическим, раз остальные, будучи богатыми, не имели бы почетных прав (τοῖς ἄλλοις οὐσι πλουσίοις μὴ μετέῃ τῶν τιμῶν). Итак, скорее следует назвать демократическим строем такой, при котором верховная власть находится в руках свободнорожденных, а олигархическим — такой, когда она принадлежит богатым (οἱ πλούσιοι), и лишь случаю нужно приписать (συμβαίνει) то, что одних много, а других немного²⁰. Ну а если бы должности (τὰς ἀρχάς), как это утверждается некоторыми относительно Эфиопии, распределялись по росту, или по красоте, была ли бы это олигархия? А ведь красивых и высоких бывает не очень много. Нет, такими признаками не может быть определена достаточно точно сущность олигархии и демократии... Нельзя считать демократическим²¹ и такой строй, при котором пользуются привилегированным положением богачи благодаря тому, что они составляют большинство (οἱ πλούσιοι διὰ τὸ κατὰ πλῆθος ὑπερέχειν); так было в древности в Колофоне, где большая часть граждан²² до войны с лидийцами приобрела большую недвижимую собственность. Таким образом, демократией следует считать такой строй, когда свободнорожденные и неимущие, составляя большинство, имеют верховную власть в своих руках, а олигархией — такой строй, при котором власть находится в руках людей богатых и благородного происхождения и образующих меньшинство (οἱ πλούσιοι καὶ εὐγενέστεροι ὀλίγοι ὄντες) (Arist. Pol. IV. 1290a30-b20).

Как можно видеть, в заключительной части второй цитаты Аристотель делает все-таки определенную уступку общепринятому мнению, вводя признак «меньшинства» в определение олигархии. Однако выше он неоднократно оговаривает, что этот признак, по его мнению, является *случайным*, а не необходимым, в действительности же олигархией следует называть любое правление богатых, даже если эти богатые составляют большинство. Является ли последняя опция чисто теоретической? Иногда высказывается мнение, что такое могло случаться в реальности²³. М. Саймонтон решительно возражает: «Известных примеров этого нет»²⁴. Но как же быть с только что встретившимся нам упоминанием архаического Колофона? В «Политике» прямо утверждается, что там к состоятельным относилось большинство граждан. И с этим прекрасно согласуется один из фрагментов Ксенофана (Xenophan. fr. B3 DK) — уроженца этого города, жившего как раз в ту эпоху, о которой пишет Аристотель: «Бесполезную роскошь узнали они

²⁰ Далее слова, пропущенные в переводе Жебелёва: ἐλεύθεροι μὲν γὰρ πολλοί, πλούσιοι δ' ὀλίγοι («ведь свободные многочисленны, богатые же немногочисленны»).

²¹ Здесь Жебелёв, на наш взгляд, вполне обоснованно, следует рукописному чтению (δῆμος), не прибегая к принимаемой во многих изданиях эмендации ὀλιγαρχία. Последняя и очень трудна, и совершенно искажает смысл. Рукописного чтения придерживается и А.И. Доватур (Dovatur 1965, 276). Ср. недоразумение в Giangiulio 2018, 279: вначале цитируемый нами отрывок приводится в английском переводе, следующем рукописному чтению («Nor can we apply the term democracy to a constitution...»), но из последующих рассуждений автора следует, что исправление «демократии» на «олигархию» им принимается: «Аристотель... выступает против возможности, что этот полис (Колофон, о котором речь идет ниже, — И. С.), где правителями были богатыми, являлся олигархией».

²² В переводе Жебелёва — «преобладающая часть граждан» (в оригинале οἱ πλείους). Но слово «преобладающая» порождает некоторую двусмысленность; можно подумать, что имеется в виду часть, наиболее влиятельная в политическом отношении, в то время как речь идет просто о численном превосходстве.

²³ Brock, Hodkinson 2000, 17.

²⁴ Simonton 2017, 35.

(колофоняне — И. С.) от лидийцев, / Без тирании доколь мерзостной жили еще, / На агору выходили в сплошь пурпурной одежде, / Сразу не менее чем тысяча общим числом»²⁵. Тысяча граждан в полисе периода архаики (притом полисе не из самых крупных²⁶), несомненно, должны были представлять собой большинство.

Итак, в целом олигархия для Стагирита неразрывно связана с состоятельными слоями населения; поэтому в связи с ней у него постоянно появляется категория имущественного ценза (τίμημα, см. Arist. *Pol.* II. 1266a12–14; III. 1278a21–23; IV. 1292a39–b1; IV. 1294b4–10; V. 1308a35–40; VI. 1320b21–23)²⁷, который в глазах мыслителя выступает одним из важнейших интегральных признаков олигархического государственного устройства²⁸. Кстати, в связи с проблемой богатых и бедных в «Политике» М. Оствальд прибегает к интересному терминологическому анализу²⁹, указывая, что в трактате встречаются две пары противопоставленных лексем: πλούσιος — πένης и εὐπορος — ἄπορος. По замечанию исследователя, в данном случае нельзя говорить о полной синонимии, хотя по большей части переводчики и комментаторы пренебрегают различием³⁰. Что касается первой пары — с ней все ясно, она взята из повседневного речевого обихода. Вторая сложнее; тщательно разобрав все ее нюансы, Оствальд приходит к выводу: «Коротко говоря, основы εὐπορ- и ἄπορ-, особенно тогда, когда за ними следует слово в родительном падеже, указывают на наличие или отсутствие факторов, требуемых для выполнения данной функции. В большинстве случаев родительный падеж относится к таким материальным ресурсам, как деньги, доходы, чеканка монеты и заработок, но им могут описываться вещи, необходимые для жизни, достаточный урожай или достаточное же количество населения. Обладание этими условиями ни в коем случае еще не делает автоматически человека или государство богатым (πλούσιος)...»³¹. Запомним эту коннотацию термина εὐπορος («состоятельный») с необходимостью выполнения определенных функций; в дальнейшем она позволит уяснить кое-что в функционировании конкретных олигархических режимов, о которых пойдет речь.

Проблемы, связанные с олигархиями, рассматриваются Аристотелем на основе данных, почерпнутых из истории самых разных греческих государств; активно привлекается и афинский материал, что вполне естественно. С реалиями Афин философ был знаком не понаслышке, ведь в этом городе он провел большую

²⁵ Фрагмент Ксенофана цитируется в переводе А.В. Лебедева.

²⁶ Колофон следует отнести скорее к средним полисам. См. его характеристику в Rubinstein 2004, 1077–1080.

²⁷ В данном отношении, между прочим, Аристотель идет за Платоном, который в «Государстве» определяет олигархию так: «Это строй, основывающийся на имущественном цензе (ἀπὸ τιμημάτων); у власти стоят там богатые, а бедняки не участвуют в правлении (οἱ μὲν πλούσιοι ἄρχουσιν, πένητι δὲ οὐ μέτεστιν ἀρχῆς)» (Plat. *Resp.* VIII. 550c–d; перевод А.Н. Егунова).

²⁸ Schmitz 1995, 575.

²⁹ Ostwald 2000, 44–56.

³⁰ Отметим, впрочем, что С.А. Жебелёв проводит это различие довольно последовательно, переводя πλούσιοι как «богатые», а εὐποροι как «состоятельные».

³¹ Ostwald 2000, 56.

часть своей жизни, если суммировать оба периода его пребывания там — «академический» и «ликийский». Ныне преобладает мнение, что «Афинская полиция», составленная наряду с остальными «Политиями» в ходе сбора источниковой базы для «Политики», не принадлежит перу самого Аристотеля. Наиболее последовательно отстаивал эту точку зрения П. Родс³²; но, если называть вещи своими именами, ни один из его доводов не имеет обязательной силы — не случайно ученый завершил изложение своей аргументации фразой: «Возможно, что Аристотель написал эту работу сам, но я *не верю* (курсив наш — И. С.), что он это сделал»³³. Нужно еще учитывать, что в последующей нарративной традиции этот памятник устойчиво цитируется — и вряд ли совершенно безосновательно — именно как «Афинская полиция» Аристотеля. Следует полагать, что последний, во всяком случае, принял участие в подготовке трактата, — возможно, в составе небольшого авторского коллектива³⁴.

В число важных источников для сочинения о государственном устройстве Афин входят «Аттиды»³⁵, в каждой из которых, как хорошо известно, изложение, начинаясь с древнейших, полулегендарных времен, доходило до современных соответствующему аттидографу дел³⁶. Во всех них поэтому должны были фигурировать события, связанные, в частности, с олигархиями конца V в. до н.э. Получать информацию об этих олигархиях Аристотель мог и непосредственно из уст своего учителя Платона, который, по крайней мере, о второй из них до конца жизни сохранял самые живые воспоминания (Plat. *Epist.* VII. 324c-325a). Обратимся теперь и мы к событиям, о которых идет речь, дабы определить, как политическая практика афинских олигархов соотносилась с теоретическими выкладами Аристотеля.

В условиях классической демократии олигархическое движение долго почти никак не давало о себе знать (Кимон, вопреки порой встречающемуся мнению³⁷, являлся приверженцем не олигархии, а умеренной, «патерналистской» модели демократии). Может быть, и является преувеличением утверждение Э. Бадяна, что до сицилийской катастрофы в Афинах не было олигархов³⁸; но если таковые и имелись,

³² Rhodes 1985, 58–63.

³³ Rhodes 1985, 63.

³⁴ Нам импонирует точка зрения (Whitehead 1993), согласно которой историческая и систематическая части «Афинской политики», сильно разнящиеся буквально по всем своим качествам, принадлежат двум разным перьям. Если над исторической частью работал сам Стагирит, то для систематической он мог привлечь такого своего сотрудника, как Деметрий Фалерский, который, будучи афинским гражданином и принимая участие в политической жизни Афин, знал механизмы «изнутри», в отличие от метеков Аристотеля и Феофраста.

³⁵ Harding 1977; Rhodes 1985, 15–30.

³⁶ Surikov 2021, 844–845 применительно к первой «Аттиде», написанной Геллаником и заложившей все каноны жанра. Мы не знаем, дожил ли Гелланик до олигархии 404–403 гг. до н.э. (скорее да, чем нет) и включил ли рассказ о ней в свой труд, но описание олигархии 411–410 гг. до н.э. там, несомненно, должно было присутствовать.

³⁷ Например, Boulton 2021, 20.

³⁸ Badian 1995, 81.

то они держали свое мнение при себе. Соответственно, общественным мнением олигархия тогда и не воспринималась как реальная угроза³⁹. Почему это было так, становится предельно ясным, когда внимательно читаешь «Афинскую политику» Псевдо-Ксенофонта⁴⁰. Основной пафос этого памфлета заключается в следующем: демократия — вещь отвратительная для «порядочного человека», но свои функции она выполняет настолько эффективно, что приходится-таки с нею мириться.

Подлинный рост олигархических настроений начался именно тогда, когда обнаружилось, что радикальная демократия, вдобавок к остальным своим недостаткам, может быть еще и неэффективной (о чем ранее и не подозревали⁴¹). Последнее со всей очевидностью было продемонстрировано провалом экспедиции на Сицилию. Оригинальную характеристику происходившего тогда «перелома в умах» дал Б. Стросс⁴²: период 450—413 гг. до н.э. характеризуется преобладанием в политической жизни молодежи, получившей софистическую выучку (знаковая фигура эпохи — Алкивиад), лица старших поколений несколько отодвинуты на второй план. Период после 413 г. до н.э. этот ученый обозначает как «возвращение отца». Иными словами, оттесненные пожилые вновь берут дела в свои руки (характерно немедленное учреждение коллегии престарелых пробулов).

Это, конечно, весьма своеобразный взгляд на проблему (можно ведь припомнить еще, что Антифонт, «мозговой центр» Четырехсот, тоже был человеком в летах, под семьдесят⁴³), но вряд ли он может служить исчерпывающим объяснением происходившего. Если рассматривать события не в возрастных, а в политических категориях, ясно, прежде всего, что налицо был временный триумф олигархов, ставший следствием жесточайшего кризиса. Ранее, с момента своего возникновения в 507 г. до н.э. и вплоть до 411 г. до н.э., афинская демократия отличалась редкостной стабильностью. На протяжении почти века не было ни одного (!) государственного переворота, ни даже попытки такового⁴⁴. Это даже удивительно, учитывая, насколько распространенным явлением был повсеместно в греческих полисах стасис. Поневоле припоминаются замечания того же Аристотеля о том, что демократии обладают большей внутренней прочностью, чем олигархии (Arist. *Pol.* V. 1302a8—13; V. 1315b11—12).

Но все изменилось чуть ли не в один момент, что особенно заметно по контрасту: после длившегося 96 лет периода спокойного развития за десятилетие 411—401 гг. до н.э. имели место целых семь переворотов⁴⁵, в ходе которых олигархические режимы устанавливались, трансформировались, ликвидировались.

³⁹ Osborne 2003, 256.

⁴⁰ Наиболее фундаментальным исследованием о которой теперь является Marr, Rhodes 2015.

⁴¹ Osborne 2003, 257.

⁴² Strauss 1993.

⁴³ Родился около 480 г. до н.э. (Gagarin 2002, 2).

⁴⁴ Самым острым моментом за весь этот хронологический отрезок было убийство Эфиальта в 461 г. до н.э., с мотивами которого и поныне нет никакой ясности (Roller 1989), вплоть до того, что в литературе подчас отрицается сам факт этого убийства (Stockton 1982).

⁴⁵ Перечень см. в Surikov 2022, 220—222.

В целом можно говорить о двух олигархиях этого времени: «первой олигархии» 411–410 гг. до н.э.⁴⁶ (правление Четырехсот, сменившееся правлением Пяти тысяч) и «второй олигархии» 404–403 гг. до н.э.⁴⁷ (правление Тридцати, сменившееся правлением Десяти⁴⁸).

После того как с олигархиями было покончено (в 401 г. до н.э. в Элевсине⁴⁹) и демократия была восстановлена, вновь наступил длительный (79 лет) период стабильности, а затем, ближе к концу IV в. до н.э., пришла новая полоса смут (шесть переворотов на временном промежутке 322–295 гг.⁵⁰). В это время тоже имели место две олигархии⁵¹: «третья олигархия» 322–318 гг. до н.э. (режим Фокиона — Демада) и «четвертая олигархия» 317–307 гг. до н.э. (режим Деметрия Фалерского⁵²).

При сопоставлении олигархических режимов конца V в. до н.э. и конца IV в. до н.э. привлекает внимание следующий нюанс⁵³. По какому критерию отбирались те, кто должен был войти в число полноправных граждан? В олигархии 322 г. до н.э. был применен принцип имущественного ценза, норма которого была установлена в 2000 драхм (πλείω δραχμῶν διαχίλιων, Diod. XVIII. 18. 4). По тому же пути пошла олигархия 317 г. до н.э., но был применен ценз меньшего размера — 1000 драхм (ἄχρι μνῶν δέκα, Diod. XVIII. 74. 3), что, по подсчетам

⁴⁶ Heftner 2001; Taylor 2002; Marcaccini 2013; Wolpert 2017.

⁴⁷ Krentz 1982; Ungern-Sternberg 2000; Wolpert 2006; 2019; Gottesman 2020.

⁴⁸ В «Афинской политике» Аристотеля говорится о двух последовательно учрежденных после низложения Тридцати коллегиях Десяти, причем первая оценивается негативно, а вторая позитивно (Arist. *Ath. pol.* 38. 13). Эта информация не находит никакого подтверждения у авторов, современных описываемым событиям (Ксенофонта, Лисия, Андокида) и, согласно преобладающему мнению, является недостоверной. Можно предположить, что причиной ошибки стало небольшое недоразумение в понимании одного из условий знаменитой амнистии 403 г. до н.э. (о которой см. Loening 1987; Loraux 1997; Carawan 2013; Scheibelreiter 2013). У Андокида, который сам стал «бенефициаром» этой амнистии, указано, что она не распространялась на Тридцать, Десять и Одиннадцать (πλὴν τῶν τριάκοντα καὶ τῶν δέκα καὶ τῶν ἑνδεκα, Andoc. I. 90). Но упомянутые здесь Десять — не та коллегия, которая сменила Тридцать, а другая, созданная Тридцатью для управления Пиреем. В формулировке того же условия в самой «Афинской политике» произошло ее удвоение: πλὴν πρὸς τοὺς τριάκοντα καὶ τοὺς δέκα καὶ τοὺς ἑνδεκα καὶ τοὺς τοῦ Πειραιέως ἄρξαντας (Arist. *Ath. pol.* 39. 5).

⁴⁹ О независимом элевсинском олигархическом государстве в 403–401 гг. до н.э. см. Hansen 2004, 637. М. Хансен считает, что оно имело статус клерухии.

⁵⁰ Перечень см. в Surikov 2022, 224.

⁵¹ О них см. Gehrke 1978; Lehmann 1995; Williams 1997; O'Sullivan 2001; Poddighe 2002; Müller 2017.

⁵² Форму правления, установленную Деметрием Фалерским, иногда характеризуют как «смешанное государственное устройство» (например, Saldutti 2022). Безусловно, субъективно он стремился установить именно таковое, но на деле получилась у него все-таки умеренная олигархия.

⁵³ Сравнению этих двух фаз афинского олигархического движения посвящена монография Lehmann 1997. Однако как раз тот аспект, о котором у нас пойдет речь далее, внимания этого исследователя не привлек.

Г.А. Лемана, обеспечивало участие в политической жизни трем четвертям (т.е. большинству) прежнего гражданского коллектива⁵⁴. Тут в обоих случаях, как говорится, все обстоит в точности по Аристотелю: учреждалась олигархия как власть состоятельных, бедняки исключались. Деметрий Фалерский, как видим, даже реализовал допускавшуюся Аристотелем модель состоятельного большинства, управляющего меньшинством неимущих.

Поскольку с соответствующими практиками этих позднеклассических (или раннеэллинистических) олигархий все ясно, долго задерживаться на них не приходится, тем более что данных о них мало. Когда же мы обращаемся к олигархическим режимам предшествующего столетия (гораздо лучше освещенным в источниках), не может не броситься в глаза разительное отличие. Ни в 411 г. до н.э., ни в 404 г. до н.э. вопрос о введении имущественного ценза даже не поднимался. Тогдашние олигархии прибегли к совершенно иному принципу отбора: взять некоторую фиксированную цифру (причем круглую) и подобрать гражданский коллектив соответствующей численности, составив список его членов. В 411 г. лимит, о котором идет речь, равнялся 5 тысячам человек (Thuc. VIII. 65. 3; Lys. XX. 16; Arist. *Ath. pol.* 29. 5), а в 404 г. до н.э. — 3 тысячам (Xen. *Hell.* II. 3. 18; Lys. XXV. 22; Arist. *Ath. pol.* 36. 2), причем лица, не вошедшие в число «избранных», в дальнейшем были выселены из города на хору⁵⁵ (Xen. *Hell.* II. 4. 11).

Нетрудно заметить, что принцип ценза и принцип лимита (в литературе иногда их называют, соответственно, инклюзивным и эксклюзивным принципами⁵⁶) вступают в прямое противоречие друг с другом, ибо совершенно невозможно, чтобы лиц, удовлетворяющих критерию определенной нормы имущественного достатка, в полисе набралось ровно на круглую цифру. Об олигархиях V в. до н.э. можно сказать, что они представляли собой олигархии в самом прямом смысле слова — власть немногих над многими, власть меньшинства над большинством: и 5 тысяч, и тем более 3 тысячи человек на фоне численности афинского гражданского коллектива при демократии представляли собой заведомое меньшинство (даже после всех людских потерь Пелопоннесской войны).

А вот являлись ли они олигархиями в Аристотелевом смысле — властью богатых над бедными? На этом вряд ли возможно настаивать. Достаточно привести хотя бы вот какой пример. В период правления «Тридцати тиранов» в число привилегированных 3 тысяч вошел (и, соответственно, остался в городе) Сократ, чья бедность была притчей во языцех. С другой стороны, Фрасибул и Анит — лица весьма состоятельные, входившие в прослойку триерархов и способные удовлетворить любому цензу, — в заветный список не попали. Значит, к афинянам, отбираемым в граждане, прилагались какие-то иные требования.

Здесь имеет смысл присмотреться к некоторым элементам ранней олигархической идеологии. Первый по времени сохранившийся в источниках намек (пока скорее именно лишь намек, еще не говорящий о развитой системе взглядов)

⁵⁴ Lehmann 1995, 147.

⁵⁵ Такое выселение и Аристотель в «Политике» причисляет к олигархическим (а также тираническим) практикам (Arist. *Pol.* V. 1313a13–15). Ср. Simonton 2017, 155.

⁵⁶ Brock, Hodkinson 2000, 18.

на троичную классификацию государственных устройств, разделяющую их на власть одного, власть немногих и власть массы, находим во второй четверти V в. до н.э. у Пиндара⁵⁷ (Pind. *Pyth.* II. 86–88). самого слова «олигархия» в словаре беотийского лирика, правда, нет; он говорит о «тирании», о «буйной толпе» и о «мудрых» (οἱ σοφοί), с которыми, получается, ассоциируется у него элита, находящаяся у власти.

У Геродота (который термином ὀλιγαρχία уже вполне пользуется) классификация, о которой идет речь, получает, как известно, уже достаточно детальную разработку в «диспуте трех персов» о формах правления (Hdt. III. 80–82). Олигархическую точку зрения в этом споре у «отца истории» отстаивает Мегабиз. Строй, который он защищает, определяется им как власть «лучших мужей» (ἀνδρῶν τῶν ἀρίστων)⁵⁸, а противопоставляемая ему демократия — как власть «необузданного народа» (δήμου ἀκολάστου).

В «Афинской политике» Псевдо-Ксенофонта (существительного ὀλιγαρχία как такового там нет, но несколько раз встречается причастие от глагола ὀλιγαρχέομαι⁵⁹; в любом случае олигархические воззрения автора вне сомнений) демосу, простому народу противопоставляются «порядочные» (χρηστοί), «благородные» (γενναῖοι), «лучшие» (ἄριστοι), «богатые» (πλοῦστοι) — одним словом, довольно широкий спектр состояний. Но лучше всего передает мысль автора вот такая формулировка: «Но кто, не принадлежа к народу (μὴ ὢν τοῦ δήμου), предпочитает жить в демократическом, а не в олигархическом государстве, тот просто задается какими-нибудь преступными намерениями и видит, что мошеннику скорее можно остаться незамеченным в демократическом государстве, чем в олигархическом» (Ps.-Xen. 2. 20)⁶⁰. Таким образом, антитеза, в общем-то, сводится к следующему: с одной стороны, простонародье⁶¹, с другой — буквально все остальные⁶².

Пресловутые «лучшие» здесь — это знать или богачи? Часто вообще олигархические режимы делят на «олигархии знатных» и «олигархии богатых», исходя из того, что первые предшествуют вторым. В диахронном плане это, видимо, в целом верно. К концу V в. до н.э. время знатных олигархов, впрочем, много лет как миновало. Давно уже было подмечено⁶³, что среди лидеров Четырехсот вообще не было ни одного аристократа; среди лидеров Тридцати таковым являлся только Критий (можно вспомнить еще Хармида, но он был на второстепенных ролях). Да и для Крития лучшей характеристикой будет не «аристократ», а «идеократ»⁶⁴. И так, среди вождей обоих переворотов почти нет людей, выделяющихся

⁵⁷ Rhodes 2000, 124; Hornblower 2006, 152; Mitchell 2006, 180.

⁵⁸ Ostwald 2000, 18.

⁵⁹ Rhodes 2000, 128.

⁶⁰ «Афинская политика» Псевдо-Ксенофонта и (ниже) «Афинская политика» Аристотеля цитируются в переводе С. И. Радцига.

⁶¹ Здесь δῆμος именно в этом смысле. Полный перечень значений этой лексемы см. в Hansen 2010, 502–503.

⁶² См. комментарий к этому месту: Marr, Rhodes 2015, 138–142.

⁶³ Gomme 1986, 37–39.

⁶⁴ К характеристике личности Крития, его взглядов и практической деятельности см. Frolov 2003; Danzig 2014; Gottesman 2020.

знатностью; а вот к состоятельной верхушке общества они, безусловно, принадлежали⁶⁵.

В высшей степени интересно сопоставить два ключевых пассажа из свидетельств об установлении режима Четырехсот, содержащихся в «Истории» Фукидида и «Афинской политии» Аристотеля. «Заговорщики внесли в народное собрание предложение, чтобы... в государственных делах участвовало не более пяти тысяч граждан, именно тех, кто лучше всего может служить городу в силу своих личных качеств или своим имуществом (οὗτε μεθεκτέον τῶν πραγμάτων πλέοσιν ἢ πεντακισχίλοις, καὶ τοῦτοις οἱ ἄν μάλιστα τοῖς τε χρήμασι καὶ τοῖς σώμασιν ὠφελεῖν οἷοί τε ὄσιν)» (Thuc. VIII. 65. 3)⁶⁶. «Все вообще политическое управление поручается тем из афинян, кто оказывается наиболее способным служить государству как лично, так и материально, в количестве не менее пяти тысяч человек (Ἀθηναίων τοῖς δυνατωτάτοις καὶ τοῖς σώμασιν καὶ τοῖς χρήμασιν λητουργεῖν, μὴ ἔλαττον ἢ πεντακισχίλοις)» (Arist. *Ath. pol.* 29. 5).

Не может не остаться незамеченным серьезное разногласие между двумя источниками: у Фукидида утверждается, что, согласно предложению олигархов, полноправных граждан должно было быть *не более* пяти тысяч, а в «Афинской политии», — наоборот, что *не менее* пяти тысяч. Какому из свидетельств отдать предпочтение? На первый взгляд, такового заслуживает Фукидид как современник событий. Однако не будем забывать, что к 411 г. до н.э. Фукидид давно уже отсутствовал в Афинах и свидетелем переворота быть не мог. Соответственно, он рассказал о нем с чьих-то слов; притом этот его информатор очевидным образом был тенденциозен, и, в частности, под его влиянием историк преувеличил жестокий, насильственный характер режима Четырехсот⁶⁷, который, в отличие от режима Тридцати, не являлся репрессивным. Аристотель же опирался на литературу, созданную в Афинах непосредственно в период переворотов⁶⁸.

Таким образом, вопрос сложнее, чем кажется. Помогает найти ответ на него еще один, редко используемый специалистами памятник. В корпусе Лисия есть речь XX «В защиту Полистрата». Ее обычно помещают *supra*, поскольку, исходя из содержания, она произносится в первой половине 410-х годов до н.э. (еще идет Пелопоннесская война), а начало ораторской деятельности Лисия, как правило, относят ко времени после 403 г. до н.э.⁶⁹ Ну, а к поддельному тексту и отношение бывает пренебрежительным, однако в данном случае пренебрежение вряд ли обосновано. Во-первых, нельзя все-таки совершенно исключать авторство Лисия. Последний занимался написанием речей еще заведомо до окончания войны. Достаточно напомнить, что вся сюжетная линия «Федра» Платона завязана вокруг Лисиевой речи⁷⁰, а действие этого диалога мыслится происходящим на хронологическом отрезке

⁶⁵ В большинстве своем они представлены в каталоге Дж. Дейвиса «Афинские состоятельные семьи 600–300 гг. до н.э.» (Davies 1971).

⁶⁶ Фукидид цитируется в переводе Г.А. Стратановского.

⁶⁷ Taylor 2002.

⁶⁸ Rhodes 1985, 368.

⁶⁹ Kennedy 2003, 506; Montanari 2022, 602.

⁷⁰ Usher 2007, 28–29.

418–416 гг.⁷¹ Во-вторых, даже если автор — не Лисий, это, в сущности, не имеет принципиального значения; главное в том, что достаточно точно определяется время создания речи. Кто бы ее ни составил, в ней отразились реалии эпохи, совсем недалеко отстоящей от переворота 411 г. до н.э.

Полистрат, клиент логографа, коллегией Четырехсот был назначен на должность составителя списка (*καταλογεύς*) — того самого списка пяти тысяч полноправных граждан. И вот теперь, чтобы доказать, что он тогда проявил себя как хороший, а не дурной человек, его сын (защитительную речь говорит он — видимо, из-за преклонного возраста отца) указывает: «Кто же может быть в большей степени другом народа, как не тот, кто, несмотря на ваше постановление передать правление пяти тысячам граждан, тем не менее, занимая должность составителя списков, внес в списки девять тысяч человек (*ὑμῶν ψηφισαμένων πενταχισχιλοῖς παραδοῦναι τὰ πράγματα καταλογεύς ὃν ἐναχισχιλοῦς κατέλεξεν*), чтобы никто из бедных граждан не относился к нему враждебно, но чтобы ему можно было вносить всех, кто захочет, а кому нельзя, тем доставить удовольствие. Однако демократию уничтожает не тот, кто увеличивает число граждан, а тот, кто уменьшает» (*Lys. XX. 13*)⁷².

Возможно, здесь и есть некая доля хвастливого преувеличения, однако вряд ли говоривший прибегнул бы к прямой и грубой лжи, которая немедленно была бы изобличена присутствующими. Но если *καταλογεύς* (или, скорее, *καταλογεῖς* — надо полагать, что Полистрат исполнял свои обязанности не в одиночку, а в составе специально созданной комиссии), составляя список, вносил в него большее количество лиц, чем запланированные пять тысяч, а всеильная коллегия Четырехсот никак ему в этом не препятствовала, — стало быть, задачи препятствовать и не ставилось. А это куда больше соответствует той трактовке рассматриваемой меры, которая содержится в «Афинской политике», а не у Фукидида.

Кстати, когда ближе к концу 411 г. до н.э. Четыреста были низложены и власть в свои руки реально взяли эти самые Пять тысяч (на самом деле их, как видим, было больше и они достаточно репрезентативно представляли афинское гражданство, тем более что бедняки-феты в массе своей тогда в Афинах отсутствовали, находясь в качестве гребцов при флоте на Самосе), их правление, хотя и недолгое, произвело большое, причем весьма позитивное, впечатление на греческую политическую мысль⁷³. Оно удостоилось небывало высоких похвал со стороны как Фукидида (*Thuc. VIII. 97. 2*), так и Аристотеля (*Arist. Ath. pol. 33. 2*), рассматривалось как едва ли не первый реализованный на деле образчик «смешанного государственного устройства»⁷⁴. Уже Фукидид именно так его и характеризует: «...это было благоразумное смешение олигархии и демократии (*μετρία γὰρ ἦ τε ἐς τοὺς ὀλίγους καὶ τοὺς πολλοὺς ξύγκρασις ἐγένετο*)» (*Thuc. VIII. 97. 2*).

Именно в этот период всерьез ставится вопрос о необходимости соблюдения законности в политической жизни, начинается известная афинская

⁷¹ Nails 2002, 314.

⁷² Лисий цитируется в переводе С.И. Соболевского.

⁷³ Lintott 2000, 165.

⁷⁴ Об идее такого устройства и ее отражении у эллинских мыслителей см. Lintott 2000; Nahm 2009; Saldutti 2022.

законодательная реформа, шедшая затем на протяжении целого десятилетия⁷⁵. Инициатором запущенного процесса, несомненно, выступил тот человек, который стал и творцом самого режима Пяти тысяч, — Ферамен, этот воистину фанатик закона. Этому политику, получившему крайне неоднозначную оценку в традиции, в «Афинской политике» Аристотеля посвящен настоящий энкомий. При этом, как указывается в литературе⁷⁶, Ферамен мил мыслителю не чем иным, как тем, что для него высшей ценностью была законность (Arist. *Ath. pol.* 28. 5: «...он не только не ниспровергал, как его обвиняют, все виды государственного строя, а наоборот, направлял всякий строй, пока в нем соблюдалась законность (ἀλλὰ πᾶσας προῖκεν ἕως μηδὲν παρανομοῦεν)»).

Но вернемся к свидетельствам Фукидида и Аристотеля о формировании олигархического гражданского коллектива. Выше разбиралось имеющееся разногласие между двумя авторами; более важным представляется нам, однако, то общее, что имеют между собой оба пассажа. А общим является то, какие требования предъявлялись гражданам, и здесь доходит даже до предельного лексического сходства (Фукидид — τοῖς τε χρήμασι καὶ τοῖς σώμασιν, Аристотель — καὶ τοῖς σώμασιν καὶ τοῖς χρήμασιν). В обоих случаях речь идет о том, что граждане должны быть полезны государству. Именно поэтому они и должны иметь определенное состояние — не ради богатства как такового, не потому, что оно само по себе превращает то или иное лицо в человека какого-то особого, более высокого сорта, а потому что человек небедный и должности сможет исполнять, не требуя жалования (вопрос об отмене оплаты службы должностных лиц был одним из самых насущных во время переворота 411 г. до н.э.), и, с другой стороны, сам, наоборот, будет в трудную годину помогать полису денежными взносами, добросовестным исполнением литургий и проч. Здесь припоминается понимание М. Оствальдом термина εὐτορος (см. выше). Близость действительно налицо. Для этого антиковеда εὐτορος — тот, кто имеет достаточные средства (подразумеваются средства прежде всего материальные) для выполнения определенной функции. В данном случае это функция полноценного служения государству, которое только и делает человека достойным гражданином, бедняк же такими средствами не располагает, потому и должен быть ущемлен в правах.

Мы не знаем, насколько последовательно этот принцип (в основе своей вполне рациональный) проводился при формировании списка пяти тысяч в 411 г. до н.э. Что же касается олигархов 403 г. до н.э., то они при составлении списка трех тысяч явно руководствовались не такого рода высокими мотивами (и не цензом, как говорилось выше), а вполне циничными политико-идеологическими соображениями: за единственный критерий включения в него принималась потенциальная лояльность режиму. Гражданами делали либо открытых его сторонников,

⁷⁵ Начало этой реформы, имевшей чрезвычайно большое значение для дальнейшей эволюции афинской демократии (представлявшей собой переход от «власти народа» к «власти закона»), как правило, связывают с полным восстановлением демократического устройства в 410 г. до н.э. Однако М. Финли справедливо подчеркнул, что в действительности процесс начался чуть раньше — именно тогда, когда у власти находились Пять тысяч (Finley 1971, 10).

⁷⁶ Например, Frank, Monoson 2009, 255.

либо тех, от кого, по крайней мере, не приходилось ожидать сопротивления. Поэтому в их число не попал богач Фрасибул, чья стойкая приверженность демократическим принципам была давно известна (он доказал ее на деле, возглавив те силы во флоте, которые не признали переворот Четырехсот), но вошел Сократ. Про последнего знали, что он — учитель Крития и жесткий критик демократии, а того, что он и по отношению к новой власти займет столь же неконформистскую позицию, заранее, естественно, никто предсказать не мог.

Однако все же откуда такое пристрастие к лимиту гражданского коллектива, выраженному фиксированной, причем круглой цифрой? Зачем эта «числовая игра», как выразился один ученый⁷⁷? Здесь нам хотелось бы привлечь внимание вот к какому обстоятельству. Применительно к ряду греческих полисов периода архаики (а тогда они были, разумеется, в подавляющем большинстве олигархическими⁷⁸) источники сообщают об интересной особенности — наличии (прослеживаемся в наиболее ранних случаях с VII в. до н.э.) гражданского коллектива фиксированной численности (Локры Эпизефирские — тысяча человек, Кротон — тысяча человек, Регий — тысяча человек, Опунт в Восточной Локриде — тысяча человек, Кима Эолийская — тысяча человек, Массалия — шестьсот человек; менее ясна ситуация с Колофоном). Заметим, что всякий раз перед нами опять же круглая цифра, и это примечательно. В принципе, в тот же круг реалий вписывается и коллектив девяти тысяч спартиатов «ликургова Лакедемона».

Сюжету о таких «лимитированных режимах» (кроме Спарты) посвятил недавно специальную работу М. Джанджулио⁷⁹, проанализировав в ней все релевантные свидетельства, так что нам нет смысла их повторять, тем более что это увело бы нас слишком далеко от главной темы статьи. Исследователю удалось убедительно показать, что в каждом из перечисленных случаев речь идет именно о числе членов гражданского коллектива, участников народного собрания, опровергнув распространенное мнение, согласно которому имеется в виду численность совета (βουλή)⁸⁰. Вряд ли можно ожидать встретить в архаических полисах, еще небольших по размеру, такие огромные советы. В классических Афинах, где граждан насчитывалось до полусотни тысяч, функционировал совет из пятисот человек, и это представлялось вполне достаточным.

Необходимо отметить, что сам Джанджулио протестует против определения подобных государств как «олигархий с фиксированной численностью». По его словам, «в архаическую эпоху не существовало ни аристократических,

⁷⁷ Brock 1989, 160. Сам автор этой статьи высказывает соображения по данному вопросу, но они вполне спекулятивны.

⁷⁸ Самые ранние демократии (о них см. Robinson 1997, со сводкой буквально всех имеющихся данных) появляются не ранее второй четверти VI в. до н.э. (Мегары, Хиос).

⁷⁹ Giangiulio 2018.

⁸⁰ В свое время и автор этих строк впал в аналогичную ошибку, трактуя массалийские Шестьсот (Strab. IV. 179) как совет (Surikov 2018, 300–301). Страбон в данной связи пользуется лексемой συνέδριον, которая была, особенно у послеклассических авторов, куда более многозначной, чем βουλή, и не обязательно означала совет (Giangiulio 2018, 287).

ни олигархических, ни тимократических, ни демократических режимов»⁸¹, и применять подобную терминологию, выработанную политической теорией времен классики (прежде всего Аристотелем), к ранним полисам — значит впадать в анахронизм. Безусловно, Аристотель проецировал разработанный им категориальный аппарат на реалии эллинской архаики, во многом принципиально иные⁸², и ныне вряд ли уже кто-нибудь будет утверждать, что рисуемая им картина совершенно адекватна этим реалиям. Но вряд ли конструктивна и другая крайность, которую здесь демонстрирует итальянский ученый. Да, терминов «олигархия», «демократия» и т.п. не существовало ранее V в. до н.э., но почему из этого вытекает, что не было и самых явлений, которые позже стали обозначаться этими терминами? Кто усомнится в том, что историю афинской демократии следует начинать как минимум с реформ Клисфена 508/507 г. до н.э.? Есть даже мнение, что с реформ Солона 594 г. до н.э.⁸³ При этом она уж точно не называлась демократией до середины V в. до н.э., но это, думается, ничего принципиально не меняет.

Впрочем, важнее в статье М. Джанджулио не тот весьма спорный тезис, о котором только что говорилось, а представляющиеся нам ценными размышления о том, что породило подобные режимы «круглых цифр». Здесь уместно привести цитату: «Численно ограниченные политические коллективы — это скорее один из способов, которыми начали фиксироваться политические общины в архаическую эпоху. Поскольку письменные свидетельства о “тысяче” и “шестистах” предполагают, что их происхождение следует поместить в какой-то точке между VII и VI вв. до н.э., ...мы должны понимать эти политические организации как ключевую стадию в развитии институционального порядка. Также следует заметить, что численно ограниченный коллектив — это группа, соединенная членством в ней, в которой отношения между индивидами усиливают сплоченность и чувство сопричастности... Численно ограниченные коллективы играли фундаментальную роль в развитии концепта общины как коллективного единства и как сплоченной эксклюзивной группы. Как известно, община, которую мы встречаем в гомеровских поэмах, не является четко очерченной. К ней, кажется, принадлежат все обитатели данной местности. Архаический полис, по контрасту, начинает самоопределяться как община, к которой имярек или принадлежит как часть, или исключен из нее»⁸⁴.

Таким образом, появление того, что называют «олигархиями с фиксированной численностью», вписывается в контекст формирования эллинского полиса. Это выглядит удачным и логичным решением. Действительно, одним их главных элементов «полисной идеи» как таковой является жесткое противопоставление граждан, обладающих полнотой прав и привилегий, всем прочим жителям

⁸¹ Giangiulio 2018, 276.

⁸² Brock, Hodkinson 2000, 13; Davies 2004, 21.

⁸³ См. интереснейшую коллективную работу Raaflaub *et al.* 2007. Она необычна тем, что целиком полемична: каждый из трех авторов (все они — ведущие специалисты) отстаивает собственное мнение по вопросу о том, когда родилась афинская демократия: при Солоне (К. Раафлауб), при Клисфене (Дж. Обер) или при Эфиальте (Р. Уоллес).

⁸⁴ Giangiulio 2018, 290.

государства. На первых порах складывания полисных структур такой метод разграничения граждан и «остальных», как введение лимита численности гражданского коллектива, должен был пользоваться популярностью ввиду своей крайней простоты в применении. В дальнейшем в Афинах по мере демократизации политического устройства, предоставления полноправия бедноте круг граждан был значительно расширен; лидеры олигархического движения конца V в. до н.э. предложили «пойти вспять», вернуться к принципу лимита. Для последнего выбирались достаточно значительные числа (не шестьсот и не тысяча, а скорее что-то более близкое к тому, что было в Спарте), но оно и понятно ввиду огромной по греческим меркам величины афинского полиса.

Почему были воскрешены реалии, характерные именно для *ранних* олигархий? Организаторы переворота 411 г. до н.э., судя по всему, были вообще привержены ко всему «старинному», «отеческому» (в рамках свойственного им дискурса о *πάτριος πολιτεία*); не случайно введение режима Четырехсот было предвзято инициативами об изучении древних государственных устройств (Arist. *Ath. pol.* 29. 3). Олигархи классического периода вообще изображаются нарративной традицией как крайние ретрограды; например, тот из них, который обрисован в «Характерах» Феофраста, утверждает (Theophr. *Char.* 26. 6), что хорошее правление в Афинах было только до Тесея⁸⁵.

Такой консерватор, как Платон, еще в середине IV в. до н.э. предлагая в «Законах» модель образцового полиса Магнесии⁸⁶, тоже ограничил число его граждан жестко фиксированным, неизменным на все века лимитом, выраженным, правда, не очень-то «круглой» цифрой 5040 (Plat. *Leg.* V. 737e); последняя, впрочем, представляла для него другое преимущество — обладала наибольшим количеством делителей. Здесь, возможно, налицо увлечение позднего Платона пифагорейской числовой мистикой.

Кстати, а фиксируется ли что-то напоминающее численный лимит, собственно, в древнейших Афинах? До сих пор у нас появлялись примеры из других регионов, но было бы резонно, если бы афинские сторонники олигархии и «отеческого государственного устройства» апеллировали не к чужому (или, во всяком случае, не только к чужому), но и к собственному опыту. Не важно, были ли приводимые ими прецеденты историческими или воображаемыми; главное, чтобы они *воспринимались* их согражданами как действительно имевшие место.

Информация, проливающая некоторый свет на проблему, содержалась в начальной части «Афинской политики» Аристотеля. Хотя первые главы трактата не сохранились на папирусе, их содержание отчасти восстанавливается по фрагментам — цитатам у позднейших писателей. И вот что читаем в одном из таких фрагментов (Arist. fr. 385 Rose = Lex. Demosth. Patm. p. 152 Sakkelion) по поводу того, как понимал Стагирит устройство доклизфеновских, додемократических Афин: «Они (афиняне — *И. С.*) были разделены на четыре филы наподобие времен года; каждая из фил была разделена на три части так, чтобы в общем составилось двенадцать частей, — столько, сколько месяцев в году. Они назывались

⁸⁵ Diggle 2004, 474–476.

⁸⁶ Именно таково название основываемой колонии в «Законах» (Saunders 1991).

триттиями и фратриями. Фратрия была составлена из тридцати родов, как месяц из дней, а род состоял из тридцати мужчин».

Понятно, что только в каких-нибудь совсем старых работах⁸⁷ можно встретить серьезное отношение к этой схеме. Перед нами — конструкция насквозь искусственная, к реальности не имеющая никакого отношения (из нее, в частности, вытекает, что каждый афинский гражданин входил в какой-нибудь род, как в Риме, а это не соответствует действительности⁸⁸). Конструкция, однако, вряд ли изобретена самим Стагиритом. Он, по всей видимости, почерпнул ее из «Аттиды», из афинской локальной историографической традиции. Главное же в том, что здесь мы как раз находим представление о численно фиксированном гражданском коллективе. Если перемножить все содержащиеся во фрагменте цифры, численность эта окажется равной 10800 человек, что в два с небольшим раза больше, чем в платоновской Магнесии.

Для Аристотеля, надо полагать, все подобные реалии отдавали уже глубокой архаикой и для современных ему олигархий представлялись неподходящими (по поводу численных выкладок Платона в «Законах» он откровенно иронизирует: Arist. Pol. II. 1265a10–18). В афинских олигархических режимах конца IV в. до н.э., создававшихся уже после написания Аристотелевых трудов, мы, повторим, не находим ни малейших следов идеи лимита, а только проведенную с предельной последовательностью идею ценза, делавшую эти режимы в чистом виде «властью состоятельных», как определена олигархия в «Политике». Тогдашние олигархи ведь и в целом действовали фактически по рецептам перипатетической школы. Фокион был близок к Ликею⁸⁹, а Деметрий Фалерский и вовсе являлся прямым выходцем из него, штудировал «Политику» и опирался на нее в своей практической деятельности⁹⁰.

Литература / References

- Badian, E. 1995: The Ghost of Empire: Reflections on Athenian Foreign Policy in the Fourth Century BC. In: W. Eder (ed.), *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform?* Stuttgart, 79–106.
- Boulton, A.O. 2021: *Democracy and Empire: The Athenian Invasion of Sicily, 415–413 BCE*. Lanham.
- Bourriot, F. 1976: *Recherches sur la nature du genos: Étude d'histoire sociale athénienne. Périodes archaïque et classique*. Lille–Paris.
- Brock, R. 1989: Athenian Oligarchs: The Number Game. *Journal of Hellenic Studies* 109, 160–164.
- Brock, R., Hodkinson, S. 2000: Introduction: Alternatives to the Democratic Polis. In: R. Brock, S. Hodkinson (eds.), *Alternatives to Athens: Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece*. Oxford–New York, 1–32.

⁸⁷ Таких, как Schjøtt 1906.

⁸⁸ Для понимания сущности афинского рода-γένος основополагающим остается фундаментальное исследование Bourriot 1976. В нем со всей возможной доказательностью продемонстрировано, что γένος не представлял собой интегрального элемента структуры социума.

⁸⁹ Lehmann 1997, 22–24.

⁹⁰ В частности, он учредил в Афинах институты (такие, как коллегии номофилов, гинекономов и др.), рекомендованные в «Политике» специально для олигархий (Simonton 2017, 90–91).

- Carawan, E. 2013: *The Athenian Amnesty and Reconstructing the Law*. Oxford.
- Danzig, G. 2014: The Use and Abuse of Critias: Conflicting Portraits in Plato and Xenophon. *Classical Quarterly* 64/2, 507–524.
- Davies, J.K. 1971: *Athenian Propertied Families 600–300 B.C.* Oxford.
- Davies, J.K. 2004: The Concept of the 'Citizen'. In: S. Cataldi (ed.), *Poleis e politeiai: Esperienze politiche, tradizioni letterarie, progetti costituzionali*. Alessandria, 19–30.
- Day, J., Chambers, M. 1967: *Aristotle's History of Athenian Democracy*. Amsterdam.
- Diggle, J. (ed.) 2004: *Theophrastus: Characters*. Cambridge.
- Dovatur, A.I. 1965: *Politika i Politii Aristotelya [Aristotle's Politics and Polities]*. Moscow–Leningrad.
- Доватур, А.И. *Политика и Политии Аристотеля*. М. – Л.
- Duke, G. 2020: *Aristotle and Law: The Politics of Nomos*. Cambridge.
- Finley, M.I. 1971: *The Ancestral Constitution*. Cambridge.
- Frank, J., Monoson, S.S. 2009: Lived Excellence in Aristotle's Constitution of Athens: Why the Encomium of Theramenes Matters. In: S. Salkever (ed.), *The Cambridge Companion to Ancient Greek Political Thought*. Cambridge, 243–270.
- Frolov, E.D. 2003: [Critias, Son of Callaischros, the Athenian, – a Sophist and Tyrant]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 4, 67–89.
- Фролов, Э.Д. Критий, сын Каллесхра, афинянин, – софист и тиран. *ВДИ* 4, 67–89.
- Gagarin, M. 2002: *Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists*. Austin.
- Gehrke, H.-J. 1978: Das Verhältnis von Politik und Philosophie im Werken des Demetrius von Phaleron. *Chiron* 8, 149–194.
- Giangiulio, M. 2018: Oligarchies of 'Fixed Number' or Citizen Bodies in the Making? In: A. Duploux, R.W. Brock (eds.), *Defining Citizenship in Archaic Greece*. Oxford, 275–294.
- Gomme, A.W. 1986: *The Population of Athens in the Fifth and Fourth Centuries B.C.* Westport.
- Gottesman, A. 2020: The Sôphrosynê of Critias: Aristocratic Ethics after the Thirty Tyrants. In: D.C. Wolfsdorf (ed.), *Early Greek Ethics*. Oxford, 243–261.
- Hahn, D.E. 2009: The Mixed Constitution in Greek Thought. In: R.K. Balot (ed.), *A Companion to Greek and Roman Political Thought*. Oxford, 178–198.
- Hansen, M.H. 1993: Aristotle's Alternative to the Sixfold Model of Constitutions. In: M. Piérart (éd.), *Aristote et Athènes. Actes de la table ronde de l'Université de Fribourg, 23–25 mai 1991*. Paris, 91–101.
- Hansen, M.H. 2004: Attika. In: M.H. Hansen, T.H. Nielsen (eds.), *An Inventory of Archaic and Classical Poleis: An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation*. Oxford, 624–642.
- Hansen, M.H. 2010: The Concepts of *demos*, *ekklesia*, and *dikasterion* in Classical Athens. *Greek, Roman and Byzantine Studies* 50, 499–536.
- Harding, P. 1977: Atthis and Politeia. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 26/2, 148–160.
- Harris, E.M. 2019: Rev.: Simonton M. Classical Greek Oligarchy: A Political History. *Journal of Hellenic Studies* 139, 256–257.
- Heftner, H. 2001: *Der oligarchische Umsturz des Jahres 411 v. Chr. und die Herrschaft der Vierhundert in Athen: Quellenkritische und historische Untersuchungen*. Frankfurt am Main.
- Hornblower, S. 2006: Pindar and Kingship Theory. In: S. Lewis (ed.), *Ancient Tyranny*. Edinburgh, 151–163.
- Kennedy, G.A. 2003: Oratory. In: P.E. Easterling, B.M.W. Knox (eds.), *The Cambridge History of Classical Literature*. Vol. I. *Greek Literature*. Cambridge, 498–526.
- Krentz, P. 1982: *The Thirty at Athens*. Ithaca–London.
- Lehmann, G.A. 1995: Überlegungen zu den oligarchischen Machtergreifungen im Athen des 4. Jahrhunderts v. Chr. In: W. Eder (Hrsg.), *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? Akten eines Symposiums 3. – 7. August 1992, Bellagio*. Stuttgart, 139–150.
- Lehmann, G.A. 1997: *Oligarchische Herrschaft im klassischen Athen: Zu den Krisen und Katastrophen der attischen Demokratie im 5. und 4. Jahrhundert v. Chr.* Opladen.
- Lintott, A. 2000: Aristotle and the Mixed Constitution. In: R. Brock, S. Hodkinson (eds.), *Alternatives to Athens: Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece*. Oxford, 152–166.
- Loening, T.C. 1987: *The Reconciliation Agreement of 403/2 B.C. in Athens: Its Content and Application*. Stuttgart.
- Loraux, N. 1997: *La cité divisée: L'oubli dans la mémoire d'Athènes*. Paris.

- Marcaccini, C. 2013: Rivoluzione oligarchica o restaurazione della democrazia? I Cinquemilia, la πρόκρισις e la patrios politeia. *Klio* 95/2, 405–428.
- Marr, J.L., Rhodes, P.J. (eds.) 2015: *The 'Old Oligarch': The Constitution of the Athenians Attributed to Xenophon*. Oxford.
- Mitchell, L. 2006: Tyrannical Oligarchs at Athens. In: S. Lewis (ed.), *Ancient Tyranny*. Edinburgh, 178–187.
- Montanari, F. 2022: *History of Ancient Greek Literature*. Vol. I. *The Archaic and Classical Ages*. Berlin–Boston.
- Müller, S. 2017: Demetrios von Phaleron *pompe* und Demochares' Kritik. In: H. Beck, B. Eckhardt, C. Michels, S. Richter (Hrsg.), *Von Magna Graecia nach Asia Minor: Festschrift für Linda-Marie Günther zum 65. Geburtstag*. Wiesbaden, 243–254.
- Nails, D. 2002: *The People of Plato: A Prosopography of Plato and Other Socratics*. Indianapolis–Cambridge.
- Osborne, R. 2003: Changing the Discourse. In: K.A. Morgan (ed.), *Popular Tyranny: Sovereignty and Its Discontents in Ancient Greece*. Austin, 251–272.
- Ostwald, M. 2000: *Oligarchia: The Development of a Constitutional Form in Ancient Greece*. Stuttgart.
- O'Sullivan, L. 2001: Philochorus, Pollux and the Nomophulakes of Demetrius of Phalerum. *Journal of Hellenic Studies* 121, 51–62.
- Piepenbrink, K. 2018: Demokratische Implikationen in der "Politik" des Aristoteles. In: I. Jordović, U. Walter (Hrsg.), *Feindbild und Vorbild: Die athenische Demokratie und ihre intellektuellen Gegner*. Berlin–Boston, 249–268.
- Poddighe, E. 2002: *Nel segno di Antipatro: L'eclissi della democrazia ateniese dal 323/2 al 319/8 a.C.* Roma.
- Poddighe, E. 2014: *Aristotele, Atene e le metamorfosi dell'idea democratica: Da Solone a Pericle (594–451 a.C.)*. Roma.
- Raaflaub, K.A., Ober, J., Wallace, R.W., Cartledge, P., Farrar, C. 2007: *Origins of Democracy in Ancient Greece*. Berkeley.
- Regan, R.J. (ed.) 2007: *Commentary on Aristotle's Politics*. Indianapolis–Cambridge.
- Rhodes, P.J. 1985: *A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia*. Oxford.
- Rhodes, P.J. 2000: Oligarchs in Athens. In: R. Brock, S. Hodkinson (eds.), *Alternatives to Athens: Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece*. Oxford, 119–136.
- Robinson, E.W. 1997: *The First Democracies: Early Popular Government outside Athens*. Stuttgart.
- Roller, D.W. 1989: Who Murdered Ephialtes? *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 38/3, 257–266.
- Rubinstein, L. 2004: Ionia. In: M.H. Hansen, T.H. Nielsen (eds.), *An Inventory of Archaic and Classical Poleis: An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation*. Oxford, 1053–1107.
- Rutter, N.K. 2000: Syracusan Democracy: 'Most Like the Athenian?'. In: R. Brock, S. Hodkinson (eds.), *Alternatives to Athens: Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece*. Oxford, 137–151.
- Saldutti, V. 2022: The Mixed Constitution of Demetrius Phalereus. *Klio* 104/1, 159–190.
- Saunders, T.J. 1991: Penal Law and Family Law in Plato's Magnesia. In: M. Gagarin (ed.), *Symposion 1990: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte (Pacific Grove, California, 24. –26. September 1990)*. Köln–Wien, 115–132.
- Scheibelreiter, P. 2013: *Atheniensium vetus exemplum: Zum Paradigma einer antiken Amnestie*. In: K. Harter-Uibopuu, F. Mitthof (Hrsg.), *Vergeben und Vergessen? Amnestie in der Antike*. Wien, 95–126.
- Schjött, P.O. 1906: *Studien zur alten Geschichte 2: Die athenische Aristokratie*. Christiania.
- Schmitz, W. 1995: Reiche und Gleiche: Timokratische Gliederung und demokratische Gleichheit der athenischen Bürger im 4. Jahrhundert v.Chr. In: W. Eder (Hrsg.), *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? Akten eines Symposiums 3. –7. August 1992, Bellagio*. Stuttgart, 573–597.
- Schütrumpf, E. 1994: Aristotle on Sparta. In: A. Powell, S. Hodkinson (eds.), *The Shadow of Sparta*. London–New York, 323–345.
- Shear, J.L. 2011: *Polis and Revolution: Responding to Oligarchy in Classical Athens*. Cambridge.
- Simonton, M. 2017: *Classical Greek Oligarchy: A Political History*. Princeton.

- Simpson, P.L.P. 2013: Aristotle. In: H. Beck (ed.), *A Companion to Ancient Greek Government*. Oxford, 105–118.
- Stockton, D. 1982: The Death of Ephialtes. *Classical Quarterly* 32/1, 227–228.
- Strauss, B.S. 1993: *Fathers and Sons in Athens: Ideology and Society in the Era of the Peloponnesian War*. London.
- Surikov, I.E. 2018: *Antichnaya Gretsija: Politogenez, politicheskie i pravovye instituty (Opuscula selecta II)* [*Ancient Greece: State Formation, Political and Legal Institutions (Opuscula selecta II)*]. Moscow.
- Суриков, И.Е. *Античная Греция: Политогенез, политические и правовые институты (Opuscula selecta II)*. Москва.
- Surikov, I.E. 2021: [Towards the Chronology of the Life and Work of the Historian Hellanicus]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 81/4, 837–862.
- Суриков, И.Е. К хронологии жизни и творчества историка Гелланика. *ВДИ* 81/4, 837–862.
- Surikov, I.E. 2022: [Athens in the Periods of Sedition and in the Periods of Stability: Some Comparative Observations]. In: F.A. Mikhailovsky (ed.), *Drevniy mir: istoriya i arkheologiya. Sbornik nauchnykh statey* [*Ancient World: History and Archaeology. Collection of Scientific Articles*]. Moscow, 218–228.
- Суриков, И.Е. Афины в периоды смут и в периоды стабильности: некоторые компаративные наблюдения. В сб.: Ф.А. Михайловский (ред.), *Древний мир: история и археология. Сборник научных статей*. М., 218–228.
- Taylor, M.C. 2002: Implicating the *demos*: A Reading of Thucydides on the Rise of the Four Hundred. *Journal of Hellenic Studies* 122, 91–108.
- Ungern-Sternberg, J. von 2000: 'Die Revolution frißt ihre eignen Kinder': Kritias vs. Theramenes. In: L. Burckhardt, J. von Ungern-Sternberg (Hrsg.), *Große Prozesse im antiken Athen*. München, 144–156.
- Usher, S. 2007: Lysias and His Clients. In: E. Carawan (ed.), *Oxford Readings in the Attic Orators*. Oxford, 27–36.
- Wallace, R.W. 2013: Councils in Greek Oligarchies and Democracies. In: H. Beck (ed.), *A Companion to Ancient Greek Government*. Oxford, 191–204.
- Whitehead, D. 1993: 1–41, 42–69: A Tale of Two Politeiai. In: M. Piérart (éd.), *Aristote et Athènes. Actes de la table ronde de l'Université de Fribourg, 23–25 mai 1991*. Fribourg–Paris, 25–38.
- Williams, J. 1997: Ideology and the Constitution of Demetrius of Phalerum. In: C.D. Hamilton, P. Krentz (eds.), *Polis and Polemos: Essays on Politics, War and History in Ancient Greece in Honor of Donald Kagan*. Claremont, 327–346.
- Wolpert, A. 2006: The Violence of the Thirty Tyrants. In: S. Lewis (ed.), *Ancient Tyranny*. Edinburgh, 213–223.
- Wolpert, A. 2017: Thucydides on the Four Hundred and the Fall of Athens. In: R.K. Balot, S. Forsdyke, E. Foster (eds.), *The Oxford Handbook of Thucydides*. Oxford, 179–191.
- Wolpert, A. 2019: Xenophon on the Violence of the Thirty. In: A. Kapellos (ed.), *Xenophon on Violence*. Berlin–Boston, 169–187.

DOI: 10.31857/S032103910026837-3

АНТИЧНОЕ МЕЖЕВАНИЕ ТАМАНСКО-ОЛЬВИЙСКОГО ТИПА В РАЙОНЕ НИЖНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

Г. П. Гарбузов

Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: g_garbuz@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6382-8882

В статье на основе общедоступных данных интернет-сервиса Google Earth показывается, что наибольшая площадь античного межевания в Северном Причерноморье приходилась на район Нижнего Поднепровья. Наблюдающееся здесь межевание очень близко по своим внешним признакам к землеустройству, давно известному в округе Ольвии. В целом это межевание может быть отнесено к нелинейному межеванию таманско-ольвийского типа. В статье обосновывается предположение, что межевание в Нижнем Поднепровье связано с земледелием, которым занимались жители скифских поселений IV – первой трети III в. до н.э. Вместе с округой Ольвии район Нижнего Поднепровья образует вдвоенный центр однотипного землеустройства со значительным земледельческим потенциалом. Другим таким вдвоенным центром межевания, но меньшего масштаба, являлся Боспор вместе с районом Средней Кубани.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Нижнее Поднепровье, Ольвия, скифы, античность, межевание, земледелие, космические снимки

ANCIENT LAND DIVISION OF THE TAMAN-OLBIA TYPE IN THE LOWER DNIEPER REGION

Gennady P. Garbuzov

Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia

E-mail: g_garbuz@mail.ru

Acknowledgements: SSC RAS project no. AAAA-A20-120122990111-9

Данные об авторе. Геннадий Павлович Гарбузов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории археологии Южного научного центра Российской академии наук.

Статья подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта AAAA-A20-120122990111-9.

Based on public data from the Google Earth, the article shows that the largest ancient land-division system in the Northern Black Sea region in antiquity was in the Lower Dnieper area. The land division observed there is very close in its external features to the land division which has long been known in the Olbia region. In general, it can be attributed to the non-linear land division of the Taman-Olbian type. The article substantiates the assumption that land division in the Lower Dnieper region was associated with farming which was carried out by the inhabitants of the Scythian settlements of the fourth – the first third of the third century BC. Together with the region of Olbia the Lower Dnieper area formed a dual centre of the same type of land division with a significant agricultural potential. Another such dual centre of a land-division type but on a smaller scale was the Bosphorus together with the region of Middle Kuban.

Keywords: Northern Black Sea region, Lower Dnieper region, Olbia, Scythians, antiquity, land division, agriculture, space images

В 2008 г. автор опубликовал заметку, в которой по общедоступным данным недавно появившегося интернет-сервиса Google Earth (Гугл Земля) описал распространение в Северном Причерноморье одного из видов древнего межевания¹. Речь шла о своеобразном нелинейном межевании², типовые образцы которого во множестве представлены на аэро- и космоснимках Таманского полуострова и округа Ольвии³. За прошедшие годы коллекция снимков Google Earth существенно расширилась⁴, что потребовало нового анализа распространения нелинейного межевания в Северном Причерноморье.

В изданном 15 лет назад обзоре констатировалось, что в Северном Причерноморье (рис. 1) вне пределов округа Ольвии и Таманского полуострова нелинейное межевание почти не встречается. Сейчас понятно, что это утверждение было ошибочным. И если обнаруженные нами по новым данным следы межевания в дельте Дуная, на хоре греческих полисов Европейского Боспора⁵ и у меотских городищ на Средней

¹ Garbuzov 2008.

² Межи в этом иррегулярном землеустройстве всегда в той или иной мере искривлены. Подобное землеустройство резко контрастирует с межеванием линейно-ортогонального образца, например с известным землеустройством на Гераклеяском полуострове у Херсонеса. Характерной приметой нелинейного межевания служит внешний вид межей на снимках: на распаханых полях признаки межей выглядят как широкие светлые полосы, окаймленные темным тоном. Еще одной особенностью является необыкновенная устойчивость признаков нелинейного межевания к воздействию распашки.

³ Shishkin 1982, рис. 2–3; Gorlov, Lopanov 1995, рис. 1–12, 14; Lisetskiy 1994, рис. 1; 2000, рис. 2.4, 3.7; Paromov 2000, рис. 2; Garbuzov 2006, рис. 2–3, 5–8; Karjaka 2008, fig. 2–9; Ievlev 2014, рис. 40–49.

⁴ Сервис Google Earth был запущен в 2005 г. с одним слоем высокодетальных спутниковых изображений, который обновлялся не слишком часто. Возможность просмотра разновременных снимков на одну и ту же территорию была добавлена в 2009 г. Статья 2008 г. основывалась на снимках 2003–2007 гг., сплошного покрытия из высокодетальных снимков на тот момент не было. В настоящее время космические снимки требуемого качества доступны для всего Северного Причерноморья. Кое-где разновременные серии состоят уже из десятков снимков, хотя неравномерность покрытия сохраняется, и есть территории с всего 2–3 кадрами за разные даты.

⁵ Таманское межевание теперь допустимо называть боспорским, так как оно выявлено на снимках на обоих берегах Керченского пролива. Подобное наименование имеет географическое ограничение. Следы межевания пока не обнаруживаются

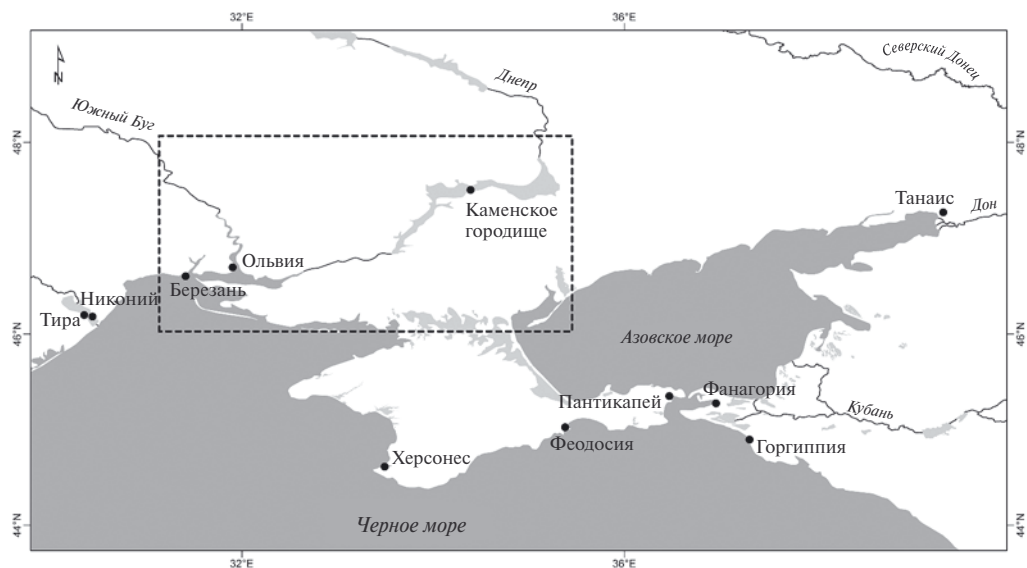

Рис. 1. Рассматриваемый регион Северного Причерноморья

Кубани⁶ в целом не противоречили предположению о наличии всего двух значительных очагов нелинейного межевания в Северном Причерноморье, то после выявления межевания в Нижнем Поднепровье придерживаться подобного мнения стало невозможно. Выделение межевых систем на космических снимках этого района быстро позволило понять, что в Нижнем Поднепровье нелинейное межевание занимает необычайно большие площади. Справедливости ради надо сказать, что о существовании следов этого межевания в Нижнем Поднепровье известно с 1970-х годов⁷. Более того, сходные с ольвийскими структуры землепользования, наблюдавшиеся на аэрофотоснимках на левобережье Днепра ниже Каменского городища, в начале 1980-х годов были определены К.В. Шишкиным как «обширные и хорошо развитые»⁸.

Предваряя дальнейшее изложение, отметим специфику космических снимков как источника данных: заметность признаков межевания на снимках решающим образом зависит от случайных факторов⁹. В современном аграрном ландшафте

в значимых масштабах в стороне от пролива, их совсем нет в центральной и западной частях Керченского полуострова, в Анапском регионе к таманскому межеванию можно отнести (не без сомнений) лишь одну несвязную межевую систему.

⁶ Впервые следы межевания выделены здесь в 2016 г., см. Garbuzov 2016.

⁷ Nazarova 1973.

⁸ Shishkin 1982, 237.

⁹ В большинстве случаев для обнаружения межевания нелинейного типа требуются распаханые поля. Для Нижнего Поднепровья по собранной нами статистике наиболее благоприятными датами космических снимков для выделения межевания являются весенние месяцы, на них приходится почти половина снимков с заметными межевыми признаками. Абсолютный приоритет здесь у мая, с которым связана четверть всех удачных наблюдений.

Рис. 2. Район межевания в Нижнем Поднепровье с обозначением точек, в которых на космических снимках Google Earth заметны фрагменты межевания (заливкой выделены области с вероятным сплошным межеванием)

это приводит, как правило, к значительной фрагментации наблюдаемого межевания. Отсюда следует представление первичных результатов нашего анализа. Фиксация межевания при просмотре имеющихся в Google Earth снимков проводилась с помощью обозначения метками тех точек, где какой-либо снимок позволяет выделить отчетливо заметный фрагмент межевания. Полный набор из 1439 таких меток для района Нижнего Поднепровья приведен на рис. 2, пунктиром на рисунке обозначена ориентировочная граница территории, где встречаются межевые признаки.

Выделенные фрагменты межевых систем часто образуют плотные группы, сигнализирующие о существовании областей сплошного межевания. Такие области тянутся вдоль левого берега Днепра на протяжении более 200 км с обособлением двух групп межевых систем на юге левобережья. В глубине территории левобережья следы межевания обнаруживаются на расстоянии до 35–40 км от Каховского водохранилища (округа Каменского городища, река Б. Белозерка). На правом берегу межевые признаки в целом выражены относительно слабо и выделяются с трудом. Они образуют некоторое количество небольших сплоченных групп, которые располагаются в узкой, до 10–15 км, прибрежной полосе протяженностью около 250 км, от устья реки Ингулец до острова Хортица. От самых восточных межевых систем округа Ольвии район межевания Нижнего Поднепровья отделен

на правобережье участком протяженностью около 30–35 км, на котором межевые признаки не обнаружены.

Общая площадь обведенной пунктиром на рис. 2 земельной зоны (мы исходим из того, что межевание однозначно указывает на земельную территорию) без учета двух южных групп межевания составляет около 6500 км², из них большая часть (4000 км²) относится к левобережью. Области условно сплошного межевания занимают около 183 тыс. га, из них около 158,5 тыс. га (86,6%) на левом берегу Днепра. Южные группы межевания могут дать в сумме около 23 тыс. га землеустройства. Таким образом, на данный момент ориентировочной оценкой общей площади межевания в Нижнем Поднепровье служит величина, близкая к 200 тыс. га¹⁰.

К сожалению, имеющиеся в нашем источнике данные позволяют пока говорить лишь об условно сплошном межевании. Только в некоторых местах удается реконструировать межевание на более или менее значимых площадях. В качестве примера нами восстановлены три блока межевых систем, расположенных приблизительно там, где К. В. Шишкин увидел на аэрофотоснимках хорошо развитые структуры землепользования. О точном расположении межевых блоков можно судить по ситуационному плану на рис. 3, на этом же рисунке демонстрируется, как выглядят большие фрагменты межевых систем на космических снимках (исходные снимки Google Earth на всех иллюстрациях представлены в скорректированном виде: изменены контраст, яркость и т.п.¹¹). На рис. 4 приводятся прорисовки следов межевания в рассмотренных межевых блоках, показывающие преобладание здесь разнообразных полосчатых схем межевания. Помимо межевых признаков, на рис. 4 обозначены заметные на снимках курганы, которые иногда располагаются непосредственно на размежеванных участках и межах.

Площадь сплошного межевания на рис. 4 при заполнении очевидных пропусков составляет до 1400 га для блока 1, до 1800 га для блока 2 и до 2700 га для блока 3, т.е. в сумме до 5900 га¹². Площадь отдельных земельных участков, выделение

¹⁰ Если принять, что отметки на рис. 2 обозначают связанные фрагменты межевания площадью 40–50 га, то твердо зарегистрированная на данный момент площадь размежеванных земель составляет от 58 до 72 тыс. га.

¹¹ В подписях под рисунками в квадратных скобках дается ссылка на координаты и дату или даты (в случае композиции нескольких снимков) съемки, по которой каждый читатель сможет отыскать в Google Earth использованные оригиналы. Координаты (широта/долгота) центральной части изображения указываются в виде градусов с десятичными долями, дата записана в принятом в сервисе формате ММ.ДД.ГГГГ, правообладатель кодируется как GEMT (Google Earth – Maxar Technologies) или GECA (Google Earth – CNES/Airbus).

¹² Пропуски (белые пятна) в пределах межевых систем объясняются отдельными современными полями, для которых не нашлось удачных снимков. Нет сомнений, что рассмотренные блоки межевания на самом деле представляли собой непрерывное землеустройство. В связи с прорисовками отметим также, что они в какой-то мере субъективны. Если, например, протяженные межевые признаки выделяются всегда без проблем, то достоверное выделение коротких признаков, а именно они формируют окончательные очертания земельных участков в межевой системе, часто затруднено из-за сложной фактуры анализируемых снимков (ср. Karjaka 2008, 184). Поэтому

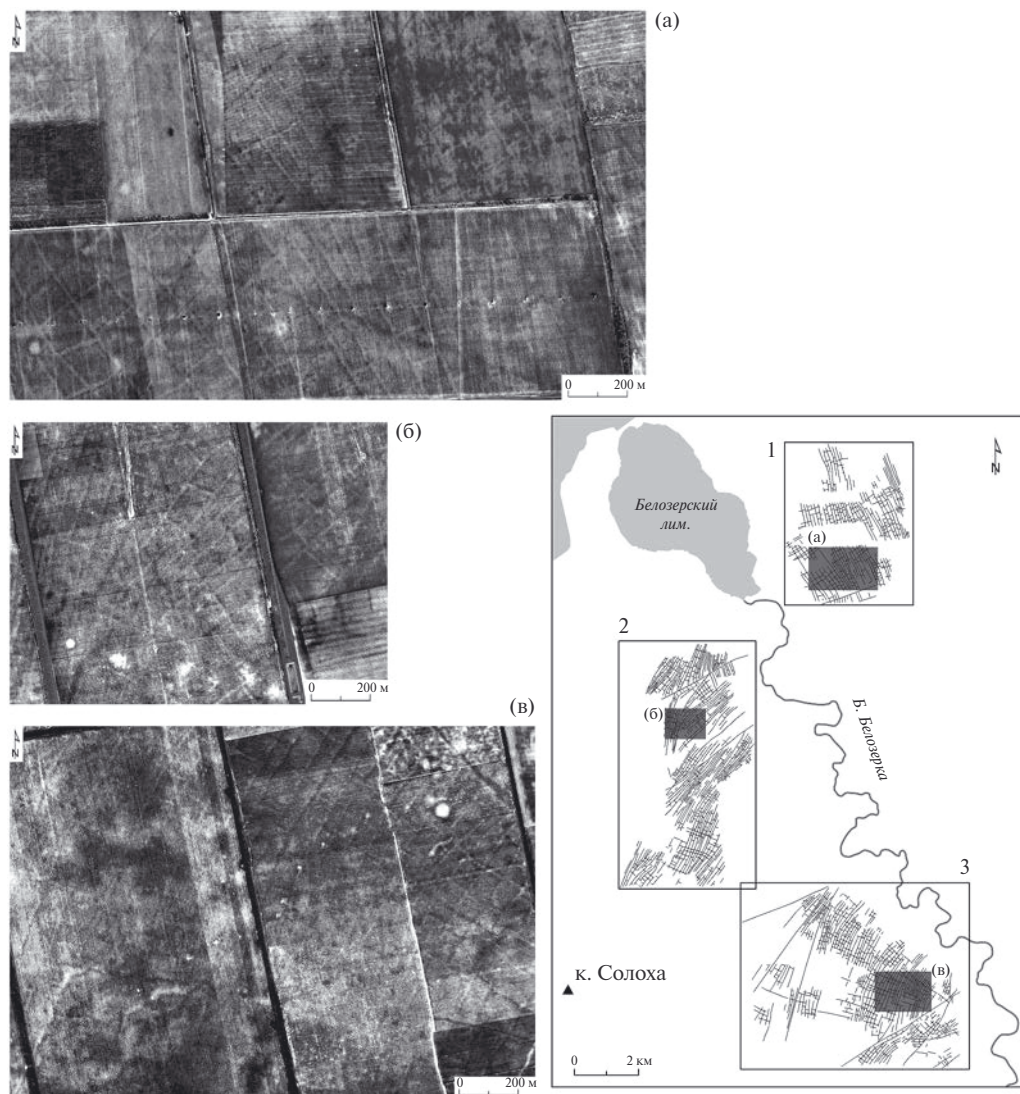

Рис. 3. Блоки 1–3 сплошного межевания у Белозерского лимана в Нижнем Поднепровье и примеры соответствующих им космических снимков со следами межевания. а. [47.442271/34.457833; 04.04.2004GEMT+05.14.2007GEMT+04.15.2018GEMT]; б. [47.413750/34.386730; 04.04.2004GEMT+02.18.2007GEMT]; в. [47.323939/34.478260; 05.14.2007GEMT]

которых не вызывает сомнений, редко превышает 2 га. Изменение площади участков соответствует преимущественно диапазону 1–2 га, при этом наблюдается много участков с площадью менее 1 га. Можно предположить, что только

отсутствие на прорисовках подробного деления на отдельные участки вовсе не означает, что в действительности этого деления не было.

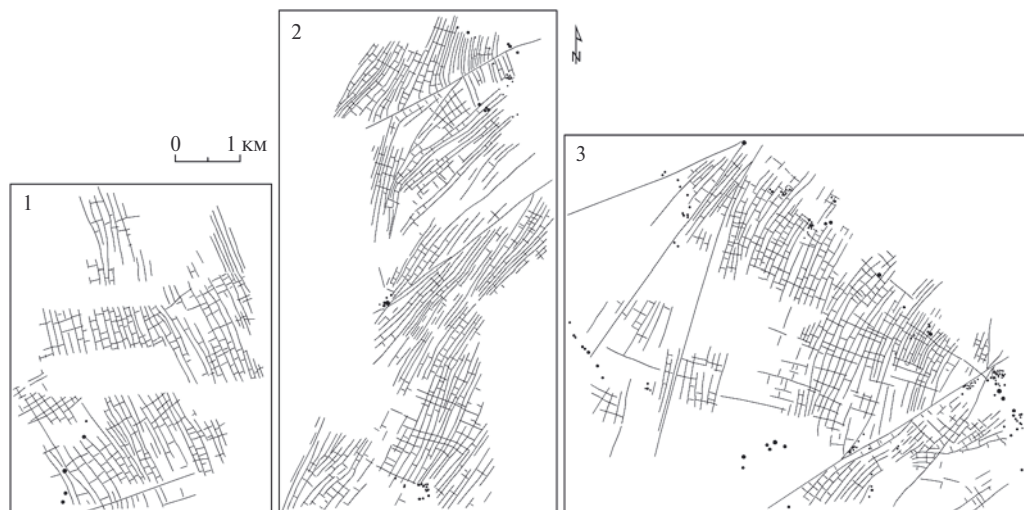

Рис. 4. Прорисовка межевания в блоках сплошного межевания у Белозерского лимана с обозначением заметных на снимках курганов

в пределах реконструированных трех блоков сплошного землеустройства находилось от 3 до 6 тыс. отдельных участков. Если же на мелкие наделы приходился значительный процент распределения участков по размерам, то число участков было еще больше. Исходя из подобных оценок, количество отдельных участков на всех размежеванных землях в районе Нижнего Поднепровья исчислялось сотнями тысяч.

С точки зрения идей пространственной организации и техники исполнения межевание в районе Нижнего Поднепровья близко межеванию в округе Ольвии. Несколько фрагментов межевания из обоих районов приведено на рис. 5, сравнение снимков показывает, что при отсутствии подписей правильно распознать район межевания, из которого взят тот или иной фрагмент, не так просто. В основе организации землеустройства и в Нижнем Поднепровье, и в округе Ольвии в подавляющем большинстве случаев лежат различные варианты полосчатого межевания. Если рассматривать межевание Нижнего Поднепровья в отдельности, то здесь в первую очередь обращает на себя внимание значительное число межевых систем узкополосчатого типа с уже отмеченными выше небольшими (в интервале 0,5–1 га) земельными участками. Помимо этого варианта, в Нижнем Поднепровье практиковалось межевание с более широкими межевыми полосами, которые позволяли выделять относительно крупные участки. Примеры таких систем показаны на рис. 6, где сформированы участки площадью до 2 га (1,4–1,9 га в центральной части межевой системы на рис. 6, 1)¹³.

¹³ Все взятые по отдельности полосчатые системы относятся к классу коаксиальных (см. Fleming 1987), они имеют одну доминирующую ось ориентации, приблизительно вдоль которой вытянуты непрерывные протяженные базовые межи, образующие межевые полосы. Деление межевых полос на участки подквадратной формы,

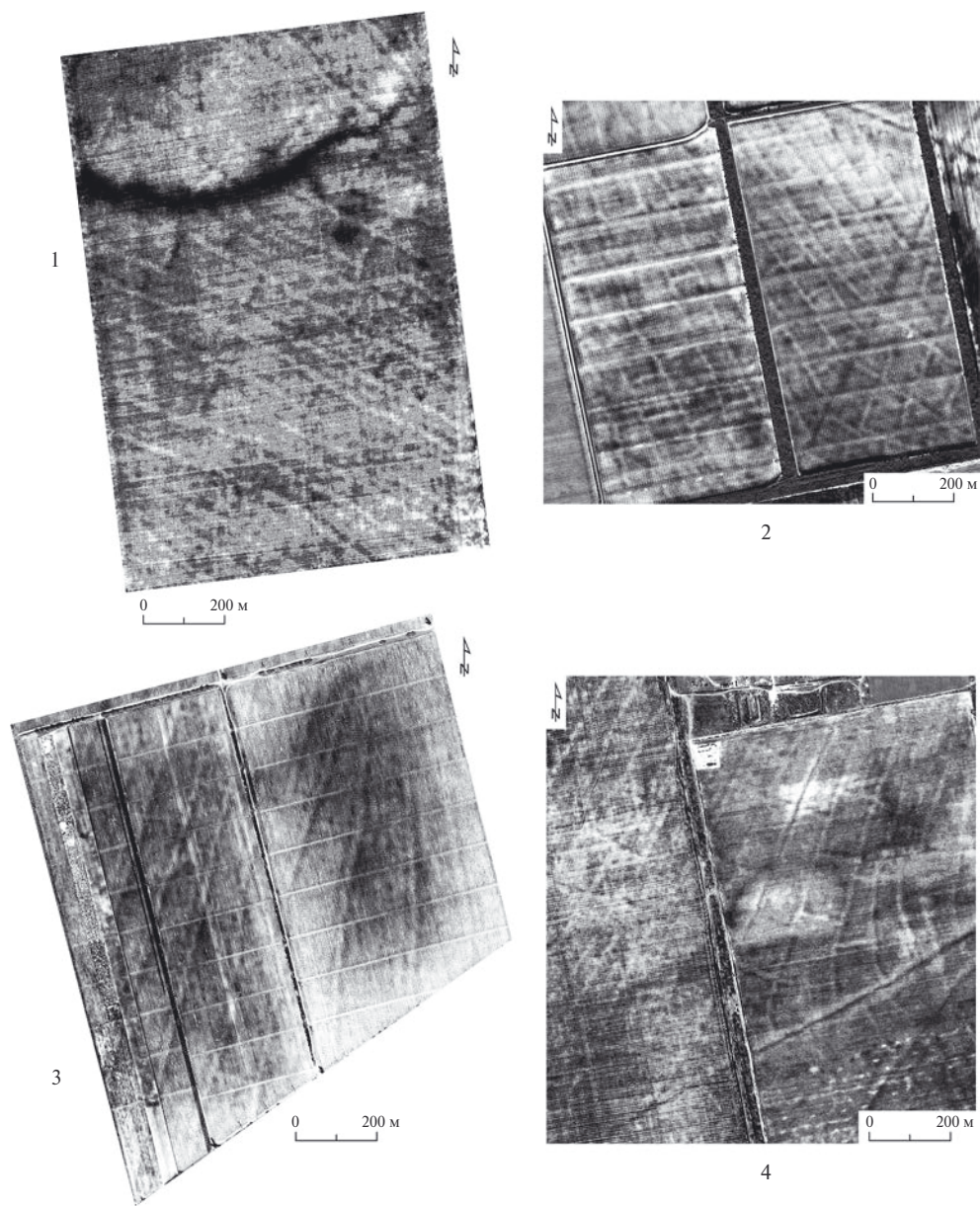

Рис. 5. Сравнение межевых систем в округе Ольвии и в районе Нижнего Поднепровья. 1. Ольвия [46.700942/31.830711; 09.24.2003GEMT]; 2. Нижнее Поднепровье [47.460208/34.707470; 11.02.2019GEMT]; 3. Ольвия [46.645018/31.582076; 05.01.2019GECA]; 4. Нижнее Поднепровье [47.413100/34.391855; 04.04.2004GEMT+02.18.2007GEMT]

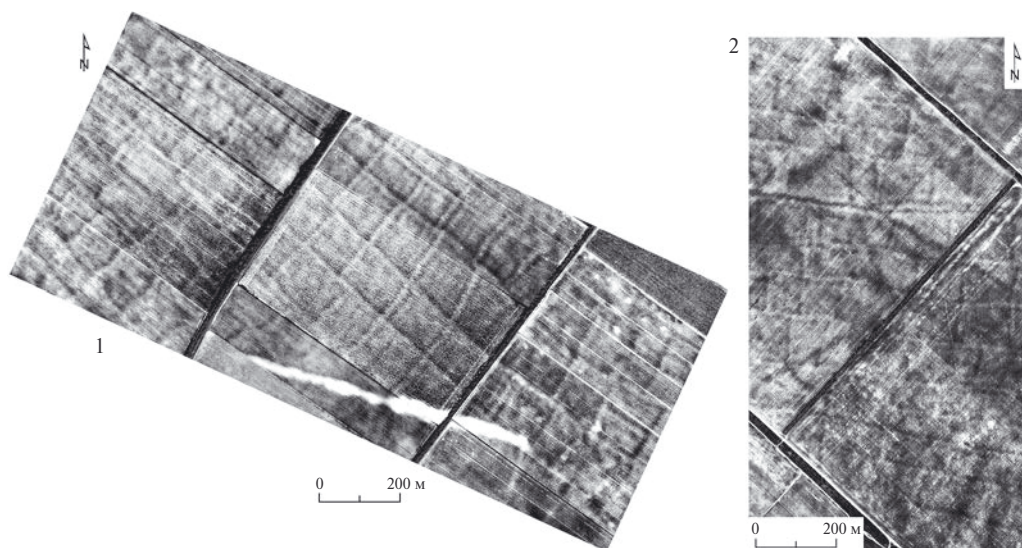

Рис. 6. Примеры межевых систем с широкими полосами и крупными участками из района Нижнего Поднепровья. 1. [47.005017/33.876416; 09.21.2017GEMT+05.14.2018GEMT]; 2. [46.982584/33.750820; 04.25.2010GEMT]

Межевание полосами представляет собой простой по замыслу и технически легко реализуемый способ деления земли, с ясной процедурой межевания: первоначально земля размечается на длинные межевые полосы, затем, на следующем шаге, полосы разбиваются короткими поперечными межами на отдельные участки требуемой площади. При этом в наблюдаемых в Нижнем Поднепровье системах землеустройства правильность разметки как межевых полос, так и участков главной роли не играет (это же относится и к округе Ольвии). Форма и площадь земельных участков иногда сильно варьировались в пределах даже одной межевой системы. Образец землеустройства, где одновременно и присутствует осмысленность, т.е. выдерживается полосчатая схема, и игнорируются все вопросы о точности и правильности межевания, показан на рис. 7.

Полосчатые схемы межевания дополняются в районе Нижнего Поднепровья радиально-концентрическими системами и редко встречающимся полностью иррегулярным межеванием. Пример последнего показан на рис. 8, 1, с ним мы сопоставили межевание, выявленное на космических снимках рядом с меотскими городищами Тбилисское 11 и Тбилисское 12 на Средней Кубани (рис. 8, 2)¹⁴. Случай радиально-концентрического межевания иллюстрируется

аналогичные показанным на рис. 6, создает видимость двухосевой решетчатой структуры. При внимательном анализе заметно, что участки в подобных структурах располагаются с некоторым сдвигом по полосам, так что в основе они, безусловно, остаются полосчатыми.

¹⁴ См. Garbuzov 2016, рис. 3.

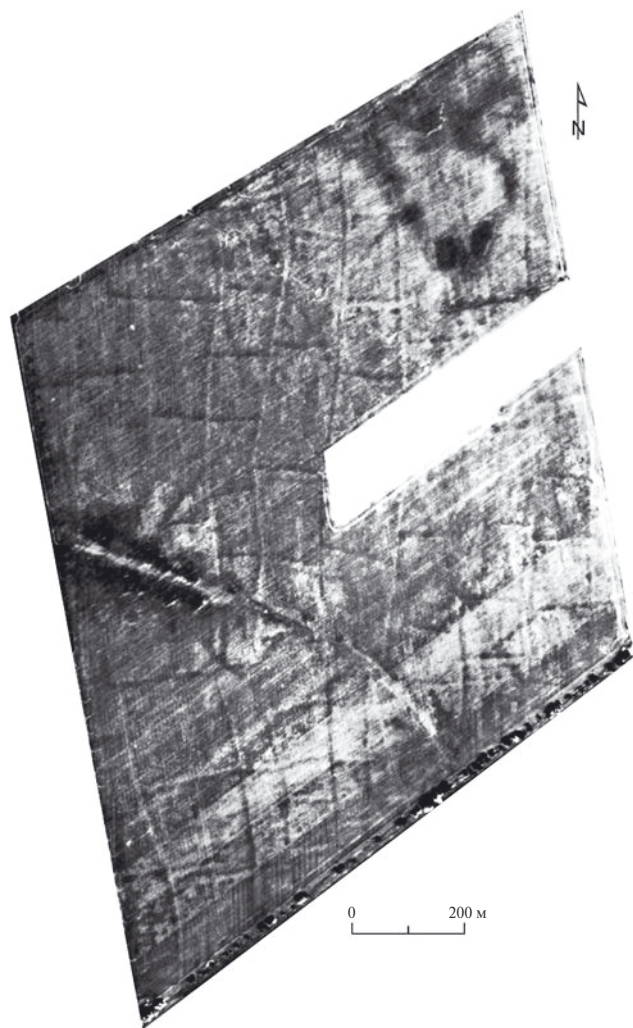

Рис. 7. Образец полосчатого межевания из района Нижнего Поднепровья [47.638603/34.508396; 05.14.2018GEMT]

рис. 9, межевая система расположена на правом берегу, ее центральной точкой служит крупный курган¹⁵.

Землеустройство в округе Ольвии и в районе Нижнего Поднепровья, кроме очевидных общих черт, имеет местные особенности. В межевании Нижнего

¹⁵ К радиально-концентрическим можно причислить и межевую систему на рис. 3, в (восточная часть межевого блока 3, см. рис. 4, 3). Снимок с межевой системой на рис. 9 имеет июньскую дату и демонстрирует случай проявления межевания не на пахоте, а среди растительности, в данном примере среди созревающих зерновых. В англоязычной литературе такие признаки именуются «cropmarks».

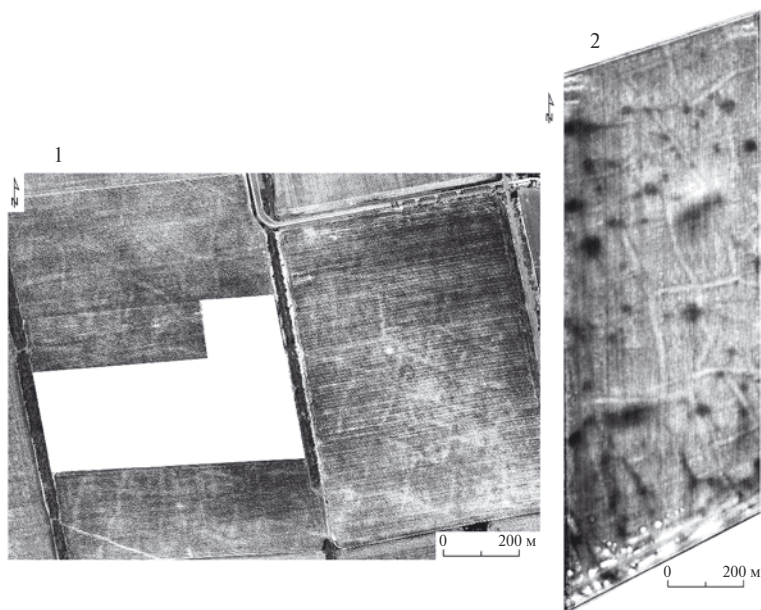

Рис. 8. Примеры полностью иррегулярного межевания. 1. Нижнее Поднепровье [47.597291/34.881647; 04.08.2009GEMT]; 2. Средняя Кубань [45.374557/40.289116; 08.16.2013GEMT]

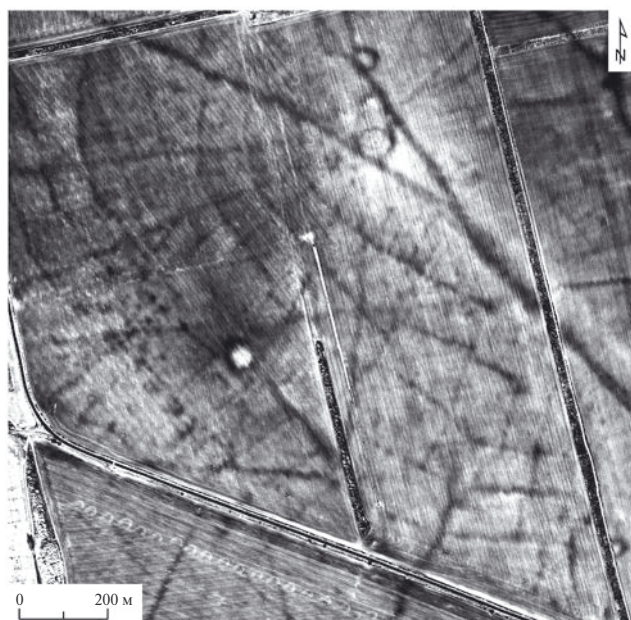

Рис. 9. Межевание по радиально-концентрической схеме из района Нижнего Поднепровья [46.862585/33.373943; 06.18.2012GEMT]

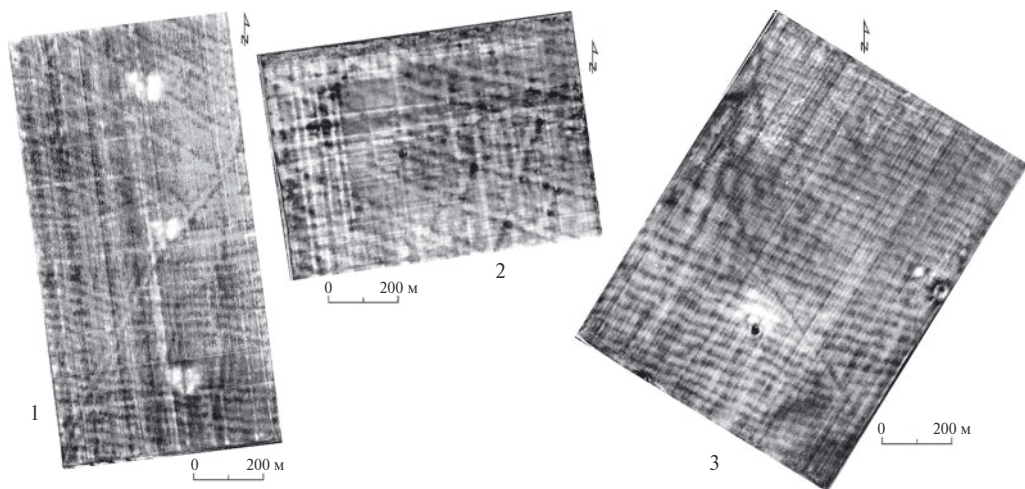

Рис. 10. Гребенчатое межевание в округе Ольвии (1, 2) и схожая структура из района Нижнего Поднепровья (3). 1. Ольвия [46.758669/31.840420; 06.13.2003GEMT]; 2. Ольвия [46.652435/31.877075; 06.13.2003GEMT]; 3. Нижнее Поднепровье [46.977224/33.587452; 04.25.2010GEMT]

Поднепровья по сравнению с межеванием в округе Ольвии больше узкополосчатых систем с относительно мелкими участками. Кроме того, межевание в районе Нижнего Поднепровья в целом производит впечатление более разнообразного и сложного. Оригинальной особенностью округа Ольвии являются случаи гребенчатого межевания (рис. 10, 1–2). Гребенчатый вид межевание приобретает за счет продольного деления земельных участков (межевых полос) менее яркими и менее выраженными на снимках вспомогательными межами¹⁶. Наибольшая концентрация землеустройства в подобном стиле наблюдается в ближней округе Ольвии, хотя оно встречается и вдали от Ольвии.

Гребенчатое межевание представляется нам поздней модификацией полосчатого землеустройства. Как правило, на фоне гребенки отчетливо видны более яркие базовые межи, отвечающие рисунку полосчатого межевания (рис. 10, 2) (в редких случаях в гребенчатом межевании трудно выделить основные и вспомогательные признаки: см. рис. 10, 1). Преобразовать существующее полосчатое межевание в гребенчатое просто, а вот наложить на существующую гребенку межевание в виде полос таким образом, чтобы оно соответствовало типичному полосчатому рисунку и органично стыковалось с уже имеющимися полосчатыми системами, гораздо труднее. Сочетание полосчатого (раннего) и гребенчатого (позднего) межевания, аналогичное ольвийскому, в районе Нижнего Поднепровья пока не выявлено. Однако структуры, полностью соответствующие по формальным

¹⁶ Возможно понимание продольных межей как самостоятельных земельных участков, наподобие узких протяженных полей-гряд (ridge-and-furrow) в европейских средневековых системах открытых полей.

признакам гребенчатому межеванию, здесь наблюдаются (рис. 10, 3). Все они сосредоточены в компактной области на правом берегу, от с. Змиевка до с. Красный Маяк и его окрестностей.

Размах межевания в Нижнем Поднепровье лучше всего оценивается в сравнении. Район у Ольвии, в котором по нашим наблюдениям на снимках Google Earth встречается межевание, имеет площадь чуть более 1000 кв. км¹⁷, это в шесть с половиной раз меньше, чем аналогичная область в Нижнем Поднепровье. Площадь вероятного сплошного межевания в районе Ольвии мы оцениваем приблизительно в 47 тыс. га¹⁸, что опять же многократно меньше возможной площади сплошь размежеванных земель в Нижнем Поднепровье. Большая разница будет и при сравнении потенциальных возможностей. Предельная площадь межевания определяется максимальной площадью распаханавшихся земель. Для округа Ольвии эта площадь в предположении 75% распаханности территории была оценена ранее в 75–79 тыс. га¹⁹. Даже при выборе меньшего коэффициента распаханности, например 50%, предельная площадь межевания в районе Нижнего Поднепровья имела бы куда бóльшую величину, чем в округе Ольвии, и достигала бы 325 тыс. га.

Межевание на Таманском полуострове по масштабу находится в одном ряду с землеустройством в округе Ольвии. По нашим расчетам, благоприятная для расселения и межевания зона Таманского полуострова имеет ориентировочную площадь 700 кв. км. Площадь таманского межевания оценивается исследователями в диапазоне от 48 до 60 тыс. га²⁰, что составляет до 85% от указанной благоприятной зоны. Новые снимки в Google Earth показывают существование признаков типично таманского межевания на хоре полисов Европейского Боспора, что предполагает увеличение местного фонда размежеванных земель. Но даже в таком случае площадь нелинейного межевания на обоих берегах Керченского пролива вряд ли сильно превосходила площадь межевания в округе Ольвии. Соответственно боспорское межевание также значительно уступает по масштабу землеустройству в районе Нижнего Поднепровья. Более того, площадь землеустройства в Нижнем Поднепровье заметно превышает суммарную площадь межевания в округе Ольвии и на Боспоре.

Самый сложный вопрос при рассмотрении нелинейного межевания относится к его хронологии и культурной атрибуции. Опирайтесь здесь приходится главным образом на косвенные свидетельства и общие соображения. Землеустройство на Таманском полуострове и в округе Ольвии представляет, правда, тот случай,

¹⁷ Ср. с площадью «экономической зоны» Нижнего Побужья, равной 1000–1050 км² (Kryzhitskiy, Shheglov 1991, 51). Известна также оценка площади территории аграрного освоения правобережной хоры Ольвии, равная 450–550 км² (Lisetskiy 2000, 112).

¹⁸ К. В. Шишкин выявил по аэрофотоснимкам в центральной части округа Ольвии вдоль побережья Бугского и Днепро-Бугского лиманов «земельный кадастр Ольвийского государства» площадью 29 тыс. га (Shishkin 1982, 240, рис. 4). Наш подсчет площади межевания на основе космических снимков для этой же части хоры Ольвии при несколько иной конфигурации размежеванных земель дает 31 тыс. га.

¹⁹ Kryzhitskiy, Shheglov 1991, 53–54; как вариант: 70–78 тыс. га (Kryzhitskiy *et al.* 1989, 96).

²⁰ Gorlov, Lopanov 1995, 135, рис. 13; Paromov 1993, 29; 2000, 309–310.

когда сомнений в плане атрибуции не возникает. Межевание признается безусловно связанным с античной эпохой и с греческим земледельческим освоением территории, никто не приводил доводов в пользу какой-либо иной датировки²¹. Из косвенных признаков в пользу привязки межевания к античной эпохе говорит, в первую очередь, согласованность наблюдаемых межевых систем с античными поселениями и древними дорогами, соединявшими эти поселения друг с другом²².

В пределах античной эпохи и в округе Ольвии, и на Таманском полуострове пик землеустройства синхронизируют с временем максимального развития системы сельских поселений. Предполагается, что в округе Ольвии процесс размежевания земель начался в первой половине V в. до н.э.²³, в целом время существования «системы клеров» вокруг Ольвии охватывало V—III вв. до н.э.²⁴ Изучение снимков позволяет считать, что межевание сохранялось в римский период; кроме того, выявлены перепланировки, происходившие в течение времени существования межевания²⁵. К поздним перепланировкам, на наш взгляд, относится упомянутая выше гребенчатая модификация полосчатого межевания.

На Таманском полуострове возникновение межевания приурочивают ко времени, предшествовавшему IV в. до н.э., существовало же оно как минимум на протяжении IV—II вв. до н.э., получив в это время наибольшее развитие²⁶. Значительное сокращение численности поселений и кризис сельской территории наблюдаются здесь с конца II в. до н.э., к середине I в. до н.э. прежняя поселенческая система приходит в упадок²⁷. На северо-западе полуострова в конце I в. до н.э. — начале I в. н.э. возникают укрепления-батареи, к которым, судя по снимкам, прямо поверх прежде существовавших межевых систем вели хорошо заметные дороги²⁸. Это позволяет

²¹ Такие доводы можно было бы, в принципе, искать в гипотетической связи наблюдаемого межевания с периодом российского дореволюционного освоения. Однако модель нелинейного межевания в виде иррегулярных межевых систем с множеством мелких участков едва ли совместима с землеустройством Тамани и района Ольвии указанного периода, см. Lisetskiy 1994, 241; 2000, 116—117, где показывается отсутствие связи землеустройства XIX в. с межевыми признаками, наблюдаемыми на снимках в округе Ольвии. Некоторые межевые схемы, которые реконструируются по снимкам, смотрелись бы в дореволюционном межевании по меньшей мере странно. Это относится, например, к радиально-концентрическим схемам с точкой схождения у какого-нибудь древнегреческого поселения. Непонятно также, как конструктивное оформление межей дореволюционного землеустройства могло дать на снимках столь характерный облик признаков нелинейного межевания и обеспечить их устойчивость к воздействию распашки. Еще одно самое общее замечание относится к избирательности проявления межевания: если предполагать связь того же дореволюционного освоения с наблюдаемым межеванием, то это межевание обнаруживалось бы не только у памятников античного времени, но и повсюду в степном Причерноморье.

²² Для округи Ольвии см. Lisetskiy 1994, 240; 2000, 115—116; Ievlev 2014, 197.

²³ Otrushko 1981, 75—76.

²⁴ Kryzhitskiy *et al.* 1989, 140.

²⁵ Karjaka 2008, 191.

²⁶ Gorlov, Lopanov 1995, 133; Paromov 2000, 310.

²⁷ Garbuzov, Zavoykin 2015.

²⁸ Gorlov, Lopanov 1995, 131.

определить рубеж эр как время, когда землеустройство находилось в запустении (может быть, временном и не повсеместном). Несмотря на перепланировки в округе Ольвии и на Таманском полуострове, которые предположительно можно связать с римским временем²⁹, вряд ли сложившееся уже к тому моменту землеустройство радикально изменилось. Следы перепланировок в целом локальны, за исключением гребенчатого межевания в округе Ольвии. Исходя из сравнения развитости сельских территорий в римский и классический/эллинистический периоды, максимум, что следовало бы ожидать, — сохранения хозяйственной активности на какой-то части ранее размежеванных земель.

Поскольку землеустройство в соседнем с Ольвией районе Нижнего Поднепровья очень похоже на ольвийское межевание, датировки последнего, поддерживаемые взглядами на таманское межевание, предопределяют и датировку землеустройства в районе Нижнего Поднепровья. Если межевание в округе Ольвии связано с существованием большой хоры в период от рубежа V—IV вв. до н.э. до середины III в. до н.э., то землеустройство в районе Нижнего Поднепровья следует отнести к этому же времени. Такое утверждение, как будет показано, вполне соответствует археологическим данным.

На рис. 11 на одной схеме совмещено расположение фрагментов выявленного по снимкам межевания и поселенческих памятников (селищ и городищ) Нижнего Поднепровья античного времени³⁰. Поселенческие центры делятся на группу ранних памятников (рис. 11, 1), связываемую со скифами (начало IV — первая треть III в. до н.э.), и группу т.н. позднескифских памятников второй половины II в. до н.э. — II в. н.э. (рис. 11, 2), причем между группами не прослеживается явной культурной преемственности³¹. На месте или вблизи всех позднескифских центров обнаружены находки времени скифских памятников, обратное утверждение неверно — в позднескифское время возобновление жизни отмечается далеко не на всех ранних поселениях³².

Ранние памятники имеют наибольшую концентрацию в северо-восточной части земледельческой зоны Нижнего Поднепровья, где выделяется своеобразное поселенческое ядро в виде широко понимаемой округи Каменского городища³³. Важно, что ранняя поселенческая система, несмотря на указанное тяготение к северо-востоку зоны наблюдаемого межевания, тем не менее в какой-то мере

²⁹ Подтверждение того, что раннее землеустройство было расстроено и затем восстанавливалось или перепланировалось, можно увидеть в датируемой серединой II в. н.э. надписи из Фанагории (КБН 976).

³⁰ По данным Yulkoва 2000, рис. 1; 2007а, рис. 2; 2007b, 91. На схеме не учтено несколько памятников в устье Днепра и на Днепровском лимане, относящихся к восточной периферии округи Ольвии (Yulkoва 1995; 2007b, 91). Для ранних памятников (рис. 11, 1) дополнительно обозначены элитные скифские курганы Нижнего Поднепровья, согласно Polin, Alekseev 2018, рис. 311.

³¹ Yulkoва 2007а; 2007b.

³² Yulkoва 2007b, 97.

³³ Н.А. Гаврилюк определяет ее как Каменский эколого-экономический район (Gavrilyuk 1995, 83).

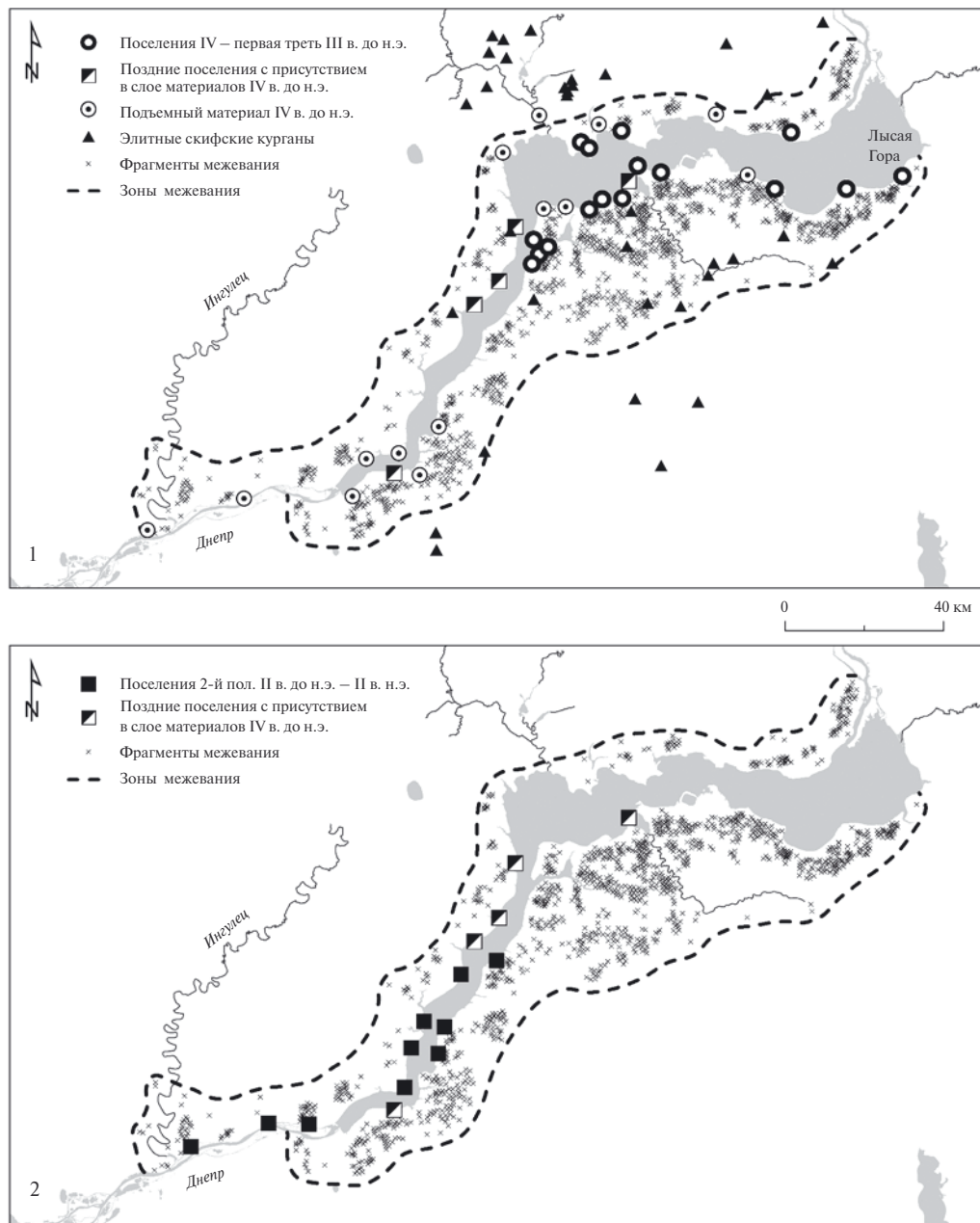

Рис. 11. Скифские (1) и позднескифские (2) поселения и городища Нижнего Поднепровья, по: Вулкова 2000, рис. 1; 2007а, рис. 2; 2007б, 91 (расположение элитных скифских курганов согласно Polin, Alekseev 2018, рис. 311)

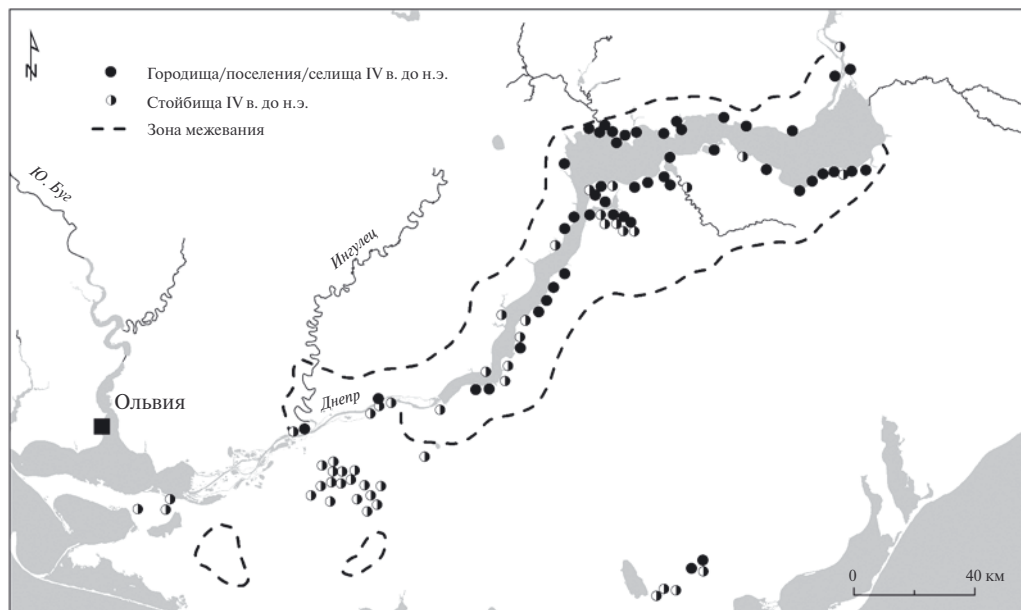

Рис. 12. Поселенческая система IV в. до н.э. (по: Gavrilyuk, Olenkovs'kyj 1992, рис. 1)

охватывала всю ее территорию, образуя связную «полосу оседлости»³⁴. Данное положение иллюстрируется схемой, показанной на рис. 12³⁵. Что касается поздних городищ, то они сосредоточены в юго-западной половине района Нижнего Поднепровья с единственным исключением в виде Знаменского городища, т.е. эти памятники не распространяются на всю область межевания. Таким образом, в Нижнем Поднепровье наблюдаются две разновременные и не связанные культурно системы расселения, которые на части территории пространственно перекрываются, при этом более поздняя система маскирует более раннюю.

При сопоставлении межевания с системами расселения, представляющими два культурно-хронологических этапа, видна хорошая согласованность межевания с ранней системой расселения. В первую очередь заметна корреляция плотности межевания в северо-восточной части района с концентрирующимися там же скифскими памятниками³⁶. В явную противоположность этому расположение поздних памятников может обосновать появление межевания лишь на юго-западе, не затрагивая основную межевую область на северо-востоке района. Учитывая наложение поздней системы

³⁴ Gavrilyuk 1999, 68.

³⁵ По данным Gavrilyuk, Olenkovs'kyj 1992, рис. 1 (см. также Gavrilyuk 1999, рис. 2). Точность локализации памятников на схеме определяется точностью карты источника.

³⁶ Именно этой части района Нижнего Поднепровья в наше время сопутствуют наиболее благоприятные для земледелия природные условия (рис. 13). Средняя многолетняя урожайность зерновых на здешних почвах на 20–30% выше, чем в районе Ольвии (Kharchenko 1978, 124), и, что даже более значимо для земледелия, здесь по сравнению с той же Ольвией выпадает больше среднегодовых осадков: 400–425 мм против 325–350 мм в округе Ольвии (Babichenko, Guk 1967, рис. 45).

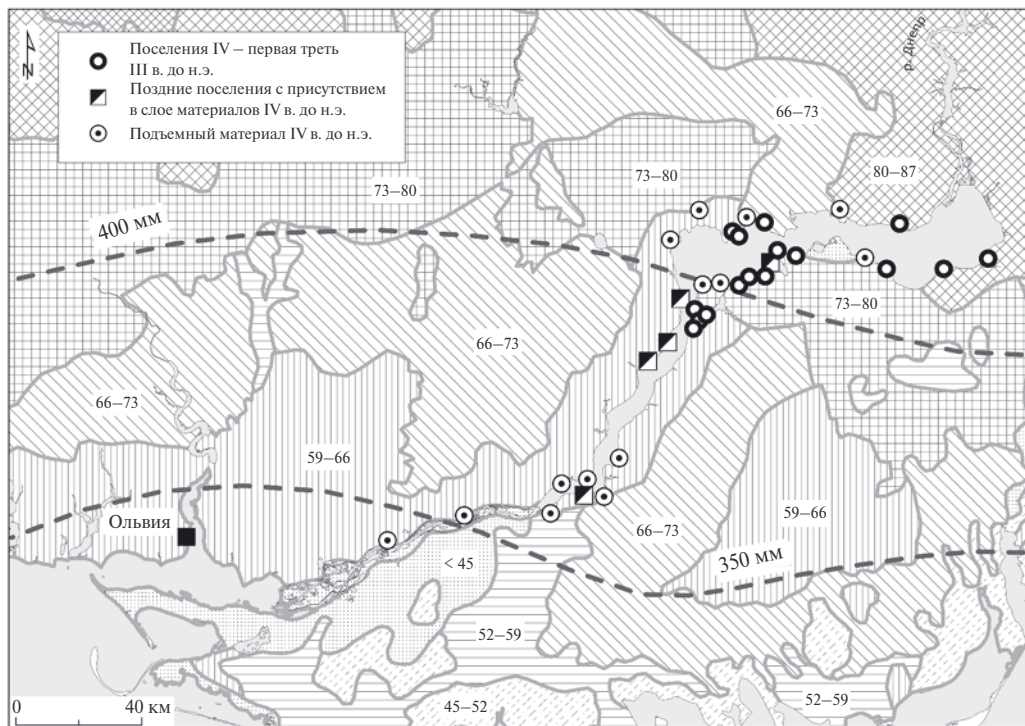

Рис. 13. Качество почв в баллах (за 100 баллов принята почва с максимальной средней многолетней урожайностью зерновых), по: Kharchenko 1978, 124. Пунктирные линии обозначают уровень среднегодовых осадков (по: Babichenko, Guk 1967, рис. 45)

расселения на раннюю и связанный с этим маскирующий эффект, наиболее рациональным объяснением наблюдаемой картины является предположение о связи межевания земель в Нижнем Поднепровье с сельскохозяйственной активностью скифских поселенческих центров IV – первой трети III в. до н.э. Это подтверждает тезис о синхронизации межевания в Нижнем Поднепровье с периодом межевания хоры Ольвии, высказанный выше на основании сходства землеустройства в двух соседних районах. Вклад позднескифских центров в землеустройство Нижнего Поднепровья в таком случае был бы схож с ситуацией римского времени в округе Ольвии и на Таманском полуострове, т.е. скорее всего все ограничивалось приспособлением к уже существовавшему культурному ландшафту или проведением перепланировок³⁷. Возможным примером какой-то самостоятельной активности служит гребенчатое межевание вблизи городищ Красный Маяк и Змиевское (Старошведское).

Проблема с предложенной датировкой межевания возникает при попытке примирить ее с распространенными среди исследователей взглядами на экономику скифского Нижнего Поднепровья. Наблюдаемые на снимках десятки тысяч

³⁷ Помимо всего прочего, характерные признаки нелинейного межевания таманско-ольвийского типа, которые невозможно ни с чем спутать, пока не выявлены на снимках у позднескифских городищ за пределами Нижнего Поднепровья.

гектаров размежеванных земель противоречат точке зрения о недостаточном развитии скифского земледелия в период существования скифских поселенческих памятников. Скифский хозяйственный уклад описывают как полукочевой, в котором примитивное земледелие, основанное на переложной системе земледелия и сосредоточенное в речных долинах, обслуживало большей частью нужды скотоводства, обеспечивая его твердыми кормами³⁸. Помимо самого факта существования обширных межевых систем, очевидно противоречие между утверждением о практиковавшейся скифами в этот период переложной системе земледелия и наблюдаемым множеством (до сотен тысяч) небольших выделенных полей, что трудно совместить с переложным земледелием³⁹. Еще одно явное расхождение — принятая точка зрения о сосредоточении земледелия в речных долинах, которая совершенно не соответствует тому, что основная часть выявленного на снимках межевания расположена на пологих водоразделах (плакорах).

Если считать межевание признаком развитой земледельческой территории и, как обосновывается выше, отнести межевание ко времени существования скифских поселений, то надо признать, что гипотеза о примитивности скифского земледелия в Нижнем Поднепровье слишком категорична⁴⁰. Область распространения скифских поселений и зона выявленного межевания хорошо соответствуют данному Геродотом описанию области обитания скифов-земледельцев (Hdt. IV. 18)⁴¹. Говорящий сам за себя этноним дополняется у Геродота изображением местного ландшафта: «Посевы вдоль берегов Борисфена превосходны, а там, где земля не засеяна, расстилается высокая трава»⁴² (IV. 53. 2). Из этого описания, сомневаться в достоверности которого нет никаких причин, с полной определенностью следует, что земледелие в районе Нижнего Поднепровья во вполне заметном виде существовало уже в середине V в. до н.э.

Для более позднего времени наличие скифского земледелия подтверждают опубликованные результаты исследований отдельных археологических памятников Нижнего Поднепровья. Наиболее примечательно поселение Лысая Гора, появившееся на крайнем северо-востоке района в самом начале IV в. до н.э.⁴³ На поселении выявлено 35 зерновых ям⁴⁴, в некоторых из них обнаружены остатки обгорелого зерна, в основном ячменя⁴⁵. Только лишь в одном из исследованных жилищно-хозяйственных комплексов в подобных ямах могло храниться более 5 т зерна⁴⁶. В археологическом материале представлены зернотерки,

³⁸ Gavrilyuk, Pashkevich 1991, 60–62; Gavrilyuk 1995; 1999; Bylkova 2000, 130; 2007a, 115.

³⁹ См. Kryzhitskiy, Shheglov 1991, 52; Odrin 2011, 61; Bruyako, Sekerskaya 2016, 119.

⁴⁰ О том, что не следует преувеличивать примитивность земледелия степных скифов и подчеркивать его сугубо фуражную направленность, пишет Б.А. Шрамко в комментарии редактора к книге Н.А. Гаврилюк об экономике Степной Скифии (Gavrilyuk 1999, 3–4).

⁴¹ Dovatur *et al.* 1982, 233–235; Neykhardt 1982, 108–111.

⁴² Перевод Г.А. Стратановского (Stratanovskiy 1964).

⁴³ Gavrilyuk, Kravchenko 1995; Gavrilyuk 1999, 61–67; Bylkova 2007a, 109–110.

⁴⁴ Gavrilyuk 1999, 67; упоминается также другое количество зерновых ям: 43 (Gavrilyuk 1999, 155) и 45 (Gavrilyuk 1995, 57).

⁴⁵ Gavrilyuk, Pashkevich 1991, 54–55, табл. 2; Gavrilyuk, 1999, табл. 5.4.

⁴⁶ Gavrilyuk, Pashkevich 1991, 55.

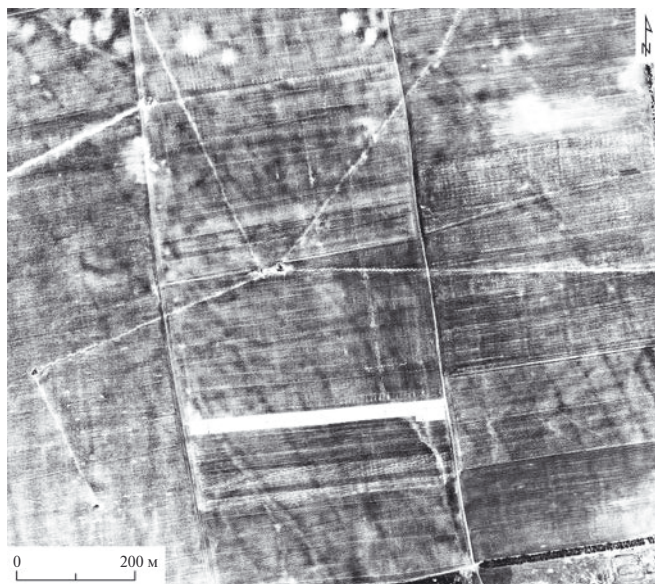

Рис. 14. Межевание вблизи поселения Лысая Гора [47.441989/35.240179; 04.23.2010GEMT]

земледельческие орудия⁴⁷, все это в совокупности позволило исследователям предположить земледельческую специализацию поселения⁴⁸. Недалеко от поселения на космических снимках видны следы обустроенных полей. Один из выявленных фрагментов межевания находится в 3–3,5 км к юго-западу от поселения на пологой возвышенности, наиболее заметная его часть показана на рис. 14. В пределах рисунка находится до 100 га связанного землеустройства, типичного для Нижнего Поднепровья и Ольвии полосчатого типа, хотя нет сомнений, что площадь межевания в окрестностях поселения была больше.

Интересно, что признание земледельческой специализации поселения Лысая Гора не помешало развивать представления о примитивности скифского земледелия. Земледельческая специализация в рамках этих представлений означает направленность на заготовку фуража, в связи с чем найденные на поселении зерновые ямы были интерпретированы как хранилища фуражного зерна на зиму⁴⁹. Доказательством того, что в ямах был именно фураж, считается преобладание ячменя среди остатков зерна⁵⁰. Ячмень при этом лишается звания хлебного злака (к таковым отнесены только пшеница и рожь⁵¹) и причисляется к кормовым культурам (твердому корму)⁵².

⁴⁷ Gavriluk, Pashkevich 1991, 57–58.

⁴⁸ Bylkova 2007a, 116. Для округа поселения характерно повышенное природное плодородие почв, сочетающееся с высоким уровнем осадков, см. рис. 13.

⁴⁹ Gavriluk 1995, 26, 57; 1999, 164.

⁵⁰ Gavriluk 1999, 145.

⁵¹ Gavriluk 1999, 331.

⁵² Gavriluk 1995, 26; 1999, 163–164, 268, 303.

Восприятие ячменя как корма для животных, причем при описании не только скифского хозяйства, но и греческого, широко распространено среди исследователей античного Северного Причерноморья⁵³. Оно основано на простой экстраполяции: ячмень в наши дни кормовая культура, в средние века он также был кормовой культурой, источники римского времени о нем пишут как о кормовой культуре, поэтому и в Северном Причерноморье в IV в. до н.э. он был кормовой культурой⁵⁴. Такой ход мысли является модернизацией, в диапазоне от очень грубой (отождествление с современностью) до просто грубой (приравнивание образа жизни населения Северного Причерноморья IV в. до н.э. к образу жизни населения императорского Рима). Если искать аналогии, то рассматривать следовало бы в первую очередь греческую практику соответствующего времени.

Мнение, что в классической Греции ячмень был пищей рабов и бедняков и кормом для животных, давно признано ошибочным⁵⁵. В греческом мире в классическое время ячмень был основным продуктом питания для большинства жителей⁵⁶, тогда как более дорогая пшеница считалась престижным продуктом⁵⁷. О роли ячменя в Греции говорит соотношение объемов выращиваемого ячменя и пшеницы, которое в силу засушливого климата во многих греческих регионах было естественным образом сильно сдвинуто в пользу ячменя⁵⁸. Утверждать, что недостаток своей пшеницы компенсировался импортом, некорректно, так как нет указаний на то, из чего состояло импортируемое зерно⁵⁹. В этом смысле интересен пример, не относящийся напрямую к хлебной торговле с Северным Причерноморьем, но относящийся к доставке морем в Афины разнородных партий зерна: согласно закону 374/373 г. до н.э. о налоге на зерно, в Афины с островов Лемнос, Имброс и Скирос завозили и ячмень, и пшеницу, причем доля ячменя была в четыре раза больше, чем пшеницы⁶⁰.

В целом в IV в. до н.э. ячмень вряд ли воспринимался жителями Северного Причерноморья как корм для животных⁶¹. В находках зерен при раскопках

⁵³ См. Kutaysov 2001, 134; 2002, 294; Odrin 2011, 56; 2014, 48, 97, 213.

⁵⁴ Gavriljuk 1995, 29; 1999, 162.

⁵⁵ Garnsey 1999, 119.

⁵⁶ Isager, Hansen 1975, 18; Garnsey 1999, 119; De Angelis 2006, 30–31.

⁵⁷ Garnsey 1999, 119. Что касается Рима, то Плиний Старший пишет о том, что продукты из ячменя широко использовались в «древности» (Plin. XVIII. 74). Понятие «древности» не уточнено, но этому определению вполне соответствует время, на четыре столетия отстоящее от времени жизни Плиния. Даже несмотря на низкий статус ячменя в более позднюю эпоху, в римской глубинке он не выходил из употребления и в первые века н.э. (Garnsey 1999, 119). Если же вспоминать средневековые, то ячмень был основной компонентой диеты крестьян в Южной Европе вплоть до XIV–XV вв. (Sallares 1991, 315).

⁵⁸ Garnsey 1985; Sallares 1991, 314.

⁵⁹ Isager, Hansen 1975, 18. В источниках это зерно обычно определяется словом *ῥτος*, которое может означать как пшеницу, так и ячмень (LSJ, s.v.). Это же слово используется у Геродота в примерах, связанных с регионом Ольвии: так обозначается зерно и у каллипидов с алисонами, и у скифов-пахарей (Hdt. IV. 17), см. Shramko, Yanushevich 1985, 48.

⁶⁰ Stroud 1998.

⁶¹ В последней трети V – начале IV в. до н.э. зерно ячменя изображалось на монетах Фанагории и на т.н. синдских монетах, см. Tereshchenko *et al.* 2016, рис. 1, 1–7.

и в Ольвии, и в районе Нижнего Поднепровья в классическое и эллинистическое время ячмень, в основном его пленчатые формы, встречается чаще всего (в Ольвии доля ячменя ненамного выше доли голозерной пшеницы, на поселениях Нижнего Поднепровья у ячменя подавляющее доминирование⁶²). В пользу преобладания в регионе ячменя говорят здешние природные условия⁶³. Можно не сомневаться, что и в Ольвии, и в Скифии ячмень был важной, если не важнейшей, составляющей злакового рациона, у скифов наряду с просом⁶⁴, у греков наряду с пшеницей.

Если предполагать вывоз зерна из Ольвии в Грецию в классическое и раннеэллинистическое время по аналогии с Боспором, сельская территория которого по уровню развития была сопоставима с округой Ольвии и который был бесспорным экспортером зерна в IV в. до н.э.⁶⁵, то следует обратить внимание на упоминаемых у Геродота скифов-пахарей (Hdt. IV. 17.2). Они выращивали зерно не для собственного пропитания, а на продажу, и в данном случае под товарным зерном с большой вероятностью можно предполагать специально возделываемый вид зерновых, отличавшийся от злаков, шедших на внутреннее потребление⁶⁶. Ничто не мешает распространить подобный подход на Ольвию: ольвийская голозерная пшеница могла в основном предназначаться для вывоза, а не для потребления на месте, которое в части растительной пищи основывалось на традиционном для греков ячмене. В таком случае хлебный экспорт только увеличивал значимость ячменя как продукта питания.

Другой аспект проблемы связан с предположением об использовании продовольственного зерна в кормовых целях. Судя по всему, идея о кормовом зерне (твердом корме) возникла из-за необходимости объяснить зимовку скота при стойловом содержании в предположении, что сенокошением скифы не занимались. Последнее выводится из отсутствия археологических и письменных свидетельств, а также ссылок на этнографические данные⁶⁷. Однако даже без сенокошения для зимовки скота у земледельцев всегда существовала скромная, но надежная кормовая база. Она связана с отходами производства и переработки

Независимо от того, что символизировало зерно ячменя, его появление на монетах было бы невозможно без почтительного отношения к этому хлебному злаку.

⁶² Pashkevich 2000, табл. 1; Bruyako, Sekerskaya 2016, рис. 24–25.

⁶³ В местном земледелии позднейшего времени считалось, что «ячмень есть самый надежный хлеб в Херсонской губернии, в случае продолжительной засухи он пропадает позже прочих хлебов» (Shmidt 1863, 36).

⁶⁴ Gavriilyuk 1989, 35–37.

⁶⁵ Можно было бы думать, что наличие на Боспоре и в округе Ольвии обширных размежеванных сельскохозяйственных территорий никак не связано с производством товарного зерна. Однако известно, что Боспор производил большие объемы зерна на продажу, что заставляет все-таки подозревать взаимосвязь массового межевания и товарного земледелия.

⁶⁶ См. Shramko, Yanushevich 1985, 48, где предполагается, что скифы-пахари для продажи выращивали пшеницу, а в еде отдавали предпочтение какой-то иной зерновой культуре.

⁶⁷ Gavriilyuk 1999, 116.

зерна (солома, мякина, отруби), в том числе ячменя⁶⁸. Важно, что чем более развито земледелие, тем больше подобных кормов оно поставляет. При возделывании всех тех размежеванных земель, которые видны на снимках, объем кормов был бы значительный⁶⁹. Могли ли в дополнение к грубым кормам использовать какое-то количество продовольственного зерна? В определенных условиях это было вполне возможно, например, при экстремально большом урожае, который трудно хранить или продать. На корм могли отправлять также все испорченное зерно; особым случаем могло быть откармливание особых категорий животных. Специфического кормления требуют лошади, но в рассматриваемой климатической зоне им необязательно было переходить зимой на полностью стойловое содержание (это же относится и к овцам)⁷⁰. Всё это позволяет усомниться в том, что у местных земледельцев при наличии достаточной площади пастбищ значимая доля продовольственного зерна уходила на корм скоту.

Рассуждения о ячмене и кормах могут показаться несущественными. Но надо учесть, что идея о фуражном ячмене поддерживает представление о скифском

⁶⁸ Ср. Ludogovskiy *et al.* 1876, 358, 368, 377: «Чем более в хозяйстве соломистого корма, тем менее затруднений представит зимнее продовольствие жвачных животных»; «в зимнее время рабочие волы, наряду с взрослым гулевым крупным рогатым скотом, получают только корм поддерживающий, питаюсь преимущественно соломою и малоценными техническими отбросами»; «в зимнее время... продовольствие овец одним сеном обошлось бы слишком дорого... главный зимний корм составляет хорошая солома».

⁶⁹ При площади межевания (т.е. пашни) 200 тыс. га и двупольной системе земледелия площадь посевов условного ячменя могла составить 100 тыс. га. Приняв не слишком высокую среднюю урожайность ячменя 6 ц/га (средний урожай ячменя в 1880-х годах в Мелитопольском уезде Таврической губернии был около 6,9 ц/га, исходя из Verner 1889, отд. IV, 64–66), получим общий сбор зерна 60 тыс. т. Отношение веса зерна к весу соломы с мякиной, равное 1:1, даст 60 тыс. т грубого корма. Кормовая единица, за которую в СССР принимали 1 кг зерен овса среднего качества, эквивалентна 2,8 кг ячменной соломы или 2,9 кг ячменной мякины, согласно Роров *et al.* 1944, 62–70. Полученные при выращивании ячменя 60 тыс. т соломы/мякины соответствовали бы по кормовым единицам ориентировочно 21 тыс. т овса.

⁷⁰ Ср. Shmidt 1863, 201: «Степь служит им (лошадям) пастбою во всякое время года, и только зимою, когда и высокостебельная трава тирса бывает покрыта снегом, дают им солому или худшее сено в загонах», т.е. фактически подкормку производили только при очень большой высоте снежного покрова, затруднявшей тебеневку. Сходный подход практиковался и с овцами, см. Shmidt 1863, 227: «Стараются держать овец на пастбищах в течение года как можно дольше, выпускать их туда и в зимнее время и вообще издерживать сухого корма как можно менее... волошские (туземные) овцы в зимнее время, когда снег не глубок, сами выкапывают (подножный корм) из-под снега». Предельная толщина рыхлого снега при тебеневке для лошадей составляет 40 см, опасность голода и падежа возникает в случае, если такой снег лежит более 10–15 дней, тебеневка у овец возможна при толщине рыхлого снега до 20–25 см, опасность падежа возникает, если глубокий снег лежит свыше недели (Taïrov 1993, 7–9). По современным данным критически глубокий снег бывает в южных украинских степях редко. За зиму снежный покров наблюдается здесь в среднем 40–50 дней, при этом устойчивым он бывает менее чем в 50% зим, высота снега более 20 см отмечается в 7–16% зим, согласно Babichenko 1967, 262, рис. 57–58.

земледелии как о чем-то вспомогательном и несамостоятельном. Если признать ячмень не фуражом, а обычным продовольственным зерном и не считать проблему кормов столь острой, то в жителях поселения Лысая Гора, заготавливавших тонны якобы фуражного зерна, следует видеть в первую очередь земледельцев. Все имеющиеся независимые друг от друга свидетельства (рассказ Геродота, данные археологии и космических снимков) указывают на то, что в скифском Нижнем Поднепровье жили земледельцы. Почему земли скифов-земледельцев с «превосходными посевами» вдруг начали межевать на специфический ольвийский манер, в результате чего эти земли стали неотличимы от хоры Ольвии — отдельный вопрос. Независимо от ответа на него, бесспорно, что размежеванные земли не могли появиться без достижения скифами высокого уровня земледелия. Более того, это земледелие было необыкновенно масштабным.

По большому счету, объяснений этому масштабу немного: либо было большое внутреннее потребление, либо местное земледелие ориентировалось на производство избыточного продукта. При «греческом» варианте потребления (доля зерновых в рационе до 75%) земледельческий район Нижнего Поднепровья, по очень грубой оценке, прокормил бы при предположении возделывания ячменя на всех размежеванных землях до 150 тыс. человек⁷¹. Вероятнее всего, доля зерновых в рационе скифского населения была меньше. При 50% зерновых в рационе численность населения района, обеспечиваемая земледелием, составила бы более 220 тыс. человек⁷². Цифра выглядит фантастической, учитывая не столь большую насыщенность территории поселенческими археологическими памятниками. Масштаб земледелия убедительнее всего объясняется предположением о производстве избыточного зерна, не предназначенного для потребления на месте. Потенциальное количество этого зерна видится очень большим, особенно при урожаях выше среднего⁷³. То, что скифы в принципе могли специально выращивать

⁷¹ Если из оценки сборов зерна (см. прим. выше) вычесть семенной фонд из расчета 1 ц/га, объем доступного для потребления зерна (условного ячменя) составит 50 тыс. т. Л. Фоксхол и Х. Форбс годовое душевое потребление пшеницы у греков классического времени при доле зерна 75% в рационе оценивают в диапазоне 212–237 кг (Foxhall, Forbes 1982, 71–72). Ячмень в виде крупы или муки по энергетической ценности практически равнозначен пшенице (пшеничной муке), однако имеет в случае пленчатых форм заметно меньший, по сравнению с пшеницей, выход муки. В экспериментальном помоле, произведенном Л. Фоксхол, выход муки из пшеницы был 95%, а выход грубой муки из случайно выбранного низкосортного ячменя 60% (ibid., 76). Таким образом, 50 тыс. т ячменя будут по калорийности эквивалентны приблизительно 31,5 тыс. т пшеницы. Отметим, что выход муки из пленчатого ячменя на самом деле мог быть выше, приближаясь к 70% (ibid., 78), так что указанный «пшеничный» эквивалент урожая ячменя занижен.

⁷² Более половины населения всей Степной Скифии IV в. до н.э. по расчетам Н.А. Гаврилюк (Gavrilyuk 1999, табл. 4.4). Ср. также с оценками численности населения в IV — начале III в. до н.э. для Ольвии с сельской округой и Боспора: до 56 тыс. и до 170 тыс. человек соответственно (Kryzhitskiy, Shheglov 1991, 54–55).

⁷³ При оценке населения Нижнего Поднепровья в IV в. до н.э. в 100 тыс. человек, что также представляется слишком большой величиной, избыток урожая можно оценить, опираясь на указанную работу Л. Фоксхол и Х. Форбса и сохраняя все расчетные

зерно на продажу, следует из слов Геродота о скифах-пахарях и их товарном зерне (Hdt. IV. 17.2). Хотя это указание не относится к Нижнему Приднепровью, наличие этого прецедента имеет значение. Кто был потребителем излишков зерна? При отсутствии голозерной пшеницы в его составе вероятные потребители находились, надо полагать, на региональном рынке. Зерно из Нижнего Поднепровья могло, к примеру, замещать ольвийскую пшеницу, вывозившуюся в Грецию. С другой стороны, как указано выше, нет обоснованных причин считать экспорт зерна из Северного Причерноморья в Грецию состоящим исключительно из пшеницы.

Землеустройство в районе Нижнего Поднепровья позволяет сделать некоторые замечания, не относящиеся к характеристикам самого межевания. Одно замечание может служить комментарием к тексту Геродота. В западной части Северного Причерноморья вне пределов территорий, освоенных греками, нелинейное межевание обнаруживается только в районе Нижнего Поднепровья⁷⁴, области обитания скифов-земледельцев Геродота. Межевания более нет нигде, ни в приморской полосе, ни в глубине территории. Например, следы межевания пока не выявлены на снимках земель к северу от Ольвии, вверх по течению Южного Буга вплоть до лесостепной зоны, т.е. приблизительно в тех местах, где жили скифы-пахари Геродота⁷⁵. Исследователи задавались вопросом, почему Геродот при сообщении о скифах-пахарях и скифах-земледельцах употребил разные, но фактически совпадающие по смыслу определения⁷⁶. Распространение межевания выявляет культурное отличие, стоящее за схожими определениями: скифы-пахари землю не межевали, скифы-земледельцы делали это с большим размахом и умением⁷⁷.

Другое замечание связано с существованием в Северном Причерноморье особой модели взаимоотношений греческих и варварских районов. На рис. 15 показаны такие районы на Днепре (включая сюда низовья Южного Буга) и на Кубани. На Кубани, как и на Днепре, району греческого межевания противостоит варварский район с явными признаками нелинейного межевания. Он расположен на Средней Кубани и совпадает с областью наибольшей концентрации меотских городищ. Разница с районом Нижнего Поднепровья здесь только в размахе межевания, но не исключено, что с поступлением новых данных оценку межевания на Средней Кубани придется изменить. В итоге мы находим, если отвлечься от деталей, буквально повторяющийся сценарий: древний район греческого

параметры, использованные нами выше, в 28 тыс. т ячменя при среднем урожае, и 88 тыс. т ячменя при урожае, вдвое превышающем средний. Знаменитые 2.1 млн медимнов, упоминаемые Страбоном (VII. 4.6) при описании бывшего зернового экспорта Боспора, составляют примерно 84 тыс. т, если ориентироваться на вес пшеницы.

⁷⁴ К западу от Ольвии следы нелинейного межевания выявлены у Никония и в дельте Дуная недалеко от Истрии, они с очевидностью связаны с греческим освоением.

⁷⁵ Dovatur *et al.* 1982, 229; Neykhardt 1982, 106.

⁷⁶ Dovatur *et al.* 1982, 228–230; Neykhardt 1982, 109–111.

⁷⁷ Так как предполагается, что в середине V в. до н.э. межевания в Нижнем Поднепровье еще не было, это отличие проявилось позже.

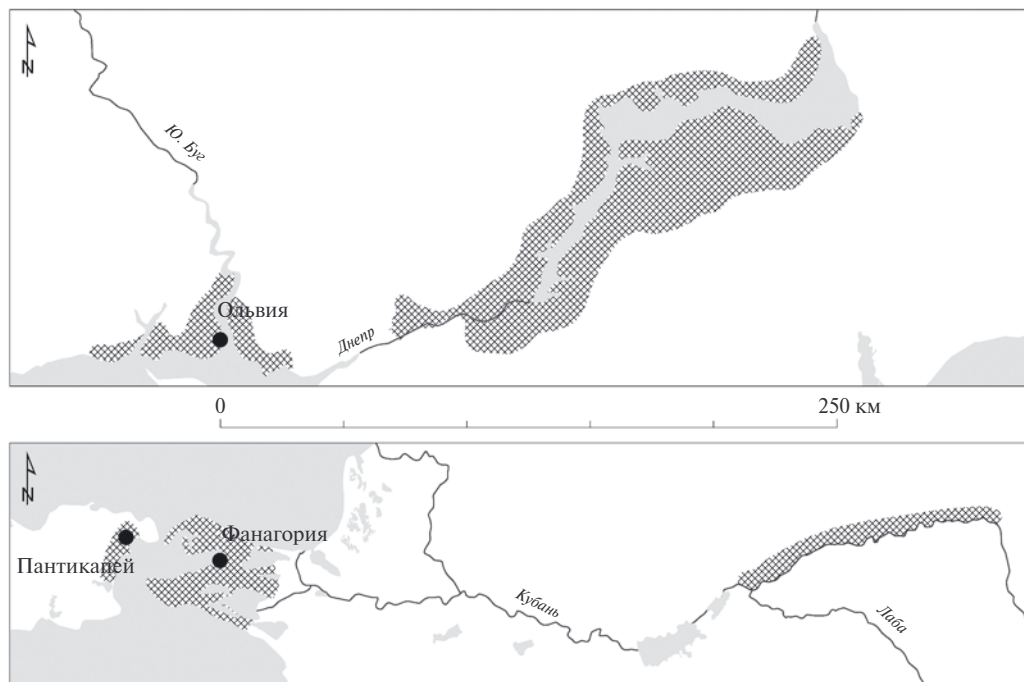

Рис. 15. Соотношение греческих и варварских районов межевания в двух регионах Северного Причерноморья

освоения с неидеальными для земледелия природными условиями, расположенный в устье большой реки, со временем дублируется варварским земледельческим районом, возникающим в степной зоне выше по течению реки на значительном расстоянии (до 200–250 км) от греческих центров. С точки зрения земледельческого освоения эти варварские реплики в обоих примерах во многом схожи. В них немалое число поселений, возделываемые земли обустроены с помощью землеустройства, подобного греческому, в обоих случаях речь идет о расположении в гораздо более плодородных местах, чем округа греческих городов.

Подводя итоги, можно сказать, что после второй итерации изучения космических снимков Северного Причерноморья, доступных в Google Earth, вырисовывается довольно неожиданная картина распределения размежеванной, т.е. безусловно и активно вовлеченной в земледелие, территории. Наибольшие в Северном Причерноморье площади, обустроенные в античное время с помощью межевания, находятся в районе Нижнего Поднепровья. Вместе с округой Ольвии этот район образует сдвоенный центр практически однотипного землеустройства исключительного масштаба с большим земледельческим потенциалом. Другим таким сдвоенным центром межевания, но меньшего размаха, являлся Боспор вместе с районом Средней Кубани.

Литература / References

- Angelis, F. de 2006: Going against the Grain in Sicilian Greek Economics. *Greece and Rome* 53/1, 29–47.
- Babichenko, V.N. 1967: [Snow Cover]. In: G.F. Prikhot'ko, A.V. Tkachenko, V.N. Babichenko (eds.), *Klimat Ukrainy [Climate of Ukraine]*. Leningrad, 248–265.
- Бабиченко, В.Н. Снежный покров. В сб.: Г.Ф. Прихотько, А.В. Ткаченко, В.Н. Бабиченко (ред.), *Климат Украины*. Ленинград, 248–265.
- Babichenko, V.N., Guk, N.I. 1967: [Precipitation]. In: G.F. Prikhot'ko, A.V. Tkachenko, V.N. Babichenko (eds.), *Klimat Ukrainy [Climate of Ukraine]*. Leningrad, 200–234.
- Бабиченко, В.Н., Гук, Н.И. Осадки. В сб.: Г.Ф. Прихотько, А.В. Ткаченко, В.Н. Бабиченко (ред.), *Климат Украины*. Ленинград, 200–234.
- Bruyako, I.V., Sekerskaya, E.P. 2016: *Ocherki ekonomiki naseleniya Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya v antichnuyu epokhu [Essays on the Economy of the Population of the North-West Black Sea Region in Antiquity]*. Odessa.
- Бруяко, И.В., Секерская, Е.П. *Очерки экономики населения Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху*. Одесса.
- Bylkova, V.P. 1995: [Greeks and Barbarians on the Lower Dnieper in the Late 5th – First Third of the 3rd C. BC (Based on the Results of Excavations of the Settlements)]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 4, 111–116.
- Былкова, В.П. Греки и варвары в Нижнем Поднепровье в конце V – первой трети III в. до н.э. (по материалам раскопок поселений). *ВДИ* 4, 111–116.
- Bylkova, V.P. 2000: [Settlements on the Lower Dnieper in the Aspect of Scythian-Hellenic Relations (the Turn of the 5th and 4th Centuries BC to the 3rd Century AD)]. *Arkheologicheskie vesti [Archaeological News]* 7, 125–139.
- Былкова, В.П. Поселения на Нижнем Днепре в аспекте скифо-эллинических отношений (рубеж V–IV вв. до н.э. – III в. н.э.). *Археологические вести* 7, 125–139.
- Bylkova, V.P. 2007a: *Nizhnee Podneprov'e v antichnuyu epokhu (po materialam raskopok poseleniy) [The Lower Dnieper in Antiquity (Based on Materials of Excavations of Settlements)]*. Kherson.
- Былкова, В.П. *Нижнее Поднепровье в античную эпоху (по материалам раскопок поселений)*. Херсон.
- Bylkova, V.P. 2007b: [Late Scythian Settlements of the Lower Dnieper: Problems of Chronology and Attribution]. *Tyragetia (Serie Nouă)* I XVI/1, 89–114.
- Былкова, В.П. Позднескифские городища Нижнего Днепра: проблемы хронологии и атрибуции. *Tyragetia (Serie Nouă)* I XVI/1, 89–114.
- Dovatur, A.I., Kallistov, D.P., Shishova, I.A. 1982: *Narody nashey strany v Istorii Gerodota: teksty, perevod, kommentariy [The Peoples of Our Country in the "History" of Herodotus: Texts, Translation, Commentary]*. Moscow.
- Доватур, А.И., Каллистов, Д.П., Шишова, И.А. *Народы нашей страны в «Истории» Геродота: тексты, перевод, комментарий*. М.
- Fleming, A. 1987: Coaxial Field Systems: Some Questions of Time and Space. *Antiquity* 61 (232), 188–202.
- Foxhall, L., Forbes, H.A. 1982: Sitometreia: The Role of Grain as a Staple Food in Classical Antiquity. *Chiron* 12, 41–90.
- Garbuzov, G.P. 2006: [Ancient Non-linear Land Division and Characteristics of the Modern Landscape of the Taman Peninsula]. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]* 9, 36–66.
- Гарбузов, Г.П. Древнее землеустройство нелинейного типа и характеристики современного ландшафта Таманского полуострова. *Древности Боспора* 9, 36–66.
- Garbuzov, G.P. 2008: [New Opportunities for Comparative Analysis of Regional Systems of Ancient Land Division]. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]* 12/1, 148–161.
- Гарбузов, Г.П. Новые возможности сравнительного анализа региональных систем античного землеустройства. *Древности Боспора* 12/1, 148–161.
- Garbuzov, G.P. 2016: [Evidence of Land Division in the Vicinity of Meotian Settlements in the Middle Kuban]. In: S.I. Luk'yashko (ed.), *Antichnaya tsivilizatsiya i varvarskiy mir Ponto-Kaspiyskogo regiona [Ancient Civilization and the Barbarian World of the Ponto-Caspian Region]*. Rostov-on-Don, 33–43.
- Гарбузов, Г.П. Следы землеустройства в округе меотских поселений на Средней Кубани. В сб.: С.И. Лукьяшко (ред.), *Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона*. Ростов-на-Дону, 33–43.

- Garbuzov, G.P., Zavoykin, A.A. 2015: [Rural Territory of the Taman Peninsula after the Spartokids]. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]* 19, 94–134.
- Гарбузов, Г.П., Завойкин, А.А. Сельская территория Таманского полуострова после Спартокидов. *Древности Боспора* 19, 94–134.
- Garnsey, P. 1985: Grain for Athens. *History of Political Thought* 6/1–2, 62–75.
- Garnsey, P. 1999: *Food and Society in Classical Antiquity*. Cambridge.
- Gavrilyuk, N.A. 1989: *Domashnee proizvodstvo i byt stepnykh skifov [Domestic Production and Life of the Steppe Scythians]*. Kiev.
- Гаврилюк, Н.А. *Домашнее производство и быт степных скифов*. Киев.
- Gavrilyuk, N.A. 1995: *Skotovodstvo Stepnoy Skifii [Cattle Breeding in Steppe Scythia]*. Kiev.
- Гаврилюк, Н.А. *Скотоводство Степной Скифии*. Киев.
- Gavrilyuk, N.A. 1999: *Istoriya ekonomiki Stepnoy Skifii VI–III vv. do n.e. [The History of the Economy of Steppe Scythia VI–III Centuries BC]*. Kiev–Kharkov.
- Гаврилюк, Н.А. *История экономики Степной Скифии VI–III вв. до н.э.* Киев–Харьков.
- Gavrilyuk, N.O., Kravchenko, S.M. 1995: [The Beginning of Sedentariness among the Steppe Scythians (Based on the Materials of the Lysa Gora Settlement)]. *Arheologija [Archaeology]* 3, 85–97.
- Гаврилюк, Н.О., Кравченко, С.М. Початок осілості у степових скіфів (за матеріалами поселення Лиса гора). *Археологія* 3, 85–97.
- Gavrilyuk, N.O., Olenkov's'kyj, M.P. 1992: *Pam'jatky skifiv [Archaeological Sites of the Scythians]*. Herson.
- Гаврилюк, Н.О., Оленковський, М.П. *Пам'ятки скіфів*. (Археологічна карта Нижньодніпровського регіону, 5). Херсон.
- Gavrilyuk, N.A., Pashkevich, G.A. 1991: [The Agricultural Component in the Economy of the Steppe Scythians at the End of the 5th – 4th Centuries BC]. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]* 2, 51–64.
- Гаврилюк, Н.А., Пашкевич, Г.А. Земледельческий компонент в экономике степных скифов конца V–IV в. до н.э. *СА* 2, 51–64.
- Gorlov, Yu.V., Lopanov, Yu.A. 1995: [The Oldest Melioration System on the Taman Peninsula]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3, 121–137.
- Горлов, Ю.В., Лопанов, Ю.А. Древнейшая система мелиорации на Таманском полуострове. *ВДИ* 3, 121–137.
- Ievlev, M.M. 2014: *Ocherki antichnoy paleoekologii Nizhnego Pobuzh'ya i Nizhnego Podneprov'ya [Essays on the Ancient Paleoecology of the Lower Bug and Lower Dnieper]*. Kiev.
- Иевлев, М.М. *Очерки античной палеоэкологии Нижнего Побужья и Нижнего Поднепровья*. Киев.
- Isager, S., Hansen, M.H. 1975: *Aspects of Athenian Society in the Fourth Century B.C.* (Odense University Classical Studies, 5). Odense.
- Karjaka, A.V. 2008: The Demarcation System of the Agricultural Environment of Olbia Pontike. In: P.G. Bilde, J.H. Petersen (eds.), *Meetings of Cultures in the Black Sea Region: Between Conflict and Coexistence*. (Black Sea Studies, 8). Aarhus.
- Kharchenko, A.S. (ed.) 1978: *Atlas prirodnikh usloviy i estestvennykh resursov Ukrainiskoy SSR [Atlas of the Natural Conditions and Natural Resources of the Ukrainian SSR]*. Moscow.
- Харченко, А.С. (ред.) *Атлас природных условий и естественных ресурсов Украинской ССР*. М.
- Kryzhitskiy, S.D., Buyskikh, S.B., Burakov, A.V., Otrushko, V.M. 1989: *Sel'skaya okrug Ol'vii [Rural Neighborhood of Olbia]*. Kiev.
- Крыжицкий, С.Д., Буйских, С.Б., Бураков, А.В., Отрешко, В.М. *Сельская округа Ольвии*. Киев.
- Kryzhitskiy, S.D., Shheglov, O.M. 1991: [On the Grain Potential of the Antique States of the Northern Black Sea Region]. *Arheologija [Archaeology]* 1, 46–56.
- Крижицкий, С.Д., Щеглов, О.М. Про зерновий потенціал античних держав Північного Причорномор'я. *Археологія* 1, 46–56.
- Kutaysov, V.A. 2001: [On the Productivity of the Main Grain Crops in the Northern Black Sea Region]. In: V. Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy Fenomen: kolonizatsiya regiona, formirovanie polisov, obrazovanie gosudarstva [The Bosporan Phenomenon: Colonization of the Region, the Formation of Policies, the Formation of the State]*. Issue 2. Saint Petersburg, 255–260.
- Кутайсов, В.А. Об урожайности основных зерновых культур в Северном Причерноморье. В сб.: В.Ю. Зуев (ред.), *Боспорский Феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства*. Вып. 2. СПб., 255–260.

- Kutaysov, V.A. 2002: [Problems of Agrarian History of the Northern Black Sea Region]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] XII, 291–307.
- Кутайсов, В.А. Проблемы аграрной истории Северного Причерноморья. *ПИФК* XII, 291–307.
- Lisetskiy, F.N. 1994: [The System of Ancient Land Division in the Lower Bug region]. In: *Drevnee Prichernomor'e. Kratkie soobshcheniya Odesskogo arkheologicheskogo obshchestva* [Ancient Black Sea Region. Brief Reports of the Odessa Archaeological Society]. Odessa, 237–242.
- Лисецкий, Ф.Н. Система античного землеустройства в Нижнем Побужье. В сб.: *Древнее Причерноморье. Краткие сообщения Одесского археологического общества*. Одесса, 237–242.
- Lisetskiy, F.N. 2000: *Prostranstvenno-vremennaya organizatsiya agrolandshaftov* [Spatial-Temporal Organization of Agricultural Landscapes]. Belgorod.
- Лисецкий, Ф.Н. *Пространственно-временная организация агроландшафтов*. Белгород.
- Ludogovskiy, A.P., Chernopyatov, I.N., Stebut, I.A., Fadeev, A.A. 1876: *Nastol'naya kniga dlya russkikh sel'skikh khozyaev* [Handbook for Russian Farmers]. Vol. II. Saint Petersburg.
- Людоговский, А.П., Чернопяттов, И.Н., Стебут, И.А., Фадеев, А.А. *Настольная книга для русских сельских хозяев*. Т. II. СПб.
- Nazarova, N.P. 1973: [On the Use of Anthropogenic Indicators in Land Melioration Surveys in the South of Ukraine]. *Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva* [News of the All-Union Geographical Society] 105/3, 280–281.
- Назарова, Н.П. Об использовании антропогенных индикаторов при мелиоративных изысканиях на юге Украины. *Известия Всесоюзного географического общества* 105/3, 280–281.
- Neykhardt, A.A. 1982: *Skifskiy rasskaz Gerodota v otechestvennoy istoriografii* [Scythian Narrative of Herodotus in Russian Historiography]. Leningrad.
- Нейхардт, А.А. *Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии*. Л.
- Odrin, O. 2011: [Grain Economy of the Olbia Polis in the 6th – the First Half of the 3rd Century BC]. *Ukrai'na v Central'no-Shidnij Yevropi* [Ukraine in Central-Eastern Europe] 11, 47–71.
- Одрін, О. Зернове господарство Ольвійського полісу в VI – першій половині III ст. до н.е. *Україна в Центральнo-Східній Європі* 11, 47–71.
- Odrin, O.V. 2014: *Ekologiya gospodarstva antychnykh derzhav Pivnichnogo Prichornomor'ja* [Ecology of the Economy of the Ancient States of the Northern Black Sea Region]. Kyiv.
- Одрін, О.В. *Екологія господарства античних держав Північного Причорномор'я*. Київ.
- Otreshko, V.M. 1981: [About the Land Plots of Olbia]. In: V.F. Gening (ed.), *Aktual'nye problemy arkheologicheskikh issledovaniy v Ukrainской SSR: tezisy dokladov respublikanskoy konferentsii molodykh uchenykh* [Actual Problems of Archaeological Research in the Ukrainian SSR: Theses of the Republican Conference of Young Scientists]. Kiev, 75–76.
- Отрешко, В.М. О клерах Ольвии. В сб.: В.Ф. Генинг (ред.), *Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР: тезисы докладов республиканской конференции молодых ученых*. Киев, 75–76.
- Paromov, Ya.M. 1993: [Principles for Identifying the Evolution of the Settlement System (on the Example of the Taman Peninsula)]. *Kratkie soobshcheniya Instituta Arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 210, 25–34.
- Паромов, Я.М. Принципы выявления эволюции системы расселения (на примере Таманского полуострова). *Краткие сообщения Института археологии* 210, 25–34.
- Paromov, Ya.M. 2000: [About Land Plots of Ancient Times on the Taman Peninsula]. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological News] 7, 309–319.
- Паромов, Я.М. О земельных наделах античного времени на Таманском полуострове. *Археологические вести* 7, 309–319.
- Pashkevich, G.A. 2000: [Paleoethnobotanical Studies of the Scythian Sites of the Steppe Zone of the Northern Black Sea Region]. In: V.I. Gulyaev, V.S. Ol'khovskiy (eds.), *Skify i sarmaty v VII–III vv. do n.e.: paleoekologiya, antropologiya i arkheologiya* [Scythians and Sarmatians in the 7th–3rd Centuries BC: Paleoecology, Anthropology and Archaeology]. Moscow, 101–109.
- Пашкевич, Г.А. Палеоэтноботанические исследования скифских памятников степной зоны Северного Причерноморья. В сб.: В.И. Гуляев, В.С. Ольховский (ред.), *Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология*. М., 101–109.

- Polin, S.V., Alekseev, A. Yu. 2018: *Skifskiy tsarskiy Aleksandropol'skiy kurgan IV v. do n.e. v Nizhnem Podneprov'e* [Scythian Royal Alexandropol Kurgan of the 4th Century BC in the Lower Dnieper Region]. Kiev–Berlin.
- Полин, С.В., Алексеев, А.Ю. Скифский царский Александропольский курган IV в. до н.э. в Нижнем Поднепровье. (Серия «Курганы Украины», 6). Киев–Берлин.
- Popov, I.S., Tomme, M.F., Yelkin, G.M., Popandopulo, P. Kh. 1944: *Korma SSSR. Sostav i pitatel'nost'* [Fodder in the USSR. Composition and Nutrition]. Moscow.
- Попов, И.С., Томмэ, М.Ф., Ёлкин, Г.М., Попандопуло, П.Х. Корма СССР. Состав и питательность. М.
- Sallares, R. 1991: *The Ecology of the Ancient Greek World*. Ithaca.
- Shishkin, K.V. 1982: [Air Photography as a Source for the Historical Topography of Olbia and Its Environs]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 3, 235–242.
- Шишкин, К.В. Аэрометод как источник для исторической топографии Ольвии и ее окрестностей. СА 3, 235–242.
- Shmidt, A. 1863: *Khersonskaya guberniya* [Kherson Province]. Issue 2. Saint Petersburg.
- Шмидт, А. Херсонская губерния. Вып. 2. (Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба). СПб.
- Shramko, B.A., Yanushevich, Z.V. 1985: [Scythian Agricultural Plants]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 2, 47–64.
- Шрамко, Б.А., Янушевич, З.В. Культурные растения Скифии. СА 2, 47–64.
- Stratanovskiy, G.A. (ed.) 1964: *Strabon. Geografiya v 17 knigakh* [Strabo. Geography in 17 Books]. Moscow.
- Стратановский, Г.А. Страбон. География в 17 книгах. М.
- Stroud, R.S. 1998: *The Athenian Grain-Tax Law of 374/3 B.C.* (Hesperia Supplements, 29). Princeton.
- Tairov, A.D. 1993: [Pasture-nomadic System and Historical Destinies of Nomads of the Ural-Kazakhstan Steppes in the 1st Millennium BC]. In: A.D. Tairov (ed.), *Kochevniki uralo-kazakhstanskikh stepey* [Nomads of the Ural-Kazakhstan Steppes]. Ekaterinburg, 3–23.
- Таиров, А.Д. Пастбищно-кочевая система и исторические судьбы кочевников урало-казахстанских степей в I тысячелетии до новой эры. В сб.: А.Д. Таиров (ред.), *Кочевники урало-казахстанских степей*. Екатеринбург, 3–23.
- Tereshchenko, A.E., Chukhina, I.G., Yarzhetzskiy, K. 2016: [Grains on Antique Coins]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 20, 451–468.
- Терешенко, А.Е., Чухина, И.Г., Яржецкий, К. Злаки на античных монетах. *Древности Боспора* 20, 451–468.
- Verner, K.A. (ed.) 1889: *Pamyatnaya knizhka Tavricheskoy gubernii* [Memorable Book of the Tauride Province]. Simferopol.
- Вернер, К.А. (ред.) *Памятная книжка Таврической губернии*. (Сборник статистических сведений по Таврической губернии, IX). Симферополь.

DOI: 10.31857/S032103910025868-7

БОКХ ГЛАЗАМИ САЛЛЮСТИЯ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

А. В. Короленков

*Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия;
Псковский государственный университет, Псков, Россия*

E-mail: sallust@list.ru

ORCID: 0000-0002-3628-2754

В статье рассматривается изображение мавретанского царя Бокха в *Bellum Iugurthinum* Саллюстия. Первоначально он выступает как марионетка Югурты и собственных советников, подкупленных нумидийским царем, но вскоре начинает действовать вполне самостоятельно, не являясь надежным партнером ни для римлян, ни для нумидийцев. В центре внимания Саллюстия бесконечные колебания Бокха (предать Югурту или римлян) и перемена им решений, которые, однако, не всегда сопровождаются какими-либо действиями. Римский писатель называет Бокха *barbarus* и обвиняет его в *fides Punica*, тогда как в адрес Югурты такие обвинения не звучат. Саллюстий утверждает, что цари часто вступают в противоречие с самими собой (*Iug.* 113.1), но Бокх остается вполне верен себе, поскольку суть его характера, как он показан у Саллюстия, именно в противоречиях, которые и отражаются в его бесконечных колебаниях и перемене решений.

Ключевые слова: Саллюстий, *Bellum Iugurthinum*, Бокх, Югурта, римская историография, образ варварского царя

BOCCHUS IN SALLUST: SOME CONSIDERATIONS

Anton V. Korolenkov

*State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia;
Pskov State University, Pskov, Russia*

E-mail: sallust@list.ru

Acknowledgements: Russian Science Foundation, project no. 22–28–01181

Данные об авторе. Антон Викторович Короленков – кандидат исторических наук, доцент ГАУГН, научный сотрудник лаборатории «Центр комплексного изучения проблем региональной безопасности» Псковского государственного университета.

Исследование подготовлено в рамках проекта РНФ № 22-28-01181 «Миф о “восточном деспотизме” в европейской литературной традиции (от античности до раннего Нового времени)».

The article is devoted to the image of the Mauretanian king Bocchus in Sallust's *Bellum Iugurthinum*. At the beginning Bocchus is portrayed as a puppet of Jugurtha and his own advisers bribed by the Numidian king, but soon he begins to act quite independently, not being a reliable partner neither for the Romans nor for the Numidians. Sallust focuses on Bocchus' endless doubts (whom to betray: Romans or Jugurtha) and on the changes of his own decisions, which, however, are not always followed by any real actions. The Roman author calls Bocchus a *barbarus* and accuses him of *fides Punica*, while there are no such accusations against Jugurtha. According to Sallust, kings often come into contradiction with themselves (*Iug.* 113. 1), but Bocchus remains completely true to his nature, since the essence of his character, as shown by Sallust, lies precisely in his contradictions, which are reflected in his endless hesitation and change of decisions.

Keywords: Sallust, *Bellum Iugurthinum*, Bocchus, Jugurtha, Roman historiography, barbarian king's image

Важнейшими персонажами «Югуртинской войны» Саллюстия являются два «варварских» царя: правитель Нумидии Югурта и правитель Мавретании Бокх. Если об образе первого писали не раз, то образ Бокха изучался мало (исключение составляет его речь в *Sall. Iug.* 110, см. ниже). Постараемся хотя бы отчасти восполнить эту историографическую лакуну.

Бокх появляется у Саллюстия, если так можно выразиться, постепенно¹. Сначала о нем упоминается просто как о правителе Мавретании (*Iug.* 19. 7: *Mauris omnibus rex Bocchus imperitabat*), который знал только имя римлян, да и им самим известен не был (*praeter nomen cetera ignarus populi Romani itemque nobis neque bello neque pace antea cognitus*). В 62. 7 сообщается о бегстве к Бокху людей Югурты во время переговоров последнего с Метеллом. В 74. 1 говорится, что в его царстве искали спасения приближенные Югурты, которые испугались репрессий, начавшихся после раскрытия последним заговора Бомилькара.

В 80-й главе происходит перелом: Югурта дарами склоняет мавретанского царя вступить в войну против римлян. «Это было тем более легко и осуществимо, что в начале войны с Югуртой Бокх отправлял послов в Рим с просьбой о союзе и дружбе; этому делу... помешали несколько человек, ослепленных алчностью (*pauci impediverant caeci avaritia*), для которых привычно было продавать всё подряд — и честное и бесчестное» (80. 3–5. Здесь и далее пер. В.О. Горенштейна, иногда с изменениями; курсив наш. — А. К.). Здесь налицо отмечавшаяся в литературе перекличка с 8-й главой², где некие молодые нобили говорят Югурте, что в Риме всё продажно (*Romae omnia venalia esse*), и хотя о них сказано как о *complures*, ниже Сципион Эмилиан предупреждает нумидийского царевича не покупать у немногих то, что принадлежит многим (*periculose a paucis emi quod multorum esset*)³. В подтверждение того, что именно влияние продажных *pauci* со-
рвало установление дружбы и союза между Римом и Мавретанией⁴, Саллюстий

¹ Подобно Марию, который упоминается у Саллюстия 10 раз, прежде чем ему дается развернутая характеристика (см. Vretska 1955, 102, Anm. 5).

² Koestermann 1971, 283; Paul 1984, 201.

³ Koestermann 1971, 282–283; Paul 1984, 201.

⁴ Вполне возможно, однако, что причиной стал отказ сената принять предложения Бокха (Paul 1984, 247).

специально подчеркивает, будто брак Бокха с дочерью Югурты (*Iugurthae filia Voccho nupserat*)⁵ значения не имел, поскольку-де в тех краях многоженство в обычае, а потому к женам особых чувств не испытывают — *animus multitudine [uxorum] distrahitur: nulla pro socia obtinet, pariter omnes viles sunt* (80. 6–7). Неубедительность подобных рассуждений очевидна, поскольку даже при множестве жен некоторые из них вполне могут пользоваться большей привязанностью царя. Но главное в другом: в династических браках чувства особой роли вообще не играют, главное — статус вступающих в родство. Тем не менее в историографии странным образом этот парадоксальный пассаж возражений почти не вызвал⁶. Между тем очевидно, что Саллюстий руководствуется в данном случае желанием показать всепобеждающую силу подкупа, которая, по его мнению, сыграла роковую роль накануне Югуртинской войны и в ее начале.

Стоит отметить, что рассказу о вступлении в войну Бокха на стороне Югурты предшествует легенда о карфагенских послых братьях Филенах, которые вступили с киренянами в спор о бесплодных равнинах в Ливии и позволили зарыть себя в землю живыми, чтобы эти равнины достались их родному Карфагену (*Iug.* 79).

Данный сюжет понимали по-разному. К. Бюхнер указывает, что Метелл после взятия Талы был близок к победе, но Югурта смог втянуть в войну Бокха, и она вступила в новую фазу. В этом контексте экскурс играет «расчленяющую» роль, а легенда о «героическом самопожертвовании братьев Филенов соответствует рассказу о деяниях Метелла [Нумидийского]»⁷. Однако Метелл не жертвовал собой, а наносил удары по врагу, да и непонятно, почему для маркировки нового этапа войны понадобился столь необычный сюжет. По мнению Р. Ониги, легенда о Филенах введена в укор развращенному правящему классу Рима — так же, как впоследствии Тацит будет находить кое-что положительное в *libertas* германцев — *libertas*, которую римляне к его времени уже утратили⁸. Само по себе это резонно, но тогда легенда о Филенах оказалась бы на месте в африканском экскурсе (*Sall. Iug.* 17–19), перед которым говорилось о подкупе Югуртой сенаторов, благо описание театра будущей войны давало для такого рассказа удобный повод, тогда как в гл. 78–79 приходится специально подводить читателя к этой теме.

Для Т. Видемана главное в этой истории то, что Филены — братья. В мифологии братья чаще враждуют, чем помогают друг другу (Исав и Иаков, Этеокл и Полиник,

⁵ Плутарх, напротив, пишет о Бокхе как тесте (πενθερός) Югурты (*Plut. Mar.* 10. 3; *Sull.* 3. 2; Koestermann 1971, 283). Возможно, впрочем, у Саллюстия должно читаться *Vocchi*, а не *Voccho* (Paul 1984, 201 со ссылкой на Р. Циммермана), и тогда Югурта и у него оказывается зятем мавретанского царя, как обычно и считается, причем данные Саллюстия и Плутарха признаются безо всяких оговорок идентичными (Klebs 1897, 577; Gsell 1928, 212).

⁶ См. Gsell 1928, 213. Р. Виндберг оспаривает тезис источников о малой роли женщин в Нумидии, ссылаясь на противоречащие этому данные о кочевниках (Windberg 1937, 1351). Дж. Пол возражает, говоря, что у Саллюстия речь о царских семьях, которые едва ли были кочевниками (Paul 1984, 201). Однако речь должна идти о роли не женщин, а династических браков, что не одно и то же.

⁷ Büchner 1982, 145; Tiffou 1973, 470.

⁸ Oniga 1990, 24–25.

Ромул и Рем). Заметим, что и Югуртинская война начинается у Саллюстия со ссоры между двоюродными братьями — нумидийскими царевичами. Если же брать участников описываемых событий, то здесь также есть аналогичный пример: Спурий и Авл Постумии Альбины. Когда первый уезжает в Рим для проведения комиций, второй из соперничества с братом начинает боевые действия, чтобы закончить войну до его возвращения, терпит поражение и заключает позорный (с точки зрения римлян) мир. Спурий же, вернувшись, отказывается признать этот договор (Sall. *Iug.* 37–39). Им-то, по мысли Т. Видемана, и противопоставляются братья Филены: они, действуя в согласии друг с другом, поступают на благо отечеству, Альбины же, заботясь каждый лишь о себе, навлекают на него позор⁹.

Противопоставление Постумиям с учетом того, что оно требует вернуться на сорок (!) глав назад, выглядит сомнительным, а вот акцент на родстве между Филенами представляется весьма важным¹⁰. Напомним, что Югурта и Бокх также приходится друг другу близкими родственниками (рассуждения Саллюстия об отсутствии у мавретанцев привязанности к женам этого факта не отменяет). Однако если пунийцы в согласии друг с другом, брат с братом, совершили достойный подражания героический поступок, то Бокх, взявшись поддерживать Югурту, поступает недобродетельно: он помогает хотя и близкому родственнику, но заведомому негодяю, главная вина которого состоит в том, что он враг римлян.

Однако Саллюстий сразу же намекает на непостоянство царя мавров. Уже в *Iug.* 81. 4 он пишет: «Югурта стремился лишь к одному — поскорей лишить Бокха надежды на мир, чтобы тот из-за промедления (*moras*) не отказался от войны». Между тем никаких поводов для сомнений в своей позиции последний, если исходить из текста самого же Саллюстия, не дает. Что же касается промедления, то в его условиях Бокх обнаруживает похвальную (с точки зрения Югурты) твердость. В 83-й главе Метелл предлагает Бокху воздержаться от войны с римлянами, которые не сделали ему ничего дурного. «Царь отвечает на это вполне миролюбиво, сам он желает мира, но сочувствует Югурте, и, если тому была бы предоставлена такая же возможность, обо всем можно было бы договориться. Полководец снова шлет гонцов с возражениями — с одними тот соглашается, другие отклоняет. Таким образом, пока они обменивались гонцами, время уходило и... война тянулась, а боевые действия не начинались» (83. 2–3). Но Бокх, как видим, хранит верность Югурте. В то же время следует отметить, что здесь Саллюстий, видимо,

⁹ Wiedemann 1993, 54–55. Курьезной представляется точка зрения Э. Шоу. Он видит в этой истории противопоставление образцовых карфагенян из неопределенного прошлого, братьев Филенов, Гамилькару из Большого Лептиса, *homo factiosus*, стремящемуся к *res novae* (Sall. *Iug.* 77. 1) и будто бы воспринимавшемуся римскими читателями как карфагенянин; тем самым Саллюстий хочет показать, как низко пал Карфаген со времен Филенов (Shaw 2021, 115). Однако связь между обоими сюжетами спорна, ибо их разделяет 78-я глава, о Гамилькаре сказано всего несколько слов, а Филенам посвящен подробный рассказ; наконец, странно говорить о моральном падении Карфагена в описываемые Саллюстием времена, когда город уже почти 40 лет как перестал существовать, а сам Гамилькар вовсе не был карфагенянином.

¹⁰ Э. Шоу, пересказывая точку зрения Т. Видемана (Shaw 2021, 114), не обратил внимания на этот важный ее аспект.

пошел на хронологическую перестановку, отнеся союз обоих царей к более раннему времени, чем то имело место на деле¹¹, чтобы сделать его своего рода прелюдией к кампаниям Мария¹². Согласно Орозию (V. 15. 9)¹³, союз был заключен лишь после взятия Марием Капсы¹⁴, да и сам Саллюстий, как мы увидим, пишет об участии Бокха применительно ко времени, указанному Орозием. Это выглядит и более логичным, так как именно после падения Капсы война приблизилась к границам Мавретании. Согласно эпитомам Ливия (*per.* 66), Югурта обратился к Бокху за помощью лишь после назначения Мария. Смысл хронологической вольности¹⁵ Саллюстия становится ясен в 88-й главе, где он пишет: «Бокх не раз присылал к Марию гонцов, уверяя, что ищет дружбы римского народа и что Марию не надо бояться враждебных действий с его стороны. Было ли это притворством (*simulaveritne*), чтобы внезапный удар оказался для нас особенно тяжелым, или же царь, по природе своей непостоянный (*mobilitate ingeni*), готов был то искать мира, то возобновлять войну, сказать трудно» (Sall. *Iug.* 88. 5–6).

Этот пассаж весьма примечателен: оба предложенных Саллюстием варианта неблагоприятны для Бокха, который и в том, и в другом случае оказывается человеком коварным и ненадежным¹⁶. Таким он, как мы увидим, будет изображаться и дальше. При этом Саллюстий игнорирует то, что Бокх никакого удара по римлянам не нанес, а потому нет оснований подозревать его в коварстве по отношению к ним. Но писатель явно исходит не из этого очевидного факта, а из того, что коль скоро позднее Бокх вступил в войну, то готовил удар давно, чем, видимо, и обусловлена датировка его замысла куда более ранним временем.

В 97-й главе Бокх, наконец, присоединяется к Югурте, приведя войска в обмен на треть Нумидийского царства (т.е., собственно, именно тогда и заключает с ним союз), узнав после падения мулукской цитадели, что Бокх «медлит и, колеблясь, взвешивает доводы в пользу войны и мира (*cunctari accipit et dubium belli atque pacis rationes trahere*), Югурта снова, как и прежде, подкупил дарами его приближенных, а самому мавру обещал третью часть Нумидии, если римляне

¹¹ Lauckner 1911, 44–45; Büchner 1953, 70; Vretska 1955, 72.

¹² Koestermann 1971, 282, 286. В. Шур считает, что военное соглашение между царями фактически состоялось, но Метелл сумел дипломатическими средствами предотвратить непосредственное вступление в войну готового к ней Бокха (Schur 1934, 122), однако эта точка зрения не нашла поддержки. В. Штайдле считает вопрос спорным (Steidle 1958, 66, Anm. 1).

¹³ Порой ошибочно дают ссылку на Oros. V. 14 (Schur 1934, 121; Büchner 1953, 70; Koestermann 1971, 282).

¹⁴ В доказательство этого ссылаются также на сообщение Евтропия (IV. 27. 4; см. Schur 1934, 121; Büchner 1953, 70; Koestermann 1971, 282), который, однако, пишет лишь о победах Мария над Югуртой и Бокхом, вообще не упоминая о взятии им Капсы. К. Бюхнер ссылается в этой связи и на эпитоматора Ливия, также о Капсе не упоминающего.

¹⁵ Или, по более суровой формулировке К. Лаукнера, «тенденциозного искажения» (Lauckner 1911, 44).

¹⁶ Дж.М. Пол, принимая рассказ Саллюстия, видит в отправке послов Бокхом признак его ненадежности как союзника Югурты (Paul 1984, 221), не учитывая, что союз между ними, видимо, еще не был заключен. Также см. Klebs 1897, 577.

будут выдворены из Африки или если война будет закончена без ущерба для его царства. Соблазнившись такой наградой, Бокх с многочисленным войском присоединяется к Югурте» (97. 2–3). Как видим, вновь звучит мотив подкупа как главного способа Югурты повлиять на ситуацию, но также и мотив постоянных колебаний Бокха¹⁷, хотя ничто в действиях царя на таковые не указывает.

При описании последовавшего затем сражения царь мавров не упоминается (97–99), а вот в рассказе о битве под Циртой он появляется вновь. В ходе битвы Бокх нанес удар по замыкающим частям римской армии (*postremam Romanorum aciem*), но, когда его с фланга атаковал Сулла, он «тотчас же повернул [войско] (*statim avertitur*)», т.е. начал отступать (101. 5, 8)¹⁸. Примечательно, что здесь говорится не о малой боеспособности мавров¹⁹ и/или мощном натиске римлян, а именно о решении царя, который принял таковое немедленно (*statim*) — судя по всему, иллюстрация не столько его трусости (в этом его Саллюстий нигде не обвиняет), сколько переменчивости.

Но дело не ограничивается отступлением: после битвы под Циртой Бокх отправляет к римлянам послов, которые «от его имени предложили Марию направить к царю двух надежных людей, с которыми он хочет обсудить нечто важное для него самого и для римского народа» (102. 2). Любопытно, что о выходе из войны прямо не говорится, речь идет лишь о «чем-то важном» (*commodo*) — лишний штрих к портрету склонного к неопределенности правителя мавров.

Происходит обмен речами между Бокхом и Суллой, которому Марий поручил вести переговоры²⁰. Бокх ссылается на то, что поднял оружие лишь для защиты той части Нумидии, которую уступил ему Югурта (102. 13), но в глазах римского читателя такой аргумент звучит лживо²¹, ибо получил он эти земли в обмен на союз против Рима. Бокх, отметив, что уже отправлял послов в Рим, но неудачно, просит позволить ему сделать это еще раз и получает согласие... и тотчас изменяет «свои планы (*animus barbari... flexus*) — по настоянию друзей, которых подкупил Югурта» (102. 15). Обращает на себя внимание, что он здесь назван варваром²², тогда как нумидийский царь ни разу так не именуется. Однако в чем выражается перемена решения Бокха, не говорится — вне всякого сомнения, она вымышлена Саллюстием, чтобы подчеркнуть вероломство мавра. Во всяком случае, когда Марий уходит с частью армии в пустыню, чтобы захватить одну из крепостей Югурты, Бокх «снова изменил свои планы (*tum rursus Bocchus*) — то ли хорошенько поразмыслив над тем, что случилось с ним в двух сражениях, то ли послушавшись друзей, которых Югурте не удалось подкупить» (103. 2).

¹⁷ Koestermann 1971, 345.

¹⁸ Koestermann 1971, 358.

¹⁹ См. Koestermann 1971, 358.

²⁰ Сулла начинает свою речь с обращения *rex* (Sall. *Iug.* 102. 5), что, по мнению Э. Фельдхерра, можно понимать и как лесть, и как указание на сугубую инаковость его персоны для римской аудитории, которая, возможно, понимает иронию Суллы (Feldherr 2021, 162).

²¹ Steidle 1958, 88.

²² Любопытно, что Саллюстий называет Бокха варваром после сообщения о том, как тот поддался влиянию продажных советников (см. Santangelo 2019, 117).

Этот пассаж весьма интересен. Саллюстий вновь предлагает на выбор варианты, которые в действительности являются взаимодополняющими — в сущности, это намек на то, какими доводами приближенные могли повлиять на Бокха. Важнее, впрочем, другое: если в предыдущем случае он, по сути, оказывается марионеткой Югурты, то здесь принимает мнение не зависящих от него людей, оказываясь, таким образом, непростым партнером не только для римлян, но и для нумидийского царя. При этом склонность к постоянным колебаниям, производящая, естественно, дурное впечатление, для Саллюстия явно важнее того, что Бокх в конце концов принял решение, выгодное для Рима.

Писатель дает понять, что репутация правителя мавров как человека коварного и злокозненного быстро укоренилась в умах римлян. Когда отправленный Марием проквестор Сулла и его люди решили, будто сын Бокха Волукс хочет выдать их Югурте, Сулла призвал «Юпитера Величайшего в свидетели преступления и вероломства Бокха (*Iovem maxumum obtestatus, ut sceleris atque perfidiae Vocchi testis adesset*)» (107. 2)²³. И хотя вскоре выясняется, что подозрения в адрес мавров беспочвенны, Саллюстий никак не дезавуирует прозвучавшего из его уст необоснованного обвинения.

Совсем иначе рассуждает писатель в следующей главе. Сулла, наконец, прибывает к царю мавров для переговоров. Бокх предлагает ему самому назначить время и место для обсуждения и добавляет, что посла Югурты можно не опасаться. «В своих отношениях с Югуртой он, Бокх, нарочно всё оставляет без перемен, чтобы легче было обсудить общие дела, иначе ему не уберечься от козней царя. Сам-то я отлично знаю (*sed ego conperior*), что действия Бокха, надеждой на мир державшего одновременно в напряжении и римлянина и нумидийца и всё время раздумывавшего, кого кому предать — Югурту ли римлянам или ему Сулле, определялись пунийской верностью (*Punica fide*), а не тем, в чем он заверял; глубинное желание (*lubidinem*) настраивало его против нас, страх (*metum*) — в нашу пользу» (108. 2–3).

Как видим, если в предыдущем случае Саллюстий воздерживается от благоприятных для Бокха оценок, хотя подозрения в его адрес оказались беспочвенными, то здесь вполне естественное поведение царя в отношении Югурты безо всяких доказательств²⁴ выдается за проявление коварства²⁵. Еще более маловероятным

²³ Сходную формулировку Саллюстий вкладывает в уста Лепида (*Hist.* I. 55. 1): *quom illi spes omnis in scelere atque perfidia* (см. Koestermann 1971, 373).

²⁴ Единственным аргументом является горделивое *sed ego conperior*; предполагается, что здесь Саллюстий опирается на версию событий из записок Суллы (Koestermann 1971, 376; Paul 1984, 253–254; Chlup 2013, 199). Это вполне вероятно, но коль скоро писатель ими воспользовался, они соответствовали его воззрениям. По предположению А. Ла Пенны, Саллюстий спорит здесь с Суллой, который будто бы считал, что Бокх уже принял решение, колеблется же только для виду (La Penna 1959, 267). Единственный аргумент в пользу этого, состоящий в том, что слова *ego conperior* для многих читателей были бы излишни, если бы писатель только возражал Бокху, представляется достаточно субъективным.

²⁵ Или, как выражается Ф. Сантанджело, «сочетание нерешительности и вероломства» (Santangelo 2019, 120). По мнению Т. Дж. Клапа, Саллюстий, говоря о *Punica fides*, превращает мавров в преемников коварных карфагенян, что несколько необычно, но в действительности Саллюстий дает свой комментарий, чтобы пробудить

представляется предположение Саллюстия, будто Бокх мог думать о выдаче Суллы нумидийцу: во-первых, ничто этого не подтверждает, а во-вторых, диктовать условия римлянам такой шаг ни ему, ни Югурте не позволил бы, а вот последствия могли оказаться очень плачевными²⁶, и вряд ли после разгрома под Циртой Бокх готов был идти на такой рискованный шаг. Понятно, однако, что Саллюстий руководствовался не этими соображениями, а стремлением во что бы то ни стало изобразить мавретанского царя человеком коварным и ненадежным.

Через десять дней происходит тайная встреча Бокха и Суллы, которая представляет для нас особый интерес. Бокх открывает свою речь высокопарным заявлением: «Никогда не думал, что мне, величайшему царю в этой стране и среди всех царей, каких я только знал (*rex maximus in hac terra et omnium, quos novi*), придется быть благодарным частному лицу (*privato homini*)» (110. 1). Столь нескромная самопрезентация звучит не «немного наивно», как пишет Э. Тиффу²⁷, а скорее весьма иронически²⁸, обличая спесь царя²⁹, тем более что сам Саллюстий, как мы уже могли убедиться и убедимся в дальнейшем, оценивает его совсем по-другому³⁰. Суллу же, облеченного полномочиями проквестора, Бокх называет *homo privatus*, что, можно не сомневаться, также призвано подчеркнуть его высокомерие и самодовольство³¹ — *homo privatus* для него любой человек не царской крови³². Примечательно также, что на протяжении своей в общем-то короткой речи он шесть (!) раз использует местоимение *ego*³³.

в читателях сомнения и подтолкнуть к критике римского империализма (Chlup 2013, 199). Суждение в высшей степени спорное, поскольку в «Югуртинской войне» Саллюстий критикует продажных нобилей не за несправедливые войны, а за нежелание вести войну справедливую, да и вообще подобного рода интеллектуальные провокации совершенно не свойственны римским авторам. Заметим также, что о *fides Punica* Югурты Саллюстий не пишет даже там, где это выражение напрашивается (см. Sall. *Iug.* 26.2).

²⁶ Paul 1984, 256. С. Гзель допускал и то, что подобные планы приписали Югурте (а он будто бы повлиял на Бокха) римляне, и то, что Югурта действительно предлагал Бокху захватить Суллу (Gsell 1928, 257).

²⁷ Tiffou 1973, 475.

²⁸ Koestermann 1971, 377.

²⁹ Sensal 2001, 73. Также см. Schnorr von Carolsfeld 1888, 57. Пол отмечает, что Бокх заявляет о себе как о не нуждавшемся прежде ни в чьей помощи (Sall. *Iug.* 110. 2: *nul-lius indignus [opis]*), в действительности же он уже просил римлян заключить договор о дружбе (80. 4; 102. 13; ср. Paul 1984, 254). Однако оказание помощи и договор о дружбе не одно и то же.

³⁰ Sall. *Iug.* 88. 6; 108. 3; 113. 3; ср. Sensal 2001, 69, n. 23.

³¹ Schnorr von Carolsfeld 1888, 57; Koestermann 1971, 377. Это тем более показательно, что сам Саллюстий называет Суллу и после продления полномочий квестором (Sall. *Iug.* 103. 7; 106. 1; 113. 5). Сомнительно, что последний пошел бы в мемуарах на такое самоуничижение даже при пересказе речи царя, хотя и сам Х. Шнорр фон Карольсфельд, и другие ученые склонны возводить ее именно к этому источнику (также см. Gsell 1928, 256, n. 2; Koestermann 1971, 377; Sensal 2001, 65–74).

³² Paul 1984, 254. Шнорр фон Карольсфельд, правда, несколько преувеличивает, говоря, будто Бокх видит рядом с собой лишь *servi* (Schnorr von Carolsfeld 1888, 57), в тексте Саллюстия подтверждения этому нет.

³³ Schnorr von Carolsfeld 1888, 57; Sensal 2001, 69.

При этом создаваемому им собственному величавому образу противоречит разговорное *mehercule* (110. 2)³⁴.

Лишь в стк. 14 речи из *Iug.* 22 (по тойбнеровскому изданию) он переходит к делу, обещая не переходить Мулуку и не позволять делать этого, а также изъясляет готовность и к иным уступкам, первые же 13 строк занимают рассуждения царя о желании быть щедрым по отношению к Сулле. По мнению К. Бюхнера, тем самым царь создает основу для переговоров³⁵, но следует отметить, что последний проводит четкую грань между щедростью в отношении Суллы и уступками Риму, о которых говорит позже. Вряд ли Саллюстий обозначил эту разницу из чисто риторических соображений. Возможно, тем самым он хотел лишний раз подчеркнуть коварство мавра, который, столь многословно обещая Сулле, что называется, золотые горы, на деле собирается выдать его Югурте. А вот о его планах перейти Мулуку вопреки обещаниям Саллюстий не пишет, и таким образом правда в речи Бокха занимает весьма скромное место, тем более что завершается речь посулами еще больших уступок, за которыми скрывается намерение выдать проквестора Югурте.

В ответ Сулла заявляет, что римляне не считают обещания царя заслуживающими благодарности, коль скоро победили его в бою, ему же необходимо совершить нечто, что «будет на пользу им, а не ему (*faciendum ei aliquid, quod illorum magis quam sua rettulisse videretur*)», т.е. выдать Югурту. «Царь сначала отказывался, ссылаясь на то, что ему мешают узы родства (*cognationem*), свойства (*adfinitem*), да и союзный договор (*foedus*); а кроме того, он опасается, что нарушение им честного слова (*fide*) оттолкнет от него его подданных, расположенных к Югурте и ненавидящих римлян. Наконец, он уступает настояниям и обещает исполнить все, чего хочет Сулла» (111. 1–3).

Как видим, вполне естественное с политико-дипломатической точки зрения поведение Бокха преподносится как откровенное лицемерие. Его ссылки на *cognatio*, *adfinitas*, *foedus*, *fides* не стоит воспринимать всерьез — достаточно вспомнить, что Саллюстий считал узы родства по браку не имевшими у мавров большого значения (80. 6)³⁶, да и посещавшая Бокха, как он уверен, мысль о выдаче Суллы не свидетельствует о его уважении к *fides*³⁷.

Впрочем, казалось бы, всё позади³⁸, и оба «сговариваются, как притвориться, будто они готовы заключить мир (*ad simulandam pacem*), в котором истощенный войной

³⁴ Cp. Sensal 2001, 69, n. 27.

³⁵ Büchner 1982, 202.

³⁶ Koestermann 1971, 380.

³⁷ Думается, Ф. Сантанджело не вполне прав, говоря, будто Бокх выдвигает *fides* на первый план (Santangelo 2019, 121) — она упоминается лишь на *четвертом* месте среди других доводов, что вряд ли случайно.

³⁸ Э. Фельдхерр сравнивает увещевания Бокха Суллой с наставлениями Сципиона Эмилиана Югурте под Нуманцией (Sall. *Iug.* 8. 2), и в конце концов Бокх идет по пути, предуказанному Сципионом (Feldherr 2021, 158, 161). Однако ситуации значительно различаются: в первом случае перед нами монолог, во втором — диалог, нумидийский царевич на момент разговора — верный союзник Рима, тогда как мавретанский царь ведет с ним войну, и первого Сципион убеждает поддерживать дружбу с Римом

нумидиец крайне нуждался» (111. 4). Напомним, что и о Сулле говорилось выше (95. 3) как о мастере притворяться (*ad simulanda negotia altitudo ingeni incredibilis*).

Однако почти сразу выясняется, что царь вовсе не готов выполнить обещанное. Через несколько дней посол Югурты Аспар предложил выдать Сулле нумидийскому царю. «После долгого размышления мавр в конце концов обещал сделать именно так, но колебался ли он для вида или искренне (*ceterum dolo an vere cunctatus*), мы так и не узнали — в большинстве случаев в своих желаниях цари столь же непостоянны, сколь и беспощадны, и часто противоречат сами себе. Когда определили время и место встречи, Бокх вызывал к себе для переговоров о мире то Суллу, то посла Югурты, был приветлив с ними, обоим обещал одно и то же (*idem ambobus polliceri*)³⁹; они в равной мере радовались и были исполнены добрых надежд» (113. 1–2).

Таким образом, сначала мы узнаем, что он обманул римского проквестора, а затем — посла Югурты, причем оба уверены в успехе — иначе говоря, в притворстве царь превзошел даже Суллу, который сам весьма преуспел в нем (см. выше). Однако самый драматический эпизод впереди: «Но накануне дня, назначенного для переговоров, мавр собрал ночью друзей, однако тут же отослал их, изменив первоначальное решение, и, говорят, долго размышлял в одиночестве (*dicitur secum ipse multum agitavisse*), причем выражение его лица и глаз менялось вместе с настроением (*voltu colore motu corporis pariter atque animo varius*), что, разумеется, несмотря на молчание, выдавало его тайные мысли» (113. 3).

Если предыдущий эпизод с одинаковыми обещаниями Аспару и Сулле теоретически мог иметь место, то здесь перед нами бесспорный литературный вымысел⁴⁰, когда, по тонкому замечанию выражению К. Вретска, лишь оговорка *dicitur* отличает историка от поэта⁴¹; драматическое напряжение достигает высшей точки, усиливается атмосферой ночи⁴² и эффектом аутопсии, когда речь заходит о выражении лица царя. Несомненно, это одна из вершин повествовательного мастерства Саллюстия⁴³.

открыто (*publice*), а не подкупая отдельных политиков, тогда как Сулла предлагает лишь установить эту дружбу, подкрепив ее выдачей Югурты. Думается, названные различия носят отнюдь не второстепенный характер, и проводимая Фельдхерром параллель носит во многом надуманный характер.

³⁹ Напрашивается параллель с анекдотом о Марии, который бегал в разные концы своего дома во время переговоров с посланцами сената и Сатурнина, подзадоривая одних против других (*Plut. Mar.* 30. 3).

⁴⁰ См. Koestermann 1971, 384: «Откуда можно знать, как он (Бокх. — А. К.) вел себя, оставшись один?»

⁴¹ Vretska 1955, 82. Э. Кёстерман называет это слово ничего не значащим, отрицая, что Саллюстий мог сам придать этому рассказу «новеллистически-романтическую окраску», и усматривая здесь влияние Посейдония (Koestermann 1971, 384). Думается, однако, что римский писатель, вполне самостоятельный в своем художественном подходе, мог развить чье-либо замечание о размышлениях и колебаниях царя (вполне естественных в такой ситуации) в столь драматическое повествование, прикрыв собственные преувеличения неопределенной, но отнюдь не лишенной смысла ссылкой на *dicitur*.

⁴² Vretska 1955, 82.

⁴³ Schmal 2001, 61.

И вот после долгих колебаний решение принято: «Наконец, [Бокх] все-таки велит позвать Суллу и, следуя своему плану, готовит засаду нумидийцу» (113. 4). Примечательно, что Саллюстий не сообщает о причинах, побудивших царя остановиться именно на этом варианте⁴⁴, и мы можем только гадать, руководствовался он страхом (108. 3) или непоследовательностью (113. 1)⁴⁵; в любом случае похвалы со стороны Саллюстия он не заслуживает.

Последнее упоминание о Бокхе очень буднично: «Когда наступил день и Бокху донесли, что Югурта неподалеку, он в сопровождении нескольких друзей и нашего квестора как бы в знак уважения выходит навстречу Югурте и поднимается на холм, превосходно видный всем, кто скрывался в засаде» (113. 5). Если до этого мавр, по мысли Саллюстия, держал в руках весь дальнейший ход событий, то теперь он появляется только для того, чтобы уйти в тень, предоставив действовать другим. Не сообщается даже, чтобы царь отдавал какие-то приказы своим людям. Более мы о нем не слышим.

Настала пора подводить итоги. Автор старой, но по-прежнему интересной диссертации о «Югуртинской войне» К. Лаукнер писал: «Личности интересуют Саллюстия не как характеры, а как творцы событий (die Träger der Ereignisse), их действия он объясняет особыми чертами характера»⁴⁶. Это можно сказать о Катилине, Цезаре, Катоне, Метелле, Марии, но никак не о Бокхе. В центре внимания Саллюстия не поступки царя, а его коварство, бесконечные колебания и перемена решений, долгое время не выливающиеся в какие-либо действия. Главный его поступок, выдача Югурты римлянам, как мы видели, так и не находит у писателя объяснения, и Бокх, как верно замечает К. Вретска, остается для читателя совершеннейшей загадкой⁴⁷. Заметим, что если вначале мавретанский царь изображается, по сути, как марионетка Югурты⁴⁸ и подкупленных им советников, то вскоре он начинает действовать совершенно самостоятельно⁴⁹. Любопытный парадокс: Саллюстий утверждает, что цари часто вступают в противоречие

⁴⁴ Vretska 1955, 82; Schmal 2001, 61.

⁴⁵ Vretska 1955, 82.

⁴⁶ Lauckner 1911, 24.

⁴⁷ Vretska 1955, 158.

⁴⁸ Т. Видеман ставит Бокха в один ряд с Югуртой как образчик дурных качеств царей у Саллюстия (Wiedemann 1993, 53), однако примеры, на которые ссылается исследователь (недоверие советникам, постоянная смена проводников и мест ночлега — Sall. *Iug.* 72. 2; 74. 1; 76. 1), свидетельствуют о поведении нумидийского царя, которое стало результатом конкретных обстоятельств, порожденных войной, чего нельзя сказать о Бокхе.

⁴⁹ Как замечает А. Ла Пенна, «возможно, в “Записках” [Суллы] Бокх решающим образом зависел от дипломатических действий Суллы; у Саллюстия же внимание переместилось прежде всего на варварского царя и драматическое противоречие между *libido* и *metus* в его душе, противоречие, от разрешения которого зависит все» (La Penna 1959, 268). Если первый тезис является лишь предположением, то второй вполне справедлив. Другое дело, что, как уже говорилось, можно только догадываться, почему указанное противоречие разрешается именно так.

с самими собой (*regiae voluntates... saepe ipse sibi advorsae*)⁵⁰, но Бокх остается вполне верен себе, поскольку суть его характера, как он показан у Саллюстия, именно в противоречиях, которые отражаются в бесконечных колебаниях и перемене решений. И почему автор «Югуртинской войны» предпочел именно такой подход — еще одна загадка.

Литература / References

- Büchner, K. 1953: *Der Aufbau von Sallusts Bellum Iugurthinum*. Wiesbaden.
 Büchner, K. 1982: *Sallust*. 2. Aufl. Heidelberg.
 Chlup, J. Th. 2013: Sallust's Melian Dialogue: Sulla and Bocchus in the *Bellum Iugurthinum*. *Dialogues d'Histoire Ancienne Supplement* 8, 191–207.
 Feldherr, A. 2021: *After the Past: Sallust on History and Writing History*. Chichester.
 Gsell, S. 1928: *Histoire de l'Afrique du Nord*. T. VII. *La République romaine et les rois indigènes*. Paris.
 Klebs, E. 1897: Bocchus I. In: *RE*. Hlbd. 5, 577–578.
 Koestermann, E. (Hrsg.) 1971: *C. Sallustius Crispus. Bellum Iugurthinum*. Heidelberg.
 La Penna, A. 1959: L'interpretazione sallustiana della guerra contro Giugurta (continuazione e fine). *Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa. Lettere, Storia e Filosofia. Serie II* 28/3–4, 243–284.
 Lauckner, C. 1911: *Die künstlerischen und politischen Ziele der Monographie Sallusts über den Jugurthinischen Krieg*. Diss. Leipzig.
 Oniga, R. 1990: *Il confine conteso. Lettura antropologica di un capitolo sallustiano (Bellum Iugurthinum 79)*. Bari.
 Paul, G.M. 1984: *A Historical Commentary on Sallust's Bellum Jugurthinum*. Liverpool.
 Santangelo, F. 2019: Sulla in the *Bellum Jugurthinum*. In: A. Eckert, A. Thein (eds.), *Sulla Felix: Politics and Reception*. Berlin–Boston, 107–124.
 Schmal, S. 2001: *Sallust*. (Studienbücher Antike, 8). Hildesheim.
 Schnorr von Carolsfeld, H. 1888: *Über die Reden und Briefe bei Sallust*. Leipzig.
 Schur, W. 1934: *Sallust als Historiker*. Stuttgart.
 Sensal C. 2001: Salluste, Iug. 110: une réminiscence de Sylla? *Les Études Classiques* 69, 65–74.
 Shaw, E.H. 2021: *Sallust and the Fall of the Republic: Historiography and Intellectual Life at Rome*. Leiden–Boston.
 Steidle, W. 1958: *Sallusts historische Monographien: Themenwahl und Geschichtsbild*. (Historia, Einzelschriften, 3). Wiesbaden.
 Tiffou, E. 1973: *Essai sur la pensée morale de Salluste à la lumière de ses prologues*. Montreal–Paris.
 Vretska, K. 1955: *Studien zu Sallusts Bellum Jugurthinum*. Wien.
 Wiedemann, Th. 1993: Sallust's 'Jugurtha': Concord, Discord, and the Digression. *Greece & Rome* 40/1, 48–57.
 Windberg, F. 1937: Numidia. In: *RE*. Hlbd. 34, 1343–1397.

⁵⁰ Этот пассаж (см. выше) — единственное отрицательное суждение в «Югуртинской войне» о царях как таковых — как и в «Заговоре Катилины» (Sall. *Cat.* 7. 2).

DOI: 10.31857/S032103910030334-0

NERO'S NEW TROY: THE RECEPTION OF VIRGIL AND HORACE IN THE *ILIAS LATINA*

Lee Fratantuono

Maynooth University, Maynooth, Ireland

E-mail: Lee.Fratantuono@mu.ie

ORCID: 0009-0002-1828-2678

In recent years increased attention had been focused on the miniature epic known as the 'Latin Iliad'. Close investigation of its relationship to Virgil's epic 'Aeneid' and to the lyric poetry of Horace will illustrate that the author of the *Ilias Latina* composed a work reflective of the Neronian Age concern with the relationship between Rome and Troy, and with the problem of showing clemency to a defeated enemy. The second of these topics is of particular relevance in light of Seneca and his *De Ira* and *De Clementia*.

Keywords: *Ilias Latina*, Virgil, Horace, Nero, Troy, Rome

НОВАЯ ТРОЯ НЕРОНА: РЕЦЕПЦИЯ ВЕРГИЛИЯ И ГОРАЦИЯ В «ЛАТИНСКОЙ ИЛИАДЕ»

Л. Фратантуоно

Ирландский национальный университет в Мейноте, Мейнот, Ирландия

E-mail: Lee.Fratantuono@mu.ie

В последние годы стал заметен рост интереса исследователей к малой эпической поэме, известной как «Латинская Илиада». Подробное рассмотрение связи этого произведения с «Энеидой» Вергилия и лирикой Горация позволяет сделать вывод, что автора «Латинской Илиады» в первую очередь интересовали темы, актуальные для времени правления Нерона: взаимосвязь между Римом и Троей, а также вопрос проявления милосердия к поверженному врагу. Последняя тема кажется особенно актуальной для своего времени в связи с трудами Сенеки «О гневе» и «О милосердии».

Ключевые слова: «Латинская Илиада», Вергилий, Гораций, Нерон, Троя, Рим

The *Ilias Latina* is a curiosity, a fascinating survival from the corpus of imperial Latin hexameter verse¹. Its 1070 lines provide a remarkable condensation of the Homeric *Iliad*, a poetic epitome that afforded centuries of western European readers some access (however abbreviated and jejune) to the world of archaic Greek literature². The simplicity and clarity of the Latin no doubt contributed appreciably to the popularity of the work in the medieval period³. The poem has never enjoyed a particularly high reputation for artistry and elegant versification, but few literary compositions have done as much for the preservation of key stories and ancient lore. 'For all the grotesqueries in the *Ilias Latina* as a work of literature (a status it probably never claimed), the fact remains that the *Iliad* itself kept a secure place in the tradition of western literature through this very epitome; for it remained current through the Carolingian and Scholastic eras, and was still being copied in the fifteenth century, when the Renaissance rediscovered Homer's Greek text'⁴. Fittingly, there has been a fairly consistent engagement with the poem in the scholarly literature; both problems of text and (especially in recent years) questions of literary criticism have been addressed in important studies⁵. Notably, the authorship (Baebius Italicus?) and date (Neronian?) of the Latin *Iliad* have occasioned predictable scholarly debate; the prevailing view is that the work is a product of what has been called 'the Trojan frenzy of Nero's court'⁶. While it is impossible in the absence of new evidence to pronounce definitively on these questions, it is reasonable to imagine that this enigmatic work does indeed represent a precious survival of Neronian Age poetry⁷.

We cannot be certain of the exact intention of the poet in composing this short epic⁸. One matter is beyond question: Virgil and Ovid stand forth as significant influence on the language and diction of the work⁹. Our purpose will be to explore one aspect of this intertextual engagement in close detail: how does the poet of the *Ilias Latina* seem to read the Virgilian *Aeneid*? What light does this short work shed on the reception of Virgil's epic less than a century after its composition? Certainly the question of how the *Ilias Latina* engages with the controversial ending of the *Aeneid* and Aeneas' slaying of Turnus has inspired critical commentary¹⁰. The present study will follow on the work of Michael Putnam and others, focusing closely on the problem of the author's response to a pervasive Virgilian

¹ The reference edition is Scaffai 1982 (second edition in 1997). Plessis 1885 has useful notes, indices, and apparatus.

² Green 2019, 161–168 has a good summation here, along with a noteworthy example of the care with which the epitomater approached his subject.

³ Woods 2019 provides a convenient account of the transmission and use of the work during the Middle Ages.

⁴ So Kilpatrick 1992.

⁵ Cf. especially Falcone, Schubert 2021.

⁶ Armstrong 2008, 187 (with consideration of the renewed popularity of Troy lore in the Neronian Age). See further Griffin 1984, 153.

⁷ The present study accepts that the *Ilias Latina* is Neronian; for the sake of convenience, its poet is referred to as 'Baebius Italicus', even if the arguments advanced herein do not hinge on the identity of the author.

⁸ For a start in exploring a difficult subject, note Reitz 2007, 334–351.

⁹ For Ovidian reception in the poem, see Galasso 2021, 194–210.

¹⁰ Putnam 2018, 157–172. Putnam highlights the description of Achilles as *accensus furiis* (854) in the wake of Hector's slaying of Patroclus, in echo of Verg. *Aen.* XII. 946 *furiis accensus*, of Aeneas with Turnus once he sees Pallas' *balteus*.

problem: the question of the relationship of Troy and Italy, especially the difficulties occasioned by the union of the two in the establishment of what would be Rome¹¹. The acrostics that mark the opening and close of the poem (spelling out *Italicus scripsit*), point not only to a name, but also to the fact that the author has recast the Homeric tale as an eminently Roman one¹². Our investigation will also shed light on how the Latin *Iliad* reflects certain particular concerns of the Neronian regime and its artistic and philosophical milieu, specifically the question of the so-called rebirth or renewal of Troy in Italy, and the problem of anger, wrath, and the temptation to seek vengeance.

The Trojan figures most prominently featured in the *Ilias Latina* are Hector, Aeneas, and the notably complex character of Paris, who is presented with both positive and decidedly negative attributes, most dramatically as the very flame that brings ruin to his city¹³. Hector's death is associated also with the ultimate fiery destruction of Priam's realm; his end is prelude to Troy's¹⁴. Not surprisingly given the poem's Roman audience, Aeneas takes on special significance.

Aeneas is introduced with reverential language that highlights his sacral nature and divine lineage: *et sacer Aeneas, Veneris certissima proles* (236). The solemn language harks back to the Sibyl Deiphobe's address to Aeneas at Verg. *Aen.* VI. 322 *Anchisa generate, deum certissima proles*; especially after *sacer*, it looks forward to the hero's deification. Hero and goddess are juxtaposed; from the start, all the emphasis is on how the son of the goddess is destined to be a god.

After this introduction, Baebius' Aeneas appears next in a combat with Diomedes, as the poet relates the famous episode of *Iliad* 5 in which the son of Tydeus would have slain his opponent, had not his goddess mother intervened to rescue him (454–465)¹⁵. Diomedes attacks Venus and drives her from the battlefield (466–471), at which point *Troianus Apollo* sees to the safeguarding of Aeneas, and to his restoration to battle (472–473). Venus' son proceeds to enjoy an *aristeia* in the wake of his Apollonian rejuvenation (474–485); he shines forth like a light on the battlefield: *emicat interea Veneris pulcherrima proles* (485)¹⁶. Hector joins him, as the Trojans enjoy a powerful moment of success on the plains. Agamemnon rouses the Greeks in response, and soon he, too, faces Aeneas; he hurls his weapon at the Trojan, killing not his quarry, but his foe's hapless charioteer (495–515). Aeneas in turn leaps from his chariot and slays Crethon and Orsilochus (516–518).

The battlefield clashes of Aeneas with both Diomedes and the son of Atreus are prelude, however, to his decisive encounter with Achilles¹⁷. This last engagement is cast in

¹¹ Note here Glei 2018, 31–51.

¹² Cf. here Hilberg 1899, 264–305; 1900, 317–318. The *Italicus* acrostic is secure, despite the textual difficulties of verse 7a. Identification of the 'Italicus' has been a favorite problem of students of the work, coupled with the question of whether the Roman author was following a Greek epitome.

¹³ See here Aricò 2023, 83–100; more generally, note Falcone 2021, 173–193.

¹⁴ Cf. McClennan 2019, 106.

¹⁵ Hom. *Il.* V. 297–318. Fletcher 2006, 219–259 and Papaioannou 2000, 193–217 offer extended consideration of the importance of Diomedes to Virgil's epic.

¹⁶ One may think here of the celebrated Julian comet of 43; Aeneas shining forth on the battlefield is something of a harbinger for that signal light of Caesar's apotheosis.

¹⁷ On the depiction of Achilles note Ziegler 2012.

terms and language that allude to the significance of the Trojan hero for the later history of Rome (895–902):

... contra Cythereius heros
 occurrit fortis, sed enim non viribus aequis,
 Aeacidae nec erat compar; tamen ira coegit
 conferre invictis iuvenem cum viribus arma.
 quem nisi servasset magnarum rector aquarum,
 ut profugus Latiis Troiam repararet in arvis
 Augustumque genus claris submitteret astris,
 non pulchrae gentis mansisset origo.

Verses 899–902 make a striking declaration about the importance of Aeneas' survival to the future history of Rome, with reference both to the rebirth of Troy in Latium, and to the glorification of the *Augustum genus*¹⁸. The language is densely compressed and richly connotative. Homer's Aphrodite is motivated to save Aeneas out of maternal affection and anxiety; Baebius' Venus also explicitly manages to serve the cause of the Roman, Augustan future.

It is here that the poet expressly engages with his Augustan predecessors, both Virgil and Horace. *Profugus* (900) of Aeneas recalls the second line of the *Aeneid*: *Italiam fato profugus Laviniaque venit*. Verse 900 juxtaposes Latium and Troy (*Latiis Troiam*). The mention of the *pulchra gens* (902) serves as a reminder of the lovely origin of Aeneas' line with the goddess of love and sexuality. The line-ends of 899–901 highlight three distinct realms: the sea (*aquarum*), the land (*arvis*), and the heaven (*astris*). Two pluperfect subjunctives (899 *servasset* and 902 *mansisset*) frame two imperfects (900 *repararet* and 901 *submitteret*).

It is an extraordinary summation, not least in terms of its engagement with Virgil's epic. *Reparare* is a verb that does not occur in the *Aeneid*. Rather, Baebius here alludes to a significant passage from Horace's 'Roman odes' (*Carm.* III. 3. 57–60):

sed bellicosus fata Quiritibus
 hac lege dico, ne nimium pii
 rebusque fidentes avitae
 tecta velint reparare Troiae¹⁹

The sentiments are reversed; for the poet of the *Ilias Latina*, the point is for Troy to be restored in Italy, while in Horace's vision, it is an exercise of excessive (and implicitly perilous) *pietas* (III. 3. 58 *nimium pii*) to entertain such dreams. The reference to a hazardous degree of loyalty plays with the signal quality of Virgil's hero, *pietas*²⁰. Verse 900 of the *Ilias Latina* thus powerfully echoes two Augustan poets: in *profugus* we remember Virgil's *Aen.* I. 2, and in *reparare Troiae*, Horace's *Carm.* III. 3. 60. Whence came this notion of restoring Troy? Caesar was rumored to have entertained the notion of transferring the capital of the empire from Rome to Troy (Suet. *Iul.* 79); we may compare Lucan's fictional account of Caesar's visit to Troy (Lucan. *Phars.* IX. 964–999), an episode that likely reflects the renewed fascination with Troy that was current in Nero's reign. "Nero's own fascination with Troy, which should be

¹⁸ 'The date of the poem is reasonably set before Nero's death in 68 A.D., because of the allusion in lines 899–902 to the Julian dynasty' (Haight 1947, 261).

¹⁹ The text is cited from Shackleton Bailey 1985; for commentary note especially Nisbet, Rudd 2004 and Woodman 2022, *ad loc.*

²⁰ On *pietas* see Traina 1988, 93–101 and Erdmann 2000, 184–187.

viewed not just as an academic or literary interest, but as part of his claim to imperial authority, was evident early on"²¹. Nero composed his own Troy poem, which he performed (Dio Cass. LXII. 29. 1), and he was not averse to innovation of the heroic record: for him, for example, Paris was even greater than Hector in strength and fortitude²².

Baebius offers a clear equation: the rescue of Aeneas = the furtherance of *Troia rediviva* and the *Augustum genus*, at least in nascence; without Aeneas' survival, there is no *Roma* (= *Troia nova*), and no (divine) lineage of the Caesars. This equivalence is strikingly different from the course charted by Virgil in his epic, where what Baebius envisages is firmly and explicitly ruled out by Jupiter in his climactic colloquy with Juno in *Aeneid* XII Juno's request is that the hated city of Troy remain truly dead: *Sit Latium, sint Albani per saecula reges, / sit Romana potens Italia virtute propago; / occidit, occideritque sinas cum nomine Troia* (Verg. *Aen.* XII. 826–827). Jupiter's response *subsident Teuceri* (XII. 836) accedes to the demand for the city's demise²³.

The Neronian poet reimagines Aeneas' action, dismissing both Virgil's account and Horace's admonition. Explicit verbal reminiscence of Horace's language about 'repairing Troy' is used as part of a bold correction of his predecessors, in an exercise of poetic revisionist history: Rome is now imagined to be nothing less than a new Troy, or precisely what the gods of the *Aeneid* had dismissed.

Besides the notion of rebuilding Troy, for Baebius the survival of Aeneas is connected with the future apotheosis of the Augustan lineage: *Augustumque genus claris submitteret astris* (901). There is no explicit reference in the *Ilias Latina* to the Julians; no form of *Iulus*, *Iulius*, etc. occurs in the poem, and this verse offers the only reference to 'Augustan'. Aeneas is identified as the *pulchrae gentis origo* (902), where certainly the *pulchra gens* is the *gens Iulia*; interestingly, however, while Baebius allusively refers to the lovely (*pulchra*) line of descent from Venus through Aeneas and Iulus to Gaius Julius Caesar and Augustus, he avoids the name of the Trojan hero's son Iulus, or his homonymous descendant Julius. The language, in this case, is noteworthy. *Augustum genus* is a striking collocation that occurs nowhere else in extant Latin; Baebius' *claris astris* may be an echo of Cicero, fr. 1 Courtney *hunc genuit claris delapsus ab astris / praevis Aurora* (of Lucifer' generation of Ceyx)²⁴. Simply put, Baebius omits mention of the ancestor who was assassinated; while the Augustan position on Troy and its proposed rebirth is not the Neronian, the sanctity of the successful *Augustum genus* provides a mantle of greater security than any invocation of Caesar, who while deified also posed problematic associations given the circumstances of his end. To the degree that Augustus provided a model for the Neronian principate, Baebius has underscored the association of the *princeps* of his day with his eminently successful predecessor.

The *Ilias Latina* is likely a product of the circle of Neronian court poets²⁵. The argument has been made that even at the level of ensuring that "the sanguinary slaughter of the *Iliad*" is emphasized (i.e., in accord with the literary predilection of the period for

²¹ Connors 1998, 95 has a valuable survey of the topic.

²² Servius, *Ad Aen.* V. 370. The *Ilias Latina* does not shy from depicting Paris with negative attributes, but given the relatively strict adherence to its Homeric model, this was unavoidable.

²³ Cf. Traina 2017, *ad loc.*

²⁴ Courtney 1993, 152–153; see further Kenney 1996 on Ovid. *Her.* XVIII. 112 *praevis Aurora Lucifer*, also Cairns 2006, 211–212. *Clara astra* does not occur elsewhere in surviving Latin until Statius (*Theb.* X. 636–637).

²⁵ Cf. Schubert 1999, 137–141.

blood and *Grand Guignol*), Baebius took care to ensure that he did not omit much of the violent incidents of his original²⁶. Certainly the work is deeply invested in the promotion of the image of *Troia rediviva*, in marked contrast to the sentiments of the Augustan Age regarding the Trojan past and its place in the Roman present.

We may look more closely and certain details of the depiction of Aeneas and Achilles at *Ilias Latina* 895–902. Aeneas is referred to as the *Cythereius heros* (895), a periphrasis likely borrowed from Ovid, who employs it three times: first at *Metamorphoses* XIII. 625 in the context of Aeneas' departure from Troy, second at XIV. 584 as the poet turns to the hero's apotheosis, and lastly at *Fasti* III. 611, of Aeneas with Anna in Latium²⁷. *Cythereius* emphasizes Aeneas' association with Venus; Virgil uses it half a dozen times in the *Aeneid* of the goddess (Verg. *Aen.* I. 257, 657; IV. 128; V. 800; VIII. 523, 615).

The poet takes care to note that Aeneas was no match for Achilles (896 *non viribus aequis*, 897 *Aeacidae nec erat compar*); anger (897 *ira*) is what is said to have inspired the Trojan hero to attempt the impossible²⁸. This emotion is by no means the province of Aeneas only; his adversary Achilles is also noted for his wrath as he pursues his hapless adversaries in the wake of Neptune's rescue of the son of Venus: 909 *ira dabat vires*²⁹. This reference to Achilles' rage echoes the theme of the poem from 1 *Iram pande mihi Pelidae, diva, superbi*. It is not unreasonable to see an allusion here to Seneca's *De Ira* and the education of the young Nero in the business of restraining excessive, inappropriate manifestations of rage³⁰. The *Iliad* is an epic centered on wrath and anger, but by its end Achilles' fury has been quelled. The *Aeneid* ends with the portrait of a furious Aeneas; Baebius' choice of subject allows him to provide a more clement close to his work, given that Homer's Achilles has a reconciliation scene with Priam in the epic's last book³¹.

In light of this contrast, we may note that something strange confronts us as a veritable surprise ending to the poem, something with no parallel in Homer. Alongside a clear acrostic *scripsit* to serve as a seal on his composition, Baebius concludes his epic with references to Calliope and the Muses, and then to Pallas and Phoebus (1063–1070):

sed iam siste gradum finemque impone laborem,
Calliope, vatisque tui moderare carinam,
raris quam cernis stringentem litora remis,
iamque tenens portum metamque potentis Homeri,
Pieridum comitata cohors, summitte rudentes
sanctaque virgineos lauro redimita capillos,
ipsa tuas depone lyras. ades, inclita Pallas,
tuque fave vati, cursu iam, Phoebe, peracto.

The passage is not without difficulties of interpretation, punctuation, and text. Verses 1063–1065 refer to Calliope, and to the poet's metaphorical arrival in port. 1066–1069a

²⁶ See here Horn 2020, 767–773 with good analysis.

²⁷ Cf. Heyworth 2019, *ad loc.*

²⁸ See Fantuzzi 2012, 175 on how the *Ilias Latina* presents Achilles in a generally favorable light, in particular in comparison to Agamemnon.

²⁹ For the problem of anger (a concern from (*inter al.*) Philodemus to Seneca), note Braund, Most 2003.

³⁰ See here Braund 2012, 84.

³¹ The pattern is thus Achilles–Priam reconciliation in *Iliad* XXIV, paralleled by Juno–Jupiter in *Aeneid* XII.

focus on the cohort of the Pierides/Muses³². The intensive *ipsa* does not refer to Calliope alone³³, but to the *comitata cohors* as well as their leader. The lyres of 1069 belong to the Muses and no one else; the goddesses of song carry instruments that will be put down now that the poem has ended. The imperatives follow a balanced course: *siste*, *imponere*, and *moderare* of Calliope (1063–1064), then *summitte* and *depone* of the cohort of the Muses (1067, 1069), and finally *ades* and *fave* of the deities Pallas and Phoebus: the polite commands are all related (Calliope the restrainer, the cohort that lets go of ropes and lyres, and the immortals who come to be present and to show their favor).

Citing Phoebus Apollo makes sense here, given his impeccable credentials as a god of music and poetry³⁴; Pallas (i.e., Minerva) might seem less obviously relevant³⁵. ‘Pallas’ is mentioned in the climactic scene of the *Aeneid*, or more precisely, *Pallās* the Arcadian as opposed to *Pallas* the goddess, as Aeneas ascribes his deadly vengeance to the action of his slain friend (Verg. *Aen.* XII. 948–949): *Pallas te hoc vulnere, Pallas / immolat, et poenam scelerato ex sanguine sumit*. Aeneas asserts that it is Pallas who is killing Turnus, in right revenge for the Rutulian’s actions in *Aeneid* X. Sarah Spence has argued that the nominative here is ambiguous, with allusion to *Pallas* as well as *Pallās*³⁶. Baebius exploits this ambiguity at the close of his *Iliad*, where the unexpected introduction of Pallas at the close of his poem comes in part to remind us of the end of the *Aeneid*.

The cohort of Pierian Muses is invited to put down their lyres; their locks are girded with the laurel that is associated with Phoebus. The poem will close with him, but not before the celebrated and famous goddess Pallas is asked to be present³⁷. The *Ilias Latina* thus draws to a close with two deities noted for favoring opposing sides; Phoebus is an inveterate ally of the Trojan cause, while Pallas is a patroness of the Greeks. The last lines of Baebius’ epic paint a picture of implicit harmony, of Trojan and Greek immortal defenders now united in their patronage of the arts. There is nothing like the conflict signified by the invocation of the other Pallas at the end of the *Aeneid*, where a Greek was cited by a Trojan as the justification for slaying an Italian.

The goddess Pallas appears elsewhere in the *Ilias Latina* at 78, where she restrains Achilles from harming Agamemnon, 333, where Paris complains to Helen that he was defeated by the *castae Palladis ira*, 394 and 400, where she is present to assist Diomedes in battle, 532–533, where Mars fights with her and she wounds him, 543–545, where Hector senses that the goddess is lending her aid to the Danaans, 548, where the Trojan women go to make supplication at her shrine, 894, where she cooperates with Juno in granting strength to Achilles, 936, where suddenly she appears before Hector, and 956, where she bestows her divine power on the Greeks. Unlike the final, innovative reference to the goddess, these previous appearances accord with her Homeric depiction. Citing Pallas with Phoebus at the close of the poem evokes a spirit of reconciliation; the fact that Pallas normally has no particular association with poetry like Phoebus or Calliope

³² There is no need to read *Pieridem* for *Pieridum* with Emil Baehrens (Baehrens 1881).

³³ *Pace* in Baehrens 1881, who takes it to = *era*.

³⁴ Cf. 165–166 of *Ilias Latina*: *sitque auctor Apollo / aspiretque libens operi per singula nostro*.

³⁵ Hodapp 2019 is an essential source for the study of the goddess in post-classical works, with appreciable material of relevance for earlier Greek and Latin literature as well.

³⁶ See here Spence 1999, especially p. 157–158.

³⁷ *Inclita Pallas* occurs also at Sen. *Ag.* 369.

and her Muses serves to bring greater attention to her insertion, with the added benefit of recalling the homonymous Arcadian Pallas, on whose account Virgil's Aeneas succumbs to *ira* in his decision not to spare his adversary Turnus.

We may note that Aeneas' slaying of Turnus was evidently a subject of interest to Nero; Suetonius records that the *princeps* had expressed interest in performing a *Turnus* pantomime, though death cut short his ambition (Suet. *Nero*. 54)³⁸. It is a tantalizing detail, which raises many questions. Would the *Turnus* have followed the Virgilian plot? Would Nero have performed the roles of both Turnus and Aeneas? What would the pantomime have been intended to convey to a Neronian audience? While we cannot be certain of the answers to any of these questions, the scene was evidently a popular one with the *princeps*. The *Ilias Latina* is faithful to its Homeric source in closing with the burial of Hector, and it underscores the tone of quiet harmony by its coda, not least the memory it conjures of the markedly different close of the *Aeneid*.

There may be another reason why Baebius highlights the goddess Pallas at the close of his miniature epic. Minerva came to be associated with the March festival of the Quinquatria or Quinquatrus, which in origin was celebrated in honor of the month's patron god Mars on 19 March, the fifth (hence its name) day after the Ides (the day of Caesar's assassination); later it became associated with Minerva and her birthday³⁹. The Quinquatria of 59 A.D. was notorious for the assassination of Nero's mother Agrippina, an event that marked a grim turning point in the reign of the young *princeps* (Tac. *Ann.* XIV. 4–13)⁴⁰. Tacitus and Suetonius, followed by many modern scholars, blame the "wicked" Nero⁴¹. Why Agrippina was killed, and the reaction to her death on the part of Nero's advisors and subjects, has been the occasion of critical debate; most would agree with the ancient assessment that the matricide marked a critical turning point in the imperial career.

Nero also established quinquennial games, the so-called Neronia; music (specifically lyre-playing) was featured at that celebration, as were gymnastic events. Tacitus references this event: he notes that in the year after Agrippina's death, during Nero's fourth consulship (i.e., 60 A.D.), a *quinquennale ludicrum* was inaugurated (Tac. *Ann.* XIV. 20). Suetonius records that Nero provided a gift of oil (which was associated with Minerva) to all senators and equestrians on the occasion (Suet. *Nero*. 12. 3). The Neronia of 60 A.D. in some ways marked the commencement of a new phase in the principate, certainly one that would be free of the influence of the emperor's mother. The Quinquatria was an established Roman holiday, while what we might refer to as the first *quinquennium Neronis* marked a significant anniversary for the principate⁴². From October of 54 to

³⁸ On this see especially Connors 1998, 98.

³⁹ Cf. Ovid, *Fast.* 3. 809–848.

⁴⁰ For the impression made by Nero's matricide on his court and the reaction of the senate and others, note especially Luke 2013, 207–228.

⁴¹ Drinkwater 2019, 179.

⁴² There would be a second Neronia in 65, as attested to by Tacitus (*Ann.* XVI. 2, on which see Fratantuono 2018, *ad loc.*). We may note here the problem of the alleged judgment of Trajan on the *quinquennium Neronis* cited in Aurelius Victor *Liber de Caesaribus* V. 1–4, which may refer to the period from 54–59, though it could also allude to the period between the Great Fire of 64 and Nero's death. The difficulties of this late reference (insoluble in view of the extant evidence) do not affect the arguments presented in this study on the *Ilias Latina*; see

March of 59 Nero had reigned under Agrippina's more or less watchful eye; now he was liberated from her (just as in 62 he would divest himself of Seneca and Burrus). Minerva had associations with both the assassination of 59 and the festival of 60, which otherwise were connected principally because the most infamous event of the Quinquatria of 59 made the quinquennial observance of 60 all the more noteworthy. Nero would survive to see a second such 'Neronian' festival, in 65.

It is not unreasonable to speculate that the *Ilias Latina* was a composition for either the first or the second Neronia. We may note here a famous problem: if the Neronia was quinquennial, it should have been celebrated every fourth year given the Roman (and Greek) practice of inclusive counting, and if in origin it commemorated the fifth year of Nero's accession, it should have been commenced in 59, not 60. In his mention of the second Neronia of 65, Tacitus refers once again to a *quinquennale ludicrum*, adding the detail *secundo lustrum*⁴³. The argument has been made that the Neronia of 65 was actually the delayed festival of 64⁴⁴, thus resolving the problem of inclusive or exclusive counting, though not everyone has been convinced of the attempted solution⁴⁵. Our literary study of Baebius' epic does not hinge on the problem of the dating of the Neronia⁴⁶. There were two such festivals in Nero's reign, and a poetic epitome of the *Iliad* may have been performed at either. Any special, prominent mention of the goddess Pallas would have been appropriate in the context of the Neronia, and to the extent that the Neronian circle was supportive (officially, at least) of the elimination of Agrippina, the memory of the fateful Quinquatria of 59 would also linger. Pallas/Minerva sprang from the head of Jupiter, with her prudent mother Metis conveniently absorbed, as it were, by the supreme god; the Quinquatria celebrated the birth of the goddess whose mother conveniently departed the scene, thus providing a perverse parallel for the events of the spring of 59 and the emergence of an emperor who would not be restrained by any maternal influence.

Virgil's *Aeneid* ends with its protagonist Aeneas frozen, as it were, in a moment of fury. The epic closes with violence and mortal conflict, in contrast to the peace that prevails among the immortals⁴⁷. Not long before Aeneas' fateful encounter with Turnus, Jupiter and Juno agree to the death of Troy and the uneven terms by which Teucrian and Ausonian would unite in furtherance of the future Rome. The Trojan element, it is decided, will contribute a bodily element only: *commixti corpore tantum / subsident Teucrici* (XII. 835–836), with a firm rejection of any dream of a reborn Troy in Latium. Whatever Julius Caesar may have entertained to glorify his Julian *gens* and to highlight the Trojan ancestry of his line, the Augustan verdict was clear: Troy and its eastern associations

further Murray 1965, 41–61; Levick 1983, 211–225; Griffin 1992, 423–427 and the extensive bibliography conveniently compiled by Thornton M.K., Thornton R.L. 2008, 101.

⁴³ The historian echoes the reference to the *lustrum* at *Ann.* XVI. 4 *lustrali certamine*.

⁴⁴ So Bolton 1948, 82–90 invoking numismatic evidence.

⁴⁵ Cf. MacDowall 1958, 192–194.

⁴⁶ Nonetheless a suggestion may be offered. Claudius' death occurred on 13 October of 54. Nero's first consulship was in 55. Agrippina's murder came on 23 March of 59. The Neronia of 60 may have been dated from the first consulship, thus marking five years.

⁴⁷ We may compare *Iliad* I and *Aeneid* XII, with respect to the conflict of Achilles and Agamemnon, and the boisterous harmony of Homer's gods, and the duel of Aeneas and Turnus, which comes after and not before the reconciliation of Juno.

would not take precedence in the picture of the new Golden Age in the wake of the end of the civil wars⁴⁸.

For Nero, the opposite would hold true. Troy mania would be in vogue, not least in poetic composition. The *Ilias Latina* offers an opposing vision to that of Virgil and Horace, one in which Troy will be restored in Italy. This implicit rejection of the decisions made by the immortals in *Aeneid* XII would not, however, be associated with any denigration or downplaying of the Augustan regime. On the contrary, Baebius' poem references Augustus, not Caesar; the unquestionably successful *princeps* serves as icon and paradigm for Rome's restored Golden Age under Nero, not the assassinated (even if deified) Julius. Julius could be viewed as an imperfect precursor of Augustus; history verges toward the *princeps*, who is the omega point⁴⁹.

Not only did Virgil suppress Troy in his epic vision of the *sermo* and *mores* of the future Rome, he also left his audience with a violent, bloody picture of his hero, as Aeneas in effect inherited the wrath of Juno in his decision to slay Turnus⁵⁰. Regardless of how one interprets the close of the *Aeneid*, the final vision of Virgil's epic is one of vengeance, without any analogue to Homer's portrayal of Achilles with Priam. As with his reference to the question of the rebirth of Troy in Italy, so here Baebius offers a picture that stands in contrast to Virgil's: the *Ilias Latina* epitomizes the Homeric *Iliad*, and so its hero Achilles not only kills Hector, but also displays clemency and compassion in granting the body of his victim to Priam, and in abandoning his savage anger and irascible temperament. Baebius' short epic closes not with the vengeful specter of the Arcadian Pallas, but with the goddess Pallas now invoked alongside Phoebus, in a powerful image of divine harmony and the end of war. Former adversaries in the Trojan War are now coupled in the poet's address for divine favor and blessing at the end of his composition. The end of the *Ilias Latina* offers another response (not to say rebuke) to Virgil, this time not in the matter of whether there would be a new Troy, but with respect to the question of revenge and justice, of anger and vengeance.

Learned, literate listeners to Baebius' composition at the Neronia of 60 or 65 would have been struck by both the relevance of the work to the tenor and tone of certain aspects, at least, of the principate. Renewed interest in the image of Troy is reflected in the poet's unambiguous rejection of the conclusions and admonitions of his Augustan predecessors Virgil and Horace, and the simple declaration that there would indeed be a new Troy in Latium. Further, like Seneca in his treatise on anger, the author of the *Ilias Latina* offers a meditation on *ira*, one that focuses on the lessons of Homer's Achilles and the limits of rage. The violent vision of the end of Virgil's *Aeneid* is replaced with an irenic picture of Pallas not as Trojan adversary, but as would-be patroness of the arts. And, for those with a more jaded (not to say cynical) view, there was the slightly

⁴⁸ The Cleopatra element may be noted here: for the Augustan regime in the aftermath of Actium, primitive Italy would be celebrated, not the decadence associated with the eastern Mediterranean and the all too recent memory of Antony and his paramour.

⁴⁹ The slain dictator was a problematic figure for the poets of the Augustan Age as well. 'Virgil's feelings about Iulius Caesar were tinged with deep unhappiness' (Austin 1971, 110, *ad* I. 286).

⁵⁰ Cf. Verg. *Aen.* XII. 841–842 *adnuat his Iuno et mentem laetata retorsit; / interea excedit caelo nubemque relinquit*, of Juno as she leaves Jupiter's presence after learning of the ultimate disposition of Troy, and the depiction of Aeneas with Turnus in the closing scene of the poem.

subversive, certainly clever hint of how the invocation of an artistic, peaceful Pallas in a Neronian Age poem might conjure darker memories, of a Minervan Quinquatria marked by matricide.

References

- Aricò, G. 2023: *Exitium Troiae funestaque flamma*: Il personaggio di Paride nell'*Ilias Latina*. *Philologus* 167/1, 83–100.
- Armstrong, R.H. 2008: Classical Translations of the Classics: The Dynamics of Literary Tradition in Retranslating Epic Poetry. In: A. Lianeri, V. Zajko (eds.), *Translation and the Classic: Identity as Change in the History of Culture*. Oxford, 169–202.
- Austin, R.G. 1971: *P. Vergili Maronis Aeneidos liber primus*. Oxford.
- Baehrens, E. 1881: *Poetae Latini minores*. Vol. III. Leipzig.
- Bolton, J.D.P. 1948: Was the Neronia a Freak Festival? *Classical Quarterly* 42/3–4, 82–90.
- Braund, S.M. 2012: The Anger of Tyrants and the Forgiveness of Kings. In: Ch.L. Griswold, D. Konstan (eds.), *Ancient Forgiveness: Classical, Judaic, and Christian*. Cambridge, 79–96.
- Braund, S.M., Most, G.W. (eds.) 2003: *Ancient Anger: Perspectives from Homer to Galen*. (Yale Classical Studies, 32). Cambridge.
- Cairns, F. 2006: *Sextus Propertius: The Augustan Elegist*. Cambridge.
- Connors, C.M. 1998: *Petronius the Poet: Verse and Literary Tradition in the Satyricon*. Cambridge.
- Courtney, E. (ed.) 1993: *The Fragmentary Latin Poets*. Oxford.
- Drinkwater, J.F. 2019: *Nero: Emperor and Court*. Cambridge.
- Erdmann, M. 2000: *Überredende Reden in Vergils Aeneis*. Frankfurt am Main.
- Falcone, M.J. 2021: Die *Ilias* nach Vergil: Zur Charakterisierung trojanischer Helden in der *Ilias Latina*. In: M.J. Falcone, Chr. Schubert (eds.), *Ilias Latina: Text, Interpretation, and Reception*. Leiden–Boston, 173–193.
- Falcone, M.J., Schubert, Chr. (eds.) 2021: *Ilias Latina: Text, Interpretation, and Reception*. Leiden–Boston.
- Fantuzzi, M. 2012: *Achilles in Love: Intertextual Studies*. Oxford.
- Fletcher, K.F.B. 2006: Vergil's Italian Diomedes. *American Journal of Philology* 127/2, 219–259.
- Fratantuono, L. 2018: *Tacitus: Annals XVI*. London–New York.
- Galasso, L. 2021: Baebius' Ovid. In: M.J. Falcone, Chr. Schubert (eds.), *Ilias Latina: Text, Interpretation, and Reception*. Leiden–Boston, 194–210.
- Glei, R.F. 2018: The *Ilias Latina* as a Roman Continuation of the *Iliad*. In: R. Simms (ed.), *Brill's Companion to Prequels, Sequels, and Retellings of Classical Epic*. Leiden–Boston, 31–51.
- Green, S.J. 2019: How Many Ships Does It Take to Sack Troy? Do the Math with the *Ilias Latina*. *Classical World* 112/3, 161–168.
- Griffin, M.T. 1984: *Nero: The End of a Dynasty*. London.
- Griffin, M.T. 1992: *Seneca: A Philosopher in Politics*. Revised ed. Oxford.
- Haight, E.H. 1947: The Tale of Troy: An Early Romantic Approach. *Classical Journal* 42/5, 261–269.
- Heyworth, S.J. 2019: *Ovid: Fasti Book III*. Cambridge.
- Hilberg, I. 1899: Ist die *Ilias Latina* von einem Italicus verfasst oder einem Italicus gewidmet? *Wiener Studien* 21, 264–305.
- Hilberg, I. 1900: Nachtrag zur Abhandlung «Ist die *Ilias Latina* von einem Italicus verfasst oder einem Italicus gewidmet?». *Wiener Studien* 22, 317–318.
- Hodapp, W.F. 2019: *The Figure of Minerva in Medieval Literature*. Woodbridge.
- Horn, F. 2020: The Casualties of the Latin *Iliad*. *Classical Quarterly* 70/2, 767–773.
- Kenney, E.J. 1996: *Ovid. Heroides, XVI–XXI*. (Cambridge Greek and Latin Classics). Cambridge.
- Kilpatrick, R.S. 1992: The *Ilias Latina* Acrostic: A Milder Remedy. *Latomus* 51/4, 857–859.
- Levick, B.M. 1983: Nero's Quinquennium. In: C. Deroux (ed.), *Studies in Latin Literature and Roman History*. Vol. III. Bruxelles, 211–225.
- Luke, T. 2013: From Crisis to Consensus: Salutory Ideology and the Murder of Agrippina. *Illinois Classical Studies* 38, 207–228.

-
- MacDowall, D.M. 1958: The Numismatic Evidence for the Neronia. *Classical Quarterly* 8/3–4, 192–194.
- McClellan, A.M. 2019: *Abused Bodies in Roman Epic*. Cambridge.
- Murray, O. 1965: The ‘Quinquennium Neronis’ and the Stoics. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 14/1, 41–61.
- Nisbet, R.G.M., Rudd, N. 2004: *A Commentary on Horace: Odes Book III*. Oxford.
- Papaioannou, S. 2000: Vergilian Diomedes Revisited: The Re-Evaluation of the *Iliad*. *Mnemosyne* 53/2, 193–217.
- Plessis, F. (ed.) 1885: *De Italici Iliade Latina*. Paris.
- Putnam, M.C.J. 2018: Baebius Italicus’s *Ilias Latina* and the End of Vergil’s *Aeneid*. *Vergilius* 64, 157–172.
- Reitz, C. 2007: Verkürzen und Erweitern – Literarische Techniken für eilige Leser? Die *Ilias Latina* als poetische Epitome. *Hermes* 135/3, 334–351.
- Scaffai, M. (ed.) 1982: *Baebii Italici Ilias Latina. Introduzione, edizione critica, traduzione italiana e commento*. Bologna.
- Scaffai, M. (ed.) 1997: *Baebii Italici Ilias Latina. Introduzione, edizione critica, traduzione italiana e commento*. 2nd ed. Bologna.
- Schubert, Chr. 1999: Ein Zeugnis aus Neros Dichterkreis? Zu den Kryptogrammen der *Ilias Latina*. *Würzburger Jahrbücher für die Altertumswissenschaft* 23, 137–141.
- Shackleton Bailey, D.R. (ed.) 1985: *Quintus Horatius Flaccus. Opera*. (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana). Stuttgart.
- Spence, S. 1999: The Polyvalence of Pallas in the *Aeneid*. *Arethusa* 32/2, 149–163.
- Thornton, M.K., Thornton R.L. 2008: *Julio-Claudian Building Programs: A Quantitative Study in Political Management*. Wauconda (IL).
- Traina, A. 1988: Pietas. In: F. Della Corte (ed.), *Enciclopedia virgiliana*. Vol. IV. Roma, 93–101.
- Traina, A. (ed.) 2017: *Virgilio: l’utopia e la storia: Il libro XII dell’Eneide e antologia dell’opere*. Bologna.
- Woodman, A.J. 2022: *Horace. Odes, Book III*. Cambridge.
- Woods, M.C. 2019: *Weeping for Dido: The Classics in the Medieval Classroom*. Princeton.
- Ziegler, J. 2012: *Die Gestalt des Achilles in den lateinischen nachklassischen Trojadarstellungen der Antike (Ilias Latina, Dictys Cretensis, Dares Phrygius, Excidium Troiae)*. Diplomarbeit. Wien.

DOI: 10.31857/S032103910027471-1

КЛАД СЕЛЕВКИДСКИХ БРОНЗОВЫХ МОНЕТ ИЗ ЮЖНОГО ДАГЕСТАНА

Е. В. Захаров¹, С. В. Смирнов²

¹ Государственный исторический музей, Москва, Россия

² Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия

¹ E-mail: zakharov.evg@gmail.com ² E-mail: smirnovSv3@yandex.ru

¹ ORCID: 0000-0001-5530-2231 ² ORCID: 0000-0002-9205-9493

В статье публикуется клад из 46 селевкидских бронзовых монет, обнаруженный в 2021 году на юге Дагестана. Основу комплекса составляют 43 бронзовые монеты Антиоха IV, отчеканенные на монетном дворе Антиохии на Оронте. Все они относятся к так называемой «египтизированной» серии, выпускавшейся в период с осени 169 до осени 168 г. до н.э. Кроме них клад включает две монеты Антиоха IV из Селевкии на Тигре. Уникальной особенностью рассматриваемого комплекса является наличие в нем монеты селевкидского узурпатора Тимарха, вероятно отчеканенной в 162–160 гг. до н.э. Скорее всего клад был сформирован за пределами Кавказской Албании и демонстрирует состав денежного обращения восточных областей государства Селевкидов во второй половине II в. до н.э.

Ключевые слова: Селевкиды, нумизматика, эллинизм, монетный клад, Дагестан

A HOARD OF SELEUCID BRONZE COINS FROM SOUTHERN DAGESTAN

Evgeniy V. Zakharov¹, Svyatoslav V. Smirnov²

¹ The State Historical Museum, Moscow, Russia

² Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

¹ E-mail: zakharov.evg@gmail.com ² E-mail: smirnovSv3@yandex.ru

Данные об авторах. Евгений Вячеславович Захаров — старший научный сотрудник отдела нумизматики ГИМ; Святослав Викторович Смирнов — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН.

The paper presents a hoard of 46 Seleucid bronze coins found in 2021 in the south of the Republic of Dagestan (Russia). The core of this complex consists of 43 bronze coins of Antiochus IV, minted at Antioch on the Orontes. All of them belong to the so-called 'Egyptianizing' series, produced in the period from autumn 169 to autumn 168 BC. In addition to these coins, the hoard includes two coins of Antiochus IV from Seleucia on the Tigris. A unique feature of this hoard is the presence of a coin of Seleucid usurper Timarchos, probably issued in 162–160 BC. Most likely, the hoard was formed outside of Caucasian Albania and reflects the composition of the coin circulation in the eastern regions of the Seleucid kingdom in the second half of the second century BC.

Keywords: Seleucids, numismatics, Hellenism, coin hoard, Dagestan

Осенью 2021 г. в Сулейман-Стальском районе Дагестана, вблизи от села Герейхановское, расположенного в долине реки Гюльгерычай, притока Самура, местными жителями в ходе сельскохозяйственных работ был обнаружен клад бронзовых монет. Большая часть комплекса разошлась по рукам, и только одна монета, по нашим сведениям, оказалась в собрании Дербентского государственного историко-архитектурного и археологического музея-заповедника¹. Однако, несмотря на, казалось бы, трагическую судьбу этого клада, в распоряжении авторов оказалась серия фотографий как отдельных монет, так и всего комплекса целиком, сделанных непосредственно при находке или сразу после нее, а также информация о месте его обнаружения и метрологические параметры некоторых экземпляров². Более того, с тремя из 46 монет, которые входили в этот комплекс, авторам удалось ознакомиться лично и установить подлинность представленного материала. Остальные экземпляры были изучены на основании имеющихся фотографий. Метрологические данные девяти монет были предоставлены местными коллекционерами. Также информация о весе и размерах отдельных экземпляров была получена из открытых источников, включая Государственный каталог музейного фонда РФ, а также коммерческие интернет-аукционы, куда попала одна из монет публикуемого клада. Таким образом в распоряжении исследователей оказался разрозненный нумизматический комплекс, без точного места происхождения и обстоятельств находки. Тем не менее атрибуция монет клада оказалась возможной, что позволило отнести данный материал к монетному делу селевкидского царя Антиоха IV и узурпатора Тимарха. Этот нумизматический комплекс является единственным кладом селевкидских монет на территории Северного Кавказа, что определяет его особый научный статус.

¹ Инвентарный номер – ДМЗ КП 1843. Авторы признательны главному хранителю Дербентского музея-заповедника Т.Г. Амирасланову за предоставленную информацию. По его данным, этот экземпляр был найден при археологических раскопках в 1964–1985 гг. в урочище Шарахун, но попал в музей какое-то время назад.

² Авторы благодарят председателя Союза коллекционеров Дагестана К.Х. Казбекова, а также специалиста по восточной нумизматике Г.В. Злобина за предоставленную информацию о данном кладае.

СОСТАВ КЛАДА

Всего в распоряжении авторов оказалось более 30 фотографий как отдельных монет, так и всего комплекса целиком. Снимки были сделаны разными владельцами клада в разное время. Съемка осуществлялась на непрофессиональном оборудовании (скорее всего, на камеру мобильного телефона), однако качество фото в целом можно считать удовлетворительным для точного определения монетного типа, места чеканки и эмитента. Особую значимость для определения целостности комплекса и времени его обнаружения имеют две фотографии. На первой из них размещены сразу все 46 монет без следов реставрации (рис. 1). Несмотря на это, большинство экземпляров можно атрибутировать с высокой долей вероятности. На втором фото помещены десять из 46 монет (рис. 2). Примечательно, что на фотографии монеты разложены на газете, что позволило определить примерную дату находки. Газета на фото — дагестанское религиозное

Рис. 1. Монеты из Шаракурнского клада 2021 г. после находки

Рис. 2. Монеты Антиоха IV и Тимарха из Шаракунского клада 2021 г. до реставрации

издание, а в доступном для прочтения фрагменте речь идет о событии 25 июня 2021 года — презентации книги шейха Хасана Хилми афанди. Судя по состоянию монет на этой фотографии, она была сделана еще до их очистки. Все экземпляры имеют одинаковые окислы, что свидетельствует об их совместной находке. Позже все монеты подверглись механической очистке, были удалены остатки грунта, о чем свидетельствует соответствующая серия фотографий. Однако «реставрация» материала на этом не была завершена — несколько экземпляров были расчищены до состояния металлического блеска, судьба остальных монет осталась неизвестной.

Аутентичность материала не вызывает сомнений. Три монеты из состава комплекса, с которыми авторам удалось ознакомиться лично, являются подлинными. Судя по фото, остальные экземпляры также не являются современными подделками. Все три метрологических параметра (вес, диаметр монетного кружка и соотношение осей штемпелей) известны только для восьми экземпляров, для

трех известен только вес, еще для шести удалось установить соотношение осей штемпелей, параметры остальных 29 монет неизвестны. Общие выводы о диаметре монет можно сделать на основании сопоставительного анализа масштаба монет с известными масштабами, ориентируясь на фото, где монеты расположены все вместе, хотя точность такого рода данных будет относительной.

Заявлять с уверенностью, что представленный комплекс является закрытым, разумеется, не приходится — есть вероятность, что какая-то часть монет осталась неизвестной. Тем не менее имеющиеся в распоряжении экземпляры представляют собой уникальный исследовательский материал. Все монеты были отчеканены селевкидскими правителями середины II в. до н.э. Из 46 монет 45 относятся к монетному делу Антиоха IV и представлены тремя типами: «Серапис/орел» (№ 1–36)³, «Исида/орел» (№ 37–43)⁴ и «голова Антиоха IV в лучевой короне/божество на троне» (№ 44–45)⁵. Первые два типа относятся к так называемой «египтизированной» серии бронзовых монет⁶, выпущенных на монетном дворе Антиохии на Оронте осенью 169 — летом/осенью 168 гг. до н.э. сразу после успешной военной кампании Антиоха IV против Египта. Иконография, техника изготовления и номиналы этих монет полностью копируют птолемеевские оригиналы. Важно отметить, что «египтизированная» серия монет предполагала набор из четырех номиналов — «Зевс/орел», «Серапис/орел», «Исида/орел», «голова Антиоха IV в лучевой короне/орел». Все номиналы, в особенности первые три, были нетипично крупными для селевкидской монетной чеканки. Вопрос о роли данных монет в денежном обращении государства Селевкидов в середине II в. до н.э. остается предметом дискуссий. Кроме очевидной идеологической функции данные монеты выполняли ряд экономических задач. О. Мёркхольм полагал, что их выпуск был вызван экономией серебра и являлся заимствованием птолемеевского опыта использования крупных бронзовых монет, эквивалентных мелким серебряным номиналам⁷. Ж. Ле Ридер считал, что бронзовые монеты увеличенных номиналов выпускались одновременно с мелким серебром (SC 1404–1406) для его поддержки в повседневном денежном обращении⁸. В этом контексте весьма любопытной выглядит гипотеза Ш. Дуайяна о создании в селевкидской Сирии при Антиохе IV унифицированной денежной системы, включавшей серебряные и бронзовые номиналы, которые располагались в строгой зависимости друг от друга, что позволяло производить эквивалентный обмен бронзовых номиналов на серебряные⁹.

Монеты типа «голова Антиоха IV в лучевой короне/божество на троне» при Антиохе IV выпускались сразу на нескольких монетных дворах государства Селевкидов: Нисибис, Самария и Селевкия на Тигре. Примечательно, что они имели обозначение номинала, помещенное на лицевой стороне слева от головы правителя.

³ SC 1413.

⁴ SC 1414.

⁵ SC 1509.

⁶ См. Newell 1917, 24–27; Mørkholm 1963, 22–23; 1982, 301–303; Le Rider 1994, 17–20.

⁷ Mørkholm 1982, 303–305.

⁸ Le Rider 1994, 26–28.

⁹ Doyen 2014, 261–299.

Представленные в рассматриваемом комплексе экземпляры относятся к монетному делу Селевкии на Тигре, о чем свидетельствуют особенности иконографии, а также характерные для продукции этого двора остатки литников. К сожалению, из-за неудовлетворительного качества фото обозначение номинала, расположенное на лицевой стороне, не просматривается, однако, судя по имеющимся метрологическим параметрам, номинал обеих монет можно определить как дихалк.

Уникальным экземпляром, входящим в состав рассматриваемого комплекса, является монета селевкидского узурпатора Тимарха, отложившегося от Селевкидов после смерти царя Антиоха V в 162 г. до н.э.¹⁰ Эта монета относится к типу «голова Тимарха/Ника» (№ 46)¹¹ и была отчеканена на монетном дворе Экбатан. Она представляет собой старший из четырех номиналов, сопоставимых по своим метрологическим параметрам с номиналами «египтизированной» серии. Монеты данной серии, как и монеты Тимарха в целом, крайне редко встречаются в составе кладов. Так, одна монета этого типа, но меньшего номинала известна из клада 1965 г., обнаруженного близ Суз¹². Примечательно, что этот комплекс был сокрыт не ранее 138 г. до н.э. и представлял собой клад длительного накопления, включавший монеты от конца IV до второй половины II в. до н.э.

НАХОДКИ СЕЛЕВКИДСКИХ МОНЕТ В ДАГЕСТАНЕ

Данный клад является не первым случаем находки селевкидских монет на территории Дагестана. В 1964 г. также в ходе сельскохозяйственных работ на территории Шаракунского могильника, расположенного в Касумкентском (совр. Сулейман-Стальском) районе Дагестана в окрестностях совхоза им. Герейханова, были обнаружены несколько селевкидских монет. По сведениям М.С. Гаджиева, это был клад, который включал несколько десятков селевкидских монет¹³, однако в публикации В.П. Дзагуровой упоминаются лишь три монеты¹⁴. На данный момент две монеты из этого комплекса хранятся в Историко-этнографическом музее Дагестанского государственного университета (рис. 3)¹⁵. Примечательно, что они также представляют собой крупные бронзовые номиналы Антиоха IV и относятся к той же самой «египтизированной» серии, что типологически сближает Шаракунский клад с рассматриваемым комплексом 2021 г. Так, монета

¹⁰ См. Bellinger 1945, 37–44; Le Rider 1964, 318–319; Houghton 1979, 213–217; Bernard 1985, 111–113; Knepe 1989, 37–49; Ehling 2008, 124–130; Coloru 2009, 219–223.

¹¹ SC 1594.

¹² IGCH 1806.

¹³ Gadzhiev 1997, 55–57; 1999.

¹⁴ Dzagurova 1975, 63–65; 1978, 29–40. В 2022 г. обе монеты были вновь опубликованы А.С. Балахванцевым и М.С. Гаджиевым (Balakhvantsev, Gadzhiev 2022). Стоит отметить, что фотографии монет Антиоха IV из собрания ИЭМ ДГУ, использованные в этой работе, принадлежат авторам данной статьи. В работе М.С. Гаджиева и А.С. Балахванцева это не указано. Мы считаем важным отметить это прежде всего потому, что обе фотографии приведены в некорректном масштабе, не отражающем реальных метрологических параметров монет.

¹⁵ Авторы выражают благодарность директору Историко-этнографического музея Дагестанского государственного университета Г.И. Исмаилову.

Рис. 3. Монеты Антиоха IV из Шаракунского клада 1964 г.: 1 – типа «Серapis/орел» (ИЭМ 1577); 2 – типа «Исида/орел» (ИЭМ 1578). Натуральная величина. *Историко-этнографический музей Дагестанского государственного университета*

ИЭМ 1577 относится к типу «Серapis/орел» (рис. 3, 1), а монета ИЭМ 1578 – к типу «Исида/орел» (рис. 3, 2).

В 1985 г. на территории того же Шаракунского могильника был обнаружен денежно-вещевой клад, состоявший из бронзовых украшений и сосудов и не менее чем 15 птолемеевских бронзовых монет первой трети II в. до н.э., типологически и метрологически достаточно близких селевкидским монетам «египтизированной» серии¹⁶. Географическая и типологическая идентичность находок селевкидских монет 1964 и 2021 гг. может свидетельствовать о том, что первоначально они составляли единый комплекс, хотя достоверных подтверждений этому на данный момент нет. В то же время датировка, типологические и метрологические аналогии между найденными в Шаракунском могильнике комплексами селевкидских и птолемеевских монет могут указывать на общий контекст их проникновения в регион.

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И ДАТИРОВКА

Монетная чеканка Селевкидов, учитывая объемы выпуска, являлась одной из наиболее масштабных в эллинистическом мире и была сопоставима с монетным делом Птолемеев. Однако в отличие от «закрытой» денежной системы

¹⁶ Gadzhiev 1997, 50–54; Balakhvantsev, Gadzhiev 2022, 232–233.

государства Птолемеев, базировавшейся на собственном монетно-весовом стандарте, денежная система Селевкидов была «открытой». Вплоть до последнего десятилетия II в. до н.э. в ее основе лежала аттическая монетно-весовая система, широко использовавшаяся в Восточном Средиземноморье в период эллинизма. Более того, благодаря одновременному функционированию десятка монетных дворов, располагавшихся на всей территории державы Селевкидов, а также гибкой монетно-весовой политике селевкидские монеты активно обращались не только на территории самого государства, но и в соседних регионах — Фракии, Закавказье и Средней Азии. Хорошим доказательством этого являются находки кладов монет на указанной территории, а также разнообразные подражания селевкидским монетам, производившиеся в этих регионах и обращавшиеся вместе с оригинальными селевкидскими монетами. Однако селевкидские монеты циркулировали не только на территории прилежащих к селевкидской державе регионов, но и за пределами этой контактной зоны. Так, их находки известны на территории Германии, Западной Украины и Северного Причерноморья¹⁷. Самая северная находка монеты селевкидского типа была сделана, судя по всему, в современной Воронежской области¹⁸. Проникая сюда, эти монеты, очевидно, теряли платежную функцию и выступали, скорее, как слитки драгоценного металла либо как статусные или культовые вещи. Этим объясняются одиночные находки этих монет, нередко бронзовых. Одним из наиболее интересных регионов, куда проникали селевкидские монеты, является Кавказская Албания и особенно территория современного Южного Дагестана, которая располагалась на северной окраине Кавказской Албании и также не имела общей сухопутной границы с государством Селевкидов. Находки селевкидских монет в этом регионе представляют собой ценнейший источник для изучения периферийного обращения монет эллинистических государств.

Нет сомнений, что все селевкидские и птолемеевские монеты из Дагестана стоит рассматривать как попавшие в регион примерно в одно время, вероятно, одним и тем же маршрутом. Об этом говорит хронологическая и типологическая близость материала, а также практически полная идентичность номиналов. Стоит обратить внимание и на то, что находки селевкидских бронзовых монет, тем более монет «египтизированной» серии, не известны ни в кладах, ни в виде случайных находок на территории Кавказской Албании, что исключает системность в проникновении этих монет в данный регион. Напротив, все известные монеты

¹⁷ Arnold 1968, 190–191; Mielczarek 1989, 109, no. 77.

¹⁸ Данный экземпляр находится в частной коллекции и известен авторам только по фото. Обстоятельства находки этой монеты, впрочем, остаются невыясненными, поэтому говорить о точной ее локализации не приходится. Единственное, в чем не остается сомнений, это то, что находка была сделана на территории Российской Федерации в одном из регионов, расположенных к югу от Московской области. Сама монета является селевкидской лишь по типу — это плакированное подражание так называемым «каппадокийским выпускам» тетрадрахм Антиоха VII. В центре монеты сделано отверстие, что предполагает ее неэкономическое использование в период бытования в данном регионе. Авторы благодарны научному сотруднику Института востоковедения РАН Е. Ю. Гончарову за информацию об этой находке.

Селевкидов, обнаруженные на территории Кавказской Албании, представляют собой крупные серебряные номиналы. Это обстоятельство не вызывает удивления, поскольку обращение бронзовых монет, изначально имевших номинальную стоимость, заложенную эмитентом, было ограничено регионом их чеканки. Иными словами, на территории соседнего государства даже серебряная монета могла обращаться как весовое серебро, не говоря уже о монетах из медных сплавов, которые утрачивали изначально платежную функцию. Вероятно, исключительно крупный номинал рассматриваемых монет и был причиной их оформления в единый комплекс, а впоследствии и поступления в регион. В таком случае обладатель этих монет не мог рассматривать их как платежное средство или средство накопления. Стоит обратить внимание и на то обстоятельство, что ни монеты из клада 2021 г., ни монеты из находок 1964 и 1985 гг. не имеют признаков вторичного использования. Тем не менее отбросить версию использования этих монет в качестве слитков металла, сырья для производства бронзовых изделий, статусных или культовых предметов нельзя. Не исключено, что селевкидские монеты «египтизированной» серии, будучи стилистически близки монетам Птолемея, оказались смешаны с египетской бронзой, известной в регионе по находкам на территории Шаракунского могильника 1985 г.

Датировка комплекса затруднена вероятным нарушением его целостности. Более того, ввиду отсутствия археологического контекста находки клада, определение времени его тезаврации может быть осуществлено исключительно на основании анализа самого материала. Определенную информацию мог бы дать штемпельный анализ, но, к сожалению, из-за неудовлетворительного качества фотографий некоторых экземпляров, а также отсутствия изображения лицевой стороны части монет провести полноценный анализ материала не представляется возможным. Тем не менее предварительные результаты показывают, что все монеты из публикуемого комплекса были изготовлены разными парами штемпелей, что не позволяет выявить ни одну штемпельную связь между экземплярами. Иными словами, все монеты данного клада относятся к разным монетным выпускам и были отчеканены в разное время, правда, на протяжении всего одного года.

Установить более точное время чеканки этих монет, а следовательно, и время формирования комплекса, можно только прибегнув к сплошному штемпельному анализу всех выпусков типа «Серapis/орел» и «Исида/орел», однако для данного исследования это не столь принципиально. Во-первых, выпуск «египтизированной серии» относится к одному году, что представляет собой и без того крайне непродолжительный период и весьма точную хронологическую привязку. Во-вторых, монета Тимарха, присутствующая в комплексе, датирует этот клад временем не ранее 162 г. до н.э., т.е. спустя минимум шесть лет после завершения чеканки «египтизированной серии».

По всей вероятности, рассматриваемые экземпляры не были извлечены из обращения единовременно в период активного производства данных монет либо их активного обращения, как это могло быть в случае с намеренными поставками данной монеты в виде выплаты наемникам или любых иных выплат. Напротив, относительно высокая степень износа экземпляров скорее свидетельствует в пользу продолжительного бытования данных монет в регионах их чеканки,

а уже после — формирования комплекса и попадания его в регион тезаврации. Стоит обратить внимание на то, что сохранность монеты Тимарха заметно лучше, чем у остальных монет. При этом сохранность большинства других экземпляров таких монет, хранящихся в известных музейных и частных собраниях, хуже сохранности публикуемого экземпляра, что, возможно, говорит о непродолжительном обращении данной монеты. Примечательно, что данный экземпляр не имеет надчеканок, которые наносились на монеты этого правителя после его смещения Деметрием I в 160 г. до н.э.

Анализ монетных кладов и отдельных находок селевкидских монет из Кавказской Албании (рис. 4)¹⁹ показывает, что они не проникали в Закавказье до II в. до н.э. Древнейшим следует считать комплекс из 6 монет, обнаруженный в окрестностях Барды, расположенной в долине р. Тартар, притоке Куры (рис. 4, 4). Он датируется 139–129 гг. до н.э. и включает тетрадрахмы Селевкидов (от Антиоха, сына Селевка IV, до Антиоха VII) и одну с типом Александра Великого²⁰. Остальные два клада, включающие селевкидские монеты, были тезаврированы близ поселений, располагавшихся на южном склоне и в предгорье Большого Кавказского хребта. Последней четвертью II в. до н.э. датируется Кабалинский клад, в который входило более 593 (по другим данным, 638) серебряных монет (рис. 4, 5). Основу комплекса составляли драхмы и тетрадрахмы Александра Великого, а также подражания им. Также в клад входили серебряные монеты Лиси-маха, греко-бактрийских царей, правителей Парфии и 138 тетрадрахм правителей государства Селевкидов (от Антиоха, сына Селевка IV, до Антиоха VII) и три подражания им²¹. Клад из Хинислы (рис. 4, 6), образованный в 50–25 гг. до н.э., включал более 330 серебряных монет. Большую часть комплекса составляли монеты Александра Великого и парфянских царей. Также в него входили выпуски Афин, Митридата VI, царей Вифинии, один римский республиканский денарий и 85 тетрадрахм правителей государства Селевкидов (от Антиоха, сына Селевка IV, до Филиппа Филадельфа)²². Самые ранние из известных монет Селевкидов, обнаруженных на территории Закавказья, относятся к правлению Селевка IV, при этом их находки единичны, в то время как монеты более поздних Селевкидов многочисленнее. Так, в Кабалинском кладе основу селевкидской части составляют 43 тетрадрахмы Деметрия I, а самые поздние в ней монеты Антиоха VII представлены 36 экземплярами. Клад из Хинислы имеет аналогичную структуру. Он содержит 53 тетрадрахмы Антиоха VII и 15 тетрадрахм Филиппа II Филадельфа. Стоит обратить внимание и на то, что монеты ранних Селевкидов не известны в Закавказье вовсе. Этому есть несколько причин. Прежде всего — не столь активная политика первых Селевкидов в данном регионе, что, впрочем, не исключает возможных торговых контактов Мидии с Закавказьем. Более существенным стоит считать противостояние между Селевкидами и Мидией Атропатеной,

¹⁹ Об обращении монет Селевкидов на территории Кавказской Албании см. Dadasheva 1976, 79–88.

²⁰ *IGCH* 1736; Pakhomov 1938, № 314.

²¹ *IGCH* 1737 (= *CHI*, 78); Babaev, Kaziev 1971, 16–32; Golenko 1998, 210–224.

²² *IGCH* 1745; Pakhomov 1966, № 2080.

Рис. 4. Клады с монетами государств Селевкидов и Птолемеев, найденные в Дагестане и Закавказье: 1 – Шаракунский клад 1964 г.; 2 – Шаракунский клад 1985 г.; 3 – Шаракунский клад 2021 г.; 4 – клад из Барды (IGCH 1736); 5 – Кабалинский клад (IGCH 1737); 6 – клад из Хинислы (IGCH 1745); 7 – Сарнакунский клад (IGCH 1746)

территория которой лежала между селевкидской Мидией и Закавказьем²³. Примечательно, что в составе известных кладов большинство селевкидских монет имеют надрубы – свидетельство того, что монета не была знакома местному населению, в отличие от монет Александра, которые такого повреждения не имеют. В то же время в этих же кладах встречаются подражания селевкидским тетрадрахам, указывающие на то, что местное население охотно принимало данную монету. Впрочем, албанское происхождение этих подражаний весьма спорно. После захвата Мидии парфянами ситуация кардинально изменилась, барьер для проникновения селевкидских монет в Закавказье исчез, и в регион стало поступать селевкидское серебро.

Обращает на себя внимание и следующая особенность: среди селевкидских монет, обнаруженных в Закавказье, отсутствуют монеты, отчеканенные на монетном дворе Экбатан, что несколько необычно, поскольку именно этот монетный двор территориально расположен ближе всего к региону Закавказья (рис. 5). Справедливости ради нужно отметить, что в составе Кабалинского клада присутствовало несколько подражаний тетрадрахам Антиоха III, отчеканенным

²³ Balakhvantsev, Gadzhiev 2022, 235.

Рис. 5. Основные клады с монетами государств Селевкидов и Птолемеев, найденные в Дагестане и Закавказье, и монетные дворы, на которых были отчеканены селевкидские монеты из состава Шаракунского клада 2021 г.

именно в Экбатанах²⁴, однако большинство известных селевкидских монет, происходящих из кладов Закавказья, были произведены не в Мидии, но в Антиохии на Оронте и Селевкии на Тигре. Этому есть определенное объяснение. Объемы выпуска монетного двора Экбатан в середине II в. до н.э. были существенно меньше, чем объемы производства монетного двора Антиохии на Оронте, ставшего ведущим центром чеканки всего государства. Более того, селевкидские монеты середины II в. до н.э. из Экбатан отмечены прежде всего выпусками мелких серебряных и бронзовых номиналов, в то время как выпуски тетрадрахм практически отсутствуют, что предполагает ориентацию на локальное обращение. Стоит также предположить, что обращавшиеся в Мидии селевкидские серебряные монеты могли стать сырьем для монет Митридата II после захвата им данной области. Случаи перечеканки монет в этом регионе мы встречаем в период правления Тимарха, который перечеканивал монеты Антиоха V, а также при Деметрии I, который перечеканивал монеты Тимарха. Между тем нет никаких оснований полагать, что известные в Закавказье селевкидские монеты не поступили сюда именно из Мидии, где они могли обращаться какое-то время. Таким образом, учитывая хронологическое распределение материала, можно предположить, что данный

²⁴ Golenko 1998, 215.

нумизматический комплекс сложился не ранее 162 г. до н.э. — времени установления власти Тимарха в восточных сатрапиях.

Ключевой проблемой, возникающей при интерпретации исторического контекста тезаврации данного клада, является вопрос о причинах и обстоятельствах проникновения селевкидских монет в регион Южного Дагестана, а также о роли этих монет в денежном обращении Кавказской Албании.

В первую очередь стоит отметить, что рассматриваемый комплекс попал в Южный Дагестан с юга, через территорию Кавказской Албании, где, как было сказано выше, известно несколько достаточно крупных кладов, содержащих селевкидские тетрадрахмы. Другие маршруты, включая возможный путь через Северное Причерноморье, представляются маловероятными²⁵. Однако усугубляет эту проблему тот факт, что монеты клада 2021 г., как и все известные монеты Селевкидов, обнаруженные на территории Дагестана, относятся к бронзовым номиналам, что существенно снижает вероятность их попадания в данный регион в качестве платежных средств в ходе прямых торговых контактов Селевкидов с этой областью. Более того, наличие в составе комплекса монеты Тимарха, произведенной в Экбатанах, а также двух монет Антиоха IV из Селевкии на Тигре рисует более сложный маршрут и сценарий формирования клада, чем простой ввоз этих монет напрямую из Сирии.

Судя по всему, рассматриваемый комплекс монет сформировался за пределами Кавказской Албании в одной из областей государства Селевкидов. Разделение монет из состава клада по центрам производства позволяет выделить три группы. Самая многочисленная из них включает 43 монеты, отчеканенные в Антиохии на Оронте, два экземпляра происходят из Селевкии на Тигре, один — из Экбатан. Такое распределение материала позволяет предположить, что комплекс, основу которого составляли монеты из Антиохии на Оронте, был сформирован в Сирии, а уже после к нему были добавлены монеты из Селевкии и Экбатан. Анализ кладовых находок монет «египтизированной» серии показывает, что главной зоной их обращения была Сирия. В то же время монеты Тимарха обращались, главным образом, в Мидии²⁶, Сузиане²⁷ и Месопотамии. Бронзовые монеты из Селевкии на Тигре также имели более обширное хождение и зафиксированы на территории Сирии, Сузианы и Мидии. Согласно недавнему исследованию К. Нойман²⁸,

²⁵ См. Zakharov, Smirnov 2022, 67–77. Версия А.С. Балахванцева и М.С. Гаджиева (Balakhvantsev, Gadzhiev 2022, 230–240) о попадании данных монет в регион Южного Дагестана в ходе торговли, осуществлявшейся по так называемому «каспийскому пути», как и гипотеза о существовании самого «каспийского пути», представляется слабо аргументированной и строящейся на интерпретации одиночных нумизматических находок, а также ряде методологических неточностей, допущенных при работе с нумизматическим материалом, в частности с так называемым «Тифлиским кладом» греко-бактрийских монет (Balakhvantsev 2005, 35–36), обстоятельства находки и, что более существенно, состав которого вызывают определенные сомнения в классификации этого комплекса как кладового. См. Golenko 1998, 219.

²⁶ Le Rider 1965, 334.

²⁷ IGCH 1806.

²⁸ Neumann 2021, 78–82.

находки бронзовых монет Селевкидов, отчеканенных в Антиохии на Оронте, известны и в соседних регионах, в особенности на участке торгового пути из Антиохии в Селевкию на Тигре, частично пролежавшего по Евфрату. При этом в монетном импорте Дуры-Эвропос и Джебел-Халида III–II вв. до н.э. бронзовые антиохийские монеты занимают более 90%. В более поздний период (конец II – середина I в. до н.э.) их доля падает до 60% для Дуры-Эвропос и 86% для Джебел-Халида, но все же остается существенной²⁹. Редкие находки антиохийских бронзовых монет известны и на территории самой Селевкии. Таким образом, можно предположить, что данный нумизматический комплекс имел весьма продолжительную историю перемещения по территории государства Селевкидов. Изначально большая часть клада сформировалась в Сирии, а позже оказалась в Селевкии на Тигре, куда попала по главному маршруту, соединявшему две селевкидские столицы и пролежавшему по Евфрату. Здесь к кладу были добавлены две селевкийские монеты Антиоха IV. Далее комплекс переместился на территорию Мидии, где в его состав вошла монета Тимарха, а позже отправился севернее, в Закавказье.

Дальнейший маршрут проникновения этого комплекса в регион тезаврации мог иметь несколько вариантов. Наиболее вероятный из них – через Мидию Атропатену и Кавказскую Албанию. Другим возможным маршрутом можно считать территорию Великой Армении, где также известны находки позднеселевкидских монет³⁰.

Так или иначе, селевкидские бронзовые монеты, обнаруженные на юге Дагестана или севере Кавказской Албании, нельзя считать подтверждением прямых торговых контактов между государством Селевкидов и Албанией, прежде всего ввиду отсутствия сопутствующего археологического материала. В отличие от бронзовых, серебряные монеты Селевкидов в данном регионе могли выступать как универсальное платежное средство, каковым, вероятно, являлись и монеты Александра. Монеты Парфии, представленные прежде всего группами мелких серебряных номиналов, не могли удовлетворить потребности крупной транзитной торговли. Универсальный характер селевкидской монеты подчеркивает и наличие подражаний. Как уже было отмечено, крупные бронзовые номиналы селевкидских монет из клада 2021 г., скорее нетипичные для монетного дела Селевкидов, попали в регион не как платежное средство. Можно предположить, что монеты из клада 2021 г. могли достигнуть Южного Дагестана в ходе цепочки сложных транзитных операций крупной международной торговли, однако, ввиду отсутствия доступных аналогий и археологического контекста находки, сделать окончательный вывод о функциональном предназначении данных монет не представляется возможным.

Как отмечал В.К. Голенко³¹, анализируя материалы Кабалинского клада, селевкидская часть которого была также сформирована за пределами Кавказской

²⁹ Neumann 2021, 135–138.

³⁰ Диярбакыр – *IGCH* 1744, Сарнакунк (рис. 4, 7) – *IGCH* 1746 (= *CHI*, 105); Mushegyan 1973, 124–174.

³¹ Golenko 1998, 221.

Албании, данный комплекс отражал состав денежного обращения восточных областей селевкидского государства, в первую очередь Мидии, Мидии Атропатены и Сузианы времени экспансии Парфии и восточного похода Антиоха VII. Данное утверждение можно отнести и к кладу 2021 г. из Дагестана. По всей вероятности, этот комплекс является не столько признаком торговых или политических контактов между государством Селевкидов и периферийными областями Кавказской Албании, сколько источником по истории денежного обращения восточных регионов государства Селевкидов второй половины II в. до н.э.

КАТАЛОГ³²

АНТИОХ IV

АЕ. Антиохия на Оронте.

1–37.

Л.с. Голова Сераписа в лавровом венке, увенчанная *басилейоном*, вправо. Точечный ободок.

О.с. Орел на молнии вправо.

Легенда: справа – ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ, слева – ΘΕΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ

SC 1413

№	Инв. №	Вес (г)	Диаметр (мм)	С/о (ч.)
1*		—	—	12
2*		—	—	—
3*		38,4	31	12
4*		—	—	—
5*		—	—	12
6*		45,8	33	12
7*		—	—	—
8*		—	—	12
9*		—	—	—
10*		39,9	—	12
11*		—	—	12
12*		34,8	35	12
13*		37,9	33	12
14	ДМЗ КП 1843	40	31	12
15–36		—	—	—

АЕ. Антиохия на Оронте.

37–43

Л.с. Голова Иисуса в венке, увенчанная *басилейоном*, вправо. Точечный ободок.

О.с. Орел на молнии вправо.

Легенда: справа – ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ, слева – ΘΕΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ

SC 1414

³² Нумерация монет в каталоге соответствует номерам их изображений на таблицах 1 и 2. В таблицах воспроизведены только те монеты, качественные изображения которых находятся в распоряжении авторов. В каталоге они отмечены звездочкой. В некоторых случаях были доступны фотографии только одной из сторон.

37*		—	—	12
38*		19,0	—	12
39*		19,1	—	12
40*		17,4	26	12
41*		—	—	12
42–43		—	—	—

АЕ. Селевкия на Тигре.

44–45

Л.с. Голова Антиоха в лучевой короне и диадеме вправо. Ленточный ободок.

О.с. Божество сидит на троне, в правой руке держит Нику, у ног птица. Точечный ободок.

Легенда: справа — ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева — ANTIOXOY.

Обозначение номинала на л.с. — неразлично.

SC 1509

44*		6,4	17	12
45		—	—	—

ТИМАРХ

АЕ. Экбатаны.

Л.с. Голова Тимарха в диадеме вправо. Точечный ободок.

О.с. Ника, идущая влево.

Легенда: справа — ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева — ΜΕΓΑΛΟΥ ΤΙΜΑΡΧΟΥ

SC 1594

46*		32,05	30	4
-----	--	-------	----	---

Литература / References

- Arnold, P. 1968: Eine wichtige Neuerwerbung des Dresdner Münzkabinetts. (Tetradrachmon des Antiochos VII. Sidetes). *Dresdener Kunstblätter* 12, 190–191.
- Babaev, I.A., Kaziev, S.M. 1971: [The Qabala Coin Hoard of the Hellenistic Period]. In: D.B. Shelov (ed.), *Numizmatika i epigrafika [Numismatics and Epigraphy]*. Issue IX. Moscow, 16–32.
- Бабаев, И.А., Казиев, С.М. Кабалинский клад монет эллинистической эпохи. В сб.: Д.Б. Шелов (отв. ред.), *Нумизматика и эпиграфика*. Вып. IX. М., 16–32.
- Balakhvantsev, A.S. 2005: [Tiflis Hoard of Greco-Bactrian Coins and the Problem of Caspian Waterway]. In: A.A. Molchanov (ed.), *XIII Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya (Moskva, 11–15 aprelya 2005 g.): tezisy dokladov i soobshcheniy [XIII All-Russian Numismatic Conference (Moscow, 11–15 April, 2005): Proceedings of the Conference]*. Saint Petersburg, 35–36.
- Балахванцев, А.С. Тифлисский клад греко-бактрийских монет и проблема Каспийского водного пути. В сб.: А.А. Молчанов (ред.), *XIII Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 11–15 апреля 2005 г.): тезисы докладов и сообщений*. СПб., 35–36.
- Balakhvantsev, A.S., Gadzhiev, M.S. 2022: [Findings of Seleucid and Ptolemaic Coins in Dagestan and the Problem of the Caspian Waterway]. *Vostok (Oriens)* 4, 230–240.
- Балахванцев, А.С., Гаджиев, М.С. Находки селевкидских и птолемеевских монет в Дагестане и проблема каспийского водного пути. *Восток (Oriens)* 4, 230–240.
- Bellinger, A.R. 1945: The Bronze Coins of Timarchus, 162–0 B.C. *Museum Notes (American Numismatic Society)* 1, 37–44.

- Bernard, P. 1985: *Les fouilles d'Ai Khanoum IV. Les monnaies hors trésors, questions d'histoire gréco-bactrienne*. Paris.
- Coloru, O. 2009: *Da Alessandro a Menandro: il regno Greco di Battriana*. Pisa—Roma.
- Dadasheva, S.A. 1976: [Main Features of Monetary Circulation in Caucasian Albania]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 79—88.
- Дадашева, С.А. Основные черты денежного обращения Кавказской Албании. *ВДИ* 4, 79—88.
- Doyen, C. 2014: Le système monétaire et pondéral d'Antiochos IV. In: Chr. Feyel, L. Graslin-Thomé (eds.), *Le projet politique d'Antiochos IV: journées d'études franco-allemandes*, Nancy, 17—19 juin 2013. Nancy—Paris, 261—299.
- Dzagurova, V.P. 1975: [Coins of Antiochus IV Epiphanes in Dagestan]. In: *Pyatye Krupnovskie chteniya po arkheologii Kavkaza* [Fifth Krupnov Readings on the Archaeology of the Caucasus]. Makhachkala, 63—65.
- Дзагурова, В.П. Монеты Антиоха IV Эпифана в Дагестане. В сб.: *Пятые Крупновские чтения по археологии Кавказа*. Махачкала, 63—65.
- Dzagurova, V.P. 1978: [Coins of Antiochus Epiphanes in Dagestan]. In: R.M. Magomedov (ed.), *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo i politicheskogo razvitiya Severo-Vostochnogo Kavkaza* [Problems of Socio-Economic and Political Development of the North-Eastern Caucasus]. Makhachkala, 29—40.
- Дзагурова, В.П. Монеты Антиоха Эпифана в Дагестане. В сб.: Р.М. Магомедов (отв. ред.), *Проблемы социально-экономического и политического развития Северо-Восточного Кавказа*. Махачкала, 29—40.
- Ehling, K. 2008: *Untersuchungen zur Geschichte der späten Seleukiden (164—63 v. Chr.). Vom Tode des Antiochos IV. bis zur Einrichtung der Provinz Syria unter Pompeius*. Stuttgart.
- Gadzhiev, M.S. 1997: *Mezhdv Evropoy i Aziey: iz istorii torgovykh svyazey Dagestana v albano-sarmatskiy period* [Between Europe and Asia: From the History of Trade Relations of Dagestan in the Albanian-Sarmatian Period]. Makhachkala.
- Гаджиев, М.С. Между Европой и Азией: из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период. Махачкала.
- Gadzhiev, M.S. 1999: [The Sharacun Hoard (Dagestan)]. In: V.I. Markovin (ed.), *Drevnosti Severnogo Kavkaza (sbornik statey)* [The Antiquities of the North Caucasus (Collection of Articles)]. Moscow, 152—160.
- Гаджиев, М.С. Шаракунский клад (Дагестан). В сб.: В.И. Марковин (отв. ред.), *Древности Северного Кавказа (сборник статей)*. М., 152—160.
- Golenko, V.K. 1998: [Materials of the Qabala Hoard in the Light of the Formation of Monetary Circulation in Caucasian Albania]. *Khersonesskiy sbornik* [Chersonesos Collection of Papers] 9, 210—224.
- Голенко, В.К. Материалы Кабалинского клада в свете формирования денежного обращения в Кавказской Албании. *Херсонесский сборник* 9, 210—224.
- Houghton, A. 1979: Timarchus as King in Babylonia. *Revue numismatique* 21, 213—217.
- Knepe, A. 1989: Timarchos von Milet — ein Usurpator im Seleukidenreich. In: H.-J. Drexhage, J. Sünskes (Hrsg.), *Migratio et commutatio. Studien zur alten Geschichte und deren Nachleben. Thomas Pekáry zum 60. Geburtstag am 13. September 1989 dargebracht von Freunden, Kollegen und Schülern*. Sankt Katharinen, 37—49.
- Le Rider, G. 1964: Monnaies de Timarque (162—160 av. J. — C.). *Bulletin de la société française de numismatique* 19/1, 318—319.
- Le Rider, G. 1965: *Suse sous les Séleucides et Parthes: les trouvailles monétaires et l'histoire de la ville*. Paris.
- Le Rider, G. 1994: Antiochos IV (175—164) et le monnayage de bronze séleucide. *Bulletin de Correspondance Hellénique* 118/1, 17—34.
- Mielczarek, M. 1989: *Ancient Greek Coins Found in Central, Eastern and Northern Europe*. Wrocław.
- Mørkholm, O. 1963: *Studies in the Coinage of Antiochos IV*. Copenhagen.
- Mørkholm, O. 1982: Some Reflections on the Production and Use of Coinage in Ancient Greece. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 31/3, 290—305.
- Mushegyan, Kh.A. 1973: *Monetnye klady Armenii* [Coin Hoards of Armenia]. Erevan.
- Мушегян, Х.А. Монетные клады Армении. Ереван.
- Neumann, K.M. 2021: *Antioch in Syria: a History from Coins (300 BCE — 450 CE)*. Cambridge.
- Newell, E.T. 1917: The Seleucid Mint of Antioch. *American Journal of Numismatics* 51, 1—151.

-
- Pakhomov, E.A. 1938: *Monetnye klady Azerbaydzhana i drugikh respublik, kraev i oblastey Kavkaza* [*Coin Hoards of Azerbaijan and Other Republics, Territories and Regions of the Caucasus*]. Vol. II. Baku.
Пахомов, Е.А. *Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа*. Т. 2. Баку.
- Pakhomov, E.A., 1966: *Monetnye klady Azerbaydzhana i drugikh respublik, kraev i oblastey Kavkaza* [*Coin Hoards of Azerbaijan and Other Republics, territories and Regions of the Caucasus*]. Vol. IX. Baku.
Пахомов, Е.А. *Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа*. Т. 9. Баку.
- Zakharov, E.V., Smirnov, S.V. 2022: [On the Circulation of Seleucid Coins in the Northern Black Sea Region]. *Rossiyskaya Arkheologiya* [*Russian Archaeology*] 1, 67–77
Захаров, Е.В., Смирнов, С.В. К вопросу об обращении селевкидских монет в Северном Причерноморье. *Российская археология* 1, 67–77.

Табл. 1. Монеты Антиоха IV из состава Шаракунского клада 2021 г. Натуральная величина

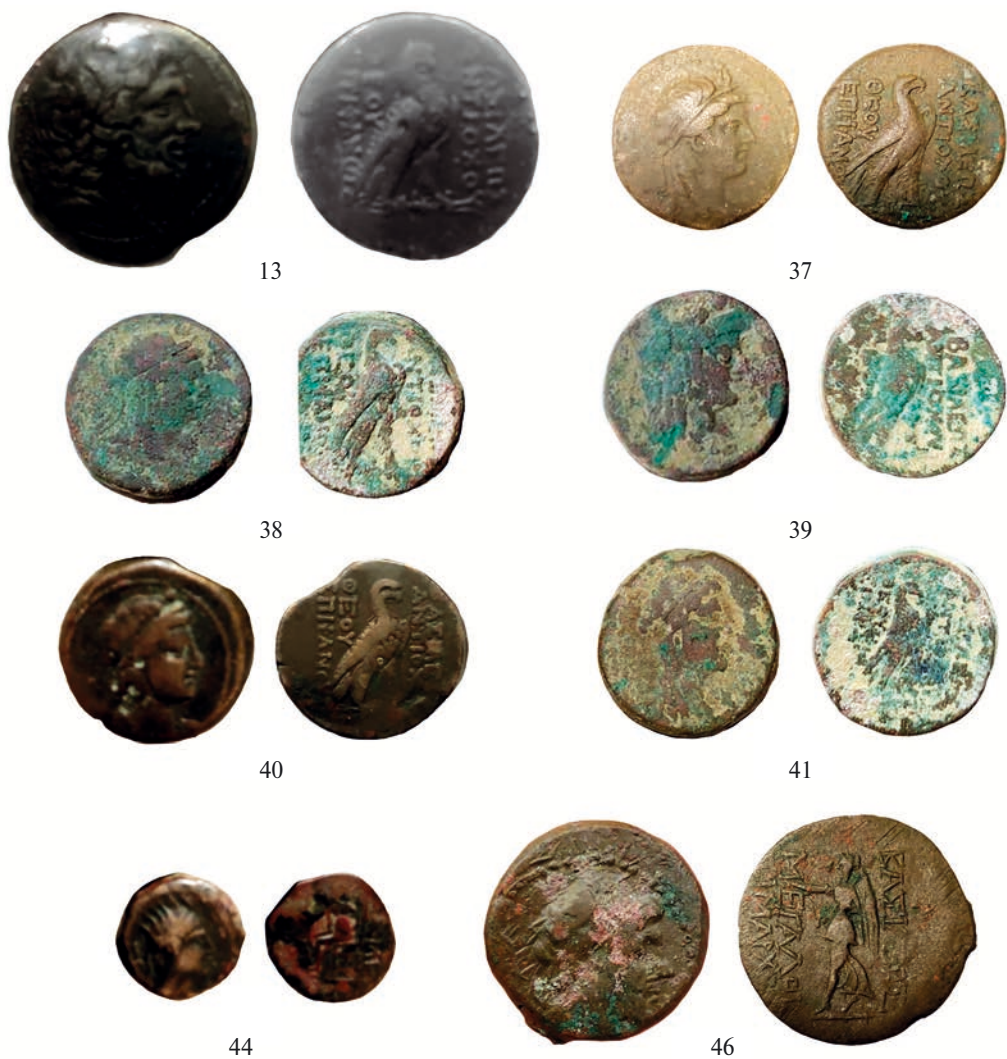

Табл. 2. Монеты Антиоха IV (13, 37–41, 44) и Тимарха (46) из состава Шаракунского клада 2021 г. Натуральная величина

DOI: 10.31857/S032103910025632-8

SIX OSTRACA OF *THE TEACHING OF KHETY* IN THE STATE PUSHKIN MUSEUM OF FINE ARTS, MOSCOW

Evgeniya A. Anokhina¹, Natalia V. Makeeva²

¹*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
The Pushkin State Museum of Fine Arts, Moscow, Russia*

²*Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia*

¹*E-mail:* evgeniia.anokhina@arts-museum.ru ²*E-mail:* nataliam.makeeva@gmail.com

¹ORCID: 0000-0002-1795-3356 ²ORCID: 0009-0008-0045-7859

Acknowledgements: Russian Science Foundation, project no. 19-18-00369

This paper is the first publication of six Ancient Egyptian ostraca from the State Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow (I, 1b 334, 340, 344, 347, 348, 362) with fragments of *The Teaching of Khety*, also known as *The Satire of the Trades*. The ostraca used to belong to the collection of the Russian Egyptologist Vladimir S. Golenisheff. They date from the 19th–20th Dynasty and probably originate from Deir el-Medina.

Keywords: Ancient Egypt, *The Teaching of Khety*, ostrakon, hieratic, V.S. Golenisheff, State Pushkin Museum of Fine Arts

ШЕСТЬ ОСТРАКОНОВ С «ПОУЧЕНИЕМ ХЕТИ» ИЗ СОБРАНИЯ ГМИИ ИМ. А.С. ПУШКИНА

Е. А. Анохина¹, Н. В. Макеева²

¹*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия;
Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва, Россия*

²*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия*

¹*E-mail:* evgeniia.anokhina@arts-museum.ru ²*E-mail:* nataliam.makeeva@gmail.com

The authors. Evgeniya Alexandrovna Anokhina – research team member of the RSF project 19-18-00369 ‘The Classical East: culture, worldview, tradition of studying in Russia (based on the material of the Pushkin State Museum of Fine Arts collection and archival sources)’ at Lomonosov Moscow State University, member of the Department of the Ancient Orient, Pushkin State Museum of Fine Arts; Natalia Valentinovna Makeeva – Senior Lecturer at the Department of the History of the Ancient Near East, Saint Petersburg University.

The authors are grateful to J. Jurjens for a discussion of the hieratic readings and to S. E. Malykh for her comments on ceramics.

Статья представляет собой первую публикацию шести древнеегипетских остраконов из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина (I,1b 334, 340, 344, 347, 348, 362), которые содержат фрагменты литературного произведения «Поучение Хети» («Сатира на профессии»). Остраконы первоначально находились в коллекции первого русского египтолога Владимира Семеновича Голенищева. Они датируются временем 19–20 династии и происходят, вероятно, из Дейр эль-Медины.

Ключевые слова: Древний Египет, Поучение Хети, остракон, иератика, В.С. Голенищев, ГМИИ им. А.С. Пушкина

The *Teaching of Khety*, also known as *The Satire of the Trades*, seems to be the most popular composition used for scribal training in the New Kingdom Egypt (along with *The Book of Kemit* and *The Teaching of Amenemhet I*). The number of known copies has been growing in recent decades. W. Helck¹ in 1970 could collect 104 copies; B. Mathieu² in 1998 knew of 6 papyri, 2 tablets and more than 250 ostraca; S. Jäger³ in 2004 was aware of 9 papyri, 3 tablets and 263 ostraca. Now the number of ostraca has grown to 323⁴. To those we can now add six more fragments kept in the collection of the State Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow: ostraca I,1b 334, 340, 344, 347, 348, 362. They all formerly belonged to the collection of the Russian Egyptologist Vladimir S. Golenischeff. There is no information about their provenance, although they might have come from Deir el-Medina, as other ostraca of the Golenischeff collection (Pushkin Museum I,1b 326 (now State Hermitage 5598)⁵, I,1b 328⁶, I,1b 345)⁷. Judging by the paleography, they be dated to from the 19th–20th Dynasty.

The Teaching of Khety is written in the Middle Egyptian language, which was not in everyday use in the New Kingdom. The text was used in the training of young scribes, who followed different versions of the text and introduced many mistakes. This makes *The Teaching of Khety* difficult to read, with some parts of it still being unintelligible. The same can be said about the Golenischeff fragments. Detailed philological analysis of many problems of *The Teaching* is the subject of extensive bibliography⁸, and now a new full edition by J. Jurjens⁹ is awaited. Introducing new fragments to the corpus of *The Teaching of Khety* contributes to our understanding of the meaning of the text, as well as the process of its transmission.

¹ Helck 1970, 1–6.

² Mathieu 1998, 37–40.

³ Jäger 2004, 5–9.

⁴ Vernus 2010, 243; Jurjens 2021a, 83.

⁵ Bogoslovsky 1973, 79–82.

⁶ Bogoslovsky 1973, 96–103.

⁷ To be published soon.

⁸ For the bibliography on *The Teaching of Khety* before 2000 see: Mathieu 1999–2000, 65–73. The list of texts published after the latest synoptic edition by S. Jäger (Jäger 2004), see Quack 2020, 240. A short bibliography and profound commentary can be found in the work of P. Dils on TLA: URL: <https://thesaurus-linguae-egyptiae.de/object/7MAXH6NAXVB6VAIHPPHQ6XXY3Y>; accessed on: 26.02.2024.

⁹ Jurjens, J. (forthcoming): *Being and Becoming a Scribe: The Teaching of Khety and Its Use as an Educational Tool in Ancient Egypt*. PhD thesis. University of Leiden. URL: <https://www.universiteitleiden.nl/en/staffmembers/judith-jurjens#tab-1>; accessed on: 26.02.2024.

1. Ostrakon I, 1b 340 (Golenischeff no. 5519) (fig. 1, a, b, c)

Date: 19th–20th Dynasty

Provenance: no information

Dimensions: 14.5x13.3 cm

Materials: pottery, paint

Acquisition: from the Golenischeff collection, in the Pushkin Museum since 1911

Four lines of the text are written on the upper part of the ostrakon. The scribe used technical horizontal grooves as guiding lines. Only the right part of the original ostrakon is preserved. Judging by the length of the lacunae, the ostrakon was three times bigger. There are rubs and cuts on the surface. On the back side of the ostrakon there are four lines written in cursive hieratic in Late Egyptian.

The text corresponds to the chapter 15.1–15.4 of *The Teaching*¹⁰.

1. *ir.w* *h3.w* {*s*}*fn*{*d*}^[1.1][=*f* *r-sy* *hr* *pr*(.*t*) *r* *h3s.t* *hw* *wr* *ddy.t=fn* *3.w*]¹¹
2. {*ir.w*}<*r*>^[1.2] *k3.t=st* *iry*^[1.3][.*w*]^[1.4] [*wr* *ddy.t=fn* *imy.w-33* *ddy.w* *sw* *hr*]
3. *w3.t* *spr.w*^[1.5] *r* *imy-33*^[1.6] *spr*[=*f* *r* *pr=f* *mšrw* *wd*^c.*n* *sw*]
4. *šm.t*

The weapon-maker is weakened [utterly
going out to the hill land.
What he gave to the asses is greater]
than their work.

Оружейный мастер [совсем
изможден походами по нагорью.
То, что он задал ослам (по стоимости), боль-
ше,] чем их работа.

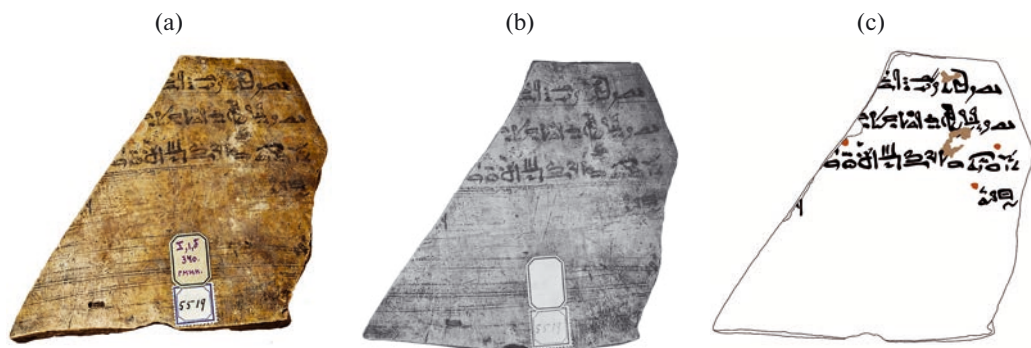

Fig. 1. Ostrakon I, 1b 340: a – photo; b – infrared photo; c – facsimile © Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow

¹⁰ The numeration of chapters in the paper is given in accordance with Jäger 2004.

¹¹ Here and elsewhere sentences are restored in accordance with the transcriptions of *The Teaching* collected by S. Jäger (Jäger 2004). We chose the transcription presenting a set of signs most similar to the Golenischeff fragments. When there was no specifically similar variant, we chose one that presented less problems of grammar and interpretation. The commentary of P. Dils displayed on TLA was useful for that.

[Great is his gift to the men in the marshes
who put him on] the track,
Reaching there through the marshes.
He reaches [his home in the evening,
and he is exhausted from] the travelling¹².

[А еще много он отдал жителям зарослей за то,
что его вывели на] дорогу,
добираясь через заросли.
[Он] возвращается [домой вечером, разбитый]
переходом¹³.

[1.1] The word *fn* is written with superfluous signs as in *pSallier* II and *pAnastasi* VII¹⁴.

[1.2] The scribe mistook the preposition *r* for the ‘eye’ sign.

[1.3] The scribe wrote *r k3.wt=st iry* ‘more than their corresponding work’ while the majority of the texts read here *r k3.wt=st r s3 iry*. Erroneous determinative is also found in oDeM 1179 and oTurin 57316.

[1.4] Other witnesses have here or . The horizontal sign does not look like the ‘plural stroke’ earlier in the same line, it might be a very cursive ‘seated man’ sign.

[1.5] Similar ‘superfluous’ phrase occurs in *pSallier* II (*spr=f r imy-s3 spr=f r pr=f*).

[1.6] The scribe had to deal here with the confusing consonance *m-s-r/3* which occurs at least thrice in the Teaching (chapters 13.5–6, 15.3–4 and 16.2–3). It plays on consonantal likeness of *imy.w-s3* ‘those of the marshland’, *mšr* ‘evening’ and *r im m s3* ‘through marshes’. Our scribe obviously did not understand the sentence, his spelling of the beginning of the word looked as an imperative and he put a wrong ‘sun’ determinative as in *mšr* ‘evening’. Alternatively, the round sign at the end of the word might be understood as a determinative, also present in oRamesseum 82¹⁵.

2. Ostrakon I,1b 344 (Golenischeff no. 5526) (Fig. 2, *a*, *b*, *c*)

Date: 19th–20th Dynasty

Provenance: no information

Dimensions: 9x10.5cm

Materials: pottery, paint

Acquisition: from the Golenischeff collection, in the Pushkin Museum since 1911

Three lines of the text can be seen. There was at least one line over them, yet what is left cannot be surely placed in the text of *The Teaching* preceding the passage in lines 1 and 2. These words appear three times in some copies of *The Teaching* (13.5–6, 15.3–4, 16.2–3). Our text may correspond to 13.5–6 or 15.3–4, which ends with this phrase. Since chapter 16 ends differently, 16.2–3 is ruled out because the ostrakon I,1b 344 has a date which was always added after the end of a chapter¹⁶. The lines are broken off on both left and right sides. The date in line 3 is in cursive hieratic, probably in a different hand¹⁷.

¹² Our English translation of the ostraca is based on that of S. Quirke (Quirke 2004, 121–126).

¹³ For Russian translations of *The Teaching of Khety* see Turaev, Borozdin 1917, 25; Turaev 1935, 222–223; Matthieu 1934, 66–68; 1936, 94–97; 1950; Katsnelson, Mendelson 1958, 242–244; Katsnelson 2000, 425–430; Korostovtsev 1962, 143–144; 2001, 209–210; Berlev 1963; 1980; 2002; Bogoslovsky 1983, 101, 166, 199, 216, 224, 227; Panov 2021, 86–115.

¹⁴ All references to text variants are given according to Jäger 2004.

¹⁵ We owe this suggestion to J. Jurjens.

¹⁶ We thank J. Jurjens for this observation.

¹⁷ On dates on the literary ostraca see: Jurjens 2021a (with a bibliography). About the meaning of dates on the Golenischeff ostrakon with *The Hymn to the Inundation of the Nile* (I,1b 327

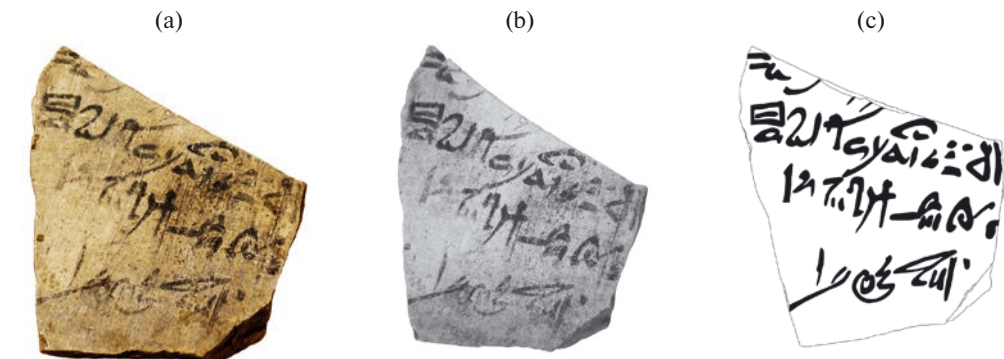

Fig. 2. Ostrakon I,1b 344: *a* – photo; *b* – infrared photo; *c* – facsimile © Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow

1. [spr=f im m]^[2.1] š3 spr=f r pr 3šr(w)

2. wd^[2.2].n sw {sn hr^[2.3]}

3. 3bd 4 3h.t (sw) 21

[...He reaches there through] the marshes.
He reaches home in the evening,
and he is broken?..
Month 4 Akhet season (day) 21

[...добирается он туда по] зарослям.
Добирается он до дома вечером,
Он разбит?..
Месяц 4 сезона ахет (день) 21

[2.1] Precise placing of the restored text by lines is not possible.

[2.2] Either *mDd* or *wDa* are normally found in this place. What is left of the first sign might be the left part of or (most copies have the book roll before the striking man ¹⁸).

[2.3] is scarcely visible. While *wd^c.n sw šm.t* is more satisfying grammatically, some scribes put here *hr šm.t*. oRamesseum 82 (chapter 16.3) has similar sequence of signs:

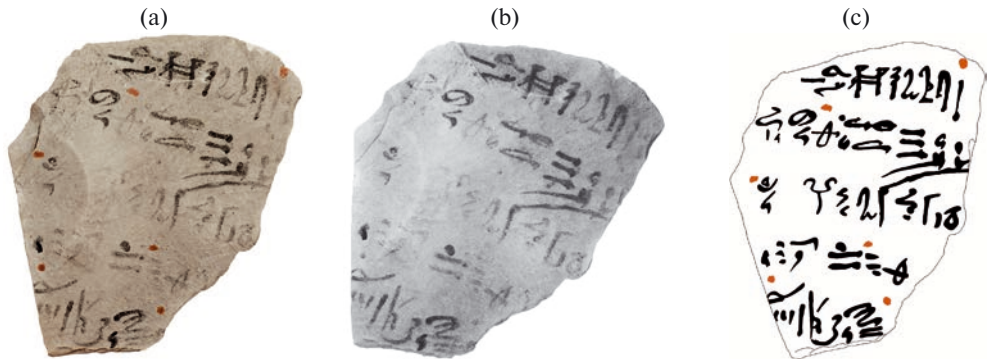

Fig. 3. Ostrakon I, lb 334: *a* – photo; *b* – infrared photo; *c* – facsimile © Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow

Partly preserved five lines of the text correspond to the chapter 19.1–19.5. This part is unclear in all of the copies; interpretations can be found in the work of S. Jäger¹⁹. Precise placing of the restored text by lines is not possible.

1. [rht.y hr rht hr mry.t] s3h=f n^[3.1] [hnty]
2. [pri] it=f^[3.2] mw^[3.3] t^[3.4] hr z3=f
3. nn i3w.t htp.n=f hr=s t]nw^[3.5] <^[3.6]> i3w.t^[3.7] nb.t
4. [šbb=f šbnw n s.t-ḥs] nn t^[3.8] [w^cb(.t) im=f
5. ddi=f sw m d3iw ny z.t-ḥm.t] wnn.t^[3.9] m ḥzmn

[The washerman does the laundry on the shore,]
he neighbours [crocodiles.

‘May] his father [leave] the destroying water’,
says son [of him.

It is not a job to be satisfied with,
more than] any other job.

[He mingles mixture of filth],
and there is no [pure] limb [on him.

He puts on the clothing of a woman]
who was in her menstruation.

[Прачечник стирает на берегу], Соседствует
он с [крокодилом

«Пусть выйдет] его отец из опасной воды», –
говорит сын [его.

Это не то занятие, которым можно быть до-
вольным, более чем] всякое другое.

[Он смешивается с вонючей смесью]. Ни одна
часть тела не [чиста у него.

Одевается он в одежду женщины], у которой
была менструация.

[3.1] s3h=f n is also in oBM 29550, while most copies show either s3ḥ t3 or s3ḥ m.

[3.2] it=f is also in oDeM 1551.

[3.3] While some copies have between it and mw, this ostrakon omits it.

¹⁹ Jäger 2004, 96–99; see also the commentary of P. Dils on TLA.

[3.4] As in some other copies, ϵ_d has a determinative $\mathfrak{S}$ as in ‘fat’²⁰. As ‘fat’ does not make good sense here, it is often emended to ϵ_d ‘to hack’, hence ‘stir up, destroy’.

[3.5] The sign under the ‘duck’ could be a failed ‘papyrus roll’ as in the other copies.

[3.6] r is omitted before $i3w.t$, as in oDeM 1550.

[3.7] The scribe left the jut on the stone blank.

[3.8] t could be originally on the ostrakon but then faded away; now the sign is not visible. J. Jurjens suggested that black blot at the end might stand for $\mathfrak{L}$, which is not in other witnesses.

[3.9] $wnn.t$ is also found in oBM 29550, while the large papyri (*pSallier* II and *pAnastasi* VII) read here $hr wnn=f$.

4. Ostrakon I,1b 347 (Golenischeff no. 5524) (Fig. 4, *a*, *b*, *c*, *d*²¹)

Date: 19th–20th Dynasty

Provenance: no information

Dimensions: 15x8.5 cm

Materials: pottery, paint

Acquisition: from the Golenischeff collection, in the Pushkin Museum since 1911

Originally this ostrakon could have contained full chapter 16 written in three lines. We now have only its left part. The ink is very faded, particularly on the right side, and often merged with dark colored technical grooves. Line 3 is hardly visible. There are traces of red pigment on the ostrakon’s surface (see Fig. 4, *b*). The one on the lower left in a date put after the end of the chapter²². It is difficult to establish if other dots are verse points or just blots. That is why the placement of red dots in the transcription is uncertain, the more so as it does not always correspond to the beginning of phrases.

Precise placing of the restored text by lines is not possible.

1. $[shhty].w^{[4.1]} hr pr(.t) r [h3s.t]$
 $s\{w3d\} <wd>=f [3]hw.t=f^{[4.2]}n [ms.w=f]$
 $snd.w m m3i.w hn^c \epsilon_3m.w$
2. $rh=f sw r=f iw=f] hr Km.t$
 $spr=f im m \delta_3$
3. $[spr=f m pr=f 3\delta rw]$
 $wd^c.n sw] hr \delta m.t^{[4.3]}...$
 $3bd 3?^{[4.4]} sw 12$

²⁰ *Wb* I, 239.8.

²¹ DStretch enhanced photos are given only when they bring out new information.

²² The note in the lower left corner of the ostrakon enhanced with DStretch:

Fig. 4. Ostrakon I,1b 347: *a* – photo; *b* – enhanced with DStretch; *c* – infrared photo; *d* – facsimile © Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow

[The messenger] goes out to the hill land
after bequeathing [his goods to his children,
fearful of lions and Asians.
He recognises himself again,
when he is] in Egypt.
He reaches through the marshes.
[He reaches home in the evening,
and he is exhausted from] the travelling.
Month 3 of... day 12.

[Посыльный] уходит в пустыню.
[Свои вещи он завещает детям.
Напуганный львами и азиатами,
Он приходит в себя
только] в Египте,
Когда возвращается туда по зарослям.
[Он] возвращается [домой вечером, разбитый]
из-за перехода.
Месяц 3... день 12.

[4.1] As in several other witnesses, *shhty.w* is plural here, which disagrees with 3rd masc. suffixes further. For coherency, we put it in singular in the translation.

[4.2] Superfluous *oe* as in some other copies.

[4.3] The reading of the last line is uncertain. If this reading is correct, the wording is the same as in oRamesseum 82 and the ostrakon I,1b 344 (see above).

[4.4] The traces are consistent with *pr.t* as well as *šmw* season.

5. Ostrakon I,1b 348 (Golenischeff no. 5538) (Fig. 5, *a*, *b*, *c*)

Date: 19th–20th Dynasty

Provenance: no information

Dimensions: 9x6.5 cm

Materials: pottery, paint

Acquisition: from the Golenischeff collection, in the Pushkin Museum since 1911

Remains of four lines written across technical grooves correspond to the chapter 3.4–4.1²³. The precise placing of the restored text by lines is not possible.

1. [wr sw gr].t^[5.1] i[3w.t nb.t nn wn mit.t=st m t3
2. š3^f.n=f w3d].t iw=f m hrdw [tw r nd-br.t=f
3. tw r h3b]=f r ir.t m^[5.2] wpw.t n^[5.3] [ty.t=f sd sw m d3iw]
4. n] m33[.n=i gnw.ty m wpw.t...]

[For it is greater than any profession,
there is none like in this land.
He started to succeed,]
being just a child.
[He will be greeted,
He will be sent] to carry out a mission,
[and before he returns,
he is clothed in apron.
I do not see a sculptor on a mission...

[Важнее это, чем любое занятие,
Нет подобной в стране.
Стал он процветать,]
будучи еще ребенком.
[Будут его приветствовать.
будут посылать] выполнять задания,
И еще до того, как он вернется,
будет облачен в (должностное) одеяние.
Не видел я скульптора на задании...

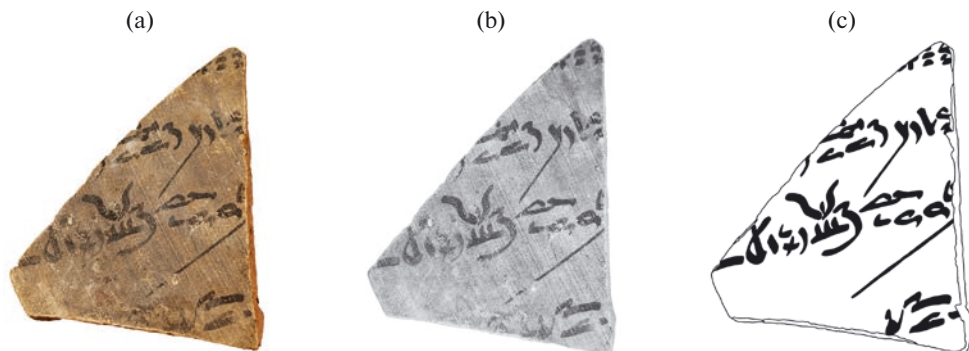

Fig. 5. Ostracon I, 1b 348: *a* – photo; *b* – infrared photo; *c* – facsimile © Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow

²³ This ostracon might be the one mentioned by A. Piankoff in his paper on the writing tablet Louvre N693 with *The Teaching of Khety*: «...son début, sur un ostracon de Golénischeff, au Musée de Moscou, encore inédit...» (Piankoff 1933, 52). The ostracon I, 1b 348 is the only one in the Pushkin Museum which contains a passage from the beginning of *The Teaching*. The authors are indebted to J. Jurjens for the reference to the paper of A. Piankoff.

[5.1] The traces of the signs in the upper line may be the end of *gr.t* written in the same way in oDeM 1014.

[5.2] Some other scribes (oDeM 1014, 1042, 1047) wrote *m wpw.t* as here.

[5.3] The rest of the sign is consistent with *n* as well as with *nn* negation. Both variants occur in other witnesses.

6. Ostrakon I, 1b 362 (Golenischeff no. 5527) (Fig. 6, a, b, c²⁴)

Dating: 19th–20th Dynasty

Provenance: no information

Dimensions: 8x7 cm

Materials: pottery, paint

Acquisition: from the Golenischeff collection, in the Pushkin Museum since 1911

Three lines correspond to the chapter 22.3–22.5 and belong to the second half of *The Teaching*, which was rarely copied²⁵. The handwriting is sloppy, with small spaces between the lines. Precise placing of the restored text by lines is not possible.

1. *m=k*^[6.1] {*i*} -*ir.t*^[6.2] *st n* [*mry=k*
3h n=k hrw m ʿ.t sb3]
2. *ʿi*^[6.3] *w*^[6.3] *r nh* {*k.ty*}^[6.4] <*m k3.t*> [*dw*
iw 3s zp snw di=i rh=k]
3. *di=i* [*mri*] *w sshp*^[6.5] *btn*[*w*]

Look, it is done for love of [you].

A day in the school chamber is more useful for you]

than an eternity of toil
[in the mountains].

It is the fast way I made you know,
I made you like removing (?) revolt.

Смотри, это делается из любви к [тебе.

День в школе полезен для тебя]

более, чем вечность выполнения работ
[в каменоломнях].

Так вот очень быстро я объяснил тебе,
Я заставил полюбить изгнание (?) бунта.

[6.1] Two strokes in *m=k* are written vertically.

[6.2] It's impossible to establish here if before *ir.t* is a fallacious writing of infinitive *ir.t* (or *sdm.t(w)=f* form), or a Late Egyptian emphatic form, as proposed by J. Jurjens for similar writing in *pTurin* CGT 54019²⁶.

[6.3] Alternative reading is proposed by J. Jurjens. She suggested to read here as in *pTurin* CGT 54019²⁷.

[6.4] All known copies speak of *k3.t* «work» here. *pAnastasi* VII has while oDem 1529, oDeM 1590 and *pTurin* CGT 54019 read / . Our scribe

²⁴ Due to the technical reasons, infrared photos have not been taken.

²⁵ Jurjens 2021b, 109.

²⁶ Jurjens 2021b, 116.

²⁷ Jurjens 2021b, 116.

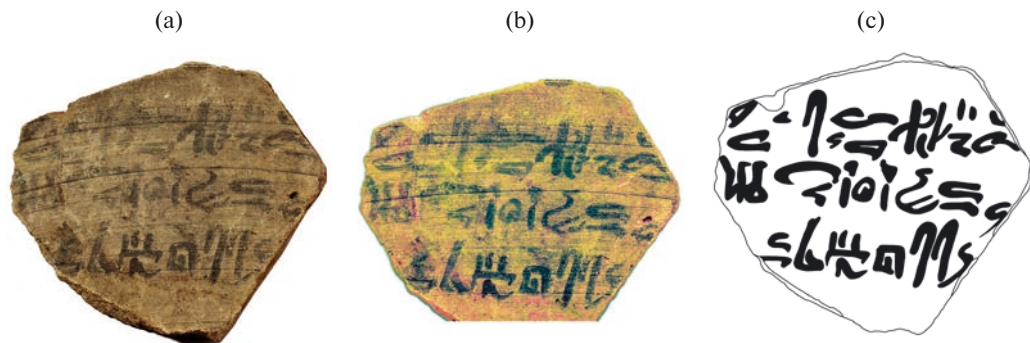

Fig. 6. Ostrakon I,1b 362: *a* – photo; *b* – enhanced with DStretch; *c* – facsimile © *Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow*

has probably confused *k3.t* and *kj.t* (female form of the word *ky* ‘other’). The sign at the end might be or .

[6.5] The word is written the same way as in *pSallier* II, other copies spell it *ssnhp* or *ssh3p*. Normally it is emended to *snhp*. See different translations of this unclear passage in the commentaries of P. Dils on TLA²⁸.

References

- Berlev, O.D. 1963: [The Teaching of Akhtoi, Son of Duauf, to His Son Piopi]. In: V.V. Struve, D.G. Reder (eds.), *Khrestomatiya po istorii Drevnego Vostoka* [A Selection of Sources on the History of the Ancient Orient]. Moscow, 55–60.
- Берлев, О.Д. Поучение Ахтоя, сына Дуауфа, своему сыну Пиопи. В сб.: В.В. Струве, Д.Г. Редер (ред.), *Хрестоматия по истории Древнего Востока*. М., 55–60.
- Berlev, O.D. 1980: [The Teaching of Akhtoi, Son of Duauf, to His Son Piopi]. In: M.A. Korostovtsev, I.S. Katsnelson, V.I. Kuzishchin (eds.), *Hrestomatiya po istorii Drevnego Vostoka* [A Selection of Sources on the History of the Ancient Orient]. Pt. 1. Moscow, 39–42.
- Берлев, О.Д. Поучение Ахтоя, сына Дуауфа, своему сыну Пиопи. В сб.: М.А. Коростовцев, И.С. Кацнельсон, В.И. Кузищин (ред.), *Хрестоматия по истории Древнего Востока*. Ч. 1. М., 39–42.
- Berlev, O.D. 2002: [The Teaching of Akhtoi, Son of Duauf, to His Son Piopi]. In: V.I. Kuzishchin (ed.), *Istoriya Drevnego Vostoka: teksty i dokumenty* [The History of the Ancient Orient: Texts and Documents]. Moscow, 35–38.
- Берлев, О.Д. Поучение Ахтоя, сына Дуауфа, своему сыну Пиопи. В сб.: В.И. Кузищин (ред.), *История Древнего Востока: тексты и документы*. М., 35–38.
- Bogoslovsky, E.S. 1973: [Monuments and Documents from Deir el-Medina Stored in the Museums of USSR. Issue V]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 78–104.
- Богословский, Е.С. Памятники и документы из Дэр-эль-Мэдина, хранящиеся в музеях СССР. Выпуск V. *ВДИ* 1, 78–104.
- Bogoslovsky, E.S. 1983: *Drevneegipetskie мастера. Po materialam iz Der el'-Medina* [Ancient Egyptian Masters. Based on Materials from Deir el-Medina]. Moscow.
- Богословский, Е.С. *Древнеегипетские мастера. По материалам из Дер эль-Медина*. М.
- Helck, W. 1970: *Die Lehre des Dw3-Htj*. (Kleine Ägyptische Texte, 3). Wiesbaden.
- Jäger, S. 2004: *Altägyptische Berufstypologien*. (Lingua Aegyptia: Studia monographica, 4). Göttingen.

²⁸ URL: <https://thesaurus-linguae-aegyptiae.de/sentence/IBUBd0sPQ9cri09HmK-SEO25Vviw>; accessed on: 26.02.2024.

- Jurjens, J. 2021a: Dates on Literary Ostraca: A Case Study. *Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde* 148/1, 83–91.
- Jurjens, J. 2021b: An Unpublished Manuscript of The Teaching of Khety (P. Turin CGT 54019). *Rivista del Museo Egizio* 5, 109–128.
- Katsnelson, I.S. (ed.) 2000: *Drevniy Egipt. Skazaniya, pritchi* [Ancient Egypt. Tales, Proverbs]. Moscow. Кацнельсон, И.С. (ред.). *Древний Египет. Сказания, притчи*. М.
- Katsnelson, I.S., Mendelson, F.L. (eds.) 1958: *Faraon Hufu i charodei. Skazki, povesti, poucheniya drevnego Egipta* [The Pharaoh Khufu and the Magicians. Tales, Stories, Teachings of Ancient Egypt]. Moscow. Кацнельсон, И.С., Мендельсон, Ф.Л. (ред.). *Фараон Хуфу и чародеи. Сказки, повести, поучения древнего Египта*. М.
- Korostovtsev, M.A. 1962: *Pistys Drevnego Egipta* [Ancient Egyptian Scribes]. Moscow. Коростовцев, М.А. *Писцы Древнего Египта*. М.
- Korostovtsev, M.A. 2001: *Pistys Drevnego Egipta* [Ancient Egyptian Scribes]. Saint Petersburg. Коростовцев, М.А. *Писцы Древнего Египта*. СПб.
- Makeeva, N.V., Anokhina, E.A. 2023: [The Hymn to the Inundation of the Nile: Two Ancient Egyptian Ostraca in the State Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 83/2, 402–420.
- Макеева, Н.В., Анохина, Е.А. Два остракона с гимном Нильскому разливу в древнеегипетском собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина. *ВДИ* 83/2, 402–420.
- Mathieu, B. 1998: La “Satire des Métiers”. Dossier bibliographique. *GRAFMA Newsletter (Bulletin du Groupe de Recherche Archéologique Française et Internationale sur les Métiers depuis l’Antiquité)* 2, 37–40.
- Mathieu, B. 1999–2000: La “Satire des Métiers” (2). *GRAFMA Newsletter (Bulletin du Groupe de Recherche Archéologique Française et Internationale sur les Métiers depuis l’Antiquité)* 3–4, 65–73.
- Mathieu, B. 1998: *Chto chitali egiptiyan 4000 let tomu nazad* [What Did the Egyptians Read 4,000 Years Ago]. Leningrad. Матье, М.Э. *Что читали египтяне 4000 лет тому назад*. Ленинград.
- Mathieu, B. 1936: *Chto chitali egiptiyan 4000 let tomu nazad* [What Did the Egyptians Read 4,000 Years Ago]. Reprint. Leningrad. Матье, М.Э. *Что читали египтяне 4000 лет тому назад*. Переизд. Ленинград.
- Mathieu, B. 1950: [From the Teaching of Akhtoi]. In: V.V. Struve (ed.), *Khrestomatiya po istorii drevnego mira* [A Selection of Sources on the History of Ancient World]. Vol. I. Moscow, 51–53. Матье, М.Э. Из «Почувствий Ахтоя». В сб.: В.В. Струве (ред.), *Хрестоматия по истории древнего мира*. Т. I. М., 51–53.
- Panov, M. 2021: *Literaturnye i istoriko-biograficheskie nadpisi (II tys. do n.e.)* [Literary, Historical and Bibliographical Inscriptions (2nd Millenium BC)]. Novosibirsk. Панов, М.В. *Литературные и историко-биографические надписи (II тыс. до н.э.)*. (Египетские тексты, XV). Новосибирск.
- Piankoff, A. 1933: Quelques passages des “Instructions de Douaf” sur une tablette du Musée du Louvre. *Revue d’égyptologie* 1, 51–74.
- Quack, J. 2020: Eine spätzeitliche Handschrift der Lehre des Cheti (Papyrus Berlin P 14423). In: Sh.-W. Hsu, V. Laisney, J. Moje (eds.), *Ein Kundiger, der in die Gottesworte eingedrungen ist. Festschrift für den Ägyptologen Karl Jansen-Winkel zum 65. Geburtstag*. (ÄAT, 99). Münster, 233–251.
- Quirke, S. 2004: *Egyptian Literature 1800 BC: Questions and Readings*. (Golden House Publications Egyptology, 2). London.
- Turaev, A.B. 1935: *Istoriya Drevnego Vostoka* [The History of the Ancient Orient]. Vol. I. Leningrad. Тураев, Б.А. *История Древнего Востока*. Т. I. Ленинград.
- Turaev, B.A., Borozdin, I.N. (eds.) 1917: *Drevniy mir. Izbornik istochnikov po kul’turnoy istorii Vostoka, Gretsii i Rima* [Ancient World. Collection of Sources on the Cultural History of the Orient, Greece and Rome]. Moscow. Тураев, Б.А., Бороздин, И.Н. (ред.). *Древний мир. Изборник источников по культурной истории Востока, Греции и Рима*. М.
- Vernus, P. 2010: *Sagesses de l’Égypte pharaonique*. Paris.

DOI: 10.31857/S032103910014093-5

ЕГИПЕТСКОЕ РАБСТВО В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ М.А. КОРОСТОВЦЕВА

С. Б. Крих

Омский государственный университет, Омск, Россия

E-mail: krikh@rambler.ru

ORCID: 0000-0001-8220-9956

Главная тема статьи — раннее научное творчество академика М.А. Коростовцева (1900–1980), пришедшего окончательно в историческую науку лишь ко второй половине своей жизни. В довоенный период историк успел написать сравнительно немного работ, среди которых особую роль играет кандидатская диссертация, посвященная египетскому рабству периода XVIII династии. Ее текст интересен тем, что фиксирует новую фазу развития советской историографии древности, при которой именно рабовладельческая теория считалась проявлением марксистско-ленинского характера советской науки. Научным руководителем Коростовцева был В.В. Струве, поэтому многие моменты в диссертации отражают его понимание истории древневосточных обществ. Тем не менее Коростовцев не был только учеником Струве, поскольку он проявлял большую осторожность в работе с источниками и большую аккуратность в итоговых выводах. Он не обнаружил упоминаний большого числа рабов при XVIII династии ни среди военнопленных, ни в сфере частновладельческого рабства, кроме нескольких исключений, которые не обязательно означали общее широкое распространение рабовладения. В этом отношении можно говорить о Коростовцеве как о последователе Ю.Я. Перепёлкина, в том числе потому что в эти же годы он защищал взгляды Перепёлкина в своих письмах к А.Б. Рановичу: согласно Коростовцеву, на деле марксистская теория быстро придет к исчерпанию, если будет спешить с обобщениями до того, как сможет удостоверить их историческими фактами. Тем не менее в собственной работе Коростовцев смог найти лишь неустойчивый баланс между заявленным обобщением о рабовладельческом Египте и свидетельствами источников об относительно скромном развитии рабства при XVIII династии.

Ключевые слова: древняя история, советская историография, исследования рабства, М.А. Коростовцев

Данные об авторе. Сергей Борисович Крих — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории ОмГУ.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (проект № 20-09-41014) «От Святой Земли до рабовладельческой формации: история Древнего Ближнего Востока в российской исторической науке XX в.».

EGYPTIAN SLAVERY IN THE EARLY WRITINGS OF M.A. KOROSTOVTSEV

Sergey B. Krikh

Omsk State University, Omsk, Russia

E-mail: krikh@rambler.ru

Acknowledgements: Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-09-41014

The article focuses on the early scholarship of the Soviet Egyptologist Mikhail Korostovtsev (1900–1980), who dedicated himself to historical research only in the second part of his life. His academic works prior to the Second World War were not numerous, but his dissertation about Egyptian slavery during the 18th dynasty became an important text marking a new stage in the Soviet historiography of antiquity because the theory of the ‘slave-owning society’ was considered to be the sign of ‘true’ Marxism-Leninism. Korostovtsev’s understanding of the social structure of the Ancient Near East was substantially influenced by his supervisor Vasilii Struve, but Korostovtsev was not merely a disciple of Struve, for his own work with ancient sources and his conclusions show much higher accuracy than Struve’s. Moreover, he found no evidence for a large number of slaves during the 18th dynasty, neither among the captive slaves nor among the private ones, except for a few examples that do not prove a widespread distribution of slavery. In this respect we could think of Korostovtsev as of a disciple of Yuri Perepyolkin, because in the same years he defended the ideas of Perepyolkin in his letters to Abram Ranovich: according to Korostovtsev, Marxist theory would become fruitless if it rushed to generalizations without proper verification by facts. In his own research, however, Korostovtsev was only balancing between the asserted generalizations about slavery in ancient Egypt and the actual evidence for the relatively modest spread of slavery during the 18th dynasty.

Keywords: ancient history, Soviet historiography, studies of slavery, M.A. Korostovtsev

В последние десятилетия история науки достаточно активно использует понятие «научная школа», которое помогает выстраивать сложные объяснительные конструкции даже при том, что само содержание этого понятия является дискуссионным¹. Но главная проблема применения этого понятия заключается не в теоретическом измерении, а в том, что в практическом отношении оно гораздо хуже работает при обращении к фигурам отдельных ученых, чем при обобщающем использовании. Если же мы начинаем анализировать историю советской науки, в которой отношения между учеными и властными структурами воздействовали и на отношения ученых между собой, тогда эта проблема даже усложняется².

Так, с одной стороны, говоря об изучении истории древнего Востока в СССР, кажется безусловно продуктивным употреблять понятие «школа В.В. Струве»³, ведь под руководством академика защищались кандидатские и докторские диссертации, он выступал редактором многочисленных монографий и различных

¹ Sveshnikov 2016, 30–41.

² Krikh 2016.

³ Bolshakov 2011, 6.

научных сборников, его взгляды на историю Востока как рабовладельческую на своем первом этапе (а особенно их обоснование) были выражены вполне определенно и в той или иной форме воспроизводились его последователями. Наконец, его программа изучения социально-экономической истории древних Месопотамии и Египта в той или иной форме реализовывалась на протяжении всего советского периода⁴.

С другой стороны, если задаться вопросом, какие историки (или филологи, поскольку изучение Востока неразрывно связано и с языковой специализацией) могут быть названы учениками Струве — не с формальной точки зрения (написание квалификационной работы под его руководством, посещение лекций и семинаров и прочие черты научной клиентелы⁵), а с точки зрения содержательной (следование единой концепции, тематике исследований и отчасти научному стилю), — то складывается впечатление, будто в этой «научной школе» не было заметных учеников. Обратимся только к примеру египтологии (в случае с ассириологией дела обстояли по сути так же). Если брать старшее поколение, М.Э. Матье скорее противостояла Струве, чем действовала вместе с ним⁶, упрямо сомневался в рабовладельческой концепции И.М. Лурье, совершенно параллельным курсом двигался Ю.Я. Перепёлкин⁷. Среди «молодых» (пришедших в науку в послесталинский период) Е.С. Богословский вообще не взаимодействовал со Струве (он закончил Пермский университет за год до смерти академика; его учителями стали последовательно Матье и Перепёлкин), а О.Д. Берлев, относившийся к академику с огромным уважением, не написал ни одной «струвианской» работы: конечно, исследования Берлева проводились в русле социальной тематики (что привычно для советской науки), но ни с точки зрения стиля, ни, особенно, содержания и выводов они никак не могут считаться творениями последователя Струве.

Здесь и возникает вопрос: что же происходило с исследователями, которые начинали учиться у Струве и работать в русле предложенной им тематики, если потом это заканчивалось их «прощанием» с «научной школой»? Из рассмотрения следует сразу исключить те фигуры, у которых могла быть личная неприязнь к Струве, и ограничиться теми, кто сохранял с академиком хорошие отношения.

Такой фигурой, до сих пор остающейся на втором или даже третьем плане в современных исследованиях советской науки о древности, предстает М.А. Коростовцев (1900—1980). Если его жизнь, в которой было место почти кинематографическим перипетиям, уже привлекала внимание исследователей, то научное творчество было предметом лишь предварительного анализа⁸. И можно понять почему: в его статьях и книгах нет ярких и спорных формулировок, равно как и потока воинственных высказываний, свойственных публикациям сталинского времени, не он сотворил перелом в советских представлениях о древневосточных

⁴ Bogoslovskaya 2019, 236.

⁵ Tikhonov 2016, 78—91.

⁶ Piotrovskiy 1995, 93; Bolshakov 2011, 9.

⁷ См, например, Piotrovskiy 1995, 41.

⁸ Timofeeva 2011; Ladynin, Timofeeva 2014; Tamazishvili 2001; Krikh 2019; Pavlova 1990. Специальная диссертация о творчестве Коростовцева (Abdalla 2000) отличается описательным подходом и не дает полного обзора тематики исследований академика.

обществах (это сделал В.В. Струве) и не он совершил заметный шаг для пересмотра этих представлений (это сделал И.М. Дьяконов). Во второй части своей научной жизни он, хотя и участвовал иногда в дискуссиях об устройстве древневосточного общества, сосредоточился на изучении египетского языка Нового царства, оставив достойный вклад в этой сфере, но тем самым по сути уйдя от магистральной для советской исторической науки социально-экономической тематики. По мнению В.М. Алпатова, его нужно помнить как ученого «всецело принадлежавшего советской эпохе и разделявшего ее идеологию»⁹. Т.е. Коростовцев на протяжении десятилетий действовал в научном поле советской историографии, менялся вместе с советской наукой, но никогда не был инициатором этих перемен. В этом причина отсутствия внимания к его трудам в истории науки: восхищение или порицание заслужили другие.

Тем не менее раннее творчество Коростовцева — до его поездки в Египет в 1944–1947 гг. (закончившейся арестом) — это во многом пример принадлежности к «школе Струве», хотя оно и занимает достаточно короткий период: серьез в науку он пришел только после 1935 г., а первые публикации относятся к 1939 г. До этого жизнь будущего академика хотя и включала в себя факультативное увлечение египтологией, шла совершенно иным путем: долгое время он служил на торговом флоте, став капитаном¹⁰. Ранний период его творчества, видимо, можно определить приблизительно как 1935–1942 гг., поскольку в 1943 г. он защитил докторскую диссертацию по письму и языку древнего Египта, что уже знаменует отход от социально-экономической тематики. Командировка в Египет позволила ему установить связи с зарубежной наукой, осуществить несколько публикаций на французском языке, но закончилась трагически. После ареста и лагерей, забравших несколько лет жизни, Коростовцев в 1955 г. вернулся в науку, его основные усилия были направлены теперь на изучение новоегипетского языка. Личное почтение к фигуре Струве и согласие с его общим пониманием рабовладельческого характера древнеегипетского общества он сохранил, но во втором случае это не было подкреплено продолжающейся работой в том же направлении. Это и дает возможность определять ранний этап творчества Коростовцева как существенно отличающийся от последующих и рассмотреть его отдельно.

Первые публикации Коростовцева немногочисленны и в основном невелики по объему, к более или менее значимым можно отнести лишь две статьи, посвященные периодам V и XIX династий.

Самая объемная из этих статей представляет собой подробно комментированное издание источника — декрета Сети I в Наури, и хотя в комментарии есть достаточно обширный отрывок, посвященный обсуждению проблемы рабовладения в Египте, по преимуществу это источниковедческая работа¹¹. Во второй статье рассматривается проблема прихода к власти V династии — анализируя папирус Весткар и сопоставляя его данные с другими источниками, автор приходит к выводу

⁹ Pavlova 2001, 239; образ Коростовцева в воспоминаниях современника см. Diakonoff 1995, 419, прим. 1.

¹⁰ Stuchevskii 1970, 202.

¹¹ Korostovtsev 1939.

о различии между народным преданием, противопоставлявшим IV династию ее преемнице, и официальным египетским нарративом, постулировавшим отсутствие принципиального поворота при смене династии¹². Обращает на себя внимание как хронологический разброс тем: от Древнего царства до Нового, так и то, что Коростовцев достаточно определенно выступал как ученик и последователь Струве — и это были как раз те годы, когда утверждалась рабовладельческая концепция древневосточного общества в предложенной Струве трактовке.

При этом большая часть из того, что Коростовцев написал до войны, осталась неопубликованной. Помимо ряда небольших статей (такова, например, написанная совместно со Струве и очень схематично трактующая вопрос «Религия древнего Востока и происхождение христианства»¹³), это, в первую очередь, его кандидатская диссертация и вводные главы в рукописи «древневосточного» тома готовящейся «Всемирной истории». Диссертацию начинающий историк защищал под руководством Струве, она называлась «Рабство в древнем Египте в эпоху Нового царства (XVIII—XX династии). Часть I. Эпоха XVIII династии»¹⁴, и ее анализ позволяет не только понять особенности раннего научного творчества самого Коростовцева, но и приблизиться с новых позиций к решению вопроса об укоренении советских представлений о древневосточной истории. Перед нами определенно одна из первых диссертаций по древней истории, защищенных в уже установившихся советских институтах автором с почти исключительно советским образованием, что делает оправданным особое внимание к ней.

То, что в это время Коростовцев выступает последовательным учеником Струве, становится заметно с первых же страниц его диссертации, и поначалу это может вообще закрыть для читателя всю остальную перспективу. «До работ академика Струве вопрос о структуре древнеегипетского общества никогда не вызывал в науке споров и дискуссий, так как считалось твердо установленным, что древнеегипетское общество было обществом феодальным»¹⁵. Собственно, диссертация и начинается с противопоставления буржуазного взгляда на древнеегипетское общество и того «коренного переворота», который произвел Струве, подойдя к проблеме «на основе марксизма-ленинизма»¹⁶. Признание лидирующей роли учителя в те годы для Коростовцева настолько тесно связывалось с важнейшими достижениями советского востоковедения, что он подробно написал об этом и в главе об изучении Востока для упомянутого выше II тома «Всемирной истории»: «Громадные знания материала любой отрасли науки о древнем Востоке, широта исторического кругозора, делают акад. В.В. Струве достойным руководителем советского востоковедения»¹⁷.

При этом не следует думать, что перед нами не более чем акт оммажа ученика перед учителем: начинающий египтолог не только усвоил основные положения

¹² Korostovtsev 1941.

¹³ РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 274. Оп. 1. Д. 11. 19 л.

¹⁴ Вторая часть, судя по всему, так и не была никогда написана.

¹⁵ РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

¹⁶ РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

¹⁷ АРАН. Ф. 1577. Оп. 6. Д. 421. Л. 86. Фразу эту, впрочем, редактор тома (А.Б. Ранович) вычеркнул. См. также Карпук, Krikh 2019, 146.

«рабовладельческой» концепции Струве, но и внимательно проработал возможности сравнения месопотамской и египетской общественных структур¹⁸ — и в соответствующих частях диссертации такое сравнение проводится. Нельзя исключать, что это сравнение предлагал провести как раз научный руководитель — по крайней мере, оно сделано буквально по тем пунктам и в той системе понятий, в которой в те годы мыслил Струве: высказаны предположения о том, что у египетских рабов, как и у ассиро-вавилонских, мог быть пекулий¹⁹, что египетские законы, подобно Законам Хаммурапи, должны были содержать и статьи о рабах²⁰, наконец, что пути развития рабства в Египте и Месопотамии были в целом одинаковы²¹.

В общем и структура диссертации, если рассматривать ее с точки зрения развертывания и аргументации главной мысли, построена по образцам исследований Струве: общетеоретические заявления сменяются исследованием терминологии и продолжаются последовательным рассмотрением памятников эпохи, после чего делаются резюмирующие выводы. Во введении к диссертации (22 страницы) Коростовцев помещает исследование в контекст марксистско-ленинской теории, в первой главе (10 страниц) определяет, какие термины он будет принимать во внимание при изучении рабского состояния (Hm, mrg.t, sqg-anx), вторая глава (69 страниц) посвящена анализу надписей царей и сановников, третья (60 страниц) — источникам по истории частновладельческого рабства.

Тем не менее говорить о диссертации Коростовцева исключительно как о продолжении дела Струве не следует. Во-первых, Коростовцев не мог быть только эпигоном, даже если бы хотел этого: у него, в отличие от научного руководителя, не было дореволюционного научного бэкграунда²² и перед ним не стояло проблемы поиска нового стиля научного письма или отказа от «буржуазных» теорий. Соответственно и обычай сыпать цитатами из «классиков марксизма-ленинизма» во вводных разделах научных публикаций, был им, в отличие от Струве, усвоен более органически, поскольку произошло это в самом начале научной карьеры.

Можно было бы предположить, что Коростовцев так же «органично» исповедует марксизм уже не как теоретическую рамку, а как методологию исследований, но диссертация показывает, что дело обстоит несколько иначе. Метод, который

¹⁸ Как писал сам Коростовцев в другой работе: «Египет и Вавилония — это несомненно основные страны Древнего Востока». АРАН. Ф. 1577. Оп. 6. Д. 420. Л. 1.

¹⁹ РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 156–158.

²⁰ РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 160.

²¹ РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 158–159. Собственно, знаменитый «рабовладельческий» доклад Струве июня 1933 г. базировался на парном рассказе о «Вавилонии и Египте», которые признаются наиболее цивилизованными странами древности наряду с Грецией и Римом (Struve 1934, 34).

²² Переписка с Б.А. Тураевым в гимназические годы — свидетельство интереса к Египту, но никак не настоящего погружения в тему, — во всяком случае в 1930-е годы Коростовцеву снова придется осваивать материал по Египту почти с азов — если верна архивная датировка словарика египетских терминов, который составлен им в тетрадке в начале 1930-х годов с использованием обычной справочной литературы тех лет (особенно много из словаря Брокгауза и Эфрона). Stuchevskii 1970, 202; РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 274. Оп. 1. Д. 20.

действительно лежит в основе работы, сформулирован автором отдельно, в первой главе, и лишен каких-либо отсылок к руководящей теории. Диссертант поясняет, как он на самом деле будет работать с источниками и почему филологическое исследование египетской терминологии форм зависимости не является достаточным для достижения его целей:

Филологические соображения и выводы в изучении рабства в Египте могут играть только вспомогательную роль, и сами по себе не могут дать нам ключа к пониманию содержания и форм египетского рабства. Это понимание может быть достигнуто только путем исследования экономических и социальных данных, которые можно извлечь из текстов.

В интересах точности и объективности в дальнейшем мы будем придерживаться такого метода: данные о рабстве будут рассматриваться в порядке хронологической последовательности династии. Этот прием дает возможность проследить развитие рабства в историческом аспекте. Отдельные памятники или их группы, относящиеся к одной и той же династии, будут рассматриваться отдельно друг от друга, и лишь на основании выводов, полученных из такого исследования, будет даваться обобщенное заключение о рабстве в период той или иной династии. К тому или иному термину, содержащемуся в текстах, мы будем подходить не с заранее предвзятым убеждением, что он обязательно означает раба, а наоборот мы будем пытаться определить его социальное значение из содержания текста²³.

Ниже мы покажем, что эта декларация оказалась лишь частично воплощена при работе с источниками, пока же выскажем два промежуточных наблюдения: во-первых, советская историография была изначально дуалистична — научная идеология никогда не могла полностью вытеснить научную методологию, и в том случае, если работа действительно оставалась научной, эти две ипостаси приходилось совмещать; в диссертации Коростовцева, возможно, интуитивно, найдено достаточно аккуратное решение этой проблемы: идеология торжественно выдается за методологию, помещаясь во введении, а собственно методология под именем «метода» выносится в специальную небольшую главу (фактически, второе введение).

Во-вторых — и это представляется принципиальным для понимания творчества раннего Коростовцева, — для него такая манера не была ни эзоповым языком, ни вообще каким-либо сложным решением. Как минимум в эти годы, встречаясь с некоторыми противоречиями между идеей и методом, он полагал, что они временны и будут гармонизированы развитием науки. По крайней мере, это предположение подтверждается тем, как увлеченно доказывал Коростовцев в своей переписке с Рановичем в мае 1941 г. необходимость воздерживаться от слишком смелых выводов о структуре египетского общества. Говоря о первостепенной важности изучения фактов и недопустимости того, чтобы теория шла перед ними, Коростовцев постоянно ссылается на Маркса, Энгельса, Ленина и, конечно, Сталина: «Снова напомню Вам слова И.В. Сталина о том, что революционная теория есть обобщение революционного опыта, т.е. фактов массового порядка из революционного движения... Вспомните важнейшие партийные документы по вопросам истории — Постановление ЦК ВКП(б) в связи с выходом в свет “Краткого курса ВКП(б)”, замечания тт. Сталина, Кирова и Жданова и др. Закономерность, оторванная от конкретных фактов, — это не марксистская закономерность. Поэтому историк должен быть конкретен, и восстановление прошлых событий с максимальной точностью является точно так же важнейшей задачей истории.

²³ РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 31–32.

Больше того, если эти события не установлены, то как можно делать выводы о закономерностях, по которым совершались эти неизвестные события?»²⁴. Египтология, заключал Коростовцев, разработана менее других исторических дисциплин, поэтому и попытки объяснить то, что «фактически неизвестно», будут «халтурой»²⁵.

Здесь важно указать, в каком контексте возник этот спор. К сожалению, сохранились только письма от Коростовцева, поэтому точно восстановить ход полемики нельзя, но причиной ее было обсуждение глав II тома «Всемирной истории» (этот том планировалось посвятить целиком истории древнего Востока). Ранович столкнулся с нежеланием ленинградских авторов вносить в главы по Египту (и отчасти по хеттам) обобщающие ремарки (как это назвал его оппонент, «заполнять проблемы от отсутствия памятников аналогиями и общими рассуждениями»²⁶), причем, судя по всему, хотя главным корреспондентом Рановича выступал Коростовцев, наибольшее сопротивление редакции оказывал Ю.Я. Перепёлкин²⁷.

И хотя влияние этого египтолога на диссертацию Коростовцева непосредственно не бросается в глаза, влияние это следует учитывать, говоря о тех моментах, в которых Коростовцев как раз высказывает осторожность и несклонность к безапелляционным обобщениям. Собственно, стандарты советской исторической литературы сталинского времени вполне позволяли, отыскав несколько упоминаний большого числа рабов в источниках, говорить и о доказанности рабовладельческого характера общества, и о сравнительно высокой степени развития рабовладения в Египте.

Но Коростовцев в принципе отвергает такой прием. С самого начала он подчеркивает, что рабство в Египте не идентично классическому рабству Греции и Рима — сделано это в основном для того, чтобы ослабить позиции Ж. Байе, не находившего в египетском языке слова, которое бы адекватно передавало, скажем, латинское *servus*: «Египетские термины выражали и обозначали египетские формы рабства, а не античные»²⁸, — подчеркивает Коростовцев; в дальнейшем мысль эта не забывается и никогда не уходит на второй план — Коростовцев прямо пишет об отсутствии «резкой бытовой пропасти между хозяевами и рабами»²⁹. При проведении параллелей с Месопотамией дано примечание, в котором уточнено, что «в Двуречье денежное хозяйство было развито гораздо сильнее, чем в Египте, и это не могло не откладывать своего отпечатка на все стороны хозяйственной и общественной жизни Египта»³⁰ — наверное, будет слишком смело трактовать эту сноску в качестве оберега от чрезмерной экспансии идей научного руководителя, но по крайней

²⁴ Kluev, Metel' 2018, 63–65.

²⁵ Kluev, Metel' 2018, 68–69.

²⁶ АРАН. Ф. 1577. Оп. 6. Д. 420. Л. 5.

²⁷ Подробнее см. Карпук, Крих 2018, 1025.

²⁸ РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 25. Критика Коростовцевым статьи Байе в общем мало отличается от критики, которую дал Струве за несколько лет до этого: Struve 1934, 93, прим. 24.

²⁹ РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 156.

³⁰ РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 161, прим.

мере она является еще одним свидетельством того, что Коростовцев до известной степени был сторонником понимания «Египта через Египет».

Еще более существенно то, каким образом диссертант делал выводы из обработанного им материала. Он совершенно не доверяет не подтвержденным дополнительными данными утверждениям о большом количестве рабов в начале правления XVIII династии: «К словам обоих Ахмосов — “не было числа военнопленным” и “очень много военнопленных” мы должны относиться очень осторожно: несомненно, что конкретное число военнопленных, скрывающихся под этими словами, вовсе не было так велико, как это хотят сказать оба Ахмоса»³¹. Упоминания тысяч и даже миллионов пленных воспринимаются историком как риторические преувеличения. Проверить такого рода утверждения автор пытается через анализ надписи Тутмоса I из Абидоса: по его мнению, тот факт, что царь не даровал абидосскому храму Осириса рабов, но в то же время подарил их храму Амона, свидетельствует об ограниченном количестве военнопленных, бывших в его распоряжении³². Эти рассуждения, кстати говоря, вызвали весьма характерную реакцию со стороны Струве в его отзыве на диссертацию: «Исходя из своей предпосылки, что походы царей до Тутмоса III давали мало пленных, автор делает из надписи Тутмоса I, повествующей о его заботах по отношению к абидосскому храму Осириса вывод, что названный царь не подарил храму Осириса рабов. Действительно, в надписи не говорится о дарениях рабов, но надпись не говорит также ни о дарениях земли, ни о дарениях скота. Надпись заполнена общими фразами о благодеяниях царя храмам, о подчинении жрецам и о строительных работах. Поэтому нельзя и сделать на основании ее столь категорический вывод»³³.

В действительности Коростовцев с осторожностью относился к идее приписывать походам Тутмоса III доставку множества пленных в Египет в качестве рабов³⁴; за анализом сообщения о захваченных в плен после победы при Мегиддо вполне логично следует оговорка о том, что не всякий пленный автоматически обретал рабский статус³⁵. Значительная часть военнопленных поступала в храмы, и здесь автор смог на основании нескольких документов изучить, в каких сферах их использовали, и сопоставить эту практику с использованием рабского труда при храмах Вавилонии. Однако и здесь была сделана оговорка: примеров сдачи храмовых рабов внаем за пределы храмового хозяйства мы не имеем, что может объясняться меньшей развитостью торговых и денежных отношений в Египте³⁶.

³¹ РС НИА СПбИИ РАН. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 43.

³² РС НИА СПбИИ РАН. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 45.

³³ РС НИА СПбИИ РАН. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 181. Обратим внимание на то, что научный руководитель в отзыве вступает в полемику с диссертантом по вопросу, который можно было решить еще до защиты. Это говорит о том, что Струве не был склонен к деспотической правке текста своего ученика.

³⁴ Нельзя не привести здесь аналогию со статьей О.Д. Берлева, написанной спустя почти полвека: Berlev 1989. В то время как работы, написанные на ту же тему в сталинскую эпоху, выглядели иначе: Katznelson 1951.

³⁵ РС НИА СПбИИ РАН. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 50–51.

³⁶ РС НИА СПбИИ РАН. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 98–100.

Наконец, обращаясь к анализу источников по частному рабовладению, диссертант подчеркивает как их немногочисленность для периода XVIII династии, так и непроясненность многих деталей, которая не позволяет исследователю прийти к ясному пониманию частновладельческого рабовладения. Указаний на источники рабства в папирусах нет, но через анализ контрагентов сделок становится понятным, что владение рабами было обычно связано с государством и храмом: «Пленные, превращенные в рабов, концентрировались в храмовом царском хозяйстве и в руках бюрократии и военных»³⁷, при этом рабовладелец мог быть относительно незначимым представителем египетского общества (пастух, сын воина), но обладал известным достатком. Существенно, что и в этом эпизоде Коростовцев не стал использовать аргумент, который для советской науки был вполне легитимным (и применялся им самим ранее³⁸): если даже люди среднего положения были рабовладельцами, это свидетельствует о широком распространении рабства. Аргумент этот открывал довольно большие возможности для того, чтобы писать о развитом рабовладении в самых разных древних странах, но диссертант предпочел дать более взвешенную формулировку: «Рассмотренные памятники не дают нам возможности более или менее точно установить, как широко было распространено частное рабовладение»³⁹; правда, далее была дана ссылка на эдикт Хоремхеба, защищающий права собственности на рабов — а эдикт, по мнению автора, регулировал установившиеся и частые явления.

Может создаться впечатление, что мнение Коростовцева относительно рабства в эпоху XVIII династии колеблется как на качелях: сначала военнопленных было немного, но затем их количество возрастает; рост замечен при Тутмосе III, но его не следует преувеличивать — тем не менее рабский труд широко используется в храмовом хозяйстве; если у храмов и государства рабов относительно много, то у частных лиц распространение рабства неясно; но коль скоро государство регулирует эти вопросы, это значит, что рабство было более или менее укоренено и т. д. Легче всего было бы объяснить эти колебания стремлением к нахождению равновесия между общими идеями Струве и культом работы с источниками Перепёлкина⁴⁰. В таком случае первый импульс толкал диссертанта к тому, чтобы определять предметом своего исследования именно рабство (а не вообще формы зависимости), второй — к тому, чтобы постоянно указывать на ненадежность обобщений.

Косвенно в пользу этого соображения может свидетельствовать то, что Коростовцев проявил известную сдержанность при проведении исследования: он зафиксировал факт крайне высоких цен на рабов, сдаваемых частными лицами внаем, но при этом отказался давать этому объяснение⁴¹ — хотя, как

³⁷ РС НИА СПбИИ РАН. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 118.

³⁸ Korostovtsev 1939, 278; см. также Struve 1941, 180: «даже “маленькие люди” имели рабов».

³⁹ РС НИА СПбИИ РАН. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 159.

⁴⁰ Его помощь упомянул и сам Струве в отзыве — вписав это на полях. РС НИА СПбИИ РАН. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 180.

⁴¹ РС НИА СПбИИ РАН. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 123–125.

засвидетельствовал в своем отзыве Струве, в личной беседе Коростовцев высказал некую вполне убедительную (и нам ныне неизвестную) версию⁴².

Поддерживая научные амбиции диссертанта, Струве в своем отзыве тем не менее указал, что тот мог бы «быть более решительным при интерпретации своих источников и мог бы тогда еще более подкрепить свое положение о значительной роли рабства в экономике Египта»⁴³. Струве как раз полагал, что сведения источников позволяют проследить связь между тысячами пленных, которых приводили из походов египетские цари, и десятками захваченных в плен, о которых пишут отдельные лица (воин Яхмес при Тутмосе III) — это, на его взгляд, давало возможность утверждать, что сообщения о большом количестве пленных «не были пустым бахвальством»⁴⁴. Положение о том, что уже при XVIII династии рабовладение в Египте получило особое развитие, вполне явно следует и из учебника для университетов, написанного Струве в те же годы⁴⁵.

Учитывая то, что перед нами не законченное исследование, а только его первая часть — хотя тот факт, что вторая часть, видимо, не была написана, тоже симптоматичен, — сложно делать выводы о том, как оно должно было выглядеть целиком в представлении Коростовцева (или в планах его научного руководителя). Судя по некоторым оговоркам и по упомянутой выше ранней статье, вторая часть диссертации должна была развернуть куда более убедительную и полномасштабную картину развития рабства в период Нового царства: например, положение евреев в Египте трактовалось именно как рабское, должны были использоваться надписи Сети I⁴⁶, постулировалось и то, что «непосредственные производители храмовых владений имели рабов Нм»⁴⁷. Но первая часть, которая была защищена как кандидатская диссертация, предстает в своем ядре вполне аккуратным исследованием, которое не слишком контрастирует, например, со статьей Ж. Байе, несмотря на то, что в первой главе этот французский египтолог и заслужил критику за чисто механистическое решение вопроса — распространенный полемический прием советской историографии тех лет.

Байе, напомним, в 1907 г. исследовал только именованя рабов в Древнем Египте, разобрав несколько десятков примеров и подчеркнув, что окончательные выводы на этом основании делать нельзя, как нельзя и найти такой египетский термин, который означал бы именно раба, а не свободного рабочего или крепостного⁴⁸. Критикуя, как было сказано выше, филологический метод Байе, Коростовцев предпочитает обращаться к пониманию разбираемых памятников в историческом контексте, но при этом его анализ неизбежно основывается на филологическом соображении, согласно которому ряд терминов, применяемых египтянами,

⁴² РС НИА СПбИИ РАН. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 184.

⁴³ РС НИА СПбИИ РАН. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 180.

⁴⁴ РС НИА СПбИИ РАН. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 182.

⁴⁵ Struve 1941, 180–181.

⁴⁶ Соответственно, упомянутая выше статья Коростовцева о декрете Сети I могла быть ранним подступом к планируемой второй части диссертации.

⁴⁷ Korostovtsev 1939, 275–278.

⁴⁸ Baillet 1907, 24.

определенно обозначали рабов, т.е. были идентичны по своему значению — потому что «даже скептический» Байе признает это⁴⁹.

Соответственно, за пределами деклараций о рабовладельческом строе и различии между советской и буржуазной наукой, позиция Коростовцева сходна с позицией Байе как в том, что ставится вопрос о рабовладении там, где еще не решен вопрос о формах зависимости в целом (что было типично для науки первой половины XX в.), так и в том, что при этом Коростовцев старается воздерживаться от слишком смелых утверждений — правда, с поправкой на то, что считалось слишком осторожным именно в советской традиции. В этом смысле можно говорить о том, что здесь наметилась развилка между теоретизирующим (историко-публицистическим) и фактологическим типами повествования, причем в дальнейшем советская египтология, если вспоминать о работах О.Д. Берлева или Е.С. Богословского⁵⁰, пойдет по пути очевидного преобладания фактологии над теоретизированием, хотя ни тот, ни другой, вполне вероятно, не читали диссертацию Коростовцева⁵¹.

Работу Коростовцева поэтому не получится свести только к нахождению равновесия «между Струве и Перепёлкиным» — перед нами иное поколение и, соответственно, иная судьба советского египтолога. В этом случае нельзя обнаружить таких резких разрывов между ранним и зрелым этапами творчества, как в случае со Струве, который, действительно, защищал то одну, то другую точку зрения на восточное общество⁵². Приход Коростовцева в науку состоялся тогда, когда рабовладельческая концепция считалась вполне обоснованной, что, конечно, не исключало уточнения отдельных моментов.

Но главное, анализ диссертации Коростовцева позволяет нам говорить о важной особенности того, как укреплялась «рабовладельческая» концепция истории древнего Востока. Это не могло быть чисто идеологическое действие, состоявшее только в поспешной «пересадке» признанной правильной теории на почву исторического материала: для акта веры нужен был сначала убедительно проведенный ритуал проверки фактами. Поэтому нельзя согласиться с мнением, будто советская историческая наука обслуживала только идеологические запросы политической системы. С другой стороны, сложно согласиться и с разведением в советской науке идеологической и позитивистской функций и представлением о том, что за идеологической «шелухой» существовала «нормальная» наука.

⁴⁹ РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 26. Похожий аргумент содержится в уже упомянутой ранней статье о роли рабства в Новом царстве: «Даже Эд. Мейер, апологет феодализма на древнем Востоке, должен признать...» (Korostovtsev 1939, 274).

⁵⁰ Berlev 1972; 1978; Bogoslovsky 1979.

⁵¹ Не будучи опубликованной (даже во фрагментарном виде), диссертация не оказала практически никакого влияния на советские исследования о рабстве. Хотя А.Л. Вассоевич приводит письмо Перепёлкина, отправленное в апреле 1980 г. в Главную редакцию восточной литературы издательства «Наука», в котором тот пытался убедить издательство в пользу публикации этой работы. При этом самого текста у Перепёлкина не было, следовательно, он не мог делиться им с коллегами (Vassoevich 2000, 29).

⁵² Слова Ф.В. Кипарисова о Струве. См. Bukharin, Krikh 2020, 200.

Позитивизм и идеологизация — два полюса советской исторической науки, находившихся в неустойчивой гармонии, которая очевидно нарушалась в фазах становления и разложения этой науки, но казалась вполне реальной в стабильный период существования, который как раз и начался в конце 1930-х годов. Поиск этой гармонии, уверенность в том, что она естественна и достижима, и отмечает раннее творчество Коростовцева. В этом отношении он может быть признан типичным советским историком, особенно по сравнению со многими его коллегами, чье творчество изучено гораздо лучше — В.В. Струве, Н.М. Никольским, И.М. Дьяконовым, А.Я. Гуревичем и даже А.Б. Рановичем.

Но «типичность» — состояние крайне неустойчивое, если речь идет об интеллектуальной жизни. Как было сказано ранее, в последующем Коростовцев меняет основное направление своей научной работы, и его принадлежность к «школе Струве» истончается до формального факта ученичества в начале научного пути.

Литература / References

- Abdalla, A. Kh. 2000: *Tvorcheskoe nasledie akademika M.A. Korostovtseva* [The Creative Heritage of Academician M.A. Korostovtsev]. PhD thesis. Moscow.
- Абдалла, А.Х. *Творческое наследие академика М.А. Коростовцева*. Канд. дисс. М.
- Baillet, J. 1907: Les noms de l'esclave en égyptien. *Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes* 29/1–2, 6–25.
- Berlev, O.D. 1972: *Trudovoe naselenie Egipta v epokhu Srednego tsarstva* [The Labor Population of Egypt during the Middle Kingdom]. Moscow.
- Берлев, О.Д. *Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства*. М.
- Berlev, O.D. 1978: *Obshchestvennyye otnosheniya v Egipte epokhi Srednego tsarstva* [Social Relations in Egypt during the Middle Kingdom]. Moscow.
- Берлев, О.Д. *Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства*. М.
- Berlev, O.D. 1989: [Statistical Data Concerning the Importation of the People from Subjugated Lands to Egypt]. In: M.A. Dandamaev (ed.), *Gosudarstvo i sotsial'nye struktury na drevnem Vostoke* [State and Social Structures in the Ancient East]. Moscow, 86–108.
- Берлев, О.Д. Цифровые данные по угону населения покоренных стран в Египет. В сб.: М.А. Дандамаев (отв. ред.), *Государство и социальные структуры на древнем Востоке*. М., 86–108.
- Bogoslovskaya, I.V. 2019: [The Road to Deir el-Medina. Memories of the Master's Widow] In: E.S. Bogoslovsky (ed.), *Novye istochniki po istorii Egipta XV–X vv. do n.e.* [New Sources for the History of Egypt in the 15th–10th Centuries BC]. Saint Petersburg, 229–237.
- Богословская, И.В. Дорога в Дейр эль-Медина. Воспоминания вдовы мастера. В сб.: Е.С. Богословский (ред.), *Новые источники по истории Египта XV–X вв. до н.э.* СПб., 229–237.
- Bogoslovsky, E.S. 1979: «Slugi» faraonov, bogov i chastnykh lits (k sotsial'noy istorii Egipta XVI–XIV vv. do n.e.) [“Servants” of the Pharaohs, Gods and Private Persons (To the Social History of Egypt in the 16th–14th Centuries BC)]. Moscow.
- Богословский, Е.С. «Слуги» фараонов, богов и частных лиц (к социальной истории Египта XVI–XIV вв. до н.э.). М.
- Bolshakov, A.O. 2011: [Leningrad Egyptology Section: At the Origins of Soviet Egyptology]. *Kul'turno-antropologicheskie issledovaniya* [Cultural and Anthropological Studies] 2, 5–10.
- Большаков, А.О. Ленинградский египтологический кружок: у истоков советской египтологии. *Культурно-антропологические исследования* 2, 5–10.
- Bukharin, M.D., Krikh, S.B. 2020: [Historian of the Orient in the Age of Changes: Works of V.V. Struve and the Session of the Department of Social Sciences of the Academy of Sciences of USSR in July 1936]. *Vostok (Oriens)* 6, 196–206.
- Бухарин, М.Д., Крих, С.Б. Историк Востока в эпоху перемен: работы В.В. Струве и совещание в ООН АН СССР в июле 1936 г. *Восток (Oriens)* 6, 196–206.

- Diakonoff, I.M. 1995: *Kniga vospominaniy* [*The Book of Memories*]. Saint Petersburg.
- Дьяконов, И.М. *Книга воспоминаний*. СПб.
- Karpyuk, S.G., Krikh, S.B. 2018: [Work on *The World History* before World War II: Searching for a Management Model]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 78/4, 1011–1031.
- Карпюк, С.Г., Крих, С.Б. Работа над «Всемирной историей» в довоенный период: поиски управленческой модели. *ВДИ* 78/4, 1011–1031.
- Karpyuk, S.G., Krikh, S.B. 2019: [Work on *The World History* before World War II: Fruits of Efforts]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 79/1, 136–151.
- Карпюк, С.Г., Крих, С.Б. Работа над «Всемирной историей» в довоенный период: плоды усилий. *ВДИ* 79/1, 136–151.
- Katznelson, I.S. 1951: [The Nature of Wars and Slavery in Egypt under the Pharaohs-Conquerors from the 17th to the 20th Dynasties]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 3, 40–54.
- Кацнельсон, И.С. Характер войн и рабовладение в Египте при фараонах-завоевателях XVII–XX династий. *ВДИ* 3, 40–54.
- Klyuev, A.I., Metel', O.V. (eds.) 2018: *Abram Borisovich Ranovich: dokumenty i materialy* [*Abram Borisovitch Ranovich: Documents and Materials*]. Omsk.
- Клюев, А.В., Метель, О.В. (сост.). *Абрам Борисович Ранович: документы и материалы*. Омск.
- Korostovtsev, M. 1939: [Decree of Seti I in Nauri]. *Istoricheskiy arkhiv* [*Historical Archive*] II, 239–287.
- Коростовцев, М. Декрет Сети I в Наури. *Исторический архив* II, 239–287.
- Korostovtsev, M.A. 1941: [From the History of the 5th Dynasty in Ancient Egypt]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 31–44.
- Коростовцев, М.А. Из истории V династии в древнем Египте. *ВДИ* 1, 31–44.
- Krikh, S.B. 2016: [The System of the Soviet Historiography: Main Actors and Powers of Influence]. *Voprosy istorii* [*Questions of History*] 7, 162–167.
- Крих, С.Б. Система советской историографии: основные акторы и силы влияния. *Вопросы истории* 7, 162–167.
- Krikh, S.B. 2019: [Historian's Youth: Unpublished Letters of M.A. Korostovtsev]. In: S.P. Bychkov (ed.), *Mir istorika: istoriograficheskiy sbornik* [*The World of the Historian: A Historiographic Almanac*]. Issue 12. Omsk, 308–314.
- Крих, С.Б. Юность историка: неопубликованные письма М.А. Коростовцева. В сб.: С.П. Бычков (отв. ред.), *Мир историка: историографический сборник*. Вып. 12. Омск, 308–314.
- Ladynin, I.A., Timofeeva, N.S. 2014: [Egyptologist M.A. Korostovtsev and His Initiative to Establish a Scientific Representative Office of the USSR in Egypt]. *Istoricheskie zapiski* [*Historical Notes*] 15, 358–382.
- Ладынин, И.А., Тимофеева, Н.С. Египтолог М.А. Коростовцев и его инициатива по созданию научного представительства СССР в Египте. *Исторические записки* 15, 358–382.
- Pavlova, O.I. 1990: [90th Anniversary of the Birth of M.A. Korostovtsev, Member of the USSR Academy of Sciences]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 238–239.
- Павлова, О.И. К 90-летию со дня рождения академика Михаила Александровича Коростовцева. *ВДИ* 1, 238–239.
- Pavlova, O.I. 2001: [The 100th Anniversary of M.A. Korostovtsev. A Conference Held in the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, April 24, 2000)]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 239–240.
- Павлова, О.И. Семинар в Институте Востоковедения РАН, посвященный 100-летию со дня рождения академика М.А. Коростовцева (Москва, 24 апреля 2000 г.). *ВДИ* 2, 239–240.
- Piotrovskiy, B.B. 1995: *Stranitsy moyey zhizni* [*Pages of My Life*]. Saint Petersburg.
- Пиотровский, Б.Б. *Страницы моей жизни*. СПб.
- Struve, V.V. 1934: [The Problem of the Genesis, Development and Disintegration of Slave Societies in the Ancient East]. *Izvestiya Gosudarstvennoy Akademii Istorii Material'noy Kul'tury* [*Proceedings of the National Academy of the History of Material Culture*] 77, 32–111.
- Струве, В.В. Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ древнего Востока. *Известия ГАИМК* 77, 32–111.
- Struve, V.V. 1941: *Istoriya drevnego Vostoka* [*History of the Ancient East*]. Moscow.
- Струве, В.В. *История древнего Востока*. М.

- Stuchevskii, I.A. 1970: [Mikhail Alexandrovich Korostovtsev (On the Occasion of His Seventieth Birthday)]. *Peoples of Asia and Africa* [*Narody Azii i Afriki*] 3, 202–204.
Стучевский, И.А. Михаил Александрович Коростовцев (К семидесятилетию со дня рождения). *Народы Азии и Африки* 3, 202–204.
- Sveshnikov, A.V. 2016: *Ivan Mikhailovich Grevs i peterburgskaya shkola medievistov nachala XX v. Sud'ba nauchnogo soobshchestva* [*Ivan Mihaylovich Grevs and the Petersburg Medievalist School in the Beginning of the XX Century. Scholar Community Fate*]. Moscow–Saint Petersburg.
Свешников, А.В. *Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX в. Судьба научного сообщества*. М. – СПб.
- Tamazishvili, A.O. 2001: [Mikhail Korostovtsev: 1955. Return to the Science]. *Istorija i kul'tura drevnego i rannekhristsianskogo Egipta* [*History and Culture of Ancient and Early Christian Egypt*], 21–28.
Тамазишвили, А.О. Михаил Коростовцев: 1955 год. Возвращение в науку. *История и культура древнего и раннехристианского Египта*, 21–28.
- Tikhonov, V.V. 2016: *Ideologicheskie kampanii «pozdnego stalinizma» i sovetskaya istoricheskaya nauka (seredina 1940-kh – 1953 g.)* [*The Ideological Campaigns of the “Late Stalinism” and Soviet Historical Science (mid 1940s – 1953)*]. Moscow–Saint Petersburg.
Тихонов, В.В. *Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.)*. М. – СПб.
- Timofeeva, N.S. 2011: [Correspondence of M.A. Korostovtsev and the Heads of the Academy of Sciences of the USSR on the Prospects for His Scientific Work in Egypt in 1946–1947 (Review of the Archival Materials)]. *Vostok (Oriens)* 2, 106–115.
Тимофеева, Н.С. Переписка М.А. Коростовцева и руководства АН СССР о перспективах его научной работы в Египте в 1946–1947 гг. (обзор архивных материалов). *Восток (Oriens)* 2, 106–115.
- Vassoevich, A.L. 2000: [About Yuri Iakovlevich Perepyolkin and His Scholars Discoveries]. In: Yu. Ya. Perepelkin, *Istoriya drevnego Egipta* [*The History of Ancient Egypt*]. Saint Petersburg, 5–54.
Вассоевич, А.Л. О Юрии Яковлевиче Перепёлкине и его научных открытиях. В кн.: Ю.Я. Перепёлкин, *История древнего Египта*. СПб., 5–54.

DOI: 10.31857/S032103910025375-5

V. Dasen, Th. Daniaux (éd.). *Locus Ludi: quoi de neuf sur la culture ludique antique?* (Pallas: Revue d'études antiques, 119). Toulouse: Presses universitaires du Midi, 2022. 530 p. ISBN: 978-2-8107-1208-3

Европейский проект Locus Ludi. The Cultural Fabric of Play and Games in Classical Antiquity, инициированный в октябре 2017 г. под руководством Вероник Дазен, задуман с целью сбора разнородных источников (письменных, археологических, изобразительных), относящихся к античным играм, и одновременно как площадка для обсуждения специфики игры в античной культуре, которое должно проходить с учетом методов и теорий антропологии и педагогики (в качестве значимых фигур указывались Й. Хейзинга, Р. Кайуа, Б. Саттон-Смит, Р. Амайон, Т. Ингольд). В своем кумулятивном аспекте проект предстает наследником и продолжателем свода античных игр, созданного 150 лет назад Л. Бек де Фульером¹ на материалах литературных и изобразительных источников.

Указанный проект, центром разработки которого является швейцарский университет Фрибура, осуществляется в рамках серии коллоквиумов и конференций. Подробная информация о нем представлена на сайте URL: www.locusludi.ch (дата обращения: 01.03.2024), где в числе прочего помещены ссылки на состоявшиеся и готовящиеся публикации и научные встречи, эксцерпты об играх из «Ономастикона» Юлия Поллукса², формирующиеся базы данных по играм в античности (словарь, типология, география и т.д.), а также онлайн-версии некоторых римских и греческих настольных игр (Latrunculi, Мельница (Morris), XII Scripta/ Alea, «Пять линий» (Pente Grammai)).

Изначально заявленные временные и пространственные границы проекта — от возникновения греческих полисов до конца западной Римской империи (ок. 800 до н.э. — ок. 500 н.э.³) — на деле не являются жесткими вследствие интереса авторов к диахронии (экскурсы в эгейскую, византийскую, ренессансную и другие эпохи), которая может принимать компаративные черты (марокканские игры на коллоквиуме в 2017 г.⁴). Обращение в первом коллективном издании проекта к этимологии и семантике греческих и латинских слов, обозначающих игры (ludus, παιζω)⁵, также отдает дань антропологии, будучи не только «эмическим»⁶ (по замечанию В. Дазен) способом определить античную игровую реальность, но и очевидной отсылкой к Р. Кайуа, в известном эссе которого «De la turbulence à la règle» термины παιδιὰ и ludus обозначают два модуса ведения игры⁷.

Данный тематический выпуск журнала «Pallas», реализующий первое направление проекта, отведен исследованиям преимущественно материальных свидетельств игры в греческой (Аттика, Беотия, Коринф, Ларисса), этрусской, римской (Рим, Помпеи, Апулия, Аквила, Сицилия, Галлия, Британия, Испания) и византийской цивилизациях. Как следует из названия,

¹ Becq de Fouquières 1869 (Locus ludi готовит его переиздание). Русский перевод: Becq de Fouquières 1877.

² Costanza 2019.

³ Dasen 2018.

⁴ Dazen, Haziza 2018.

⁵ Casevitz 2018, 51–60.

⁶ В антропологии «эмический подход» обозначает взгляд изнутри какой-либо социальной группы в противоположность «этическому» взгляду внешнего наблюдателя (термины, предложенные К. Пайком).

⁷ Caillois 2021, 75–87.

акцент сделан на широко понимаемой новизне вовлекаемых в оборот источников — «неизданных, неизвестных, плохо идентифицированных или нуждающихся в новой интерпретации»⁸. Собственно новых находок в выпуске немного: это две уменьшенные копии игровых столиков (одна — приобретенная Швейцарским музеем игр в 2017 г., другая — идентифицированная как таковая в 2018 г. в музее Вравроны), игровой материал кремационного погребения врача из Испании (2006 г.) и детского погребения из Клермон-Феррана (2020 г.), неопубликованная апулийская пелика из Королевского музея в Мариемоне; «недавно найденными» (2000 г.) также считаются фальсифицированные в античности кубики из Бельгии.

Тематический выпуск разделен на три части согласно типам исследуемых источников — археологических, изобразительных, а также письменных в их соотношении с материальной культурой. Большинство статей снабжены иллюстрациями и таблицами. В составлении выпуска заметна некоторая небрежность: две из трех статей последнего раздела не соответствуют обозначенной для него тематике, поскольку сопоставляют между собой литературные источники; каждая работа получила три разных резюме — в самой статье и в общих введении и заключении; указания институциональной принадлежности участника в начале статьи и в конце выпуска могут расходиться.

В статьях исследуются разные виды игр (настольные, физические, ролевые, азартные) и разнообразный игровой материал (фишки, кости, астрагалы⁹ и мешочки для их хранения¹⁰, игровые поля (*tabula lusoria*), погремушки (*πλαταγή*), мячи¹¹, обруч, артикулированные куклы и др.). Во многих работах отражена известная проблема определения игрового характера предметов, которые после уточнения их функции (связанной с контекстом их обнаружения) могут переводиться в неигровой разряд. Трудность идентификации распространяется на миниатюрные глиняные щиты из погребений детей или молодых людей беотийского некрополя Акрефии конца VI — начала V в. до н.э. (игра или знак мужской гражданской *ἀρετή*)¹²; на терракотовые и бронзовые копии астрагалов позднеархаического или классического периода из святилища Деметры и Коры на Акрокоринфе¹³ (только некоторые из них могли быть потеряны на территории святилища во время гадалых игр с предположительно брачным контекстом); на потенциально полисемичный крестообразный мотив, присутствующий примерно на сотне ваз 500—420 гг. до н.э.¹⁴, преимущественно аттических краснофигурных (игра-вертушка как показатель возрастной категории?). В. Дазен и А. Вербанк-Пьерар, впервые сопоставившие изображения артикулированных кукол на трех апулийских вазах IV в. до н.э.¹⁵, «изымают» кукол из игровой сферы и предлагают их интерпретировать как предметы, относящиеся к сфере, где пересекаются брачные и погребальные темы.

Наиболее семантически «деформирующими» ожидаемо являются места погребений и культа. Однако переосмысление погребального материала может происходить и в противоположном направлении, как показывают примеры с аттической копией игрового столика из музея Вравроны (конец VII — начало VI в. до н.э.)¹⁶, в котором ранее видели переносной алтарь¹⁷, или с железным обручем из детской могилы времени Тиберия, обнаруженной возле аэропорта Клермон-Феррана¹⁸: осознавая символическое значение обруча диаметром 30 см (на который были прикреплены три миниатюрных предмета — топорик, совок и тесло) в погребении ребенка, умершего в возрасте около одного года, авторы статьи тем не менее считают возможным видеть в нем детскую игрушку (*τροχός*).

⁸ Dasen, Daniaux 2022, 12.

⁹ Кости надкопытного сустава животных, используемые в игре.

¹⁰ Williams 2022.

¹¹ На реверсе некоторых серебряных оболков из Ларисы (конец V в. до н.э.): Griesbach 2022.

¹² Sabetai 2022.

¹³ Klinger 2022.

¹⁴ Attia 2022.

¹⁵ Dasen, Verbanck-Piérard 2022. Две статьи о куклах (вторая: Bianchi 2022) выполнены в рамках другого проекта Фрибургского университета, посвященного античности: *Pourées articulées grecques et romaines* (Xe s. av. J.-C. / VIIe s. apr. J.-C.).

¹⁶ Столик происходит из раскопок, проводившихся в 1999—2004 гг. в районе античного Миринунта: Chidioglou *et al.* 2022, 22—23.

¹⁷ Dasen, Daniaux 2022, 13.

¹⁸ Thomson *et al.* 2022.

Материал, чья принадлежность к игровой сфере не вызывает сомнения, в некоторых случаях позволяет осуществить реконструкцию игры, ее правил и процесса. Так, для аттических столиков предлагается сделанное на основе предыдущих статей У. Шедлера¹⁹ воссоздание правил игры *Pente Grammai* с учетом того, что линий на игровом поле может быть больше, чем 5 (11 линий, например, могут означать удвоенную версию игры). М. Леманн²⁰, анализируя два изображения сражений Эроta и Пана (мозаики из Лиона²¹ III в. н.э. и с Сицилии — Пьяцца Армерина, IV в. н.э.), специально останавливается на вариантах интерпретации жестов и положения пальцев участников и свидетелей игры: подсчет очков или же обозначение конца игры и решения арбитра?

Особый интерес представляет статья Т. Даньо²² о мошеннических стратегиях в игре, засвидетельствованных для римской эпохи. Автор исследует «модифицированные» игральные кубики I—III вв. н.э. и предлагает для них оригинальную типологию: кубики с удвоенными цифрами, с модифицированной внешней или же внутренней структурой (среди последних выделяются кубики середины II в. н.э., заполненные ртутью, найденные рядом с римской виллой в Мажеруа, Бельгия), а также подсчет вероятностей возможных результатов их бросков. Анализ данной маргинальной категории вносит существенный вклад в разработку типологии игрового материала античности²³.

Специфика изобразительных источников, наглядно представляющих игровой процесс, дала возможность М. Фуксу²⁴ выделить субварианты греческой игры эфедризм (*ephedrismos*) в помпейских сценах, где наблюдается произошедший за два поколения переход от греческого образца, близкого аттической *epcotylé*²⁵ (Дом золотого браслета, III помпейский стиль), к изображению римско-кампанской версии этой игры (фрески с эротами из Дома художников за работой и Дома Веттиев). В ней несомый игрок не закрывал глаза несущему и бросал не камни, но другие предметы (ножики? гвозди?).

Нацеленность проекта *Locus ludi* на выявление «всех измерений античного игрового универсума»²⁶ отражается в большинстве работ выпуска вниманием к социальным аспектам античной игры, определяемым, в частности, на основании характера мест обнаружения игрового материала (погребения, культовая территория, жилища). Так, вне зависимости от эпох (греческая архаика, этруски, римское время)²⁷, присутствие в элитных погребениях изображений игр и игрового материала объясняется их символическим значением: как знак социального статуса или аккультурации — принадлежности к романизированной элите для врача из *Colonia Emerita Augusta* (Мерида, Испания, вторая половина I в. н.э.) или как знак заимствования греческих игровых практик этрусками — изобретателями игр (*Hdt. I. 94*). Престижным статусом обладали прежде всего игры настольные — *ludus latrunculorum* (для этой игры, вероятно, предназначались стеклянные фишки из Мериды), «Пять линий», различные игры такого рода у этрусков. В двух последних случаях неизбежно сопоставление с сюжетом игры Аякса и Ахилла, который поддается большей детализации благодаря этрусскому материалу²⁸.

В святилище на Акрокоринфе семантика копий астрагалов зависит от их положения: найденные у алтаря, они интерпретируются как культовое приношение, связанное с защитой детей и их переходом в мир взрослых. С этой идеей сопоставимо заключение Дж. Кампонетти

¹⁹ В частности, Shaedler 2009.

²⁰ Lehmann 2022.

²¹ Musée de Lugdunum, inv. 2000.0.1206.

²² Daniaux 2022.

²³ Малочисленные примеры работ по классификации античного игрового материала приведены в Dasen 2018.

²⁴ Fuchs 2022.

²⁵ Об этой игре см. Poll. *Onom.* IX. 122.

²⁶ Dasen 2018.

²⁷ Lovergne 2022; Chidiroglou *et al.* 2022; Tristão 2022.

²⁸ В случае с найденными в погребальных рвах столиками их подношение сопоставляется с позднейшей практикой изображения играющих Аякса и Ахилла на помещенных в погребения вазах; объяснением служит общая гомеровская коннотация ценностей афинской элиты, в «образ жизни» которой входили игры и пиры, в том числе погребальные. Э. Ловернь для этрусского материала отделяет сюжет игры Аякса и Ахилла с его военным, героическим контекстом от других изображений двух игроков (Lovergne 2022, 407–409).

по поводу персонифицирующего значения Пайдии на аттических вазах 430–390 гг. до н.э.²⁹: когда Пайдия находится рядом с Афродитой, она символизирует вхождение девушек, покидающих мир детских игр, во взрослую жизнь посредством брака.

Концентрация находок помпейских кубиков и астрагалов в частных домах (62%) — в основном в атриях, — по мнению А. Паче³⁰, доказывает некоторую эффективность римских законов, ограничивавших азартные игры и выводивших их из публичной сферы в частную. А наличие игорного «притона» с поддельными кубиками в принадлежавшем местной элите «Доме мартовских нон» (I в. н.э., Augustoritum, Лимож)³¹, сравнивается с пассажем из «Истории Августов» о дурном принце Коммод, устроившем подобные учреждения в Палатинском дворце (Hist. Aug. Comm. II. 7).

Дивинационный потенциал материала азартных игр (или, как их предпочитают называть участники проекта, «игр удачи» — jeux de chance), связывает игровую сферу с религиозной: «в античном контексте боги покровительствуют каждому броску кубиков или астрагалов»³². Именно в этом смысле М. Веспа³³ понимает обращение Куркулиона (Plaut. Curc. 349–364) к Геркулесу в сцене игры в кости (alea): враждебность удачливого в игре Геркулеса (Plut. Quaest. Rom. 272f–273a–b) собакам (Plin. NH. X. 79; Solin. I. 10–11) должна помочь избежать неудачного броска под названием canes, «собаки»³⁴.

Антропологический подход, в той или иной мере представленный во многих работах, нашел удачное выражение в статье С. Кортса и Т. Пенна³⁵, которые применили сложившийся на стыке антропологии и археологии концепт «биографии предметов» (object biography) к интерпретации игровых наборов римского времени с фишками различных стилей или материалов (patchwork sets). Потеря или помешение отдельных фишек в погребения или храмы приводили к их замене; некоторые игровые наборы тем самым приобретали эмоциональную окраску, поскольку напоминали о прошлых играх или партнерах.

В. Дазен и Д. О'Мира³⁶ (один из издателей *Philosophica minora* Михаила Пселла) предложили пересказ и частичный перевод трактата «О том, почему одни люди одни становятся разумными, а другие — неразумными» (*Philosophica minora*. II. 19.). В комментариях затрагиваются философские взгляды Пселла, гендерные нормы в описанных им играх девочек и мальчиков, психология выведенного в трактате мальчика-макроцефала, а также сопоставляются греческие, римские и византийские представления о значении игр для детей и молодежи. Отметим ставшую своего рода эмблемой проекта эпиграфию II в.н.э. римской девочки Геминии Агаты (dum vixi lusi... — CIL VI. 19.007) и добавим к приводимым примерам эпиграмму другого византийца XI в., Христофора Митиленского, в которой в соответствии с античной традицией жизнь уподоблена игре³⁷.

Акцент, делаемый в выпуске на нескольких постоянных темах, касающихся социальной роли игр в античности (воспитание, гендер, религия), способствует формированию историко-антропологического «научного синтеза», который должен, по замыслу инициаторов Locus ludi, заполнить существующий пробел между трактовкой античных игр специалистами и обзорами, предназначенными слишком широкой публике³⁸. Еще одним источником указанного синтеза заявлено обращение к антропологическим теориям игр, однако оно без обоснований необходимости и возможности подобных сопоставлений ведет к иллюстративности³⁹. Сильную сторону проекта Locus ludi составляет энциклопедический подход к исследованию игр с привлече-

²⁹ Camponetti 2022.

³⁰ Pace 2022.

³¹ Daniaux, Loustaud 2022.

³² Dasen 2018.

³³ Vespa 2022.

³⁴ М. Веспа тем самым вслед за другими исследователями отрицает идентификацию Heraclaeus basilicus с названием броска и дополняет новыми доводами тезис о связи подобных Куркулиону параситов с культом Геркулеса на Forum Boarium.

³⁵ Penn, Courts 2022.

³⁶ Dasen, O'Meara 2022.

³⁷ De Groote 2012, no. 73; пер. М.Л. Гаспарова без первой строки по изданию Kurtz 1903 в Freyberg, Popova 1978, 89.

³⁸ Dasen 2018.

³⁹ Такого рода заимствования могут быть обоюдными: ср., например, апелляцию к замечанию Р. Амайон о связи игры и дивинационной практики (Spadini 2022, 47) с тем, что Р. Амайон,

нием начинающих и известных специалистов из различных областей антиковедения, который нашел свое отражение в данном выпуске «Pallas», представляющем интерес как публикуемыми материалами, так и их анализом.

Литература / References

- Attia, A. 2022: Chacun sa croix. Retour sur une énigme de l'iconographie grecque. *Pallas* 119, 265–293.
- Becq de Fouquières, L. 1869: *Les jeux des anciens: leur description, leur origine, leurs rapports avec la religion, l'histoire, les arts et les moeurs*. Paris.
- Becq de Fouquières, L. 1877: *Igry drevnikh: opisanie, proiskhozhdenie i otnoshenie ikh k religii, istorii, iskusstvu i pravam* [The Games of the Ancients: Their Description, Their Origins And Their Relation to Religion, History, Arts and Morals]. Kiev.
- Бек де Фукиер, Л. *Игры древних: описание, происхождение и отношение их к религии, истории, искусствам и правам*. Киев.
- Bianchi, C. 2022: Una bambola articolata in legno di età romana rinvenuta ad Alba Fucens. *Pallas* 119, 181–195.
- Caillois, R. 2021: *Les jeux et les hommes*. Paris.
- Camponetti, G. 2022: The Personification of *Paidia* in Attic Pottery. The Playful Experience in the World of Dionysus and Aphrodite. *Pallas* 119, 321–348.
- Casevitz, M. 2018: Les noms du jeu et du jouet en grec. *Kentron* 34, 51–60.
- Chidioglou, M., Shaedler, U., Schierup, S. 2022: Les plateaux de jeu grecs archaïques en terre cuite reconsidérés. *Pallas* 119, 19–41.
- Costanza, S. 2019: *Giulio Polluce, Onomasticon: excerpta de ludis. Materiali per la storia del gioco nel mondo greco-romano*. Alessandria.
- Daniaux, Th. 2022: *Hic perfida vici!* Tricher aux jeux de dés à l'époque romaine. *Pallas* 119, 197–240.
- Daniaux, Th., Loustaud, J.-P. 2022: Un dé truqué dans la Maison des Nones de Mars (Limoges). *Palas* 119, 129–146.
- Dasen, V. 2015: Achille et Ajax: Quand âgon s' allie à l'alea. *Revue du MAUSS* 2 (46), 81–98.
- Dasen, V. 2018: Histoire et archéologie de la culture ludique dans le monde gréco-romain. Questions méthodologiques. *Kentron* 34, 23–50.
- Dasen, V., Daniaux, Th. 2022: Penser et représenter le jeu: quoi de neuf sur la culture ludique antique? *Pallas* 119, 11–18.
- Dasen, V., Haziza, T. 2018: Introduction. De l'exposition au dossier thématique dans *Kentron*. *Kentron* 34, 17–22.
- Dasen, V., O'Meara, D. 2022: Jeu et genre: le témoignage de Michel Psellos (*Philosophica minora* II, 19). *Pallas* 119, 491–509.
- Dasen, V., Verbanck-Piérard, A. 2022: Poupées grecques en images: du jeu au rite. *Pallas* 119, 349–378.
- De Groote, M. (ed.) 2012: *Christophori Mitylenaii Versuum variorum Collectio Cryptensis*. Turnhout.
- Freyberg, L.A., Popova, T.V. 1978: *Vizantiyskaya literatura epokhi rastsveta IX–XV vv.* [The Flowering of the Byzantine Literature. 9th–15th Centuries]. Moscow.
- Фрейберг, Л.А., Попова, Т.В. *Византийская литература эпохи расцвета IX–XV вв.* М.
- Fuchs, M.E. 2022: Une nouvelle scène d' *ephedrimos* à Pompéi. *Pallas* 119, 423–436.
- Griesbach, J. 2022: Ballspielerinnen auf thessalischen Münzen. Ein Zeitvertreib als öffentliche Angelegenheit? *Pallas* 119, 379–399.
- Hamayon, R. 2021: *Jouer, une autre façon d'agir. Étude anthropologique à partir d'exemples sibériens*. Lormont.
- Klinger, S. 2022: Modèles d'astragales provenant du sanctuaire de Demeter et Kore à Acrocorinthe. *Pallas* 119, 75–100.
- Kurtz, E. 1903: *Die Gedichte des Christophoros Mitylenaios*. Leipzig.
- Lehmann, M. 2022: Le combat d'Amour et de Pan: lutte ludique et érotique. *Pallas* 119, 437–454.
- Lovegne, E. 2022: Les Étrusques jouaient-ils aux jeux de plateau? *Pallas* 119, 403–422.

со своей стороны, нашла у В. Дазен (Dasen 2015, 81–89) иллюстрацию теории Р. Кайуа об исторически возрастающем значении пары категорий *αἴων* – *alea* (Hamayon 2021, 49).

-
- Pace, A. 2022: *In taberna quando sumus?* Osservazioni sul gioco d'azzardo (*alea*) a Pompei. *Pallas* 119, 103–128.
- Penn, T., Courts, S. 2022: Lost and Found: The Object Biographies of Roman Gaming Sets from the Western Provinces. *Pallas* 119, 241–262.
- Sabetai, V. 2022: Bronze Rattles and Clay Shields for the Boeotian Child of the Elite: New Finds in Context. *Pallas* 119, 43–74.
- Schaedler, U. 2009: Pente grammai – the Ancient Greek Board Game Five Lines. In: J.N. Silva (ed.), *Board Game Studies Colloquium XI, Proceedings*. Lisbon, 173–196.
- Spadini, F. 2022: Consultation horoscopique, divination, jeu, oracles ludiques? Autour de la Tabula Bianchini. *Pallas* 119, 473–490.
- Thomson, Y., Bigot, S., Lautier, L., Dunkley, J. 2022: Le mobilier funéraire exceptionnel d'une sépulture d'enfant du Ier siècle apr. J.-C. A proximité du chef-lieu de la cité arverne. *Pallas* 119, 147–167.
- Tristro, L. 2022: Une nouvelle tombe de médecin avec matériel de jeu à *Colonia Emerita Augusta* (Espagne). *Pallas* 119, 169–179.
- Vespa, M. 2022: Jeux de pari (*alea*) et bonne chance dans la culture romaine. Une relecture de l'invocation à Hercule dans le *Curculio* de Plaute. *Pallas* 119, 457–471.
- Williams, D. 2022: Bone and Ball Bags: Greek *Phormiskoi* and *Diktydia* (?). *Pallas* 119, 295–319.

Olga P. Smirnova,

Independent researcher,
Maisons-Laffitte, France
E-mail: olsmirrr@gmail.com
ORCID: 0009-0004-5216-2252

О.П. Смирнова,

к.и.н., независимый исследователь,
Мезон-Лаффит, Франция

DOI: 10.31857/S032103910027544-1

РИМСКИЙ ИМПЕРАТОРСКИЙ ДВОР КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

(B. Kelly, A. Hug (eds.). *The Roman Emperor and His Court*, c. 30 BC – c. AD 300. Vol. 1: Historical Essays. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. xix, 585 p. ISBN 978-1-316-51321-7; Vol. 2: A Sourcebook. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. xxxvi, 295 p. ISBN 978-1-316-51323-1)

Достаточно перечитать Светония, Тацита или Кассия Диона, чтобы убедиться, что описываемые ими ключевые события истории Римской империи, сам исполненный драматизма спектакль власти часто разворачиваются в том особом пространстве, в котором, собственно, пересекались, интриговали и соперничали за благосклонность правителя члены его семьи и фавориты, представители высшей знати, слуги, доверенные отпущенники, иноземные клиенты и звездные интеллектуалы. Эти люди, имевшие непосредственный доступ к принцепсу, исполняли разные функции, но так или иначе соучаствовали в осуществлении власти; именно они были той «свитой, которая делает короля», составляя императорский двор — *aula Caesaris*. Однако несмотря на весьма выразительный материал нарративных источников и немалое эпиграфическое досье, этот своеобразный политический и социокультурный организм долгое время оставался вне поля зрения современных историков, представляя собой, как выразился один из его исследователей, «скелет в шкафу римской истории»¹. Более того, некоторые авторитетные специалисты вообще отрицали существование двора как особого института в эпоху Принципата на том основании, что в Риме, в отличие от королевской Франции, не было дворца, в котором бы проводились особые церемониалы и проживала придворная знать². Первые специальные исследования римского императорского двора, предложившие новые подходы, появились лишь во второй половине 1990-х — начале 2000-х годов, но касались они в основном отдельных, хотя и важных сторон данного феномена³ (в том числе сравнительно-исторических аспектов⁴) либо ограничивались определенным периодом⁵.

Работа подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда № 20-18-00374П «Имперское Средиземноморье: модели, дискурсы и практики империализма от Античности до раннего Нового времени».

¹ Wallace-Hadrill 2011, 93.

² Gagé 1971, 191; Veyne 1976, 619.

³ Например, дворцовым пириштвам (Malmberg 2003; Vössing 2004); дворцовой архитектуре (Royo 1999; Sojc *et al.* 2013), роли при дворе греков (Kaplan 1990) и женщин из императорского семейства (Kolb 2010).

⁴ Например, см. Winterling 1997a; Bang 2011.

⁵ В числе важных работ, открывших новую страницу в изучении темы, следует назвать прежде всего главу, написанную Э. Уоллес-Хэдриллом для X тома «Кембриджской древней истории» (Wallace-Hadrill 1996), а также монографию и другие работы А. Винтерлинга, который, по сути дела, первым взялся за целостное освещение феномена римского императорского двора, хотя и в сравнительно ограниченных хронологических рамках: Winterling 1997a; 1997b; 1999. Вышедшая десятилетием раньше книга Р. Туркана (Turcan 1987, второе издание — 2009), осветившая самые разнообразные аспекты жизнедеятельности двора от Августа до Диоклетиана, в целом написана в традиционном ключе с акцентом на придворную повседневность,

На фоне интенсивного изучения монархических дворов других государств и исторических периодов, прежде всего эллинистического мира⁶, к настоящему времени ощущался явный дефицит действительно обобщающих работ о римском императорском дворе, которые суммировали бы результаты предшествующих исследований, развивали подходы и концепции, выдвинутые в 1990-е и последующие годы, и предлагали его целостное освещение, что важно как для понимания конкретно-исторической специфики римского монархизма, так и для его оценки в сравнительно-исторической перспективе.

Теперь такой труд появился. Это двухтомник «Римский император и его двор, ок. 30 г. до н.э. — ок. 300 г. н.э.», подготовленный под редакцией Б. Келли и А. Хуг, молодых сотрудников Йоркского университета Торонто. Вместе с ними авторами стали еще 17 историков из университетов Канады, США, Германии, Австралии и Нидерландов. В первом томе представлены 20 глав (считая введение), которые в своей совокупности дают наиболее разностороннюю и полную на сегодняшний день картину жизнедеятельности императорского двора как средоточия власти, как особого сообщества, социокультурного пространства и кросс-культурного феномена. Во втором томе собраны (в переводе на английский язык) наиболее важные античные источники, нарративные, юридические, эпиграфические, об императорском дворе с комментариями⁷.

Это издание привлекает внимание и широким хронологическим охватом (до рубежа III–IV вв. н.э.⁸), и последовательной методологической позицией, и пропорциональным освещением самых разнообразных аспектов исследуемого феномена — от внешних (эллинистических) образцов и республиканских прототипов императорского двора до придворных пиришеств и развлечений, сексуальных отношений, одежды и самопрезентации придворного сообщества. Некоторые из них еще не рассматривались в работах по истории императорского двора, в частности, те формы, которые он приобретал, когда император жил на своих итальянских виллах или путешествовал за пределы Италии, религиозная жизнь двора, дискурсы и представления о дворе в их соотношении с его конкретными реалиями. Чтобы охватить все эти моменты, авторы, как заявлено во введении, используют этический, а не эмический подход, т.е. взгляд снаружи, глазами стороннего наблюдателя, а не изнутри, с позиции людей, включенных в конкретный культурно-исторический контекст, и прилагают к римскому феномену «идеальный» тип, разработанный современными историками разных эпох для описания двора как транс-исторического явления, следуя при этом довольно широкому определению двора как группы людей, принадлежность к которой определялась близостью к правителю, более или менее регулярным личным общением с ним. Соответственно, в этот круг попадают не только члены

без концептуального осмысления. С точки же зрения апробирования новых подходов к изучению феномена двора в Риме заслуживают внимания статьи, которые вошли в специальный выпуск журнала «The American Journal of Philology» под редакцией Д. Поттера и Р. Талберта, посвященный античным дворам и придворным (Potter, Talbert 2011). Это, в частности, статьи Д. Поттера о прообразе монаршего двора в республиканском Риме (Potter 2011), Дж. Суми о возникновении придворного общества в правление Августа (Sumi 2011), К. Актон о церемониях и социальном мире двора при Веспасиане (Acton 2011) и Р. Смита о трансформации императорского двора в IV в. (Smith 2011). Отметим также монографии, посвященные дворам отдельных династий или императоров: Pani 2003; Laeben-Rosén 2005; Schöpe 2014; Michel 2015; Drinkwater 2019.

⁶ См., например, Spawforth 2007; Duindam *et al.* 2011; Strootman 2014; Erskine *et al.* 2017; Pownall *et al.* 2022.

⁷ Его авторами-составителями, наряду с 10 участниками первого тома, являются также Р. Гиллам из Йоркского университета Торонто и Д. Ленгиель (Lengyel) из Бранденбургского технического университета.

⁸ Б. Келли во вводной главе оговаривает эту верхнюю границу тем, что в конце III в. существенно выросла степень формализации и ритуализации при дворе, который приобрел в итоге качественно иной облик, что требует отдельного подхода к изучению позднеримского императорского двора. Примером такого коллективного исследования, где рассматривается двор как эпохи Принципата, так и позднеантичного периода (до Юстиниана) с акцентом на преемственность и изменениях, служит Davenport, McEvoy 2023. В этом издании, которое по своему замыслу является продолжением рецензируемого труда и выполнено в русле тех же подходов, основное внимание уделено позднеантичному двору: ему посвящено 9 из 14 глав, при том что и большинство остальных охватывают материал обеих эпох римской имперской истории.

императорского семейства, «друзья», фавориты, советники и «управленцы», но и те, кто обслуживал императора и обеспечивал его безопасность. Это было иерархически устроенное общество, которое по степени близости к императору и его благорасположения можно разделить на двор «внешний» и «внутренний».

Вместе с тем, как указывает один из редакторов, исследование нацелено не на создание некой общей модели императорского двора в эпоху Принципата, не на выявление какой-то одной определяющей тенденции его развития (как, например, в монографии А. Винтерлинга, ставящего во главу угла процесс институционализации двора, или как в работах, следующих концепции Н. Элиаса, трактовавшего двор как особый механизм для «приручения» и контроля аристократии⁹), но на то, что можно назвать знанием среднего уровня, «которое находится где-то между всеобъемлющей “моделью” и приливами и отливами преходящих событий». Как образно пишет Б. Келли, «изучение императорского двора не похоже на восприятие простой повторяющейся мелодии. Это скорее прослушивание великой симфонии, в которой сложные темы возникают и исчезают только для того, чтобы позже появиться снова в измененной, но все еще узнаваемой форме» (с. 10–11).

Рецензируемый труд действительно нацелен на исследование императорского двора как целостного социального, политического и культурного феномена во всей его сложности и противоречивости. Несмотря на разнообразие рассматриваемых предметов и многочисленность авторов, он выстроен очень логично. Главы его основной части делятся на четыре тематических блока. Первые две посвящены тем историческим моделям, на основе которых формировался императорский двор: Р. Штротманом рассмотрены эллинистические влияния на римскую придворную культуру (гл. 2), а Ж. Нил — республиканские предшественники (*Republican precursors*) императорского двора в виде римского аристократического дома (гл. 3). Во втором блоке, состоящем из пяти глав, речь идет в основном о людях, образовывавших придворное сообщество, обеспечивавших его жизнедеятельность и так или иначе сопричастных власти. Это императорское семейство (гл. 4, А. Хуг), римская знать, подвизавшаяся при дворе (гл. 5, Р. Вей и Б. Келли), административный персонал и финансовое обеспечение двора (гл. 6, К. Давенпорт и Б. Келли), члены иноземных царских семейств, находившиеся при дворе (гл. 7, Д. Джассен) и домашняя прислуга (гл. 8, Дж. Эдмондсон). В главах третьего блока освещаются те физические пространства, в которых функционировал двор: императорские дворцы на Палатине (гл. 9, Й. Пфлуг и У. Вульф-Рейдт), императорские виллы (гл. 10, М. Джордж) и путешествия императоров (гл. 11, Г. Хальфманн). В четвертом блоке, включающем шесть глав, показаны различные стороны жизнедеятельности двора: церемонии и ритуалы (гл. 12, К. Давенпорт), пиры и охоты (гл. 13, М. Роллер), сексуальные отношения (гл. 14, Э. Дель Крол и С. Блейк), насилие и безопасность (гл. 15, Б. Келли), религия и гадания (гл. 16, Ф. Долански), представления и актеры (гл. 17, С. Блейк), литературный патронат (гл. 18, Н. Бернштейн). К этому разделу примыкает и глава 19 о нарядах, украшениях и самопрезентации при дворе (К. Олсон). Глава 20 (О. Хекстер) представляет собой общий эпилог, акцентирующий континуитет и изменения в истории императорского двора.

Надо отдать должное авторам и в особенности редакторам: объемный труд получился действительно целостным, отдельные тексты не выбиваются (как это нередко бывает в коллективных трудах) из общего русла исследования, но органично дополняют друг друга, работая на достижение общей цели — всеохватывающей характеристики изучаемого феномена. Все главы сбалансированы по объему, выдержаны в едином стиле, единообразно структурированы, имеют внутреннюю рубрикацию, включающую введение и заключение, содержат взаимные отсылки, а также замечания методологического и сравнительно-исторического толка. Не увлекаясь «бытописанием» и событийными сюжетами, все авторы, каждый в своем предмете, обращаются к разным граням одной основной проблемы: как функционировал императорский двор в качестве сложноустроенного политического актора, формировавшегося в столкновении и взаимопроникновении республиканских традиций и монархического абсолютизма. Стоит поэтому выделить наиболее интересные суждения авторов, касающиеся в первую очередь своеобразия римского двора в сравнении с аналогичными институтами других традиционных обществ и его роли в системе власти. В этом отношении важна высказанная Р. Штротманом мысль о том, что развитие императорского двора не следует понимать исключительно в рим-

⁹ Elias 1969.

ском контексте, поскольку с самого начала он также имел функцию интеграции в единую средиземноморскую политическую систему эллинистических государств, перешедших под эгиду Рима, и в своих отношениях с этими клиентскими правителями императоры перенимали эллинистические образцы придворного ритуала и монархического стиля, а также заимствовали универсалистские идеи эллинистических империй в качестве стратегии для объединения в единое целое множества разнородных автономных образований и городов-государств. Решая эту проблему, императорский двор, подобно эллинистическим дворам, выступал как центр производства имперской «космополитической» культуры и универсалистской идеологии, как инструмент интеграции элит, в том числе через установление связей городов с правящей династией. Отмечены и важные отличия, в частности, женщины из императорской фамилии не имели формализованного статуса, какой был у эллинистических цариц. Однако не совсем корректным представляется мнение Штротмана о том, что образы, используемые для прославления *Pax Augusta* как Золотого века Сатурна, и отождествление правления Августа с властью бога Аполлона были вполне эллинистическими и особенно птолемеевскими (с. 32). Все-таки эти идеи, прежде всего концепт *Pax Augusta*, имели собственно римские истоки¹⁰.

Специфика римского императорского двора вне всякого сомнения обуславливалась его укорененностью в традициях республиканского аристократического *domus*, которые рассмотрены Ж. Нил. Эта преемственная связь обнаруживается как в придворном персонале (использование вольноотпущенников для управленческих задач), в ключевой роли патронатно-клиентельных отношений, через сеть которых имперские элиты, в том числе городская, провинциальная знать, оказывались «завязаны» на двор, а также в продолжении при дворе Августа и его преемников тех обычаев, что сложились еще при Республике (утренние приветствия, архитектурная планировка и декор помещений, и т.д.). Собственно римские особенности в жизни двора определялись также характером брачно-семейных и родственных отношений (моногамией, практикой усыновления и т.д.), существовавших в Риме. А. Хуг, автор главы об императорском семействе как составной части двора, так же как и Штротман, обоснованно подчеркивает, что по своему положению римские императрицы отнюдь не походили на королев раннего Нового времени. Их притязания на *auctoritas* основывались на четырех элементах: кровном родстве с императором, опыте жизни при дворе, финансовой самостоятельности и свободе передвижения. Наряду с молчаливым пониманием того, что родственники императора имели его санкцию на свои действия, это делало их одними из наиболее влиятельных фигур при дворе, хотя они никогда не могли быть регентами или править самостоятельно.

Пожалуй, наиболее характерной чертой римского двора — и государственно-политического устройства принципата в целом — было отсутствие «придворной аристократии» как особой элитной группы, чье высокое социальное положение и внутренняя иерархия зависели бы от занимаемых при дворе должностей. Как отмечают Р. Вей и Б. Келли в главе «Римская знать при дворе», в отличие от многих других монарших дворов, в Риме не существовало таких предначавшихся аристократам должностей, которые обслуживали бы, в действительности или воображаемо, домашние нужды императора. Так же и термин *amicus principis* никогда не обозначал официального титула и поста. Аристократическая «дружба» сохраняла республиканские импликации и была неотъемлемым элементом идеала *civilis princeps*. Входящие в число «друзей государя» сенаторы и немногие всадники часто выступали как успешные посредники, приобретая соответствующий социальный капитал, и иногда использовали свое положение, чтобы продвигнуть в верхний слой римской аристократии своих соратников, в том числе провинциалов, что показывает роль двора в интеграции провинциальных элит в общеимперский правящий класс. Авторы главы выступают против идеи о «приручении» (*domestication*) аристократии как функции двора, не находя почти никаких параллелей между императорским двором и французским Версалем. Римский император не ставил аристократию в финансовую зависимость от придворных должностей и не разорял ее намеренно, заставляя участвовать в дорогостоящей придворной жизни. Напротив, римские аристократы, находившиеся при дворе, со своей стороны подвергали императора постоянному моральному давлению, стремясь направлять его поведение в определенные рамки, но в то же время знать находилась в зависимости от императора, распределявшего должности и почести. Это значит, что имела место взаимная «доместикация» аристократии и императора. В целом соглашаясь с данной идеей, развивая

¹⁰ См. Cornwell 2017.

емой в современных исследованиях¹¹, Вей и Келли обращают внимание, во-первых, на то, что двор был не единственным местом, где происходил этот процесс, так как существовали традиционные механизмы патронажа и сенат, где представители знати также соперничали за благосклонность принцепса, а во-вторых, возникали и такие ситуации, когда отдельные люди (вроде Сеяна) или группа из придворной элиты получали почти полное влияние на монарха и использовали доступ к нему, чтобы доминировать над аристократией.

С точки зрения отношений между двором и административным аппаратом (императорской канцелярией), которые рассмотрены Давенпортом и Келли в 6-й главе, римский опыт также имеет значимые особенности. Авторы отмечают, что нет никаких данных о том, что эта канцелярия располагалась там же, где и двор, и что все работники императорской канцелярии автоматически входили в состав двора, но главы основных ее департаментов, имевшие по роду своей компетенции постоянные контакты с императором, все же должны считаться частью двора. Примечательно, что рабы и вольноотпущенники, связанные с ведомствами императорской канцелярии, имели семейные связи с домашним обслуживающим персоналом двора. Что касается управления финансами империи в целом, то оно не осуществлялось через домашние счета императора, как у королей средневековой Англии. Расходами на двор ведал особый департамент *ratio castrensis* во главе с прокуратором. Но установить хотя бы приблизительные масштабы этих расходов не позволяет скудость имеющихся источников. Стоит также отметить мысль о том, что роскошь императорского двора, от одежды императора и украшений его жены до обстановки и посуды, была своего рода финансовым резервом, который можно было использовать в критической ситуации, как это сделал, например, Марк Аврелий, устроивший распродажу дворцовых богатств во время Маркоманских войн.

Д. Джассен, рассматривающий в 7-й главе пребывание при дворе представителей иноземных царских династий в качестве воспитанников, гостей и друзей принцепса или фактических заложников, видит в этой практике фактор, связывавший империю воедино: двор в этом смысле был подобен Солнцу, которое своим гравитационным полем удерживает вместе всю Солнечную систему. Эта практика имела республиканские истоки и была адаптирована императорами, обеспечивая включение разрозненных иноземных элит в транснациональные имперские сети. Благодаря пребыванию при дворе члены иноземных царских домов отчасти вливались в римскую элиту, но в то же время получали возможность направлять имперскую политику на благо своих монархий.

Как сложный социальный организм императорский двор предстает и в остальных главах. Его жизнедеятельность обеспечивалась тысячами слуг (*interiores aulici*) из рабов и отпущенников (сама их многочисленность была проявлением демонстративного потребления как отличительной черты императорского двора). Некоторые из них, как показывает Дж. Эдмондсон в 8-й главе, играли и важную «посредническую» роль в получении доступа к императору, что подчеркивает значение скрытых, неформальных механизмов политической власти. Как и в других монарших дворах, ключевую позицию имел «главный камергер» — а *cubiculo* (или *supra cubicularios*), отвечавший за жилые покои императора и, соответственно, за непосредственный доступ к нему. Эдмондсон резонно возражает Винтерлингу, предложившему разделить придворный персонал на «политический» и «не политический»¹². По мнению автора главы, вольноотпущенники, исполнявшие одну из «не политических» ролей, вполне могли перейти на одну из «политических» должностей в императорской канцелярии. Кроме того, весь этот персонал так или иначе помогал формировать отношения между императором и членами его двора. Из их числа происходили и те императорские фавориты, которые обладали реальной политической властью, поскольку могли контролировать доступ к правителю и побуждать его к определенным действиям.

Вопрос о власти затрагивается и в 9-й главе, посвященной архитектуре императорских дворцов и интересной, помимо прочего, обращением к новейшим результатам археологического изучения дворцовых комплексов. Й. Пфлуг и У. Вульф-Рейдт рассматривают пространственную структуру дворцовых комплексов как отражение общественных практик и социально-политической стратегии императорской власти. В своем классическом виде, сло-

¹¹ Ср. Bang 2011, 109–115. В том же русле М. Роллер в главе 13 рассматривает такие виды придворной активности, как пиршества и охота (см. ниже).

¹² Winterling 1999, 93–107.

жившемся при Флавиях, архитектура дворца была призвана учитывать роль императора как представителя сенаторской аристократии, быть ареной для традиционных аристократических церемоний и соответствующих форм социального взаимодействия, но в то же время подчеркивать богоподобное положение принцепса, создавая уникальные пространства для выражения его исключительного статуса и власти. Вместе с тем впечатляющий внешний вид дворца обеспечивал символическое присутствие императора в городском пейзаже, когда тот в течение нескольких месяцев или лет отсутствовал в Риме. Тему пространства продолжает глава 10, посвященная императорским виллам, где М. Джордж опровергает утверждение Винтерлинга о том, что пространственным контекстом «непрерывной придворной жизни» были только императорские дворцы, а не виллы. Г. Хальфманн в главе 11 прослеживает те изменения, которые претерпевал двор во время путешествий императора, и отмечает, что в дополнение к тому кругу лиц, который в Риме имел регулярный доступ к императору и участвовал в соответствующих церемониях, в окружение путешествующего императора входили и доверенные представители провинциальной элиты. В то же время любое отсутствие императора в Риме было риском, и в конечном итоге в поздней античности это привело к появлению «мобильных центров имперской администрации» и нескольких столиц.

Обращаясь к придворному церемониалу (гл. 12), Давенпорт выделяет важную особенность римского императорского двора в эпоху Принципата: он был гораздо менее замкнутым сообществом по сравнению с другими придворными формациями в мировой истории и основывался на идеях доступности и взаимности отношений между императором и высшей знатью. Тем не менее в Риме возникло настоящее придворное общество, о чем свидетельствует тот факт, что женщины из императорской семьи и преторианские префекты стали получать приветствия, по сути дела эквивалентные приветствиям принцепса. Такие придворные ритуалы, как утреннее приветствие (*salutatio*), приветственные поцелуи и объятия, хотя и были продолжением аристократического этикета времен Республики, служили теперь для обозначения места в придворной иерархии. Со временем, в III в., общепринятым аспектом придворных церемоний стал проскинесис, ибо для придворных теперь было приемлемым совершать перед живым императором те же ритуалы, что и перед императорскими изображениями. Давенпорт объясняет это фундаментальным сдвигом в ожиданиях сенаторской аристократии, отказавшейся от идеи равенства с императором, которому в такой ситуации не было необходимости демонстрировать свою *civilitas*. Автор не останавливается подробно на переменах в придворных ритуалах и церемониале, происшедших с установлением домината, поскольку этот вопрос выходит за хронологические рамки исследования, и ограничивается лишь отдельными замечаниями, касающимися общей тенденции. Так же бегло затрагивается ритуальная форма провозглашения нового императора, относящаяся, скорее, не к придворному, а к государственному ритуалу, хотя в этом акте могли быть задействованы такие значимые при дворе фигуры, как префекты претория или женщины из императорского семейства, а в III в. и члены императорской свиты (*comitatus*), но решающую роль в императорской аккламации всегда играла армия.

По сравнению с другими, прежде всего восточными, дворами императорский двор (как, впрочем, и римская аристократия в целом) не культивировал охоту как типично «царский» вид активности. По мнению М. Роллера, автора главы 13 о пирах и охоте, это объясняется, возможно, неприемлемостью ассоциаций с персидскими или эллинистическими практиками, но, главное, тем простым фактом, что император и его двор пребывали преимущественно в городе Риме, не имея непосредственного доступа к сельской местности и охотничьим угодьям. Что касается придворных обедов, то они были основным способом общения императора и придворных, а также важным критерием моральной оценки правителя. С точки зрения властных отношений совместные трапезы в Риме вообще служили важнейшим каналом, посредством которого демонстрировались ресурсы и артикулировались отношения как с равными по положению, так и с нижестоящими. Роллер, разделяя вышеупомянутую концепцию взаимной «доместикации» императора и аристократии, отмечает также, что император, выказывая предпочтение социальному сегменту своего двора с более низким статусом, тем самым мог контролировать амбиции или предполагать угрозы со стороны высшей знати, представители которой, в свою очередь, стремились «дисциплинировать» принцепса, осуждая эксцессы с его стороны.

Доступ к императору и влияние на него обеспечивали также интимные отношения с правителем, которые являются предметом анализа Э. Дель Крол и С. Блейк в 14-й главе. Рассматривая роль секса в воспроизводстве потомства и как удовольствия, они предлагают свое объ-

яснение того факта, что у римских императоров не было какого-либо подобия гарема или, как они выражаются, институционализированного «резерва» женщин, назначенных исключительно сексуальными партнерами императора и постоянно прикрепленных к двору. По мнению авторов, создание такого резерва женщин для производства на свет императорского наследника повлекло бы за собой неприемлемое для римских традиций изменение статуса некоторых женщин, в особенности свободных женщин. Поэтому императоры использовали другие методы достижения цели, в частности усыновление потенциальных преемников. Тем не менее фаворитки, имевшие непосредственный доступ к императору и его ближайшему окружению, могли занять влиятельные, хотя и шаткие позиции при дворе. В целом же отсутствие какого бы то ни было формального регулирования сексуальной активности императора, за исключением социального императива гетеросексуальной моногамии, вело к непостоянству и нестабильности в его «интимном кругу», что в некоторые моменты сказывалось на устойчивости власти. В рамках римского императорского двора во времена принципата не получил развития как некий постоянный элемент класс дворцовых евнухов. Авторы также указывают на регулярное использование секса как метафоры правления и при оценке нравственного облика отдельных императоров. Однако некоторые их суждения звучат, на наш взгляд, надуманно. Так, скандально известные браки Нерона со своими фаворитами Споров и Пифагором/Дорифором, представлявшие собой публичное и демонстративное смешение гендерных ролей императора как одновременно невесты, жениха, хозяина и раба, по словам авторов, «возможно, были направлены на использование позитивных и трансцендентных интерпретаций гермафродитизма в космологических, теологических и антропологических аспектах» (с. 369). Из такой формулировки при всем желании трудно вынести какое-либо конкретное понимание данных исторических эпизодов. В их интерпретации скорее прав Э. Чэмплин, чье мнение безоценочно приводится в примечании (с. 369, прим. 111): Нерон выступал как принцепс Сатурналий, олицетворяя своей трансгрессией и инверсией праздничную атмосферу и рассчитывая на популярность среди большей части римского населения¹³.

Весьма интересна предлагаемым подходом и выводами написанная Келли глава 15 о насилии и безопасности при дворе, задачу которой автор определяет так: «Разобраться в печальном каталоге убийств и заговоров, представленном источниками, поскольку при дворах некоторых императоров насилие... было такой же чертой человеческого взаимодействия, как сотрапезничество, секс, покровительство или ритуал» (с. 371). При этом Келли не только задается вопросом о том, имеют ли основные категории насилия, отраженные в источниках, параллели в монархических дворах иных времен и стран, но и прилагает к рассматриваемому материалу концепции насилия и агрессии, которые разрабатываются в области эволюционной психологии и побуждают избегать патологизации (и морального осуждения) насилия, рассматривая его как стратегию для решения определенных проблем. Автор убедительно показывает, что насилие в рамках двора вызывалось стремлением к самосохранению, сексуальным соперничеством или желанием получить ресурсы. Показательно, что насильственной смерти часто подвергались сами императоры: этот показатель в Римской империи почти в 10 раз выше, чем в монархиях, существовавших между 600 и 1800 гг. Но не менее важно, по мнению автора, понять, почему эта цифра не была еще больше и почему во многих ситуациях вызовы жизни, ресурсам и статусу обходились без применения насилия. Среди возможных причин он называет священную неприкосновенность императора как носителя трибунской власти и сознательное следование некоторых императоров идеалам греко-римской политической мысли, противопоставлявшей добродетельного царя и жестокого тирана; ограничивающим фактором было уважение к законности и верховенству права, предполагавшее использование судебных процессов, пусть и фиктивных (отсюда и распространенная практика вынужденных самоубийств); наконец, эффективной была защита гвардейцев и телохранителей (что, однако, обходилось дорогой ценой, поскольку преторианцы были главными убийцами императоров).

Следующие главы посвящены культурным аспектам жизни двора. Ф. Долански в главе 16 ставит вопрос о существовании «придворной религии» и подробно анализирует культовые и гадательные практики при дворе и связанный с ними персонал. Поскольку почитание того или иного культа внутри двора, по-видимому, зависело от конкретных предпочтений императора и придворных, о какой-либо институционализации придворной религии говорить не прихо-

¹³ Champlin 2003, 149.

дится. Более того, судя по случаям приверженности христианству среди придворного персонала, члены двора пользовались независимостью в религиозных предпочтениях. Однако включение знатных придворных в колледию Арвальских братьев и другие жреческие корпорации имело немалую символическую ценность, обозначая принадлежность ко «внутреннему двору». Как характерную черту императорского двора автор отмечает огромную популярность астрологии, но не видит оснований считать, что она затмила старые формы гадания. На фоне вполне добротного анализа всех этих аспектов не очень уместным выглядит слишком подробный экскурс о ритуале облачения юных «принцев» в *toga virilis*, который не имеет прямого отношения к заявленной теме.

С. Блейк в главе 17 разбирает такой элемент придворной жизни, как выступления актеров, которые неизменно входили в состав обслуживающего персонала двора, хотя в основном не имели официальных должностей. Автор, не ограничиваясь только придворными спектаклями, включает в рассмотрение и другие мероприятия, в частности сценические игры, которые были частью государственного религиозного культа, а также произнесение панегириков в адрес императора. Все они были способом обозначить придворную иерархию, в которой заметное неформальное место занимали знаменитые исполнители пантомимы, чья популярность в обществе и связанная с ней возможность критиковать власть были источником как проблем для самого императорского двора, так и опасности для самих актеров. По большому счету, двор в целом был своеобразным театром, в котором император не был главным исполнителем, но являлся частью актерского состава, находившегося в динамичных отношениях с активной публикой. Не столь яркую, но не менее важную роль при дворе имела литература, покровительствуемая императором и придворной знатью. Обращающийся к этой теме Н. Бернштейн (гл. 18) рассматривает двор как привилегированное пространство для литературного творчества, определяемого отношениями патронажа между императором и литераторами, которым приходилось делать выбор между «независимостью» и «угодничеством». Тем не менее двор римских императоров является уникальным примером привлечения литературных талантов высшей политической властью. Ни при дворах Карла Великого или Медичи, ни в Версале, где литература также находилась под покровительством монархов и использовалась в политических целях, не было столь масштабного и непрерывного покровительства, как у римских императоров. К этим верным наблюдениям стоит добавить, что покровительство публичным зрелищам и искусствам было значимым властным ресурсом не только с точки зрения пропаганды, но и личного престижа императора, хотя, как показывают примеры Нерона и Адриана, важно было найти баланс между собственно римскими традициями и следованием иноземным (эллинистическим) влияниям. Как показывается в главе 19, написанной К. Олсоном, одежда, внешний вид и украшения людей, составлявших императорский двор, также могут рассматриваться не только как элементы быта и придворной культуры, но и как особые формы дискурса, передававшие конкретные политические послания, что лишний раз подтверждает, что двор был, по сути, «театральным» пространством — местом, куда люди приходили, чтобы увидеть и быть увиденными. При этом внешний облик императора и придворных был нацелен на аудиторию внутри двора и выступал как коммуникативный акт между двором и обществом в целом, а кроме того, служил дискурсивным маркером для обсуждения личных качеств и характера правления императора или его супруги.

Заключительная 20-я глава «Эпилог: преемственность и перемены в жизни римского императорского двора», написанная О. Хекстером, подводит итоги общего исследования с точки зрения континуитета и исторических трансформаций таких элементов императорского двора, как пространство, состав, деятельность, институционализация или ритуализация. По мнению автора, содержание всех этих элементов и тенденций в конечном счете определялась той постоянной напряженностью, что возникала между двумя противоположными идеалами императора как монарха и как *civilis princeps*. Отмечая, что жизнь при дворе сильно различалась от одного правления к другому и даже внутри одного царствования, а происходившие изменения были неотделимы от изменений в римском обществе в целом, Хекстер заключает, что изменчивость тем не менее не преобладала, существовали и устойчивые закономерности, поскольку диапазон возможностей был ограничен и каждый двор создавался из наличных «строительных блоков», частично выбираемых участниками, а частично диктуемых им общественными ожиданиями и привходящими обстоятельствами.

Закljučая обзор, нужно сказать, что при всем разнообразии затронутых аспектов рассмотренный труд не является (да и не может быть, как и любой другой) абсолютно исчерпывающим с точки зрения охвата всех возможных сюжетов и проблем. В частности, логично было бы ожидать освещения в придворном контексте такого института, как *consilium principis*¹⁴, который бегло упоминается лишь дважды. Немногим чаще используется понятие «интриги», хотя именно оно часто ассоциируется с придворной жизнью. Возможно, была бы уместна отдельная глава, посвященная соответствующим case-studies и выявлению их типологии и механизмов. Эти и другие вопросы могут быть предметом дальнейших исследований, и рецензируемый труд будет для этого незаменимой основой, как и для сравнительно-исторического изучения феномена двора. Хорошим подспорьем для этого, несомненно, послужит и представленная во втором томе антология разнообразных источников, которая будет полезна также студентам.

Таким образом, рассмотренный труд можно признать значимым вкладом в понимание устройства верховной власти в римском мире с точки зрения ее потаенных механизмов и внешнего антуража, связанных с императорским двором. *Aula Caesaris* была особым социокультурным феноменом, который по своему семантическому коду во многих аспектах был родственен театру. Императорский двор не являлся государственным органом в собственном смысле, но именно он оказывался главной несущей конструкцией того *deep state*, которое функционировало за фасадом «республиканской монархии» с ее традиционными институтами и ценностями, сочетавшимися с неустрашимым самовластием единоличной власти.

Литература / References

- Acton, K. 2011: *Vespasian and the Social World of the Roman Court*. *American Journal of Philology* 132/1, 103–124.
- Bang, P.F. 2011. *Court and State in the Roman Empire – Domestication and Tradition in Comparative Perspective*. In: J. Duindam, T. Artan, M. Kunt (eds.), *Royal Courts in Dynastic States and Empires: A Global Perspective*. Leiden–Boston, 103–128.
- Champlin, E. 2003: *Nero*. Cambridge (MA)–London.
- Cornwell, H. 2017: *Pax and the Politics of Peace: Republic to Principate*. Oxford.
- Davenport, C., McEvoy, M. (eds.) 2023: *The Roman Imperial Court in the Principate and Late Antiquity*. Oxford.
- Drinkwater, J.F. 2019: *Nero: Emperor and Court*. Cambridge–New York.
- Duindam, J., Artan, T., Kunt, M. (eds.) 2011: *Royal Courts in Dynastic States and Empires: A Global Perspective*. Leiden–Boston.
- Elias, N. 1969: *Die höfische Gesellschaft*. Darmstadt.
- Erschine, A., Llewellyn-Jones, L., Wallace, S. (eds.) 2017: *The Hellenistic Court: Monarchic Power and Elite Society from Alexander to Cleopatra*. Swansea.
- Gagé, J. 1971: *Les classes sociales dans l'Empire romain*. 2e éd. Paris.
- Kaplan, M. 1990: *Greeks and the Imperial Court from Tiberius to Nero*. New York.
- Kolb, A. (Hrsg.) 2010: *Augustae: Machtbewusste Frauen am römischen Kaiserhof? Herrschaftsstrukturen und Herrschaftspraxis II. Akten der Tagung in Zürich 18. – 20.9.2008*. Berlin.
- Laeben-Rosén, V. 2005: *Age of Rust: Court and Power in the Severan Age (188–238 AD)*. PhD thesis. Uppsala.
- Malmberg, S. 2003: *Dazzling Dining. Banquets as an Expression of Imperial Legitimacy*. PhD thesis. Uppsala.
- Michel, A.-C. 2015: *La cour sous l'empereur Claude: Les enjeux d'un lieu de pouvoir*. Rennes.
- Pani, M. 2003: *La corte dei Cesari fra Augusto e Nerone*. Roma.
- Potter, D. 2011: *Holding Court in Republican Rome*. *American Journal of Philology* 132/1, 59–80.
- Potter, D., Talbert, R. (eds.) 2011: *Classical Courts and Courtiers*. *American Journal of Philology*. Vol. 132/1. Baltimore.
- Pownall, F., Asirvatham, S.R., Müller, S. (eds.) 2022: *The Courts of Philip II and Alexander the Great: Monarchy and Power in Ancient Macedonia*. Berlin–Boston.
- Royo, M. 1999: *Domus imperatoriae: Topographie, formation et imaginaire des palais impériaux du Palatin (Ier siècle av. J.-C. – Ier siècle ap. J.-C.)*. Rome.

¹⁴ Об этом институте в контексте двора см. Turcan 2009, 215–220.

- Schöpe, B. 2014: *Der römische Kaiserhof in severischer Zeit (193–235 n. Chr.)*. Stuttgart.
- Smith, R. 2011: Measures of Difference: The Fourth-century Transformation of the Roman Imperial Court. *American Journal of Philology* 132/1, 125–151.
- Sojc, N., Winterling, A., Wulf-Rheidt, U. (Hrsg.) 2013: *Palast und Stadt im severischen Rom*. Stuttgart.
- Spawforth, A.J.S. (ed.) 2007: *The Court and Court Society in Ancient Monarchies*. Cambridge–New York.
- Strootman, R. 2014: *Courts and Elites in the Hellenistic Empires: The Near East after the Achaemenids, c. 330 to 30 BCE*. Edinburgh.
- Sumi, G. 2011: Ceremony and the Emergence of Court Society in the Augustan Principate. *American Journal of Philology* 132/1, 81–102.
- Turcan, R. 1987: *Vivre à la cour des Césars. D'Auguste à Dioclétien (Ier–IIIe siècles ap. J.-C.)*. Paris.
- Turcan, R. 2009: *Vivre à la cour des Césars. D'Auguste à Dioclétien (Ier–IIIe siècles ap. J.-C.)*. 2e éd. Paris.
- Veyne, P. 1976: *Le pain et le cirque. Sociologie historique d'un pluralisme politique*. Paris.
- Vössing, K. 2004: *Mensa Regia: Das Bankett beim hellenistischen König und beim römischen Kaiser*. München–Leipzig.
- Wallace-Hadrill, A. 1996: The Imperial Court. In: A.K. Bowman, E. Champlin, A. Lintott (eds.), *The Cambridge Ancient History: The Augustan Empire, 43 BC–AD69*. Vol. X. Rev. ed. Cambridge, 283–308.
- Wallace-Hadrill, A. 2011: The Roman Imperial Court: Seen and Unseen in the Performance of Power. In: J. Duindam, T. Artan, M. Kunt (eds.), *Royal Courts in Dynastic States and Empires: A Global Perspective*. Leiden–Boston, 91–102.
- Winterling, A. (Hrsg.) 1997a: Zwischen “Haus” und “Staat”. *Antike Höfe im Vergleich*. (Historische Zeitschrift / Beihefte, 23). München.
- Winterling, A. 1997b: Hof ohne “Staat”. Die aula Caesaris im 1. und 2. Jahrhundert n. Chr. In: A. Winterling (Hrsg.), *Zwischen “Haus” und “Staat”. Antike Höfe im Vergleich*. München, 91–112.
- Winterling, A. 1999: *Aula Caesaris. Studien zur Institutionalisierung des römischen Kaiserhofes in der Zeit von Augustus bis Commodus (31. v. Chr. – 192 n. Chr.)*. München.

Alexander V. Makhlayuk,

Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia
E-mail: makh1@imomi.unn.ru
ORCID: 0000-0002-7758-2374

Acknowledgements: Russian Science Foundation,
project no. 20-18-00374П

A.B. Махлаюк,

д.и.н., профессор, зав. кафедрой
истории древнего мира
и Средних веков Нижегородского
государственного университета
им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия

DOI: 10.31857/S032103910028390-2

«ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ» НА КАФЕДРЕ ДРЕВНИХ ЯЗЫКОВ И КАФЕДРЕ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА МГУ имени М.В. ЛОМОНОСОВА

(Москва, 7, 11 апреля 2023 г.)

7 и 11 апреля 2023 г. на историческом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова состоялись заседания ежегодной научной конференции «Ломоносовские чтения», в которых приняли участие сотрудники кафедры древних языков и кафедры истории древнего мира – специалисты по истории и филологии древнего Востока, древней Греции и древнего Рима.

Заседание 7 апреля 2023 г. открыл доклад А.О. Корчагина (Москва) «“Владыка мух” или “хозяин дома”: к трактовке имени Вельзевул», посвященный этимологии имени западно-семитского божества. Отправной точкой исследования послужила форма «Баал-Зевув», встречающаяся в 4-й Книге Царств. Это единственное упоминание Вельзевула в Ветхом Завете связано с израильским царем Охозией, который, сильно поранившись после падения через оконную решетку своего дворца, обращается за помощью к божеству. Поскольку имя Баал-Зевув буквально переводится как «владыка мух», некоторые исследователи отождествляют данного бога с Зевсом Апоимем («Зевсом, отгоняющим мух»). Однако А.О. Корчагин в своем докладе не согласился с такой точкой зрения, обратив внимание на то, что в тексте 4-й Книги Царств речь идет не о заразной болезни, а о ране из-за падения. Кроме того, если Септуагинта, перевод Аквилы и Вульгата следуют древнееврейскому чтению, то перевод Симмаха дает транслитерацию Βεελζεβοὺλ. Таким же образом имя передается и в Евангелиях. На основании этих аргументов докладчик пришел к выводу, что подлинное имя божества было Баал-Зевул (Вельзевул), что следует трактовать как «хозяин дома (жилища)» (первоначально – «хозяин высокого жилища (небесного чертога)». Ветхозаветное «Баал-Зевув» следует считать дисфемизмом: называя языческое божество владыкой мух, автор 4-й Книги Царств подчеркивал его ничтожность.

Доклад А.В. Мосолкина (Москва) «Зачем нужны были птицы в мифе о Ромуле и Реме?» был посвящен одному из аспектов мифа об основании Рима. Согласно некоторым древним источникам, Рема и Ромула вскормили волчица и дятел, которые символизировали собой присутствие бога Марса. По мнению докладчика, присутствие двух животных, выполняющих две одинаковые функции, представляется явно избыточным. Более того, в комментариях Сервия к «Энеиде» (Serv. Aen. I. 273) упоминаются уже двое пернатых, которые летают вокруг волчицы с детьми, – дятел, а также некая неизвестная птица рага. На основании литературных и образительных источников А.В. Мосолкин подробно разобрал присутствие разных птиц и их разное количество в мифе о Ромуле и Реме, заключив, что древнейшей частью мифа был сюжет о близнецах, которых вскармливает только волчица. Птицы же, которых изначально было две, появляются, по предположению докладчика, около IV в. до н.э. и играют авгуральную роль – предсказывают будущую удачу Рима. Со временем эта функция птиц пропала и дятел стал кормильцем близнецов.

Е.В. Приходько (Москва) в своем докладе «Научный миф об оракуле Ахилла на острове Левка» поставила под сомнение распространенное убеждение, высказываемое исследователями Северного Причерноморья, что на острове Левка существовал оракул Ахилла, при том что никто из ученых не дает конкретной информации о том, как функционировал этот оракул. Поводом для этого утверждения стал пассаж из «Перипла» Арриана и особенно ошибоч-

ный перевод используемого слова $\chi\rho\eta\sigma\iota\acute{o}\varsigma$. Все переводчики передали это слово как «оракул», в то время как оракул в античном понимании этого термина (вещий дух места) никогда не обозначался словом $\chi\rho\eta\sigma\iota\acute{o}\varsigma$, а только $\mu\alpha\upsilon\tau\epsilon\iota\omicron\nu$ и $\chi\rho\eta\sigma\tau\acute{\eta}\rho\iota\omicron\nu$. Никаких других свидетельств существования на Левке оракула Ахилла — ни литературных, ни археологических, ни эпиграфических — на данный момент нет. В своем докладе Е. В. Приходько предложила подробный анализ структуры пассажа из «Перипла» Арриана, рассмотрела использованные им сочетания слов и формульные выражения, исходя из общей традиции применения таких терминов и формул в трудах как самого Арриана, так и других древнегреческих авторов. Таким образом она показала, что единственный мантический элемент, который, согласно Арриану, мог быть в этом святилище, — это выбор платы за жертвенную козу с помощью неких заранее написанных прорицаний. Но даже если это действительно было, то не требовало участия оракула.

На заседании 11 апреля 2023 г. выступил И. А. Ладынин (Москва) с докладом «Реплики военной истории Египта II тыс. до н.э. в труде Манефона Севеннитского». Это сочинение было написано в первой половине III в. до н.э.; оно известно в передаче Георгия Синкелла, следовавшего Юлию Африкану и Евсевию Кесарийскому, и армянской версии Евсевия. Докладчик проанализировал и сопоставил с данными античной традиции сведения Манефона о великих завоеваниях царя XII династии по имени Сесострис, прототипом которого является Сесострис III. Был сделан вывод, что, хотя Синкелл и Евсевий воспроизводили не оригинальный текст, а его эпитому конца эллинистического времени, они достоверно передали суть сообщения египетского жреца. Информация Манефона о Сесострисе близка к свидетельствам Гекатея Абдерского (придворного историографа сатрапа Египта Птолемея, сына Лага), считавшего, что именно Сесострис создал великую державу, охватывающую всю Азию. И. А. Ладынин подчеркнул значимость для Манефона труда Гекатея как обширного и подробного произведения, принадлежащего к официальной историографии. При этом египтянин использовал форму имени царя («Сесострис»), введенную значительно раньше Геродотом, видимо, ввиду закрепившейся ассоциации данного имени с мотивом великих завоеваний. Место царя в династической последовательности Манефон определил на основании собственных сведений, восходивших к иероглифической традиции, а не согласно Гекатею.

А. В. Стрелков (Москва) представил доклад «Как приготовить кикеон», где отметил, что данный вид напитка упоминается в античной традиции в основном в связи с Элевсинскими мистериями. Состав кикеона приводится лишь один раз и только в одном источнике, гомеровском «Гимне к Деметре». Там говорится, что для богини был приготовлен кикеон (от $\kappa\iota\kappa\iota\acute{o}\omega$ — смешиваю что-либо с чем-либо) с использованием воды ($\ddot{\upsilon}\delta\omega\rho$), ячменной муки или крупы ($\acute{\alpha}\lambda\phi\iota\tau\omicron\nu$) и нежной мяты ($\tau\acute{\epsilon}\rho\epsilon\iota\nu\alpha\ \gamma\lambda\acute{\iota}\chi\omega\nu$). Задавшись вопросом, почему составным элементом священного напитка стала именно мята и как она связана с Деметрой, докладчик обратился к редкому сюжету о любовном приключении Аида, которое закончилось превращением нимфы Минты в растение мяту (Opp. *Hal.* III. 485–496; Strabo. VIII. 3. 14; Ovid. *Metam.* X. 728–730; *Schol. ad Nicander Alex.* 375). У Оппиана и Страбона перед превращением бедную нимфу «растоптали» (используются глаголы $\acute{\epsilon}\tau\epsilon\mu\beta\alpha\acute{\iota}\nu\omega$, $\acute{\alpha}\mu\alpha\theta\acute{\upsilon}\nu\omega$, $\lambda\alpha\tau\acute{\epsilon}\omega$). По мнению докладчика, этот рассказ должен был объяснить способ приготовления листьев мяты для кикеона. История с нимфой и Аидом возникла, скорее всего, достаточно поздно, чтобы объяснить появление цветка в Элевсинском культе и дать намек, каким образом готовить мяту для священного напитка. Нимфа Минта, став священным растением Деметры, навсегда избежала участи смертных в царстве Аида.

В докладе «Заговор Катилины в “Истории Пистой” Джанноццо Манетти» Н. В. Бугаева (Москва) рассмотрела освещение заговора в труде флорентийского гуманиста XV века и показала, что, несмотря на сильную зависимость от своих главных источников — «О заговоре Катилины» Саллюстия, «Новой хроники» Дж. Виллани и «Истории флорентийского народа» Л. Бруни — Манетти внес ряд важных изменений в трактовку событий 63–62 гг. до н.э. Хотя попытка поднять восстание не оправдывалась, образ Катилины сильно облагорожен; подчеркнуты величие его души, грандиозность предпринятого и красноречие. Согласно «Истории Пистой», Катилина принадлежит к числу великих врагов Республики — выдающихся личностей, чьи таланты не умаляются, но делают их обладателей особо опасными для Рима. По мнению докладчицы, Манетти впервые (в пределах возможностей ренессансной науки) обосновал римское происхождение Пистой, используя достоверные — с точки зрения современников — источники и применив логически стройную процедуру их анализа.

Доклад *В. О. Никишина* (Москва) «О некоторых хронологических выкладках в контексте истории Ирода Антипы» посвящен наиболее ярким сюжетам из жизни внучки Ирода Великого Иродиады: кровосмесительный брак со своим дядей, тетрархом Галилеи и Перее Иродом Антипой; казнь Иоанна Крестителя; ссылка Антипы и Иродиады в Галлию. Проанализировав источники и историографию, В. О. Никишин выстроил следующую хронологию событий: в 34 г. начался роман Ирода Антипы и Иродиады, в 35 г. они официально стали мужем и женой, в 36 г. разгорелась война между бывшим тестем Антипы, набатейским царем Аретой IV, и тетрархом Галилеи и Перее. Эта война завершилась в 37 г. без особого результата для какой-либо из сторон. Соответственно казнь Иоанна Крестителя состоялась в 35 г., а Иисус был распят в 36 г. в возрасте около 40 лет. Докладчик пришел к выводу, что описанного в Евангелиях «танца Саломеи» в реальности не было и не могло быть. Вероятно, на пиру танцевала некая гетера или придворная куртизанка. В 39 г. произошла развязка: Ирод Антипа и его жена попали в опалу, были сосланы в Галлию, где и умерли несколько лет спустя.

Natalia V. Bugaeva,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

E-mail: cethegilla@gmail.com

ORCID: 0009-0006-7416-2186

Ekaterina V. Snedkova,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

E-mail: kiseleva.kate@gmail.com

ORCID: 0000-0002-1794-5065

Н. В. Бугаева,

к. и. н., доцент
кафедры истории древнего мира
МГУ имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

Е. В. Снедкова,

ассистент кафедры древних языков
МГУ имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

DOI: 10.31857/S032103910027570-0

ЕЖЕГОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЦИВИЛИЗАЦИИ ДРЕВНЕГО БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И АНТИЧНОСТИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ОБЩЕГО И ОСОБЕННОГО»

(Москва, 21–22 июня 2023 г.)

21–22 июня 2023 г. состоялась ежегодная конференция Отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН «Цивилизации древнего Ближнего Востока и античности: историческая динамика общего и особенного», в которой приняли участие как сотрудники отдела, так и исследователи из других академических институтов и вузов. Конференция проходила преимущественно в очном формате, но часть докладов была сделана дистанционно. Видеозаписи докладов с их кратким описанием доступны на онлайн-ресурсах ИВИ РАН.

В течение двух дней были затронуты различные аспекты истории античности и древнего Востока: религиозные традиции и практики, репрезентация власти и определение политических терминов, атлетические состязания и военная тактика, а также методологические вопросы и особенности работы с эпиграфическими и нумизматическими источниками, и т.д.

В рамках конференции впервые была организована новая подсекция «Эргастерий», которая объединила доклады, связанные общей проблематикой. Слово *ἐργαστήριον*, давшее ей название, следует понимать как «мастерскую», что отражает главную задачу этой подсекции: создание единого пространства для всестороннего исследования предложенной темы. В 2023 г. для эргастерия была выбрана тема «Связь понятий: реальная, метафорическая, парадоксальная». Представленные в этой подсекции исследования были призваны продемонстрировать, насколько распространено в источниках объяснение одного понятия через другое, а также проследить, каким образом связанные понятия могут менять свое значение.

Утреннее заседание конференции (председатель — Е.И. Соломатина) открылось докладом *В.В. Бельского* (Сергиев Посад/Москва) «Молитвы и магические формулы в религиозной практике древнего Ближнего Востока и античного мира». Докладчик представил результаты исследования молитв — обращений человека к божеству с просьбой, которые играют важную роль в религиозной традиции средиземноморской цивилизации. Тексты молитв из Ветхого Завета содержали не только прошение, но и предшествующую ему индикативную часть с онтологическим обоснованием просьбы. Сходное предназначение, т.е. получение необходимого и избавление от опасности, могли иметь и заклинательные (экзорцистические) тексты, часто встречающиеся в религиозной культуре Месопотамии и Малой Азии; также эту структуру библейской молитвы можно проследить в эллинистической и раннехристианской перспективе.

Л.С. Баюн (Москва) сделала доклад «Ритуалы очищения в хетто-лувийской культурной традиции (к проблеме этноязыковых контактов в древней Анатолии)». В хетто-лувийской традиции бытовало представление, что ритуальная нечистота, результатом которой могли стать болезнь, эпидемия, неурожай, голод и т.п., может переходить от отдельного человека на других членов сообщества и таким образом представлять большую угрозу. Следовательно, ритуальному очищению от нее придавалось большое значение. Важно, что регулярное включение лувийских заклинаний в тексты ритуалов очищения на хеттском языке является косвенным свидетельством того, что старая традиция ритуального очищения идет из отдаленных южных регионов Кишцуватны, области на юго-востоке Малой Азии, где на протяжении

веков лувийцы соседствовали с хурритами и другими местными народностями, носителями древних месопотамских традиций.

М. С. Чистякова (Москва) посвятила свое сообщение «Всегда говори “да”»: ответы богов в царских текстах Нововавилонского царства» гаданиям и отчетам, в которых был зафиксирован результат этих гаданий. Если при Ашшурбанипале, Асархаддоне и Синаххерибе положительные ответы богов даже записывались в царских текстах как показатели благосклонности свыше, то в Нововавилонский период подобные вставки почти исчезают из царских надписей. Исключениями являются один текст Навуходоносора II и несколько надписей Набонида, в двух из которых царь не побоялся упомянуть божественные отказы на его просьбы, что не может не вызывать интерес исследователей. Появление прецедента негативного ответа богов в царском тексте, по мнению докладчика, было сюжетно обосновано и являлось частью идеологической игры, в ходе которой Набонид укреплял свой образ богобоязненного и щедрого правителя. При этом само наличие отрицательных ответов в этих текстах не гарантирует полного отражения результатов гадания, что показывают сравнения с другими источниками и свидетельствами историков.

М. С. Апенко (Москва) выступил с докладом «Особенности презентации власти в иероглифических источниках эпохи Птолемеев», в котором коснулся способов легитимации правления династии Птолемеев. Цари этой династии были продолжателями условно «македонской» монархической традиции, но также должны были быть вписаны в обычаи культовой жизни Египта. Однако первые правители династии Птолемеев старались как можно меньше соприкоснуться с египетской культовой жизнью и вплоть до правления Птолемея V не проходили даже местных обрядов коронации. В этих условиях возникла потребность в иных формах узаконивания собственной власти с помощью определенных сюжетов пропаганды, рассчитанных на внутриегипетскую аудиторию.

В своем докладе «Клеопатра III как воплощение Исиды, великой матери богов. Предпосылки, причины, значение» *О. А. Давыдова* (Москва) сосредоточила свое внимание на отождествлении цариц династии Птолемеев с египетскими богинями. Наиболее значимой из них являлась Исида. Отождествление с ней достигалось с помощью обращения к ее божественным эпитетам, а также через изображение цариц на рельефах храмов и на стелах с использованием традиционной символики богини и ее божественных атрибутов. Клеопатра III, первая и единственная из цариц династии, именовалась *Ἰσις μεγάλη μήτηρ θεῶν* и представляла таким образом как живое воплощение богини Исиды.

В докладе *Л. Л. Селивановой* (Москва) «Греческий и римский атлетизм. Историческая динамика и особенности» был представлен путь эволюции античного спорта с учетом специфики Греции и Рима. Принципиальная разница между ними заключалась в том, что греками агон воспринимался как естественная, необходимая составляющая полисной жизни, общественный и религиозный долг; соревнования были неразрывно связаны с чисто греческими представлениями о гармонии, чести, доблести и калокагатии. У римлян агональное начало отсутствовало, и даже в период эллинофилии и «приобщения» к греческому атлетизму спорт презириали, а необходимую физическую подготовку получали на военной службе. На римской почве спортивные состязания выродились в зрелища, идейно ничего общего не имевшие с агонами греков.

Доклад *С. Ю. Сапрыкина* (Москва) «Эпиграфические памятники Боспора (новые и прежние находки)» был посвящен трем греческим надписям с территории Боспорского царства. На случайно обнаруженном на горе Митридат в Пантикапее фрагменте мраморной плиты I в. н.э. сохранились остатки строительной надписи, в которой шла речь об оплате за обработку некоего предмета, за что была выплачена сумма денег, указание на которую сохранилось в первой строке. Имя некоего упомянутого в надписи Сенеки дано в дательном падеже; оно принадлежало ремесленнику, выполнившему эту работу, а имена в именительном падеже с патронимиками относились к лицам, очевидно, выделившим деньги на эту работу; общая сумма сохранилась в конце надписи. Вторая надпись — графито на чернолаковом кубке IV—III вв. до н.э. из поселения Полянка (Восточный Крым), опубликованная ранее с ошибочным восстановлением текста. На самом деле, по мнению докладчика, это поэтическая застольная надпись, воспевающая силу кубка. Третий памятник — случайно найденная свинцовая гирия с именами трех агораномов и сокращением ΠΑΝ, т.е. Пантикапей. Имена этих агораномов ранее были засвидетельствованы на двух других гириях из Нимфея и Феодо-

сии, что подтверждает важную роль полисных пантикапейских агораномов в контроле над рынками и над соблюдением весовых стандартов.

Вечернее заседание (председатель — М. Н. Кириллова) открылось докладом *С. В. Смирнова* (Москва) «Изображение и текст: солярные и астральные символы на монетах и гирях Антиоха IV», в котором была представлена одна из базовых проблем эллинистической нумизматики — семиотическое соотношение между двумя нарративами: царским портретом и текстом легенды. На первый взгляд, легенда, в которой упомянуто имя царя и его царский титул, неразрывно связана с портретным воплощением монарха. Вместе с тем существует ряд примеров, когда текст легенды и портрет правителя, помещенные на одной и той же монете, не соответствуют друг другу. Это характерно преимущественно для посмертных и коммеморативных выпусков, однако такие несоответствия демонстрируют сложную природу взаимодействия текста и изображения. Одним из интереснейших примеров подобного взаимодействия легенды и портрета служит монетное дело Антиоха IV, при котором зарождается практика выносить в текст монетной легенды божественную титулатуру монарха, что должно было повлечь за собой и изменение царского портрета. Так, на некоторых монетных сериях Антиоха IV появляется царский портрет, дополненный атрибутом — звездой. Дальнейшая эволюция царской легенды привела к новой трансформации царского портрета и появлению портрета в лучевой короне. Появление на портретах звезды можно трактовать как признак божественности царя Антиоха, а дополнение портрета лучевой короной — как формирование культа солярного божества, в образе которого и представал Антиох IV.

В докладе «Парадоксальное понятие олигархии в “Политике” Аристотеля» *И. Е. Суриков* (Москва) показал, что в «Политике» Аристотеля содержится неожиданное определение олигархии. В отличие от общепринятого понимания, исходящего из прозрачной этимологии самого термина, олигархия предстает у Аристотеля не как «власть немногих», а как «власть богатых», даже если эти богатые составляют большинство граждан. Соответственно, один из главных признаков олигархий для Аристотеля — имущественный ценз. Докладчик также соотнес политическую деятельность древнегреческих олигархов с теоретическими выкладками философа.

О. Л. Габелко (Москва) в сообщении «Галлогреки, эллиногалаты и прочие: дефиниции восточных кельтов в произведениях греческих и римских авторов» классифицировал определения, применявшиеся к кельтам в целом и в частности к их восточным «ветвям» в греческих и латинских текстах V—I вв. до н. э. Докладчик показал, что наряду с преобладающим начиная еще с Гекатея Милетского и Геродота определением «кельты» постепенно начинают появляться и этимологически связанный с ним этноним «галаты». В эпоху эллинизма к жителям Западной и Центральной Европы применяются оба этнонима, тогда как переселенцы на Балканы и в Малую Азию именуется исключительно галатами. Случаи раздельного упоминания кельтов и галатов крайне редки. Интересно, что Посидоний Апамейский называет восточных кельтов, смешавшихся, по его словам, в Европе и Азии с греками, эллиногалатами. Возможно, именно к этому термину восходит широко используемое латинскими авторами, начиная с Цицерона и Цезаря, понятие «галлогреки» для обозначения малоазийских галатов; остается не вполне ясным, в какой мере стоит считать анахронизмом то, что Тит Ливий использовал его при описании событий II в. до н. э.

И. В. Хорькова (Москва) в докладе «Отражение ранней римской истории в христианских апологиях латиноязычных авторов» проанализировала отрывки из сочинений христианских апологетов, содержащие информацию о римской истории царского периода. Используя тенденциозный отбор и рациональную критику событий, представляя их в негативном свете и давая им правовую оценку, христианские авторы ставили своей целью отвратить языческую аудиторию от ложных ценностей. Римская история была популярна среди христианских авторов по нескольким причинам: во-первых, события, сильно отдаленные от них по времени, уже приобрели легендарные черты, обросли чудесами и вымыслом, что было удобно для рациональной критики; во-вторых, для обоснования новых христианских взглядов и моральных приоритетов как нельзя лучше подходили полузабытые и не всегда понятные реалии царской эпохи; в-третьих, сами языческие писатели рационалистического толка уже достаточно дискредитировали события ранней истории.

Завершил первый день конференции *А. В. Короленьков* (Москва) докладом «Битва при Лавроне», в котором рассмотрел особенности этого сражения Серторианской войны. Сертория

упрекали за то, что он не смог окончательно расправиться с Помпеем после битвы, но докладчик предположил, что у Сертория вряд ли имелась такая возможность. Однако более чем странными представляются действия его отряда, который должен был нанести удар в тыл Помпею, но ограничился демонстрацией своего присутствия. Такая акция сорвала предполагаемый удар, что, вполне вероятно, и стало главной оплошностью повстанцев в ходе боя.

Утреннее заседание 22 июня (председатель — Л. Г. Елисеева) открыл А. Ю. Маркелов (Самара) своим докладом «Сардиния, хлеб и $\lambda\eta\tau\alpha\iota$ ». Докладчик проанализировал причины изменения статуса провинции Корсика и Сардиния с «народной» на «императорскую» в 6 г. н.э. По его мнению, причиной была не активизация набегов горных племен на территории, где проживало земледельческое население, и пиратство жителей Сардинии, а необходимость прямого контроля со стороны императора Августа над этим островом, важным источником зерна для Италии, во время разразившегося в Риме голода.

Е. А. Гуськов (Москва) в докладе «О составе и содержании сочинения Мария Максима» представил обзор творчества Л. Мария Максима, автора начала III в. н.э. Его труд пользовался огромной популярностью в древности, но до нашего времени дошел только в виде фрагментов, самые крупные из которых содержатся в составе сборника *Historia Augusta*. По этим отрывкам можно получить общее представление о том, каковы были хронологические рамки сочинения Максима: оно охватывало период как минимум от Траяна до Гелиогабала. Части *Historia Augusta*, затрагивающие так или иначе правление Марка Аврелия, создавались, видимо, в разное время. Порой сборник содержит элементы фальсификации, за которые Максим не может быть ответственным. К тому же, скорее всего, в распоряжении автора *Historia Augusta* не было той части сочинения Мария Максима, в которой описывалось правление Макрина.

После завершения обсуждения докладов этой части конференции открыла свою работу исследовательская мастерская — эргастерий (председатель — Л. Г. Елисеева). Круг тем, затронутых в представленных докладах, включал в себя обозначение политических институтов и их функций с помощью разных терминов; понятия, встречающиеся в разных хронологических контекстах и в разных узусах одного автора или авторов, концептуальные различия их употребления; специальное и неосознанное использование авторами метафор и сравнений при описании чужих культур. Кроме того, те методы, с которыми исследователи подходят к исследованию связанных понятий, при этом находящихся в контрастных контекстах, сами являются интересным предметом для анализа. Во вводном докладе Л. Г. Елисеева (Москва) показала, как в источниках менее знакомые понятия могут расшифровываться с помощью феноменов на первый взгляд более привычных, а также то, как связанные понятия могут менять свое значение, влияя друг на друга. Так, Светоний сообщает о том, что Август использовал в повседневной речи некоторые своеобразные выражения, например, *baseolus* — «дубина» (пер. М. Л. Гаспарова). Чтобы объяснить это слово, полюбившееся Августу, Светоний прибегает к его сравнению со *stultus*, «глупый» (Suet. Aug. 87). Таким образом перед нами появляется возможность как выяснить, что такое *baseolus*, так и определить рамки, которые ограничивают слово *stultus*. Само *baseolus* зафиксировано только в этом месте у Светония и происходит от греческого $\beta\acute{\alpha}\chi\eta\lambda\omicron\varsigma$ (Hesych. s. v.), которое в свою очередь используется для обозначения евнуха. Интересно также и то, как связь между этими словами осмысливается исследователями. С одной стороны, глупостью можно посчитать желание нарушить целостность человеческого тела, которое имеет решающее значение для идентичности и авторитета гражданина мужского пола. С другой стороны, $\beta\acute{\alpha}\chi\eta\lambda\omicron\varsigma$ стало означать «глупый» и «тупой» из-за производного значения «женоподобный» (ср. например, «разум собачий» Пандоры — $\chi\upsilon\nu\epsilon\acute{o}\nu\ \tau\epsilon\ \nu\omicron\omicron\upsilon\varsigma$, Hes. Erga. 67, пер. В. В. Вересаева).

Работа эргастерия началась докладом И. А. Ладынина (Москва) «“Бог прекрасный, царь богов, наследник властителя властителей”»: об одной египетской титулатуре Августа», в котором автор обратился к надписи на статуе жреца Пахома из Мендеса, относящейся к началу Принципата. Содержащаяся в этой надписи титулатура принадлежит, по мнению исследователей, Октавиану Августу. Докладчик высказал мнение, что в ней содержатся указания на его филиацию по усыновлению от Цезаря, на признание воплощения в нем бога Амона и на преемственность Римской империи как межрегионального государства от череды великих держав прошлого.

В следующем докладе «Что такое династия? Выбор греческого слова египетским жрецом» *А.А. Немировский* и *И.А. Ладынин* (Москва) показали, что привычное нам применение греческого слова «династия» как обозначения генеалогически преемственной цепочки последовательных монархов и их рода в пору занятия его представителями престола не имеет основы в собственно греческом словоупотреблении. Оно обязано своим существованием выбору Манефоном этого слова для обозначения традиционных сегментов египетского царского ряда, выделявшихся по более сложным критериям. Следует отметить, что для самого Манефона оно значило не вполне то же, что у позднейших историков; его общепринятый смысл — результат нескольких перекодировок при переходе из одного понятийно-языкового пространства в другое.

В.Ю. Шелестин (Москва) посвятил свой доклад «“Моему Солнцу не следует освобождать их”: освобождение в хеттском царском дискурсе» хеттским практикам налогового иммунитета. Хеттские цари начиная с эпохи Древнего царства широко применяли освобождение от податей для повышения лояльности элиты и обеспечения храмового сектора экономики. С конца среднехеттского периода учащаются случаи ликвидации такого налогового иммунитета, что традиционно связывают с укреплением центральной власти. Недавно опубликованное позднесреднехеттское письмо хеттского царя сирийскому вассалу DAAM 2.12 подтверждает отход хеттских царей этого времени от практики налогового иммунитета. Хотя адресат письма неизвестен, по ряду признаков (в том числе связанных с акцентом на налоговом иммунитете) им может быть правитель Угарита. В докладе рассмотрены эволюция практик налогового иммунитета у хеттов в свете новых данных и возможные датировки признания Угаритом хеттского сюзеренитета при Арнуванде I, Тудхалии III и Суппилулиуме I в случае приобщения DAAM 2.12 к угаритскому досье.

В докладе «Graeco-Babyloniaca: о передаче некоторых греческих терминов в клинописных текстах эпохи эллинизма» *Е.М. Берзон* (Москва) рассмотрела особенности употребления греческих терминов в вавилонских клинописных текстах селевкидского и парфянского времени в контексте лексики, используемой для передачи новых политических, экономических и культурных реалий эпохи эллинизма. Источниковой базой исследования послужил корпус социально-экономических и юридических документов, преимущественно из Вавилона и Урука, а также астрономические дневники, позднеавилонские хроники и хронографические тексты. Частотная лексика по своей орфографии ожидаемо оказалась наиболее адаптированной к правилам аккадского языка. Слова же, являющиеся гапаксом, обычно представляют собой дословную транслитерацию греческого термина, фиксирующую также и характерные греческие окончания. При этом грецизмы более всего представлены в части, описывающей полис и локальное делопроизводство, и в контекстах, требующих употребления экономических терминов, что может объясняться необходимостью передать именно эллинистические социально-экономические и административные реалии, причем на локальном уровне. Лексика же, относимая к сфере дворца и царской администрации, передается как соответствующими аккадскими терминами, уже существующими в месопотамской традиции, так и неологизмами.

Д.Б. Меркин (Москва) в докладе «*Neōkoroi* в контексте греческой религии и городских титулов» обратился к изучению термина *neōkoroi*, который античные авторы часто используют при описании культовой администрации и сакральной жизни. Неокоры упоминаются в источниках как жрецы в греческих святилищах, однако часто установить их конкретные функции довольно сложно. Из надписей следует, что неокоры избирались по жребию; в некоторых святилищах они выполняли важные административные функции. Около I в. н.э. сам характер этой жреческой магистратуры повлиял на перенос названия с конкретных людей на полисы, после чего уже греческие города, в которых находились особо значимые святилища, стали именоваться неокорами: так, Эфес именуется неокором Артемиды. Другая же часть полисов получает этот титул из-за расположения в них святилищ, посвященных императорским культам.

Доклад *Е.И. Соломатиной* (Москва) «Единоличное правление в архаической Греции и термины, обозначающие его» был посвящен анализу политической терминологии. Как следует из греческой традиции архаического и классического времени, грекам было известно несколько названий для обозначения единоличного правителя, два из которых были унаследованы от предшествующих эпох. Первый термин, *анакт*, обозначавший верховного прави-

теля в микенских государствах, встречается в гомеровском эпосе, но утрачивает свое первоначальное значение с крушением дворцовой системы. Второй термин, *басилевс* — так называли в микенскую эпоху чиновников низшего ранга, управлявших небольшими округами или деревнями — у Гомера встречается уже в значении «царь». При этом власть гомеровских *басилевсов* не является абсолютной или наследственной. У *Алкея* впервые встречаются слова, образованные от основы *μωσρχ-*: монархия, т.е. единовластие, и монарх. Однако, когда в греческих полисах в середине VII в. до н.э. появляются единоличные правители, они сами и установленное ими правление начинают именоваться заимствованным словом лувийского происхождения: «тиран» и «тирания». По мнению докладчика, это могло быть связано с тем, что важную роль в их приходе к власти играл брак с представительницами царских родов.

К эпиграфическим памятникам обратился *А.В. Логинов* (Москва) в своем сообщении «*Ἀνδῆσαι, ἐνχοιῶται* и родственные им слова в гортинских надписях». Значение встречающихся в надписях Гортины форм *ἀν[δ]εισάμ[ε]νος, ἀνδοῖαν, ἀνδοῖαδ, ἀνδέσεται, [ἐν]χοιῶταις, ἐνχοιῶται* остается неясным и является предметом дискуссий, главным образом из-за лаконичности и неясности контекстов, в которых они встречаются. Однако несмотря на разнообразие интерпретаций, в историографии сложилось общее мнение, что эти слова обозначают какие-то формы обязательств. В докладе обсуждались различные гипотезы о значении этих слов, которые соотносились с общей системой гражданского оборота, реконструируемой по гортинским законам.

В своем докладе «К вопросу об использовании термина *δοχιασσία* (App. B. Civ. I. 36. 163) в контексте политической борьбы вокруг законопроектов М. Ливия Друза в 91 г. до н.э.» *Н.А. Филянов* (Москва) проанализировал сообщение Аппиана о недовольстве италиков аграрным законом плебейского трибуна 92/91 г. до н.э. М. Ливия Друза и о визите этрусков и умбров в Рим с целью убийства Друза (App. B. Civ. I. 35–36). Под *τὴν τῆς δοχιασσίας ἡμέραν* Аппиан подразумевает заседание сената, где обсуждалась отмена аграрного и судебного законов Друза. В связи с тем что Аппиан сжал хронологию и опустил ряд подробностей, прения в сенате относительно абrogации *leges Liviae*, имевшие место в сентябре, накладываются на события, происходившие незадолго до смерти Друза в октябре, когда реформатор предпринял попытку представить перед трибунными комициями свою рогацию *de sociis et nomine Latino civitate danda*. По этой причине Аппиан, говоря о прениях в сенате, ошибочно прибег к термину *δοχιασσία*, который в других местах (App. B. Civ. I. 10, 29, 31, 55, 56; IV. 7) используется для обозначения промюльгации рогации или голосования (*δοχιασσία τοῦ νόμου*) в трибунных комициях.

В докладе *М.Н. Кирилловой* (Москва) «Функции этимологий в римских землемерных трактатах» были рассмотрены сохранившиеся в землемерных сочинениях этимологии специальных терминов и их функции в рамках повествования. Можно установить, что часть этих этимологий восходит к сочинениям Варрона: их появление в его труде обусловлено как его интересом к римским древностям, так и активным развитием межевания в середине I в. до н.э. В целом на основании землемерных текстов можно выделить несколько традиций объяснения терминов межевания и попытаться реконструировать связи между ними. Как это часто бывает при обращении античных авторов к истории слов, они иллюстрируют не историю самого слова, а историю описываемых этим словом реалий; таким образом, обращение к ним позволяет уточнить представление землемеров о развитии их ремесла. В трактатах землемеры используют этимологии, как правило, именно с этой целью: рассказать о межевании тех времен, о которых они не могли сказать ничего определенного как технические специалисты. Поскольку сведений об истории римского межевания и связанных с ним общественных институтов не так много, привлечение этих материалов имеет особую ценность.

В.А. Конюхов (Москва) представил сообщение «От *pontifex*’а к понтифику: языческие жрецы и христианские епископы в III–V вв.». Перенос названия одной из римских жреческих коллегий на христианских епископов Запада происходил по сложной траектории. С помощью *pontifex* латиноязычные христиане переводили греческое *ἄρχιερεὺς*, которое само не сразу стало обозначением христианского епископа. Ранние латинские переводы Писания использовали слово *pontifex* как одно из обозначений иудейского первосвященника; кроме того, это слово применялось по отношению к ряду других библейских персонажей и самому Христу. В дальнейшем формирование синонимии между *ἄρχιερεὺς* и *ἐπίσκοπος*, с одной стороны, и *pontifex*, с другой, происходило как под воздействием традиции переводов Священ-

ного Писания и его интерпретации, так и в ходе сопоставления еще существовавших в III–IV вв. языческих pontifices с христианскими епископами-понтификами. При этом стоит отметить, что христианские епископы практически никогда не именовались фламинами, тогда как этот жреческий титул был весьма распространен на Западе вплоть до IV в.

К. С. Данилочкина (Москва) в докладе «Этнонимы римской Британии: Brit(t)ones, Brittunculi и другие» рассказала о названиях местных племен, населявших остров, часть которого стала одной из римских провинций в 43 г. н.э. Одним из первых стало наименование с корнем brit(t)- в различных его формах. Цезарь, став первым из римлян, кто попал на остров, в своих «Записках» дал подробное описание Британии и стал различать местные племена, называя их своими именами. С расширением контактов появилось еще одно разделение: на дружественные и враждебные Риму племена, когда уже не весь остров выступал заодно, но лишь часть его жителей. Тем не менее, как и сейчас, общее название не исчезало, оно применялось в отношении жителей целого острова, если этого требовал контекст или не было необходимости в уточнении. Один из наиболее ярких примеров названий, которые употребляли по отношению к жителям острова, был обнаружен на деревянной табличке из Виндоланды, в которой наряду с названием Brittones появился самый знаменитый диминутив Brittunculi. В сообщении были рассмотрены особенности употребления общего для проживавших на острове этнонима и то, как это отразилось в культуре.

В завершившем работу эргастерия докладе «Ат(т)илий Регул и работорговля» *Е. В. Ляпустина* (Москва) напомнила о десятилетии со дня смерти Х. Хайнена (21 июня 2013 г.), родившегося и похороненного недалеко от Арлона, откуда происходит рельеф, фотография которого, сделанная по заказу Е. М. Штаерман, и послужила толчком для исследования. На обороте фото вместе с описанием и ссылкой («Бытовая сцена. Арлон. Espérandieu N4034, т. V») воспроизведена надпись: Attilius Regulus patronus idemque heres (*CIL* XIII, 3986). Надгробие было найдено при разборке городских укреплений Арлона в 1671 г. и известно по рисунку, выполненному отцом Александром Вильтхаймом (1604–1684). В докладе было высказано предположение, что громкое имя в надписи могло быть плодом фантазии ученого иезуита, так как он сам уточнил, что к моменту фиксации надписи ее уже разбили рабочие (*litteras adscriptas diffregere fossores*). Возможно, соседство с другой эпитафией, в которой фигурировала некая Аттилия, навяло Вильтхайму воспоминания о знаменитом консуле времен Первой Пунической войны, и так появился Аттилий Регул, а надпись именно в таком виде воспроизводится с тех пор во всех изданиях.

Завершая конференцию, докладчики обменялись впечатлениями о ее работе. Разнообразие докладов по тематикам, историческим периодам и географическим рамкам породило живую дискуссию, позволившую рассмотреть общие для разных цивилизаций древнего мира явления в сравнительной перспективе. Участники конференции оценили новую подсекцию «Эргастерий» как весьма перспективную модель организации докладов внутри традиционных конференций Отдела, позволяющую обсудить схожие сюжеты в исследованиях и методы их разработки, а также выразили надежду, что конференция продолжит работу в том же формате и в следующем году.

Evgeniia N. Andreeva,

Institute of World History
of the Russian Academy of Sciences;
Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
Moscow, Russia
E-mail: aenik@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0728-4109

Olga A. Davydova,

E-mail: davydova.olga96@mail.ru
ORCID: 0009-0003-7593-5310

Е. Н. Андреева,

научный сотрудник ИВИ РАН;
старший преподаватель РАНХиГС

О. А. Давыдова,

младший научный сотрудник

Liubov G. Eliseeva,

E-mail: liubovgeliseeva@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5448-6788

Anna V. Ivanova,

E-mail: annaivanova.rsuh@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2396-8615

Maria N. Kirillova,

E-mail: marikirillowa@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9029-5727

Elena V. Lyapustina,

E-mail: elenatemp@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7333-8588

Elena I. Solomatina,

E-mail: solomatina_elena@yahoo.com

ORCID: 0000-0001-6671-0257

Institute of World History
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Л.Г. Елисеева,

младший научный сотрудник

А.В. Иванова,

младший научный сотрудник

М.Н. Кириллова,

к.и.н., научный сотрудник

Е.В. Ляпустина,

к.и.н., старший научный сотрудник

Е.И. Соломатина,

научный сотрудник

Институт всеобщей истории
Российской академии наук,
Москва, Россия

DOI: 10.31857/S032103910029139-5

ВСЕРОССИЙСКИЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ «ПЛИНИЙ СТАРШИЙ И ЕГО “ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ”: К 2000-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ»

(Москва, 13–14 октября 2023 г.)

В 2023 г. отмечался 2000-летний юбилей римского писателя и общественного деятеля Гая Плиния Секунда Старшего (23/24–79 гг. н. э.), который наиболее известен как автор «Естественной истории», первой в истории человечества сохранившейся энциклопедии, посвященной почти всем известным на тот момент отраслям знания. Это произведение представляет собой грандиозный сборник античных представлений о природе, мире и человеке в 37 книгах. Книги «Естественной истории» содержат около 20 000 фактов о космологии, астрономии, физике, географии, антропологии, зоологии, ботанике, медицине, науке о неорганической природе и проч., поэтому «Естественная история» оказывается неисчерпаемым источником наших сведений о разных сторонах жизни, науки и культуры античного мира. Торжественная дата была отмечена конференциями в США («Pliny the Elder and Traditions of Natural Histories», Binghamton University), Тюбингене («Pliny’s Legacy: Two Millennia of Reading the *Naturalis Historia*»), Лиссабоне и Риме («Pliny the Elder: Medicine, Magic, and Religion»), что показывает важность изучения наследия римского энциклопедиста для мировой науки об античности.

Всероссийский круглый стол «Плиний Старший и его “Естественная история”: к 2000-летию со дня рождения» прошел на кафедре древних языков исторического факультета МГУ 13–14 октября 2023 г. На конференции были представлены научные доклады, посвященные жизни и творчеству Плиния и его «Естественной истории», а также проведен круглый стол ученых, трудящихся над изданием, переводом и комментарием «Естественной истории». Речь шла о выработке общих принципов работы над 19-томным двуязычным изданием, которое подготавливается в настоящее время разными исследователями в серии «Античная библиотека». Особое место на конференции заняла презентация первых трех томов «Естественной истории», два из которых (II и III) были изданы накануне мероприятия.

13 октября состоялось торжественное открытие круглого стола. После приветственных слов от руководителей исторического факультета с вводным словом выступил заведующий кафедрой древних языков исторического факультета МГУ и главный организатор конференции А. В. Подосинов (Москва). В своей речи он еще раз поприветствовал участников и представил основные этапы жизни и творчества Плиния, который принадлежал к всадническому сословию, был выдающимся военным и политическим деятелем, служил в коннице в Германии с императором Титом, был близким другом и советником Веспасиана, закончил жизнь префектом флота в Мизене и погиб 25 августа 79 г., спасая людей, бежавших от проснувшегося Везувия. Плиний много писал: известно о его исторических трудах, сочинениях по военному делу, риторике и грамматике. Его энциклопедическая работа «Естественная история» (*Naturalis historia*), представляющая собой современный Плинию срез достижений в разных научных и практических сферах греко-римской античности, была опубликована в 80-х годах I в. н. э.

А. В. Подосинов напомнил, что изучение творчества Плиния в нашей стране имеет свою традицию: так, в сентябре 2018 г. в РАНХиГС состоялась Международная научная конференция «Плиний Старший и его время: политика, идеология, знание», организатором которой была Е. В. Илюшечкина. Далее А. В. Подосинов рассказал о большом научном проекте, нацеленном на издание «Естественной истории» на русском и латинском языках, а также о вышедших

к этому времени трех из девятнадцати запланированных томов в издательстве Университета Дм. Пожарского. Работа над этими книгами Плиния велась с использованием новых, ранее неизвестных рукописей, что дает новому изданию право считаться наиболее полным из существующих в мире.

Затем слово взяли президент Русского фонда содействия образованию и науке М.В. Поваляев и директор издательства Университета Дм. Пожарского А.И. Анно. Они поблагодарили всех участников издания Плиния за их труд и выразили надежду на успешное продолжение проекта.

После открытия круглого стола участники конференции посетили приуроченную к конференции выставку, подготовленную в Научной Библиотеке МГУ. На выставке присутствующие ознакомились с различными изданиями «Естественной истории» с XVIII по XXI вв., хранящимися в фондах библиотеки МГУ. Также в рамках выставки были представлены первые три тома нового издания «Естественной истории», которые стали кульминацией всей выставки и важным этапом в изучении наследия Плиния.

Пленарное заседание круглого стола было открыто докладом А.А. Вигасина (Москва) «Солин и Плиний об Индии», который был посвящен Солину как переписчику Плиния. По мнению докладчика, Солин пересказывал Плиния не по памяти, а имея перед глазами оригинал. Он редко расширял текст «Естественной истории», чаще же, наоборот, сокращал детальные сведения Плиния о географии и этнологии страны (например, списки народов и их локализацию), но сохранял упоминания разных удивительных явлений (*memorabilia*). Географию Индии он представлял весьма слабо, а потому вместо *ultra Palibothros* у него появляется *ultra Palibothram* (52. 13) — так, будто гора Малая (Западные Гхаты) находится рядом с городом Паталипутрой (современная Патна в Бихаре). Неврежное изложение Солином Плиния нередко приводило и к искажению смысла. Ряд ошибочных утверждений объясняется, видимо, неверным прочтением латинских цифр (52. 5). Иногда можно думать, что в распоряжении Солина находилась не вполне исправная рукопись *Naturalis historia*.

М.В. Шумилин (Москва), один из авторов III тома «Естественной истории», поделился некоторыми аспектами своей работы над этим изданием в докладе «Стемматические инновации в III томе Плиния Старшего». Прежде всего докладчик объяснил важность рукописи *P*, которая привлекалась для географических книг Плиния впервые в издательской практике. Далее он сделал акцент на стемматических инновациях, рассказал о стратификации ветви рукописей *AP* и описал общую картину, стоящую за стеммой. Сохранившиеся рукописи, содержащие в том или ином виде географические книги «Естественной истории», образуют две ветви. Представителями первой ветви являются рукопись *A* (первая треть VIII в.), самая ранняя для этой части «Естественной истории», а также некоторые эксцерпты, семейство созданной в Германии в XII в. рукописи (к нему принадлежит и *P*, до 1433 г.) и цитаты Плиния в трактатах Беды. Вторая ветвь представлена двумя семьями рукописей, из которых только *D* (ок. 800 г.) и *R* (середина IX в.) восходят к гипархетипу ветви независимо друг от друга, прочие рукописи зависят от *D*. По мнению докладчика, ветвь рукописей *DR* была широко распространена во Франции, в то время как ветвь *AP* — плохо сохранившаяся и собранная по крохам — была связана с географической периферией той территории, где вообще переписывали Плиния.

В докладе «Принципы комплектования критического аппарата и выбора чтений для V–VI книг «Естественной истории» Г.Л. Криволапова (Москва) были освещены некоторые этапы подготовки издания III тома «Естественной истории» Плиния Старшего. В первой части выступления докладчик рассказал об алгоритме выбора разночтений, сочтенных достойными для их упоминания в критическом аппарате. Для V–VI книг «Естественной истории» был разработан аппарат средней степени подробности, в основе модели которого лежали идеализированные принципы модели П. Мааса, скорректированные особенностями рукописной традиции Плиния. Во второй части выступления речь шла об этапах *constitutio textus*, предполагающих реконструирование архетипа и приведение его в соответствие с оригиналом, т.е. о выборе чтений для III тома «Естественной истории». Издатели ориентировались в первую очередь на расклад чтений в лучших рукописях, принадлежащих к различным ветвям традиции. Немаловажную роль при таком выборе играли грамматическая и лингвистическая обоснованность, контекст и *usus* самого Плиния, иногда также сведения других источников и мнения современных исследователей. Наиболее тщательному анализу издатели подвергали те места, для которых появлялось новое «хорошее» чтение. Это стало возможным благодаря уточнению

некоторых неверно понятых предшествующими издателями чтений рукописей и привлечению рукописей, не использовавшихся ранее.

После пленарного заседания был проведен круглый стол переводчиков «Естественной истории». Его главной целью было познакомить между собой ученых, работающих над 19-томным изданием, переводом и комментарием различных томов «Естественной истории», чтобы они смогли поделиться друг с другом подходом, методами и спецификой своей работы. Такое обсуждение было вызвано необходимостью выработать общие принципы при публикации всей «Естественной истории» в рамках одной серии, поскольку энциклопедия охватывает множество областей человеческого знания. В ходе круглого стола был озвучен план готовящихся томов и обсуждены различные дискуссионные вопросы: об использовании уже существующих переводов других ученых (большая часть присутствовавших высказалась за подготовку собственного перевода), о степени подробности комментариев, которую было решено варьировать в зависимости от содержания тома на усмотрение издателя, о гармонизации литературности и буквализма в переводе, необходимости перевода отдельных греческих слов, об особенностях передачи топонимов, об оформлении параграфов, отсылке к античным авторам и параллельным местам, структуре и виде указателей. Обсуждаемые на круглом столе темы нашли отклик у присутствовавших, что, без сомнения, будет иметь важные последствия для работы над подготовкой издания «Естественной истории».

Второй день был посвящен докладам по частным проблемам изучения «Естественной истории». Открыл заседание доклад *А. В. Подосинова* (Москва) «Плиний Старший о локализации гипербореев», в котором автор отметил как принципиальную позицию Плиния стремление сопровождать мнения античных авторов собственными оговорками и приводить все имеющиеся версии. Эта черта заметна на примере локализации гипербореев: в географических книгах «Естественной истории» дается пять различных версий их местоположения. Наиболее подробно докладчик остановился на последней из них — об острове в неопределенном океане: либо Атлантическом, либо Тихом. Наиболее близким к этой версии является описание гипербореев у Гекатея Абдерского, который написал о них трактат, дошедший до наших дней лишь в пересказе. Древнегреческий историк помещает их на огромном острове в Атлантике — по мнению *А. В. Подосинова*, это и есть океан, который упоминает в одной из версий Плиний.

Е. В. Приходько (Москва) в своем докладе «Древнегреческие топонимы в русской традиции» отметила, что за несколько столетий перевода произведений античных авторов русский язык выработал устойчивую традицию передачи древнегреческих топонимов, которая в последние десятилетия подверглась серьезным испытаниям. Докладчик отметила, что в настоящее время как в интернете, так и в научных работах можно встретить много древнегреческих топонимов, образованных с нарушением утвердившихся норм и даже игнорирующих исходную форму греческого слова. Автор предложила теоретическое осмысление системы русской традиции, что позволило сформулировать правила перевода, которых следует придерживаться при использовании древнегреческих топонимов в научных исследованиях.

Е. В. Илюшечкина (Москва) выступила с докладом «Антропология Плиния Старшего», в котором рассмотрела отдельные аспекты антропологии Плиния на примере VII книги его энциклопедии. Автор доклада отметила, что по тематическому содержанию всей «Естественной истории» человек находится в самом центре мироздания и, согласно Плинию, по праву заслуживает особого места в окружающем мире. Природа человека двойственна: он — властитель всего, все создано для него природой, но при этом он несчастен на всем жизненном пути. Плиний особо отмечает, что человек обучается всем навыкам сам. *Е. В. Илюшечкина* подчеркнула, что VII книга — собрание сведений, связанных с человеком: рассматриваются еда, напитки, взаимоотношения между людьми, стадии развития человеческого организма и другое. Отдельно отмечаются удивительные примеры, *mirabilia*: необычайный слух, память, зоркость. Плиний использует поучительные примеры, *exempla*, как риторический способ группировки материала по темам, в чем его труд схож с работами Аристотеля.

Н. В. Бугаева (Москва) в своем докладе «Марк Сергий Сил — герой Плиния и прадед Катилины» обратилась к сообщению Плиния Старшего (VII. 104–106) о преторе 197 г. до н.э. Марке Сергии Силе — герое Пунических войн и прадеде Луция Сергия Катилины. Плиний считал Сила самым доблестным из римлян, победителем самой фортуны. Восхищение автора эпохи Империи контрастирует с крайне малым вниманием, которое уделил этому персонажу Ливий. По мнению *Н. В. Бугаевой*, можно согласиться с точкой зрения, что репутация потомка повлияла на рассказ

Ab Urbe condita о роде Сергиев. В то же время едва ли можно согласиться с Плинием, что Марк Сергий был настолько обижен своими современниками. Он исполнял обязанности городского претора в год, когда оба консула отправились на войну; сын Сила впоследствии был легатом у Эмилия Павла. В конце II в. до н.э. (по другой датировке в начале I в. до н.э.) была отчеканена монета, изображение на которой хорошо сочетается с рассказом Плиния: Марк Сергий Сил скачет верхом на коне, держа меч и отрубленную вражескую голову в левой руке.

Д.А. Щеглов (Санкт-Петербург) выступил с докладом «Географы в списке источников Плиния», в котором проанализировал списки авторов, цитируемых в географических книгах Плиния (III–VI) или указанных им в списках источников к ним в книге I, и подчеркнул особое значение Плиния среди остальных источников по истории античной географии. Докладчик разделил все цитаты, приводимые Плинием в III–VI книгах, на три группы: 1) сведения о расстояниях, 2) ссылки на первоисточники сведений об отдельных странах и 3) сведения об островах. Последняя группа представляет особый интерес, поскольку делает акцент на роли сочинений, посвященных островам, среди прочих географических сочинений античности. Докладчик также обратил внимание на то, что в списках авторов, приводимых Плинием в книге I, выделяются повторяющиеся группы имен, и предположил, что в некоторых случаях такие группы могут происходить из общего источника или же указывать на иную скрытую взаимосвязь между входящими в них авторами.

В.В. Артюшина (Москва) в своем выступлении «Первоисточники описания Северной Африки в V книге Плиния» обсудила теорию «трех основных источников» Плиния, выдвинутую немецкой историографией в XIX в., которая может быть наиболее отчетливо продемонстрирована на примере описания Африки. Докладчик рассмотрела эти пассажи Плиния в контексте уже имеющихся сведений об африканских провинциях, а также сопоставила их с другими известными данными.

Доклад Т.А. Бобровниковой (Москва) «О загадочном упоминании стригов в “Естественной истории” Плиния Старшего» посвящен фольклорно-религиозным представлениям о совах-стригах. Они, как пишет Плиний, были единственными, кроме летучих мышей, крылатыми существами, имеющими молоко, и уже с древности относились к проклятым созданиям (XI. 232). Автор доклада сопоставила сведения Плиния со всеми известными упоминаниями стригов от Плавта до Иоанна Дамаскина.

В совместном докладе «Плиний о цвете вина (Plin. *NH* XIV. 80): проблемы интерпретации» А.И. Солопова (Москва) и И.Р. Гимадеева (Москва) было отмечено, что классификация вин по Плинию Старшему (*colores uinis quattuor: albus, fulvus, sanguineus, niger*) противоречит не только современным представлениям о цвете вина, но и классификации большинства других античных авторов (как правило, *uinum atrum / rubrum: uinum album / candidum*). В докладе было предложено объяснение этого факта и дан историко-филологический и реальный комментарий к этому месту.

М.С. Назарова (Санкт-Петербург) выступила с докладом «Фантастические твари “Востока” у Плиния Старшего и в античной письменной традиции. К вопросу о формировании иконографии полиморфов», в котором проанализировала античную традицию описания различных чудесных существ и особенно — полиморфов. Также автор дала оценку возможности влияния Плиния Старшего на формирование устойчивой иконографии этих созданий в литературе и искусстве.

Е.В. Вдовченко (Воронеж) в своем исследовании «Движение сарматов на запад по данным Плиния Старшего» отметил, что Плиний фиксирует сдвиг сарматов на запад в сравнении с данными Страбона и Помпония Мелы, важным свидетельством чего является его сообщение в IV книге (IV. 80). Автор также сопоставил данные Плиния о номадах Восточной Европы (IV. 80; VI. 22) с археологической картиной II вв. до н.э. — I в.н.э. Отдельно был рассмотрен текст VI. 22, в котором упомянуты народы, слабо известные или вовсе не известные в античной традиции.

А.П. Воскресенский (Москва) в докладе «Метрология Плиния и Страбона о Причерноморье: сходства и различия» рассмотрел ряд свидетельств Страбона и Плиния о расстояниях в Причерноморском регионе. Докладчик сравнил данные, приводимые обоими авторами, их источники и методы представления данных на примере расстояния между Каспийским и Понтийским заливами. Так, в II. 173 Плиний сообщает, что они отстоят друг от друга на 375 миль (ок. 555,8 км), а в VI. 31 он приводит другие данные — 250 и 150 миль (ок. 370 и 222 км), ссылаясь на Корнелия Непота и императора Клавдия. Страбон же в XI. 1. 5 дает расстояния

3000 и 1500 стадиев (ок. 555 и 277,5 км), ссылаясь на Клитарха и Посидония. Докладчик подчеркнул, что, хотя Плиний и Страбон опирались на разные источники и использовали разные единицы измерения, их свидетельства оказываются довольно похожи.

В докладе *З.В. Иноземцева* (Воронеж) «История живописи в интерпретации Плиния Старшего (по материалам книги XXXV “Естественной истории”)» был исследован вопрос о происхождении живописи на основании сообщений Плиния. Автор обосновал достоверность этих сведений согласно данным современной исторической науки, а также проанализировал значение термина *monochromaton* и его связь с историей древнегреческой живописи. З.В. Иноземцев отметил, что для римлян искусство было воспитательным средством, направленным на формирование идеального римского гражданина.

О.И. Рябенко (Москва) в своем выступлении «Темный лес из черного дерева: анализ сведений Плиния об эбене и методологические заметки» показала, что в ареале античной культуры Средиземноморья одним из экзотических предметов роскоши стало черное дерево, или эбен, привозимое из далеких стран. Докладчик проанализировала параграфы, посвященные черному дереву в XII книге «Естественной истории», которые опираются на сведения из сочинений Теофраста, Геродота и других авторов. Был отмечен ряд особенностей работы Плиния с источниками, уточнена идентификация биологических видов, упомянутых в тексте Плиния, и сделано предположение о возможности реконструировать объем ботанических знаний, доступных античным авторам.

Г.Л. Криволапов (Москва) выступил с докладом «Окончания -os/us у топонимов в “Естественной истории” Плиния Старшего», в котором предпринял попытку структурировать и объяснить принципы использования Плинием Старшим одного из двух окончаний (-os/us) в более чем 7000 топонимов, хотя было обнаружено и несколько топонимов, которые Плиний в разных местах пишет то с одним, то с другим окончанием. Автор доклада пришел к выводу, что Плиний не прибегал к гармонизации морфологии, а переписывал топонимы из источников в той форме, в которой он их находил. Это и объясняет написание многих географических объектов, локализуемых в Греции, Эгейском море или Ионии, с греческими окончаниями несмотря на то, что существовали их латинизированные формы, поскольку информацию об этих регионах Плиний, вероятнее всего, брал именно из греческих источников.

О.Л. Габелко (Москва) в докладе «Плиний о Малой Азии: “Книга драгоценных сокровищ”» рассмотрел разрозненные, но исключительно интересные сведения, которые Плиний сообщает об истории разных государств и областей Малой Азии (Вифиния, Галатия, Каппадокия). Докладчик сопоставил информацию Плиния с данными других античных авторов, предложил интерпретацию ряда пассажей и предпринял попытку выявить источники Плиния. В частности, было показано, что его информация о событиях династической истории Вифинского царства может восходить к малоизвестному писателю эллинистического времени Никандру Халкедонскому, дважды упоминаемому в трудах Афиняя.

Е.В. Ляпустина (Москва) выступила с докладом «Plin. NH III. 30: Latium, латины и латинское право», в котором отметила, что можно выделить 7 или 8 различных типов городов, которые можно назвать «городами с латинским правом». Автор доклада проанализировала подробный рассказ Плиния Старшего о гибели Стабий, расположенных в Кампании, и заметила, что город хорошо известен Плинию как военному, так как именно там был единственный, кроме Путеол, источник пресной воды. Таким образом, при всем компилятивном характере «Естественной истории» можно услышать и авторский голос самого Плиния Старшего.

В заключение А.В. Подосинов подвел итог всему мероприятию. От лица организаторов конференции он выразил как благодарность всем участникам круглого стола за их доклады, вклад в обсуждение, предложенные идеи и конструктивную критику, так и надежду на то, что выработанные в процессе дискуссии общие принципы работы над последующими томами «Естественной истории» будут способствовать повышению их качества и научной ценности. А.В. Подосинов поблагодарил тех, кто принял непосредственное участие в организации круглого стола, а также помогал в его проведении. Он также предложил всем участникам конференции опубликовать свои доклады в научном журнале «Аристей».

Gleb L. Krivolapov,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

E-mail: glkrivolapov@gmail.com

ORCID: 0000-0002-1814-8746

Valerii A. Ivanov,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

E-mail: v.v.a.ivanoff@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3164-1540

Mikhail S. Apenko,

Institute of World History
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

E-mail: mikhap97@live.com

ORCID: 0000-0002-5344-4938

Г.Л. Криволапов,

аспирант кафедры истории древнего мира
МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

В.А. Иванов,

аспирант кафедры истории древнего мира
МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

М.С. Апенко,

м.н.с. Института всеобщей истории
Российской академии наук,
Москва, Россия

DOI: 10.31857/S032103910031155-3

ЮБИЛЕЙНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «XXV ЖЕБЕЛЁВСКИЕ ЧТЕНИЯ» В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

(Санкт-Петербург, 25–27 октября 2023 г.)

25–27 октября 2023 г. в Институте истории Санкт-Петербургского государственного университета состоялась Всероссийская научная конференция «Жебелёвские чтения – XXV». Прошедший форум стал юбилейным – двадцать пятым, доказав свою востребованность и актуальность для российского антиковедения. Главным отличием данной конференции стало то, что она прошла в год 90-летия со дня рождения профессора Э.Д. Фролова – инициатора и основателя «Жебелёвских чтений», заведующего кафедрой истории древней Греции и Рима СПбГУ в период с 1971 по 2015 гг. – и была ему посвящена. На конференции было заслушано и обсуждено около 80 докладов. Участники данного научного форума представляли университеты и исследовательские центры многих городов России – Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Нижнего Новгорода, Саратова, Ставрополя, Сургута, Ярославля. К ним присоединились коллеги из Беларуси, Германии, Мексики.

Первое пленарное заседание конференции открыл директор Института истории СПбГУ А.Х. Даудов, который приветствовал участников мероприятия, отметил традиционно высокий уровень докладов, представленных на «Жебелёвские чтения», и пожелал участникам новых научных достижений. После него к участникам конференции обратился с приветствием заведующий кафедрой истории древней Греции и Рима О.Ю. Климов. Он напомнил участникам научного форума основные этапы жизни и деятельности Э.Д. Фролова и отметил ту важную роль, которую сыграл Эдуард Давидович в отечественном антиковедении, в развитии кафедры истории древней Греции и Рима, в основании ежегодной всероссийской конференции «Жебелёвские чтения», в подготовке специалистов-антиковедов – исследователей и преподавателей.

Продолжил пленарное заседание доклад О.В. Кулишовой (Санкт-Петербург) «Э.Д. Фролов и немецкое антиковедение». Она подчеркнула, что немецкой науке об античности в историографических занятиях ученого принадлежит особое место, и проанализировала неоднократные обращения Э.Д. Фролова как к характеристике различных этапов истории немецкого антиковедения, которому он отводил главную роль в европейских античных исследованиях, так и к научным достижениям отдельных наиболее примечательных его представителей. Кроме того, О.В. Кулишова обратилась к свидетельствам неопубликованных дневников Э.Д. Фролова и рассмотрела его научные контакты со многими авторитетными коллегами-антиковедами из университетов Германии.

И.Е. Суриков (Москва) предложил вниманию собравшихся доклад на тему «Афинская смута конца V в. до н.э., Ферамен и идея власти закона». Докладчик подчеркнул, что в конце V в. до н.э. афинская демократия начала перерождаться в охлократию, при которой постоянно нарушалась законность; реакцией на это стала череда олигархических переворотов. В этих условиях Ферамен, убежденно отстаивавший идею власти закона, стал инициатором законодательной реформы, проводившейся в Афинах в последнее десятилетие V в. до н.э. В IV в. до н.э. идея власти закона утвердилась в Афинском государстве, что сделало демократию более умеренной и стабильной.

В докладе И.А. Ладынина (Москва) «Геродотова схема истории Египта (Hdt. II. 99–182)» была сделана попытка выявить логику в последовательности и периодизации событий египетской

истории, как их излагает Геродот, что объяснило бы ее ошибки и анахронизмы. По-видимому, в этой схеме за бескризисной эпохой исторических III—II тыс. до н.э. информаторы Геродота разместили кризис строительства пирамид, который обуславливал последующую катастрофу эфиопского завоевания Египта. Представление о дальнейшем восстановлении мощи и величия Египта при царе Псамметихе (I) и его преемниках соответствовало идеологии «саисского возрождения» XXVI царской династии.

Доклад на тему «Восточная политика Флавиев и Домициан» сделал *В.Н. Парфенов* (Саратов). Он подчеркнул, что, с одной стороны, императоры династии Флавиев сохраняли мирные отношения с Парфянским царством, предпочитая разрешать возникавшие противоречия дипломатическими средствами, а с другой, — стремились использовать затруднения своих «стратегических партнеров» в собственных целях, не допуская усиления военной мощи Парфии. Внимание Домициана незадолго до его гибели было направлено на радикальное изменение стратегической ситуации в Центральной Европе в пользу Рима, после чего Домициан намеревался перенести центр тяжести дипломатических и военных усилий Рима на восточное направление. По мнению докладчика, нельзя точно сказать, планировалась ли большая война против Парфии.

Ю.А. Виноградов (Санкт-Петербург) выступил с докладом на тему «Основные сюжеты в росписях боспорских склепов первых веков н.э.». Автор доклада проанализировал росписи склепов Боспорского государства, показав, что художники, создававшие эти декоративные композиции, стремились не к воспроизведению деталей повседневной жизни, а к созданию картины мира, в котором люди оказывались после завершения их земного бытия. На основе повторяющихся сюжетов в росписях различных склепов был сделан вывод, что посмертная судьба боспорян представлялась связанной с шестью основными моментами: 1) путь к царству мертвых; 2) вход в него (встреча с божеством); 3) возрождение к новой жизни; 4) пребывание в райской стране; 5) выезд героя; 6) встреча с Великой богиней.

Дальнейшая работа конференции проходила по секциям. Программа секции «История древней Греции», проходившей 25–26 октября, включала два заседания. Первое из них открылось докладом *О.А. Сурина* (Казань) «К вопросу о местонахождении пеласгического города Лариса». На основании анализа письменных греческих источников — эпоса, драмы, трудов мифографов и историков — автором доклада был сделан вывод об отсутствии в античную эпоху единой традиции о локализации Ларисы и об особенностях постепенной эволюции древнегреческих представлений о географии. *Ю.В. Корнилов* (Новосибирск) в докладе «Концепция панэллинизма в V—IV вв. до н.э.» рассмотрел особенности пропаганды идей панэллинского единства и похода на Восток в греческой литературе эпохи классики, а также отметил, что панэллинизм как комплексная идеологическая концепция складывается в греческой литературе в IV в. до н.э. *Н.А. Шергина* (Санкт-Петербург) представила доклад на тему «Труды Немецкого археологического института о раскопках на Самосе». Она подробно остановилась на характеристике продолжающегося издания Немецкого археологического института, которое освещает результаты проводимых на Самосе раскопок со второй половины XX века и работа над которым в последние десятилетия ведется особенно активно. *С.Р. Тимир-Булатова* (Санкт-Петербург) в докладе «К вопросу об отсутствии традиции божественного вмешательства в Фермопильском сражении» подчеркнула, что хотя в античной исторической традиции свидетельства об эпифаниях и божественном вмешательстве встречаются особенно часто в связи с важными сражениями времени греко-персидских войн, в отношении битвы при Фермопилах подобных сообщений нет. Она подробно остановилась на возможных причинах такого отсутствия, обратившись в том числе к особенностям формирования спартанского мифа о героях Фермопил. В докладе «Кто перевез кости Леонида в Спарту?» *Л.Г. Печатнова* (Санкт-Петербург) предложила пересмотреть традиционный взгляд, согласно которому останки царя Леонида были перенесены в Спарту спустя 40 лет после его гибели; по мнению автора доклада, это скорее произошло сразу после Фермопильского сражения. Не ставя под сомнение указанное в традиции имя Павсания как инициатора переноса останков Леонида, Л.Г. Печатнова привела доказательства, позволяющие связать это событие с регентом Павсанием, и рассмотрела возможные причины и обстоятельства этой акции. *А.П. Бехтер* (Санкт-Петербург) посвятила свое выступление теме «Боспорские лапидарные шрифты VI—I вв. до н.э.: результаты работ по проекту “История письма европейской цивилизации”». В докладе были рассмотрены итоги исследований, которые проводились под руководством Санкт-Петербургского Института

Истории РАН в рамках указанного проекта силами его сотрудников и приглашенных специалистов в течение трех лет и нашли отражение в серии книг, а также в материалах специального портала на сайте СПб ИИ РАН, где представлены наиболее выразительные с точки зрения палеографии рукописные, а также эпиграфические памятники.

Второе заседание секции «История древней Греции» открылось выступлением *В.И. Шубина* (Архангельск) «К вопросу о предпосылках остракизма», в котором докладчик рассказал о судебных процедурах, зафиксированных в надписях из ряда колоний (Кирена, Метапонт, Тарент) и совпадающих или напоминающих по форме или по содержанию остракизм, введенный впоследствии Клизфеном в Афинах. *С.М. Жестоканов* (Санкт-Петербург) в докладе «Лидийский тиран Кандавл-Мирсил», проанализировав сообщения античных источников, пришел к выводу, что вопреки распространенному в историографии мнению, первым правителем, которого древние авторы называли тираном, был не Гигес, а предшествовавший ему законный лидийский царь, что, вероятно, объясняется тем, что термин «тиран» еще не приобрел негативного оттенка и был синонимом близких по смыслу терминов: *басилей*, *анакт*, *монарх* и т.д. *Н.Д. Зонова* (Санкт-Петербург), выступившая с докладом «Религия и политика в Афинах в период Архидамовой войны: к вопросу о датировке трагедии Софокла “Царь Эдип”», высказала ряд аргументов в пользу предположения, согласно которому трагедию «Царь Эдип» следует датировать концом 420-х или началом 410-х годов, а под личностью Эдипа Софокл мог подразумевать Алкивиада, но не времен Сицилийской экспедиции, как считает большинство исследователей, а начала его политической карьеры. *С.А. Тахтаджян* (Санкт-Петербург) рассмотрел в своем докладе «“Письмо Аристия” и речь Исократ “К Никоклу”» дошедшую до нас в названном «Письме» информацию о вопросах царя Птолемея II к прибывшим для перевода Пятикнижия еврейским толковникам и пришел к выводу, что главным источником для автора данного сочинения послужила речь Исократ «К Никоклу». Завершивший заседание секции доклад *М.Ю. Лантевой* (Санкт-Петербург) «Ионийцы и Ионийское восстание в “Исторической библиотеке” Диодора Сицилийского» был посвящен анализу сообщения сицилийского историка о посольстве ионийских городов к персидскому сатрапу Артаферну. Рассказанные Диодором подробности переговоров ионийцев с персидским сатрапом, по мнению докладчицы, позволяют понять причины снисходительного отношения персов к мятежным ионийцам, что существенно дополняет информацию Геродота об этих событиях.

Участники секции «История эллинизма» представили свои доклады на двух заседаниях. *Е.С. Онищенко* (Казань) в своем выступлении раскрыл тему «“Незримый” и “недоступный”: проблема доступа к царю в Ахеменидской империи». Автор обратил внимание на то, как в придворной жизни и церемониале Ахеменидов регламентировались доступ к царской персоне, порядок аудиенции и другие аспекты общения с царем. *Е.Б. Мирзоев* (Москва) предложил вниманию аудитории доклад на тему «Конфликт Птолемея Керавна с галатами. Противоборствующие стороны и причины победы галатов». По мнению докладчика, в нападении на Балканы участвовали группы кельтских воинов из разных регионов Европы; армия кельтов, вторгшаяся в Македонию в 280–279 гг. до н.э., была хорошо организована, многочисленна и координировала свои действия с другими отрядами. При этом военные ресурсы Птолемея Керавна были ослаблены внутренними конфликтами в Македонии. Все это привело к поражению и гибели македонского царя. *О.А. Давыдова* (Москва) в докладе «Кульτ цариц династии Птолемеев: от правительницы до богини» проанализировала развитие культа цариц от Береники I до Клеопатры III, обратив внимание на элементы обожествления цариц и отождествления их с греческими и египетскими богинями, а также на учреждение институтов жречества. В результате был сделан вывод о том, что развитие культа цариц Птолемеев представляло собой сложный процесс, сочетавший синтез традиционных почестей, оказываемых богам, и новых явлений эллинистической культуры. Доклад на тему «Были ли синоды египетского жречества ежегодными?» представил *М.С. Аленко* (Москва). Вывод автора заключается в том, что синоды – особые собрания представителей египетского жречества, на которых принимались решения относительно династического культа династии Птолемеев, не проводились ежегодно. *И.Н. Коровичинский* (Москва) выступил с докладом на тему «“Отослать ему в дом его”: содержимое дворцовой сокровищницы Ай-Ханум в свете данных Иосифа Флавия». Автор обратил внимание на то, что в большей части надписей на сосудах с деньгами из дворцовой сокровищницы Ай-Ханум (Бактрия, II в. до н.э.) суммы указаны не в бактрийских, а в индийских монетах. По мнению автора доклада, это связано с тем, что тогда под властью Греко-Бактрийского царства находилась часть территории Индии, а также

с тем, что часть денег, возможно, поступила в казну в результате конфискации имущества тех индийцев, которые отказывались платить подати греко-бактрийским завоевателям. Доклад на тему «Истоки и сущность права глазами Полибия» предложил вниманию аудитории *Е.А. Тейтельбаум* (Казань). По мнению докладчика Полибий считал источником права этические нормы, происходящие из законов природы — это представления о должном, красивом, правдивом, справедливом. Они предшествуют законам в государстве. Законы же определяются требованиями справедливости, правдивости, исходят из них и определяют государственное устройство.

Э.В. Рунг (Казань) в докладе «Персидский царь как “миротворец”»: еще раз о дипломатии Ахеменидов в древнегреческом мире» рассмотрел попытки персидских царей выступать посредниками в заключении мирных соглашений с греками в V–IV вв. до н.э. В связи с этим была охарактеризована идея мира в идеологии Ахеменидов и в представлении греков. *А.Б. Шарнина* (Санкт-Петербург) в докладе на тему «Аристодема — странствующая поэтесса из Смирны» сделала вывод о том, что надписи городов Ламии и Халеона в честь поэтессы Аристодемы из Смирны разрушают стереотипное представление о положении женщин в Древней Греции; смелая поэтесса, рискующая отправиться в далекие края, была весьма образованной, получила наряду с мужчинами все привилегии, в том числе гражданство и право владения землей и домом. Доклад «Политическая элита Эрифр в раннюю эллинистическую эпоху по данным почетных декретов» был представлен *А.А. Антоновым* (Санкт-Петербург). Проанализировав серию почетных декретов в честь должностных лиц полиса, автор заключил, что в этих декретах выражается идеал образцового магистрата, служащего народу, при этом восхваление граждан согласуется с традицией греческой демократии и ее ценностями и связано также со значительным влиянием Афин и их политической модели классической эпохи. *О.Ю. Климов* (Санкт-Петербург) в докладе «“4 драхмы за медин ...”»: о некоторых положениях договора Эвмена I с наемниками (*OGIS*, 266)» на основе своего высказанного прежде предположения о том, что договор Эвмена I с наемниками представляет собой не основное соглашение, а дополнительное, принятое после конфликта правителя Пергама с воинами в период от 263–261 гг. до н.э., прокомментировал некоторые положения документа. Установленную в договоре цену 4 драхмы за медин хлеба и 4 драхмы за метрет вина докладчик предложил считать денежной компенсацией за неполученное наемниками продовольствие за 4 месяца конфликта с Эвменом I. Доклад *А.А. Бурвиковой* (Санкт-Петербург) был посвящен теме «Формы культового почитания цариц в государстве Селевкидов». В нем автор на основе эпиграфических источников показала такие проявления почитания, как присвоение имен цариц городам, городским филам, месяцам года, введение специальных праздников, назначение жриц, а также сближение культа царицы с почитанием богини Афродиты.

Секция «История Рима» также провела два заседания. Первое из них открылось выступлением *Е.С. Данилова* (Ярославль) на тему «Боги греко-римского пантеона в древнерусской литературе: формы и смыслы рецепции». Автор доклада, отметив важное значение для изучения данной темы обстоятельной статьи О.В. Творогова «Античные мифы в древнерусской литературе XI–XVI вв.» (1979), рассмотрел прежде всего те памятники, которые не стали в данной статье объектом глубокого анализа — «Лицевой летописный свод», созданный по распоряжению Ивана Грозного, и «Келейный летописец» Димитрия Ростовского. В докладе «Образ Миципы у Саллюстия» *А.В. Короленков* (Москва) отметил, что Миципа — один из четырех нумидийских царей, образы которых встречаются в «Югуртинской войне» — предстает как мудрый правитель, наставляющий своих сыновей и племянника жить в мире, сам не доверяет последнему и надеется на его гибель в Испании; однако действительный ход событий показывает, что при всем своем внешнем могуществе и мудрости он оказывается бессильным перед силой обстоятельств. *М.Н. Кириллова* (Москва) в докладе «Две традиции о происхождении римского межевания» подчеркнула, что в датированных землемерных трактатах — главных источниках по вопросу об особенностях римского землеустройства — можно выделить, по меньшей мере, две традиции: одну — восходящую к антикварным сочинениям Варрона, и вторую, которая сложнее поддается атрибуции, однако представляет собой определенно иной взгляд на развитие землемерных институтов. В то же время, по мнению автора доклада, их сведения не столько противоречат друг другу, сколько акцентируют внимание на различных факторах, влиявших на формирование системы римского межевания. *С.К. Егорова* (Санкт-Петербург) в докладе «Гораций о производстве и хранении вина» отметила, что хотя лирика Горация и не может служить основным источником сведений о какой-либо хозяйственной

сфере в Древнем Риме, о виноделии поэт писал довольно часто и со знанием дела. В докладе были тщательно проанализированы выражения и отдельные термины в словоупотреблении Горация, касающиеся специальной техники консервации вина, хранения ценнейших сортов в глубине подвала, сроков хранения, свойств и подходящих случаев для употребления отдельных сортов. Доклад *Т.А. Долговой* (Саратов) был посвящен теме «Кв. Метелл Сципион. Знатнейший из помпеянцев». Автор доклада подробно остановилась на родословной Кв. Метелла Сципиона, отметив, в частности, различные интерпретации свидетельств о его усыновлении (Кв. Метеллом Пием), а также рассмотрела влияние на его политическую карьеру родственных связей, в том числе женитьбу на его дочери Гн. Помпея, с успехами и неудачами которого в дальнейшем оказалась тесно связана судьба самого Кв. Метелла Сципиона. В докладе «Кризисные решения в римской религиозной экспертизе в годы Ганнибаловой войны» *А.В. Васильев* (Санкт-Петербург) подчеркнул, что моменты острых военных кризисов, каковым была для римского общества Вторая Пуническая война, нередко сопровождаются введением различных новшеств в религиозные практики. Среди них автор доклада отметил обращение к тем формам религиозной экспертизы, которые редко применялись в обычных условиях (Сивиллины оракулы, Дельфийский оракул), актуализацию довольно редких итальянских практик гаданий (гадательные дощечки из Цере и Фалерий), обращение римских полководцев за консультацией к частным религиозным экспертам (в первую очередь, этрусским гаруспикам) и др.

Второе заседание секции «История Рима» началось с доклада *С.А. Качана* (Москва) «Октавиан Август и образ Амона-Ра: традиции и инновации в трактовке божественной власти правителя в римском Египте», в котором докладчик изложил свои взгляды относительно практики почитания Августа в образе Амона-Ра и включения его культа в религиозную систему Египта. *И.А. Миролубов* (Москва) посвятил свое выступление «Правительство императора Максенция» характеристике правления последнего римского императора, управлявшего подконтрольной ему территорией непосредственно из Рима и пытавшегося возродить старые политические традиции «Вечного города». *С.В. Телень* (Мозырь, Беларусь) в докладе «Империй римского наместника как основание его юрисдикции (период принципата)» раскрыл некоторые аспекты империя римского наместника, послужившие основанием для вынесения им судебных решений, и отметил, что высшей формой выражения судебных полномочий проконсула либо легата императора было «право меча» (*ius gladii*). *К.В. Марков* (Нижний Новгород), выступивший с докладом «Принципат как *ἀριτοκρατία* в труде Геродиана», высказал предположение о наличии у Геродиана собственной концепции оптимальной формы правления как своего рода «словесно-представительной монархии», ставшей ответом на кризисные тенденции современной ему эпохи. *А.Е. Барышников* (Нижний Новгород) рассмотрел в своем выступлении «Империя трения: к вопросу о новых подходах к изучению римского империализма» концепт «трения» (*friction*), введенный в научный оборот Анной Цзин и в последние годы все чаще встречающийся в публикациях о римском империализме и социокультурном взаимодействии в регионах римского мира. Работа секции завершилась обсуждением доклада *А.И. Черкасова* (Ставрополь) «Конфликты сената и римских полководцев в период ранней Республики», в котором автор доклада, рассмотрев пятнадцать известных случаев конфликтов сената и римских полководцев в начале V — начале III до н.э., высказал свое мнение об основных причинах, путях разрешения и итогах возникавших противоречий.

26 октября состоялось заседание секции «История раннего христианства». Первым прозвучал доклад *А.Ю. Зиновкина* (Санкт-Петербург) «Судебная система ранних Лагидов и перевод Торы на греческий язык». Докладчик проанализировал гипотезу Ж. Мелез-Моджеевского, согласно которой Септуагинта возникла в результате интеграции еврейской Торы в египетскую систему судопроизводства, рассмотрел ее сильные и слабые стороны, а также продемонстрировал то, как в греческом переводе представлена библейская «юридическая» лексика. *А.В. Волчков* (Тюбинген, Германия) сделал доклад «Община и ее Книга. К вопросу использования Евангелия от Матфея автором «Дидахе»». После открытия памятника исследователи были убеждены, что автор «Дидахе» пользовался новозаветными сочинениями, но в последние десятилетия восторжествовал взгляд, отвергающий его знакомство с ними. Докладчик, напротив, попытался доказать, что автор «Дидахе» использовал Евангелие от Матфея. Для «общины Дидахе» оно было авторитетным текстом, а само «Дидахе» было создано как попытка контекстуализировать учение Христа, изложенное Матфеем. В докладе «Бедность, богатство и споры об истинном исповедании во II–III вв.» *А.Д. Пантелеева* (Санкт-Петербург) было разобрано уникальное учение

Климент Александрийского о милостыне, где помощь нуждающимся сближается с мученичеством. В основном, оно раскрывается в проповеди «Кто из богатых спасется». *А. В. Каргальцев* (Санкт-Петербург) посвятил свое выступление теме «Имущество епископа в III в. на примере Киприана Карфагенского». По мнению докладчика, апостольская практика передачи имущества при вступлении в общину сохранялась и в середине III в. Киприан, будучи состоятельным человеком, передал свои богатства Церкви, сохранив право ими распоряжаться уже не как частное лицо, но как епископ и глава общины. Доклад *А. А. Королева* (Москва) «К истории Римской Церкви в III веке» был посвящен римскому епископу Фабиану (236–250 гг.), о котором сохранились немногочисленные и отрывочные сведения, показывающие, что он оказал существенное влияние на развитие христианской Церкви в первой половине III в. По мнению автора доклада, можно предположить, что в то время образ Фабиана был окружен преданиями агиографического характера, но впоследствии память о его действительных и мнимых свершениях практически изгладилась. *А. Н. Крюкова* (Москва) в докладе «Легенда о святых Феодорах-воинах в Малой Азии» рассмотрела вопрос о бытовании в разных малоазийских регионах в период поздней античности легенды о святом Феодоре-воине из Евхаиты, названном Тироном. Дальнейшее развитие этой легенды и ее влияние на почитание двух других воинов-мучеников — Феодора из Перги и Феодора Стратилата остаются дискуссионными. Работу секции завершил *И. А. Копылов* (Мехико, Мексика) докладом «Ангел Эфесской церкви: епископ или метафизический двойник? Восприятие истории малоазийских христианских общин в экзегетике блаженного Григория Лопеса (1542–1596)». Автор доклада отметил интересные замечания Лопеса по поводу «ангела Эфесской церкви», в котором Лопес видит местного епископа. Обличение, данное пророком «ангелу» о том, что последний отступил от своей «первой любви», Лопес связывает с тем, что поглощенность епископа административными делами привела к оскудению харизматических даров в общине. Это хорошо соотносится со свидетельством Игнатия Антиохийского, который по приезду в Эфес нашел трехчинную иерархию полностью сформировавшейся и, следовательно, уже не оставлявшей места и возможностей для прежнего харизматического порыва.

Секция, посвященная истории поздней античности, провела свою работу 27 октября. Ее открыл доклад *А. В. Зибеева* (Сургут) «Греческие авторы о чуме до VI в.: описание Руфа Эфесского и Аретея Каппадокийского». Анализ греческих источников позволил автору предположить, что собственно чума была незнакома античным авторам вплоть до II в. н. э.; исключением считаются описания медиков Руфа Эфесского и Аретея Каппадокийского с перечислением симптомов раннее неизвестной болезни, которая сопровождалась появлением бубонов и страданиями больных. В докладе *Е. И. Мирошник* (Санкт-Петербург) «Религия как часть культуры в кружке сторонников императора Юлиана» был рассмотрена группа интеллектуалов, объединившихся вокруг Юлиана в 361 г. и называвших себя эллинами. Судя по тому как понимали эллинизм Либаний, Гимерий и сам Юлиан, термин «эллин» служил им для обозначения сообщества, объединенного не только приверженностью к классическому образованию (пайдейе) и неоплатонической философии, но и тяготением к религиозным воззрениям, которые в противоположность христианству называют «языческими». Доклад *А. Л. Мамонтова* (Санкт-Петербург) «Как не нужно помогать бедным: “неудачная” милостыня в Римской Африке времен Августина» был посвящен рассмотрению споров о благотворительности в то время. Наибольшее внимание было уделено манихеям и донатистам, полемике о государственных субсидиях и семейным конфликтам, разгоравшимся при осуществлении милостыни без общего желания членов семьи. *М. А. Ведешкин* (Москва) в докладе «Иовиан Отступник?: некоторые вопросы биографии августиана Флавия Иовиана (363–364)» выдвинул гипотезу о том, что в царствование императора Юлиана Иовиан отступил от христианства и по меньшей мере формально обратился в язычество. Этот вывод можно сделать на основании сличения свидетельств Аммиана Марцеллина, церковных историков IV–V вв., а также данных т. н. Сирийского романа о Юлиане.

Заседание секции «Периферия античного мира» открылось докладом *Е. Е. Земцовой* (Санкт-Петербург) «Ямбул. Туда и обратно. Плавание к Островам Солнца: утопия и вымышленное путешествие», посвященном рассказу Ямбула о его путешествии к Островам Солнца, изложенному Диодором Сицилийским во второй книге «Исторической библиотеки». Эта история является, с одной стороны, образцом античной утопии эллинистического периода, а с другой, — примером повествования о вымышленном путешествии с элементами катабасиса и анабасиса. В докладе *М. С. Назаровой* (Санкт-Петербург) «Особенности римско-парфянских переговоров в I в. до н. э. — II в. по римским источникам» на основании данных Плутарха,

Светония, Диона Кассия и других античных историков и памятников материальной культуры были рассмотрены особенности описания дипломатических контактов Рима с представителями Парфянского царства от первых официальных контактов до эпохи Траяна. *Л.Д. Бондарь* (Санкт-Петербург) в докладе «Тема скифов в творчестве осетиноведа Е.Г. Пчелиной (1895–1972)» обобщила обращения Пчелиной при изучении этногенеза осетинского народа к скифскому периоду. Скифский вопрос не стал объектом ее глубоких исследований, но большую ценность имеют сделанные Пчелиной на территории Осетии археологические находки, отнесенные исследовательницей к скифскому времени.

Отдельная секция конференции была посвящена исследованию «Хроники» Иоанна Никиусского, в которой наряду с антиковедами выступили историки-медиевисты и востоковеды. В открывшем заседание секции докладе «Источники Иоанна Никиусского в его рассказе о Камбисе» *М.М. Холод* (Санкт-Петербург) показал, что при составлении данного рассказа хронист использовал несколько источников, из которых, впрочем, лишь «Иудейские древности» Иосифа Флавия и Ветхий Завет могут быть идентифицированы точно, другие же определить трудно, но очевидно, что все они имели египетское происхождение. *С.О. Хижнякова* (Санкт-Петербург), выступившая с докладом «“Финикийские” топонимика и ономастика в “Хронике” Иоанна Никиусского», остановилась на рассмотрении встречающихся в сочинении хрониста финикийских и связанных с ними топонимов и личных имен и отметила, что некоторые из них изменились до неузнаваемости. *Д.И. Савельева* (Санкт-Петербург), рассмотревшая в докладе «Проблемы исследования египетских топонимов в “Хронике” Иоанна Никиусского» египетскую топонимику в названной хронике, указала на то, что локализация некоторых топонимов, не встречающихся в других источниках, до сих пор остается сомнительной и вызывает споры среди исследователей. *С.А. Французов* (Санкт-Петербург) в своем выступлении «Борьба плохого с худшим. Маврикий и Фока в “Хронике” Иоанна Никиусского» проанализировал информацию хрониста о правлении императоров Маврикия и Фоки и пришел к выводу, что несмотря на значительное внимание, уделяемое в «Хронике» Египту, она все же является памятником не коптской, а ранневизантийской историографии. Доклад *Е.А. Мехамадиева* (Санкт-Петербург) «Образ мавров в “Хронике” Иоанна Никиусского: жанровые особенности и традиции историописания» был посвящен «этническим» сюжетам «Хроники», и прежде всего сведениям о маврах, обитавших к западу от дельты Нила и нападавших на византийские владения в Египте, и почерпнутых хронистом у предшествовавших ему авторов. *В.В. Василек* (Санкт-Петербург), выступивший с докладом «Свидетельства Иоанна Никиусского в контексте истории протоболгар: новая оценка» рассмотрел свидетельства Никиусского епископа о тюрко-болгарском хане Кубрате и его возможном воспитании и крещении при дворе византийского императора Ираклия. В завершающем заседание секции докладе «Особенности исторического повествования эфиопского книжника Махерки Денгея» *Е.В. Гусарова* (Санкт-Петербург) ознакомила слушателей с биографией этого книжника XVII в. и стилистическими особенностями его перевода «Хроники» Иоанна Никиусского с арабского на эфиопский язык.

Заседание секции «Историография античной истории и рецепция античности в Новое время» открылось выступлением *О.В. Кармазиной* (Воронеж) на тему «Экспедиция В.П. Давыдова в Грецию в 1835 г. и ее итоги». В 1835 г. по инициативе российского дипломата В.П. Давыдова состоялась экспедиция в Грецию, недавно освободившуюся от турецкого владычества. Несомненными заслугами ее участников стали составленное ими подробное описание и рисунки древней Олимпии и Парфенона, а также реконструкция храма Ники Бескрылой, которая впервые была опубликована в России. *П.А. Алипов* (Москва) в докладе «Вклад Н.П. Кондакова в развитие антиковедения: оценки современников» обратился к часто остающимся вне поля зрения историографов работам Кондакова, посвященным античности. Докладчик показал, что его современники, воспитанные на классической традиции образования, совсем иначе воспринимали эти труды, раскрывавшие неизведанные тогда еще стороны античной эпохи. В докладе *М.Ю. Ломоносова* (Астана, Казахстан) «Национализм как импорт: Западноевропейские археологи и национальная мифология в Албании в XIX – первой половине XX в.» было рассмотрено, как археологи и археологические институты способствуют формированию национальных нарративов. Автор доклада пришел к выводу, что вероятность принятия археологами исторических интерпретаций в пользу местного национализма возрастает при переходе от любительского антикварианизма к археологическим исследованиям в рамках программ национальных музеев. В докладе *А.А. Сеницына* (Санкт-Петербург) «“За морем Сократы добронравны”: образ

афинского мудреца в русской литературе XVIII–XIX вв.» были проанализированы упоминания об афинском философе в поэтических переводах и оригинальных произведениях литераторов, а также показана эволюция русского Сократа от М.В. Ломоносова, В.П. Петрова, Н.М. Карамзина до А.И. Герцена, П.Ф. Якубовича и В.Г. Короленко.

Работа конференции завершилась заключительным пленарным заседанием. *С.К. Сизов* (Нижний Новгород) сделал доклад на тему «О происхождении федеративных институтов эллинистической Ликии». Докладчиком было отмечено, что федеративная организация Ликии во многом напоминала устройство других федераций эллинистического мира, возникших гораздо раньше, особенно Ахейского союза. Однако Ликийская федерация не была точной копией ахейской, и ликийцы иногда создавали новые, своеобразные институты. Доклад на тему «О терминах *immanis* и *immanitas* у Цицерона применительно к варварам» был представлен *И.А. Гвоздевой* и *В.О. Никишиным* (Москва). По их мнению, семантический диапазон прилагательного *immanis* в словоупотреблении Цицерона довольно широк — от нейтрального «огромный» до унизительного «грубый». Характерно, что эпитет *immanis* с уничижительно-грубым и оскорбительным подтекстом Цицерон применяет по отношению не только к варварам, но и к своим личным врагам или оппонентам из числа римлян, т.е. носителей полисной цивилизации, тем самым уподобляя их варварам. *Т.В. Кудряцева* (Санкт-Петербург) посвятила свой доклад теме «Эмилия Пудентилла: скромное обаяние провинциальной матроны». Автор исследовала ту роль, которую сыграла Эмилия Пудентилла, супруга Апулея, в его апологии, незримо присутствуя на судебном процессе по обвинению оратора и философа в использовании вредоносной магии. Кроме того, детали ее биографии, представленные в речи Апулея, позволяют пролить свет на ряд любопытных гендерных аспектов истории Римской империи II в.: это участие женщины в деловой жизни, ее отношения с родственниками, опекунами-мужчинами, степень ее самостоятельности при принятии важных решений, касающихся семейной и деловой жизни, статус богатой вдовы в жизни провинциального города и т.п. *А.В. Махлаюк* (Нижний Новгород) в докладе «Филэллинны на троне цезарей. Греческая культура и римская власть в эпоху Принципата» рассмотрел проблему греко-римского дуализма в эпоху Принципата, сосредоточившись на отношении римских императоров к эллинской культуре и грекам. Автор показал характер и основные особенности императорского филэллинизма, обусловленность политики отдельных императоров в отношении Греции их образованием, культурными пристрастиями и интересами, а также на основе этого развил тезис о Греко-римской империи, в которой значимым политическим фактором была греческая культура под покровительством римских властей. *В.И. Кашеев* (Саратов) посвятил свой доклад теме «Афоризмы Марка Аврелия в произведениях Антона Чехова и плюрализм восприятия учения Стои в России (конец 1880-х — начало 1900-х годов)». Автором были проанализированы те афоризмы из «Размышлений» Марка Аврелия в русском переводе князя Л.Д. Урусова (Тула, 1882), которые Чехов использовал в своих сочинениях, напечатанных в период с 1888 по 1903 год. Докладчик заметил, что А.П. Чехов разделял общее увлечение взглядами Марка Аврелия в русской литературе — Л.Н. Толстой, Н.С. Лесков и И.А. Бунин сочувственно относились к стилю и практическим приложениям стоического учения. В произведениях А.П. Чехова, написанных им после поездки на Сахалин, его герои (как и он сам) неоднозначно трактуют некоторые важные положения стоической этики, особенно в повестях «Палата № 6», «Черный монах» и рассказе «Архиерей». *С.Г. Карпюк* (Москва) осветил в своем докладе «Советские историки древнего мира в военной Москве и в эвакуации (1941–1945 гг.)» процесс адаптации московских антиковедов к военным условиям, изменение тематики исследований и военно-патриотическую составляющую их деятельности в эти годы. Особое внимание было уделено рассмотрению эвакуации (сентябрь–октябрь 1941 г.) и реэвакуации (май–июнь 1943 г.), а также возвращению к регулярной научной и образовательной деятельности (защите диссертаций и т.п.) начиная с лета 1943 г.

Завершая конференцию, председатель программного комитета «XXV Жебелёвских чтений» О.Ю. Климов отметил высокий научный уровень представленных докладов, поблагодарил организаторов, докладчиков и слушателей за участие в данном форуме. Он также выразил уверенность в том, что через год, в октябре 2024 года, состоится «XXVI Жебелёвские чтения».

Oleg Yu. Klimov,

E-mail: o.klimov@spbu.ru

ORCID: 0000-0002-8379-5456

Oksana V. Kulishova,

E-mail: o.kulishova@spbu.ru

ORCID: 0000-0001-7892-0083

Aleksei D. Pantelev,

E-mail: a.pantelev@spbu.ru

ORCID: 0000-0003-3333-7980

Sergei M. Zhestokanov

E-mail: s.zhestokanov@spbu.ru

ORCID: 0000-0001-9793-3891

St. Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia

О.Ю. Климов,

д.и.н., профессор кафедры
истории древней Греции и Рима

О.В. Кулишова,

д.и.н., профессор кафедры
истории древней Греции и Рима

А.Д. Пантелеев,

к.и.н., доцент кафедры истории
древней Греции и Рима

С.М. Жестоканов,

к.и.н., доцент кафедры истории
древней Греции и Рима

Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург, Россия

ПРИЛОЖЕНИЕ

Vestnik drevney istorii
84/1 (2024), 220–256
© The Author(s) 2024

Вестник древней истории
84/1 (2024), 220–256
© Автор(ы) 2024

DOI: 10.31857/S032103910023658-6

ОСИЯ 2

*(Вступительная статья, перевод с древнееврейского и комментарий
Л.Е. Когана, В.Р. Гордон и М.М. Юровицкой)*

Мы публикуем главу из готовящегося перевода и научного комментария к библейской книге Осии. Основа построчного комментария была написана Л.Е. Коганом в 2009 г. В 2015–2017 гг. В.Р. Гордон доработала первоначальный черновик: она расширила построчный комментарий, разбила его на перикопы и снабдила каждую перикопу сведениями о структуре и месте в композиции. Об отдельных особенно трудных местах Гордон написала экскурсы, суммирующие основные варианты интерпретации. М.М. Юровицкая в 2022 г. отредактировала добавления Гордон и написала ряд текстологических примечаний.

Перевод Осии выполнен с масоретского текста книги по изданиям BHQ 13 и BHS. Хотя в комментарии мы часто обращаемся к древним версиям и возможным эмендациям, в переводе они находят отражение лишь в исключительных случаях, когда масоретский текст признается непоправимо испорченным и не поддающимся осмыслению. Такой подход вызван не столько пиететом к масоретской версии как наиболее близкой к оригиналу, сколько сомнениями относительно наших возможностей с уверенностью реконструировать первоначальный текст. Книга Осии — едва ли не самая сложная для понимания из всех книг еврейской Библии; в ней множество гапаксов, множество мест с неясным синтаксисом. Многие выражения могли быть непонятны уже самым первым писцам и переписчикам книги Осии, поэтому нельзя исключать серьезной порчи этого текста уже в допленную эпоху. Древние переводчики также сталкивались с многочисленными трудностями в интерпретации текста книги. В этих обстоятельствах традиционное использование масоретского текста как основы для перевода представляется разумным компромиссом.

Статья выполнена в рамках проекта РФФИ 21-011-44267 «Историко-филологические комментарии к Ветхому Завету: комментирование избранных текстов и разработка принципов русскоязычного библейского комментария».

Набор текста перевода то в строку, то столбцами отражает наше видение книги Осии как содержащей чередование прозаических и поэтических фрагментов. Основным признаком, по которому мы отличаем древнееврейскую поэзию от прозы, является наличие параллелизма. В широком смысле параллелизм — это способ организации стиха, при котором вторая строка/колон каким-то образом соответствует первой/ому. Наиболее явным является синонимический параллелизм: одна и та же мысль повторяется, но выражается различными лексическими средствами.

Комментарий включает в себя анализ текста на нескольких уровнях:

1) Лингвистический комментарий к еврейскому тексту. Сюда относятся лингвистические и филологические обсуждения отдельных слов или грамматических форм, значение которых представляется неясным; в некоторых случаях — лексикографические обзоры, а также разборы синтаксических конструкций на основе современного лингвистического аппарата.

2) Текстологический комментарий. Задачи этой части анализа: объяснить дошедший до нас еврейский текст и то, почему в ряде случаев он вызывает значительные трудности для интерпретации; представить чтения других версий библейского текста (Кумранских рукописей), а также древних переводов (Септуагинты, ревизий Септуагинты, Пешитты, Вульгаты, Таргумов); оценить разнообразные чтения с целью как можно точнее приблизиться к первоначальному тексту. В ряде случаев также обсуждаются и не засвидетельствованные в рукописях конъектуры, предлагавшиеся в предшествующих исследованиях и рассматриваемые как правдоподобные.

3) Историко-филологический и экзегетический комментарий. Это центральная часть анализа, важнейшим аспектом которой является обсуждение ключевых проблем данного текста. Она включает в себя также детальный разбор поэтических особенностей отдельных строк и выражений, дискуссии о мотивах и образах, об общем смысле стиха.

ОСИЯ 2 : 1–3

1¹ Сыны Израиля будут многочисленны, как морской песок, который не счесть и не измерить.

И не скажут² им больше³: «Вы не мой народ»,
но назовут их: «Сыны Бога⁵ Живого»⁴.

2 Сыны Иуды и сыны Израиля⁶ соберутся вместе⁷, поставят себе единого вождя⁸ и поднимутся из земли⁹, ибо велик день Изрееля¹⁰.

3 Назовите своих братьев¹¹: «Мой Народ»,
и сестер: «Помилованная».

Структура

Эта перикопа отчетливо делится на две части. В каждой из них содержится сначала конкретное предсказание (в первой части — о многочисленности израильтян, во второй — о политическом будущем Израиля), а затем — пророчество о примирении Израиля с Богом, представленное в терминах «переименования».

1а Предсказание многочисленности израильтян (2 : 1а).

1б Переименование как знак примирения с Богом (2 : 1б).

2а Предсказание о политическом будущем Израиля (2 : 2).

2б Переименование как знак примирения с Богом (2 : 3).

Предсказания 1а и 2а обладают рядом общих черт: 1) форма *wə-kāṭal* в начале фразы; 2) *ḥanē-yiśrāʾēl* «сыны Израиля» и *ḥanē-yiśrāʾēl wū-ḥanē-yəhūdā* «сыны Иуды и сыны Израиля» в качестве подлежащих; 3) об Израиле говорится в третьем лице; 4) отсутствует параллелизм и другие формальные поэтические характеристики. В пророчествах 1б и 2б, кроме темы, общим является деление строк на параллельные полустишия.

Место перикопы в композиции сборника (главы 1–3)

Ободряющий тон этих стихов резко контрастирует с содержанием как первой, так и значительной части второй главы¹. В то же время в 2 : 1–3 разрабатываются те же темы, что и в первой главе², при этом они получают новое, позитивное, звучание.

1. Имена детей Осии (*lō(?) ʿammī* и *lō(?) rūḥāmā*) теряют отрицательные частицы и становятся символами позитивных преобразований.

2. Тема прекращения царства Израиля (1 : 4) контрастирует с пророчеством о «едином вожде» (2 : 2).

3. Упоминание дня наказания и поражения Израиля в долине Изреель (1 : 4–5) контрастирует с пророчеством о возрождении Израиля в «день Изрееля».

Таким образом, 2 : 1–3 может восприниматься как вариация на тему, заданную в первой главе, или даже как альтернативный (оптимистический) финал первой главы³. Можно заметить, что следующий раздел книги (2 : 4–25) также начинается в пессимистичных тонах, но постепенно переходит к пророчествам о примирении и прощении, а оптимистичный финал (2 : 23–25) вновь построен вокруг имен детей Осии⁴. Такая организация текста не выглядит случайной.

Связь 2 : 1–3 с последующим текстом сложнее проследить на уровне лексики и конкретных образов, однако фраза *wə-ʿālū min-hā-ʾārāš* «и поднимутся они из земли» в 2 : 2 и мотив пребывания в пустыне/запустении, играющий важную роль в 2 : 4–15, имеют общий знаменатель: связь с темой Исхода. На уровне грамматики плавный переход от 2 : 3 к 2 : 4 обеспечивается тем, что эти смежные стихи построены как повеления «сынам Израиля». В обоих случаях обыгрывается метафора родственных отношений: в первом случае предписывается определенное поведение по отношению к «братьям и сестрам», а во втором — по отношению к «матери».

С учетом неоднозначного отношения 2 : 1–3 к предыдущему и последующему фрагментам, не приходится удивляться, что существует две традиции проведения границы между первой и второй главами. В современных изданиях Еврейской Библии (BHS, BHQ) и в малом издании Септуагинты (Rahlfs) первая глава насчитывает 9 стихов, далее начинается вторая глава, которая насчитывает 25 стихов (так же в переводах NAB, NJB). В Геттингенском издании Септуагинты (Ziegler)⁵ и в современных изданиях Вульгаты первая глава включает 11 стихов, а вторая — 23 стиха (этой традиции следуют синодальный перевод и большинство англоязычных переводов — KJV, NRSV, REB). Большинство современных научных комментариев делят текст первых двух глав на 1 : 2–2 : 3 и 2 : 4–25.

Комментарий

¹ (2 : 1) Большинство переводов подчеркивают контраст с последними стихами первой главы с помощью противительных или временных союзов: «*Но* будет число сынов

¹ Ср. в этой связи такие обозначения этого изречения как «an intermezzo of hope» (Abma 1999, 159). Резкая смена настроения иногда воспринималась как указание на то, что перикопа находится не на своем изначальном месте: так, например, Вольф считает, что фрагмент 2 : 1–3 должен был следовать за 2 : 25 (Wolff 1974, 26).

² О единстве 1 : 2–9 и 2 : 1–3 см. Andersen, Freedman 1980, 200–202.

³ Ср. Macintosh 2014, 33: «a prophecy of recapitulation (i.e. reversal of the original sense)».

⁴ Ср. оценку, согласно которой фрагмент 2 : 1–3 играет роль пролога по отношению к 2 : 4–25: «a short summarizing prologue» (Abma 1999, 153, со ссылкой на Cassuto 1973, 118–119), а также Yee 2001, 374 (со ссылкой на Yee 1987, 71–76).

⁵ Ср. деление на главы в *Codex Vaticanus*: 1 : 1–11 и 2 : 1–23 (Glenny 2013, 26).

Израилевых...» (СП), «(Yet) the number of the people...»⁶, «Then it will happen that the number of the Israelites...»⁷.

² (2: 1) не скажут им <...> но назовут их | *yē'āmēr* <...> *yē'āmēr* — В оригинале в обоих случаях употреблен имперфект пассивной породы *Nip'al* от корня *'mr* «говорить». Обычным значением корня *'mr* в сочетании с предлогом *lā-* является «сказать кому-то (что-либо), обратиться к кому-то (с речью)»⁸. Это же выражение может, однако, употребляться в значении «называть, давать имя», при этом наиболее убедительные примеры такого рода приходятся как раз на породу *Nip'al*⁹. Примеры с личными именами и другими именами собственными: *lō(?) ya'ākōb yē'āmēr 'ōd šimkā kī 'im yiśrā'el* «Отныне тебя будут называть не Иаковом, но Израилем» (Быт 32 : 29), *'ir ha-hārās yē'āmēr lā-'āhāt* «Один из них [городов] будут называть *'ir ha-hārās*» (Ис 19 : 18), *lō(?) yē'āmēr 'ōd ha-ttōpāt wə-gē bān-hinnōm kī 'im gē ha-hārēgā* «Не будут больше называть (эти места) *ha-ttōpāt* и “Долина сынов Хиннома”, но (назовут их) “Долина убийства”» (Иер 7 : 32)¹⁰. Примеры типа «называть кого-то каким-то/кем-то»: *ha-nniš'ār bə-šiyuōn wə-ha-nnōtār b-irūšālayim kādōš yē'āmēr lō* «Тот, кто останется в Сионе и уцелеет в Иерусалиме — святым назовут его» (Ис 4 : 3), *lō(?) yikḵārē(?) 'ōd lā-nābāl nādīb wū-lā-kīlay lō(?) yē'āmēr šōa'* «Не назовут больше глупца достойным, и подлецу не скажут “благородный”» (Ис 32 : 5), *wə-'attām kōhānē YHWH tikḵārē'u māsārātē 'ālōhēnū yē'āmēr lākām* «Вы будете названы священниками Господа! “Служители Бога нашего” — (так) обратятся к вам!» (Ис 61 : 6).

С учетом большого значения номинации в 1 главе Осии, перевод «называть» кажется предпочтительным для данного пассажа и использован нами в двух из трех случаев (2 : 1b и 2 : 3). Лишь в первом случае (2 : 1a), когда после глагола говорения следует не имя, а предложение («вы не мой народ»), необходимо переводить «не скажут им».

³ (2: 1) И не скажут им больше | *bi-mḵōm 'āšār yē'āmēr lāhām* — Известно два подхода к интерпретации этого места: при первом слово *māḵōm* «место» считается полнозначным существительным, а выражение понимается как «в том месте, где говорилось им»¹¹; при втором словосочетание *bi-mḵōm 'āšār* трактуется как составной союз «вместо того чтобы»¹².

Первое понимание находит точные параллели в других библейских пассажах, где выражение (*bi-*)*mḵōm 'āšār* используется в качестве локативного союза (BDB 880, значение 4c), например, в 3 Цар 21 : 19 (*bi-mḵōm 'āšār lāḵəḵū ha-kkālābīm 'āt-dam nābōt yālōḵḵū ha-kkālābīm 'āt-dāmākā gam-'attā* «Там, где псы лизали кровь Навота, будут лизать они и твою кровь»). Исследователям, которые видят в этом стихе продолжение биографического повествования (Осия переименовывает своих детей), трудно принять такое понимание: указание на конкретное место в контексте имяназвания

⁶ Wolff 1974, 24.

⁷ Andersen, Freedman 1980, 143.

⁸ В пассивной породе см., например, Соф 3 : 16: *ba-yuōm ha-hū(?) yē'āmēr l-irūšālayim 'al-tīrāt šiyuōn 'al-yirpū yādāyik* «В тот день будет сказано Иерусалиму: “Не бойся, Сион! Пусть не ослабнут твои руки!”».

⁹ Примеры в основной породе немногочисленны, см. Ис 5 : 20 (*hōy hā-'ōmarīm lā-ra' tōb wə-lā-ttōb rā'* «Горе тем, которые называют дурное хорошим, а хорошее — дурным»), Ис 8 : 12 (*lō(?) mārūn kāšār lā-kōl 'āšār yō(?) mar hā-'ām ha-zzā kāšār* «Не называйте заговором все то, что этот народ называет заговором»).

¹⁰ См. также Ис 62 : 4: *lō(?) yē'āmēr lāk 'ōd 'āzūbā wū-lā-'aršēk lō(?) yē'āmēr 'ōd šamāmā kī lāk yikḵārē(?) ḥapšī-bāh wū-lā-'aršēk bə'ulā* «Тебя не будут больше называть “Покинутая”, и землю твою не будут больше называть “Пустошь”! Тебя назовут “Она желанна мне”, а землю твою — “Супруга”».

¹¹ СП; NRSV; NJB; Andersen, Freedman 1980, 143.

¹² REB; JPS; Wolff 1974, 24; Abma 1999, 159.

может показаться бессмысленным¹³. Эта проблема до известной степени снимается, если принимать, что метафорический план в 2 : 1–3 преобладает над биографическим. Переименование в таком случае служит метафорой перехода от неблагоприятных событий, понимаемых как проявление негативного отношения Бога к Израилю, к благоприятным, символизирующим восстановление прежних отношений. Таким образом, под «местом переименования» подразумевается арена исторических событий, имеющих решающее значение для судьбы Израиля, или даже их условная (символическая) географическая привязка¹⁴.

В рамках альтернативной интерпретации последовательность *bi-mkōm 'āšār* понимается как союз со значением «вместо того чтобы» (т.е. «не назовут их больше..., но...», ср. REB «it will no longer be said to them...»). Такое понимание, имеющее очевидные структурные параллели в европейских языках (в том числе в русском), не имеет явных precedентов в Библии¹⁵.

⁴ (2 : 1) *Бог Живой* | *'ēl-hāy* — Редкое обозначение Бога, встречающееся также в Нав 3 : 10; Пс 42 : 3; 84 : 3. Известны также лексически и структурно близкие выражения *'ālohīm ḥayyim* (Втор 5 : 23; 1 Цар 17 : 26, 36; Иер 10 : 10; 23 : 36) и *'ālohīm ḥay* (4 Цар 19 : 4, 16 = Ис 37 : 4, 17). Едва ли верна точка зрения, согласно которой эти словосочетания следует понимать в смысле «Бог — податель жизни»¹⁶: почти невозможно представить себе такое значение для высокочастотного и очевидно стативного прилагательного *ḥay*. Подлинный смысл этого эпитета в том, что Бог Израиля на самом деле «живет», существует — видит, слышит, говорит и действует — в отличие от языческих богов, которые не способны помочь ни себе, ни поклоняющимся им. Этот распространенный в Библии топос см. особенно в 3 Цар 18 (Илия и пророки Ваала) и Суд 6 (Гидеон и поклоняющиеся Ваалу). Как показывает анализ пассажей, в которых употребляется выражение *'ēl ḥay* и его варианты, мотив действенности Бога, эффективности его вмешательства так или иначе присутствует в большинстве из них (хотя, разумеется, возможно совпадение в этом случае трудно исключить): Нав 3 : 10 — *bə-zō(?) tēdā'ūn kī 'ēl ḥay bə-ḳirbākām* «Вот так вы узнаете, что среди вас есть Бог Живой», далее следует чудо иссушения Иордана; Втор 5 : 26 — *kol 'ālohīm ḥayyim mādabbēr mittōk-hā-'ēš* «глас Бога Живого, говорящего из огня»; 1 Цар 17 : 26, 36 — филистимлянин «поносит войско Бога Живого» (*ḥērēp ma'arkōt 'ālohīm ḥayyim*), далее следует чудесная победа Давида над Голиафом; Иер 10 : 10 — «Бог Живой» противопоставляется ложным богам, которые

¹³ Ср. замечание Вольфа о том, что это выражение «need not denote a location, which would be meaningless in this context» (Wolff 1974, 27). Альтернативной (на наш взгляд, совершенно неверной) точки зрения придерживаются Андерсен и Фридман (Andersen, Freedman 1980, 203). По их мнению, в Ос 2 : 1 подразумевается конкретный ритуал (например, переименование ребенка во время обрезания). При такой интерпретации местом переименования должно быть некое святилище.

¹⁴ Какая географическая привязка может иметься в виду при таком подходе? Варианты: 1) речь идет о пустыне, ср. значимость мотива «пребывания в пустыне» в 2 : 5–17 (Andersen, Freedman 1980, 203); 2) подразумевается долина Изреель, с которой связаны как негативные события прошлого (1 : 4–5), так и позитивные события будущего (2 : 2, 23–25) (Mays 1969, 32; Macintosh 2014, 36; Kelle 2005, 214); 3) имеется в виду все Израильское царство — предмет обличений и надежд пророка.

¹⁵ В BDB, 880 значение 7b, где это значение дается как одна из альтернативных возможностей, в качестве параллели приводится Ис 33 : 21 (*kī 'im šām 'addir YHWH lānū mākōm nāhārīm u'ōrīm raḥābē yādāyim*), однако понимание этого текста как «там Господь проявит для нас свою мощь, вместо рек, широких потоков» не является общепризнанным. Более вероятным прецедентом для грамматикализованного употребления *mākōm* является Эккл 3 : 16: *wə-'ōd rā'itī taḥat ha-ššāmāš mākōm ha-mmišpāt šāmmā hā-rāša' wū-mākōm ha-ššādāk šāmmā hā-rāša'* «Еще я видел под солнцем: вместо правосудия там беззаконие, и вместо справедливости там беззаконие». Впрочем, и для этого стиха большинство переводов следуют иной интерпретации, предполагая, что под «местом правосудия» подразумевается суд.

¹⁶ Wolff 1974, 27; Andersen, Freedman 1980, 206.

«не сотворили неба и земли»; 4 Цар 19 : 4, 16 = Ис 37 : 4, 17 — «Бог Живой» «слышит» поношение из уст посланника царя Ассирии и поражает ассирийское войско смертельной болезнью.

⁵ (2 : 1) *сыны Бога* | *bənē 'ēl* — Употребление выражения «дети Бога» по отношению к сынам Израиля неудивительно в данном контексте, где тема отцовства играет особую роль. В то же время этот узус не уникален, см. в первую очередь Исх 4 : 22 (*bənī bəḳōrī yīšrā'ēl* «Израиль — мой первородный сын»), Втор 14 : 1 (*bānīm 'attām la-YHWH 'ālōhēkām* «Вы дети Господа, Бога вашего»). Еще один пример такого рода представлен в самой книге Осии (11 : 1): *mī-mmišrayim kārā(?) tī li-bnī* «Из Египта я призвал (к себе) моего сына»¹⁷. В целом ряде пассажей это же представление выражается другим способом: Бог называется «отцом» израильтян (см. примеры, приводимые в BDB 3, значение 2: Втор 32 : 6; Иер 3 : 4, 19; Ис 63 : 16; 64 : 7; Мал 1 : 6; 2 : 10).

Представление о людях как «детях бога» (и, наоборот, о боге как об «отце» людей) хорошо известно в других древневосточных традициях. Чаше всего этот узус засвидетельствован по отношению к царям: DUMU/*māru* DN в месопотамской традиции¹⁸, *krt bn-m 'il* «Керет, сын Илу» в угаритском эпосе (KTU 1.16 i 10)¹⁹. В то же время, как справедливо отмечает Сё, в Месопотамии всякий человек мог считать себя «сыном» своего личного бога (этот концепт отражен, в первую очередь, в многочисленных именах собственных). Большой интерес в связи с нашим текстом представляет угаритский текст KTU 1.14 i 37, где верховный бог Илу называется отцом всего человеческого рода (*'ab 'adm*).

⁶ (2 : 2) *сыны Иуды и сыны Израиля* | *bənē—yəhūdā wū-bənē—yīšrā'ēl* — В этом выражении обращает на себя внимание порядок перечисления (ср. датировочную формулу в 1 : 1). Некоторые исследователи считают, что упоминание Иудеи перед Израилем может служить аргументом в пользу позднего (периода иудейской редакции) происхождения фрагмента 2 : 1—3²⁰. Следует заметить, однако, что стихом выше сыны Израиля уже были упомянуты (хотя и не вполне ясно, следует ли понимать *bənē—yīšrā'ēl* в 2 : 1 в более узком смысле, как обозначение жителей Северного царства²¹, или в более широком, как этноним, относящийся к жителям обоих царств — Израиля и Иудеи²²). Таким образом, порядок употребления этих двух обозначений в нашем случае может объясняться естественным стремлением чередовать имена собственные, а не приоритетностью Иудеи перед Израилем для автора текста. Похожее объяснение предлагают Андерсен и Фридман: порядок элементов в 2 : 2 представляет собой хиазм по отношению к тому, как упоминаются Израиль и Иудея в 1 : 6—7²³.

⁷ (2 : 2) *соберутся вместе* | *niḳbāšū <...> yaḥdāw* — Известно два основных подхода к пониманию этого выражения.

Согласно первому из них, этот пассаж сближается с текстами более поздних пророков, в которых глагол *ḳbš* «собирать(ся)» используется терминологически для описания возвращения евреев из плена (HALOT 1063, значение *pi'el* 3a), например, Иер 31 : 8: *hinanī mēbī(?) 'ōtām mē-'ārāš šāpōn wə-ḳibbaštīm mī-yuarkaē—'ārāš bām 'iwwēr wū-pissēah hārā wə-yōlādāt yaḥdāw* «Я приведу их из страны Севера и соберу их с краев

¹⁷ Примеры этого типа следует отличать от пассажей, где «сынами Бога» называются сверхъестественные существа, окружающие Бога в небесном собрании (см. примеры в BDB 120, значение 1d).

¹⁸ Seux 1967, 159—160, 392—395.

¹⁹ См. точные параллели в Библии: 2 Цар 7 : 14 (обещание Бога Давиду о сыне — наследнике царства: «Я буду ему отцом, а он мне сыном»), 28 : 6 (то же с эксплицитным упоминанием Соломона).

²⁰ Harper 1905, 246; Buss 1969, 34.

²¹ Так, например, Kelle 2005, 215.

²² Наиболее распространенная интерпретация (см., например, Andersen, Freedman 1980, 202).

²³ Andersen, Freedman 1980, 207.

земли — слепого и хромого, беременную и роженицу — всех вместе». Таким образом, фраза «соберутся вместе» может быть понята как описывающая возвращение жителей Израиля после депортации²⁴ или жителей Иудеи из Вавилонского плена (в зависимости от предполагаемой датировки фрагмента).

Согласно другому подходу, корень *kbs* употреблен здесь в обычном (нетерминологическом) значении «собираться (в том числе, с определенной целью)». Частным проявлением этого направления мысли можно считать военную трактовку Келле: «соберутся вместе» = «ополчатся, чтобы пойти в наступление»²⁵.

⁸ (2:2) *единого вождя* | *rō(?)š 'āḥād* — букв. «одну голову». Употребление слова *rō(?)š* «голова» в качестве обозначения руководящих должностей (от племенного вождя до царя) встречается в Библии настолько часто²⁶, что установить точное содержание этого термина в данном пассаже затруднительно. Известны две основные линии интерпретации.

Одна из них основывается на сближении с пассажами, в которых *rō(?)š* «глава» употребляется по отношению к руководителям народа, не имеющим статуса царя (Числ 14 : 4; Суд 11 : 8). Тем самым предполагается, что выбранная автором лексема осознанно отсылает к домонархической эпохе (в особенности к Исходу из Египта и пребыванию евреев в пустыне) как к идеальному периоду в истории Израиля²⁷. Некоторые сторонники этого подхода идут дальше и усматривают здесь скрытую полемику с институтом царской власти как таковым. Аргументом в пользу возможной антимонархической окраски этой фразы считают корреляцию со стихом 1 : 4: *wū-pākadī 'āt-dāmē yizrā'ä* (?) *l 'al-bēt yēhū* (?) *wə-hišbattī mamlākūt bēt yiśrā'el* «Я заставлю род Йеху ответить за кровь Изрееля и положу конец царству рода Израиля» (т.е. преступления Йеху и его династии станут причиной того, что в Израиле прекратит существование институт царской власти, и/или Израиль потеряет политическую независимость). Впрочем, этот аргумент вызывает серьезные сомнения, поскольку, как отмечалось выше, пророчества второй главы резко контрастируют с пророчествами первой главы и во многом несут обратный смысл.

Согласно альтернативной интерпретации, лексема *rō(?)š* в данном случае обозначает именно царя²⁸. В рамках этого подхода предлагается сопоставлять Ос 2 : 2 с 1 Цар 8 : 4–5 (рассказ об установлении монархии), в котором используется похожая лексика — *hitkabbēš* «собираться» и *šām* «назначать»: *wa-yyitkabbāšū kōl zīknē yiśrā'el wa-yyābō'ū 'āl-šāmū'el hā-rāmātā wa-yyō* (?) *mārū 'elāw šīmā-lānū mālāk lə-šopṭēnū kə-kol-ha-ggōyīm* «Собрались все старейшины Израиля, пришли к Самуилу в Раму и сказали ему: “Назначь нам царя, чтобы он управлял нами, как у всех народов!”». Хотя предложенное сопоставление действительно любопытно, его значимость для интерпретации обсуждаемого стиха несколько снижается в свете того, что оба корня (*kbs*, *šym*)

²⁴ Abma 1999, 162.

²⁵ Kelle 2005, 216; сходным образом Mays 1969, 32; Wolff 1974, 27. Ср. «to collect people, troops for battle» (HALOT 1063, значение 2b основной породы).

²⁶ См. HALOT 1166, значение 9; Barlett 1969, 1–10.

²⁷ Mays 1969, 32; Wolff 1974, 27; Andersen, Freedman 1980, 208; Ben Zvi 2005, 51; Aster 2012, 44. Иногда даже говорят о «новом» (Renaud 1983, 499) или «втором» Моисее (Andersen, Freedman 1980, 208).

²⁸ В ранней литературе было распространено представление, согласно которому в данном пассаже выражается надежда на объединение Южного и Северного царств под властью царя из династии Давида (при этом подразумевается поздняя датировка 2 : 1–3), см., например, Harper 1905, 247. В качестве дополнительного аргумента исследователи указывали на тот факт, что субъектом действия выступают одновременно сыны Иудеи и сыны Израиля (см. выше). Еще одна «монархическая» трактовка была предложена Келле: иудейский царь Иосия возглавит объединенное военное сопротивление ассирийскому завоеванию (Kelle 2005, 218).

имеют весьма широкую сферу употребления, так что даже их совместное употребление не свидетельствует однозначно в пользу однотипности описываемых ситуаций.

⁹ (2 : 2) *поднимутся из земли* | *wə-‘ālū min—hā-‘ārāš* — Наш перевод буквально воспроизводит еврейский оригинал, при этом значение фразы остается загадочным. По крайней мере на формальном уровне, ближайшей параллелью является Исх 1 : 10: *hābā nithākkāmā lō pān yirbā wə-hāyā kī tikrā* (?) *nā milhāmā wə-nōsap gam-hū* (?) *‘al—šōnā’ēnū wə-nilham bānū wə-‘ālū min—hā-‘ārāš* «Давайте исхитримся против них, чтобы они не размножились и не получилось так, что в случае войны они присоединятся к нашим врагам и станут сражаться с нами, а *потом уйдут из страны*»²⁹. В свете этого факта вполне ожидаемым оказывается то, что целый ряд интерпретаций рассматриваемого места так или иначе опирается на Исх 1 : 10. Перечислим те из них, которые, на наш взгляд, заслуживают наибольшего внимания.

1. «*Уйдут из (враждебной) страны*», т.е. из плена, рабства. Эту интерпретацию, восходящую к Таргуму (*wə-yissākūn mē-‘āra’ gāl-wātəhōn* «они поднимутся из страны изгнания»), мы находим также в NAB («they shall ... come up from other lands») и СП («выйдут из земли переселения») ³⁰. В рамках этой трактовки предполагается, что в тексте описывается возвращение жителей Израиля, депортированных ассирийцами или добровольно покинувших страну вследствие ее опустошения. Действительно, в поздних книгах Ветхого Завета глагол *‘ālā* используется терминологически для описания возвращения евреев из Вавилонского плена (см. Езд 2 : 1, 59; 7 : 6, 7, 28; 8 : 1, Неем 7 : 5, 6, 61; 12 : 1). Мотив «заселения» страны возвращающимися после депортации жителями также известен из более поздних пророческих книг (например, Иер 31 : 27–28, Иез 36 : 9–11), что существенно в свете значимости термина *Изреель* (букв. «Бог посеял») для Ос 2 : 1–3³¹.

Слабой стороной данной трактовки является то, что мотивы плена (и, соответственно, возвращения из него) не характерны для Осии³² и выглядят здесь анахронизмом³³. Кроме того, в подобном контексте следовало бы ожидать упоминания конкретной страны (например, Ассирии).

2. «*Выйдут из (своей) страны*» и окажутся в пустыне³⁴. Эта гипотеза видит в Ос 2 : 2 аллюзию на Исход из Египта. Она находит подтверждение в том, что далее мы встречаем более явные отсылки к этой истории с тем же лексическим выражением (например, 2 : 17: *kə-uōt ‘ālōtāh mē-‘ārāš mišrayim* «как в день ее выхода из земли Египетской») ³⁵. В рамках этого подхода предполагается, что в Ос 2 : 2 отражена идея «перевернутого Исхода»: подобно тому как народ Израиля вышел когда-то из Египта и провел годы

²⁹ Маловероятной кажется сравнительно широко распространенная точка зрения, согласно которой текст Исх 1 : 10 должен пониматься в смысле «они овладеют страной» (предложена в Lambert 1899, 300; см. убедительную критику в Rupprecht 1970, 442; Propp 1999, 132; Andersen, Freedman 1980, 208). Соответственно, экстраполяция Вольфом этого понимания идиомы на текст Осии (Wolff 1974, 28; NRSV) также неправдоподобна.

³⁰ См. также Wellhausen 1898, 11; Harper 1905, 247; Renaud 1983, 498; Abma 1999, 162; Ben Zvi 2005, 50–51 (*contra*: Emmerson 1985, 98; Macintosh 2014, 30; Mays 1969, 33; Wolff 1974, 27–28; Kelle 2005, 219).

³¹ Abma 1999, 165. Впрочем, в отличие от Иер 31 : 27–28 и Иез 36 : 9–11, в Ос 2 : 1–3 нет прямого указания на то, что демографическое возрождение страны будет обусловлено возвращением депортированных жителей.

³² Wolff 1974, 28.

³³ По мнению некоторых исследователей, текст 2 : 1–3 может быть поздним добавлением периода иудейской редакции и отражать идеи, сформировавшиеся под влиянием событий VI в. (Harper 1905, 246).

³⁴ Aster 2012, 44.

³⁵ Постулируемая аллюзия на историю Исхода не обязательно предполагает позднюю датировку пассажа: к преданию об Исходе могли обращаться разные авторы в разные эпохи и независимо друг от друга.

в пустыне, теперь он должен выйти из своей страны, чтобы снова оказаться там. Пребывание еврейского народа в пустыне после выхода из Египта рассматривается как идеальный период в истории отношений между Богом и Израилем, поэтому его повторение — единственный способ восстановить эти отношения³⁶. В самом деле, история Исхода была не только известна автору книги Осии, но и имела для него важное теологическое значение (ср. 2 : 17; 11 : 1; 12 : 14). См. также Иер 2 : 2, где пребывание евреев в пустыне описывается как любовная идиллия, при этом пустыня (*midbār*) сопоставляется с глаголом сеять (*zāra'*): *lāktēk 'aḥṣay ba-mmīdbār bə-'ūrāš lō(?) zərū'a* «когда ты (Израиль) следовал_{ж.р.} за мной по пустыне, по незасеянной земле».

Безусловным достоинством данной интерпретации можно считать установление связи между 2 : 1—3 и 2 : 4—17, где разрабатывается метафора «изоляция неверной жены от любовников» = «пребывание еврейского народа в пустыне», ср. особенно 2 : 16: *wə-hōlaktiḥā ha-mmīdbār* «Я отведу ее в пустыню». Аргументом против нее служит то обстоятельство, что глагол *'ālā* обычно описывает движение по направлению в Израиль, а не из него (но ср. Ос 8 : 9: *hēmmā 'ālū 'aššūr* «Они ходили (с подарками) в Ассирию»).

3. «Поднимутся из земли», т.е. из преисподней³⁷. Эта интерпретация основывается на сопоставлении Исх 1 : 10 (и, соответственно, Ос 2 : 2) с 1 Цар 28 : 13: *'ālōhīm... 'ōlīm min—hā-'ārāš* «(Я увидела, как) духи поднимаются из земли». В рамках этого подхода *hā-'ārāš* «земля» понимается в смысле «подземное царство», «преисподняя», «загробный мир» (узус, хорошо засвидетельствованный как в еврейском, так и в других древних семитских языках, см. HALOT 81, значение 5). Вся фраза *wə-'ālū min—hā-'ārāš* получает «эсхатологическую» трактовку: благодаря Богу уничтоженный народ «оживет», «восстанет из мертвых»³⁸.

Существенно подчеркнуть, что такая интерпретация необязательно указывает на полноценное «эсхатологическое» воскресение из мертвых (представление, предположительно чуждое библейской религии). Более вероятно, что воскресение является здесь метафорическим обозначением возрождения, перехода в новое, лучшее состояние. Наиболее близкой параллелью к такой интерпретации служат пророчества Иез 37, где возрождение народа Израиля в развернутом виде описывается через метафоры воскресения из мертвых, ср. особенно Иез 37 : 12: *kō—'amar ādōnāy YHWH hinnē 'ānī pōte'ah 'āt—kibrōtēkām wə-ha'ālēfī 'ātqām mi-kkibrōtēkām 'ammī wə-hēbē(?)fī 'ātqām 'āl—'admat yišrā'el* «Так сказал Господь Бог: я открою ваши могилы и выведу вас, мой народ, из могил и приведу вас в землю Израиля». Сходные метафорические описания «воскресения» содержатся в 1 Цар 2 : 6 (YHWH *mēmūt wū-māḥayyā mōrīd šə'ol wa-yu'a'al* «Господь умерщвляет и оживляет, низводит в Преисподнюю и выводит (из нее)») и Пс 30 : 4 (YHWH *hā'ālītā min—šə'ol napšī ḥiyūtānī mi-yuordī bōr* «Господи, ты вывел из Преисподней мою душу, спас меня от нисхождения в Яму»).

Слабое место этой (в целом не лишенной привлекательности) интерпретации состоит в необходимости постулировать редкие, периферийные значения сразу для двух высокочастотных лексем с фундаментальной, четко оформленной семантикой («земля» и «подниматься»).

³⁶ Hoffman 1989, 169—182.

³⁷ Интерпретация впервые предложена в Holladay 1963, 123 для Исх 1 : 10, за ним следуют Andersen, Freedman 1980, 209; отчасти Ben Zvi 2005, 51.

³⁸ В рамках этой интерпретации Андерсен и Фридман ставят рассматриваемое выражение в один образный ряд с использованным в предыдущем стихе обозначением Бога *'el ḥay* «Бог Живой» (предположительно = «податель жизни»). Как было показано выше, такая трактовка словосочетания *'el ḥay* в высшей степени спорна.

Кроме того, существует ряд интерпретаций, в рамках которых значение фразы *wā-‘ālū min—hā-‘ārās* в Ос 2 : 2 устанавливается независимо от Исх 1 : 10³⁹.

4. «*Пойдут в наступление из своей страны*»⁴⁰. Глагол *‘ālā* понимается как военный термин со значением «пойти в наступление, атаковать»⁴¹. Примеры, в которых при глаголе *‘ālā* в военных контекстах называется пункт отправления (вводимый предлогом *min*), немногочисленны (Нав 10 : 7, 9, 36), при этом кажется странным, что в качестве такого пункта выступает столь общее обозначение, как *hā-‘ārās* «страна».

5. «*Поднимутся из земли*» как растительная метафора⁴². Эта интерпретация упоминается как возможная Харпером⁴³. В рамках этого направления мысли предполагается сравнение возрождающегося народа Израиля с растениями, пробивающимися из земли. Действительно, употребление глагола *‘ālā* применительно к растениям хорошо засвидетельствовано в Библии (см. BDB 748, значение 4), точная параллель содержится в Ис 53 : 2: *wa-yya‘al ka-yūnēk la-pānāw wā-ka-ššōrās mē-‘ārās šiyyā* «Он вырос как побег перед ним, и как росток из иссушенной земли» (с другими предлогами см. также Втор 29 : 22; Ис 32 : 13; Ос 10 : 8). Эта гипотеза привлекательна в связи с обсуждавшейся выше семантикой имени собственного *Изреель* («Бог посеял»), которое встречается далее в рассматриваемом стихе (см. также 2 : 25: *wū-zāra‘tīhā lī bā-‘ārās* «И посею я ее (Израиль) в земле»). Показательно также сопоставление с текстами, в которых восстановление страны описывается через метафору засеивания⁴⁴, особенно Иер 31 : 27–28: *wā-zāra‘tī ‘āt—bēt yiśrā’el wā-‘āt bēt yəhūdā zāra‘ ‘ādām wā-zāra‘ bəhēmā* «Я засею дом Израиля и дом Иуды семенем человека и семенем скота»⁴⁵.

6. «*Выйдут из (своей) страны*» и распространятся на другие страны⁴⁶. Хотя такого рода экспансионистские мотивы действительно отмечаются в некоторых библейских пророчествах (см. особенно Ис 19 : 16–25), их присутствие в Ос 2 : 2 довольно трудно обосновать: единственным аргументом в ближайшем контексте можно считать упоминание на многочисленность сынов Израиля в 2 : 1.

Наличие столь значительного числа конкурирующих интерпретаций для данного пассажа не является случайностью: оно отражает богатство значений и коннотаций, заложенных в этой фразе и обусловленных многоплановой образностью книги Осии в целом⁴⁷. Наибольшим потенциалом, на наш взгляд, обладают интерпретации № 2

³⁹ О том, что эти два текста могут рассматриваться независимо друг от друга, см. впервые в Rupperecht 1970, 446–447.

⁴⁰ Kelle 2005, 222.

⁴¹ Келле предлагает детальную историческую разработку для этой линии интерпретации. О присутствии в тексте военных коннотаций см. также Wolff 1974, 28; Mays 1969, 32–33; Macintosh 2014, 32. Андерсен и Фридман считают это понимание маловероятным (Andersen, Freedman 1980, 208).

⁴² Vriezen 1941, 13, 22.

⁴³ Harper 1905, 247; см. также Rudolph 1966, 58; Mays 1969, 32–33; Macintosh 2014, 33; Emerson 1985, 98; Dearman 2010, 105–106; отчасти Wolff 1974, 28 и ср. «they will spring up from the land» в REB.

⁴⁴ Подробно обсуждается в Abma 1999, 164–166.

⁴⁵ До известной степени близок к этому узусу текст Иез 36 : 9–11: *wā-nā‘ābādītām wā-nizra‘tām wā-hirbētī ‘ālēkām ‘ādām kol—bēt yiśrā’el kullō* «Вы (холмы) будете обрабатываемы и засеваемы. Я поселю на вас большое количество людей — весь дом Израиля целиком». Эта параллель несколько менее показательна, поскольку глагол со значением «быть засеянным» может быть здесь понят не в метафорическом смысле («Бог “посеет” на холмах людей»), а в буквальном («Бог поселит на холмах людей, а они засеют их семенами растений»).

⁴⁶ Ср. NJB («will spread far beyond their country»), FBJ («ils débordèrent hors du pays»).

⁴⁷ Показательно, что в научной литературе неоднократно предлагались интерпретации, сочетающие в себе сразу несколько подходов к тексту. Так, Вольф (Wolff 1974, 28) пытается совместить сразу три интерпретации: «они завладеют землей», «они поднимутся из земли (подобно растению)» и «они вернутся из чужой страны» («a united Israel’s “springing up” from the land freely taking possession of it, after God has brought the deportees back into the land»). Андерсен

(«выйдут из страны и окажутся в пустыне») и № 5 («поднимутся из земли» как растительная метафора).

¹⁰ (2 : 2) *день Изрееля* | *yōt yizrā'ā(ʔ)l* — в Библии засвидетельствовано еще три подобных обозначения: *yōt uərušālāyīm* «день (разрушения) Иерусалима» (Пс 137 : 7), *yōt mišrayīm* «день (поражения) Египта» (Иез 30 : 9), *yōt midyān* «день (поражения) Мидьяна» (Ис 9 : 3⁴⁸). Во всех трех случаях речь идет о военных событиях, неблагоприятных для упомянутого топонима. В свете этого факта довольно распространенная в литературе интерпретация «день битвы в Изрееле/за Изреель (с положительным исходом)»⁴⁹ не кажется убедительной.

Согласно другому подходу, это выражение понимается как «день поражения в долине Изреель». Предполагается при этом, что негативное на первый взгляд событие могло иметь позитивное значение в рамках мировоззрения, отраженного в книге Осии: уничтожение военной мощи и благосостояния Израиля приведет к восстановлению отношений между Израилем и Богом⁵⁰.

Также можно отметить, что рассматриваемое словосочетание напоминает частотное выражение *yōt YHWH* «день Господа»⁵¹, который нередко характеризуется как *gādōl* «великий» (Соф 1 : 14; Иоил 2 : 11; 3 : 4; Мал 3 : 23; в трех случаях также *nōrā(ʔ)* «грозный»). Выражение *yōt YHWH* обычно используется в контексте эсхатологических событий военного характера, например, *miḥāmā bə-yōt YHWH* «сражение в день Господа» (Иез 13 : 5).

Еще одно понимание этой фразы связано с буквальным значением имени/топонима Изреель: «(И поднимутся из земли), ибо велик день Изрееля» = «день, когда посеет Господь». В контексте обещания многочисленного потомства (2 : 1) и с учетом кульминации второй главы, где используется глагол *zāraʿ* (*zəraʿtīhā* «я посею/засею ее (Израиль)»), такой подход к тексту заслуживает внимания, пусть и на уровне аллюзии (буквальное понимание последовательности *yōt yizrā'ā(ʔ)l* как «день, когда посеет Господь» едва ли возможно)⁵².

Крайне неубедительным представляется перевод «How great is the day, o Jezreel»⁵³: при таком смысле текста существительное *yōt* наверняка было бы употреблено с определенным артиклем.

Так или иначе, выражение «день Изрееля» несомненно обозначает день, в который судьба Израиля претерпит решительные изменения, хотя в точности установить, почему этот день обозначается именно таким образом, скорее всего невозможно.

¹¹ (2 : 3) *своих братьев... и сестер* | *la-ʔāḥēkām... wə-la-ʔāḥōtēkām* — Перевод Септуагинты τῶ ἀδελφῶ ὁμῶν... καὶ τῇ ἀδελφῇ ὁμῶν «брату вашему... и сестре вашей» наиболее естественно объясняется гармонизацией с 1 : 6 и 1 : 8, где те же имена с отрицаниями («Не-мой-народ», «Не-помилуванная») отнесены к сыну и дочери пророка (ср. NRSV «Say to your brother, Ammi, and to your sister, Ruhamah»). В первом случае стоящее за греческим переводом чтение отражает иную огласовку консонантного текста (**la-ʔāḥikām*). Ситуация со вторым словом (*ʔāḥōtēkām*) несколько более сложная. В библейском корпусе засвидетельствованы два варианта мн.ч. слова *ʔāḥōt* «сестра», оба только

и Фридман предполагают, что выражение имеет одновременно исторический и эсхатологический смыслы, т.е. совмещают интерпретации № 1 и № 3 (Andersen, Freedman 1980, 209).

⁴⁸ Отсылка к Суд 7 : 15–25.

⁴⁹ Mays 1969, 33; Wolff 1974, 28; Kelle 2005, 224. Подразумевается обратное завоевание долины израильтянами у ассирийцев.

⁵⁰ Aster 2012, 44.

⁵¹ Ис 13 : 6, 9; Иез 13 : 5; Иоил 1 : 15; 2 : 1, 11; 3 : 4; 4 : 14; Ам 5 : 18, 20; Авд 1 : 15; Соф 1 : 7, 14; Мал 3 : 23.

⁵² Ср. Abma 1999, 65 («The expression... evokes the image of a day in which God “sows” the people of Israel and gives them a new and solid basis of existence in the land»); Dearman 2010, 95.

⁵³ Andersen, Freedman 1980, 210.

Проблемы интерпретации и датировки

1. *Аналогия между Исходом из Египта и возвращением из плена/депортации*⁵⁵.

Данная интерпретация, возможно, соответствует тому, как понимался этот текст в послевоенной Иудее, однако ее убедительность с точки зрения объективной датировки текста довольно ограничена. Так, фраза *wə-ʿālū min—hā-ʾarāš* как аллюзия на Исход (если это в самом деле так) не обязывает к поздней датировке, поскольку образность Исхода могла иметь для Осии другое значение, нежели для текстов, перечисленных выше (см. *поэтика*). Кроме того, глагол *ʿālā* «подниматься» и топоним *yizraʿā(ʿ)l* входят в два других образных ряда, не связанных непосредственно с темой Исхода (военный и растительный). Таким образом, интерпретации, обосновывающие раннюю датировку отрывка, сохраняют свою привлекательность.

⁵⁵ Harper 1905, 246; Batten 1929, 269; Davies 1992, 60; Buss 1969, 33–34; Renaud 1983, 497 со ссылкой на Galbiati 1967, 317–328; Abma 1999, 166–167.

2. Конкретно-исторический подход.

Предполагается, что текст 2 : 1–3 содержит реакцию на политические события периода 733–721 гг.⁵⁶: обещание многочисленного потомства в 2 : 1 связано с сокращением населения в результате кампании Тиглат-Паласара III; фраза *wə-‘ālū min-hā-‘ārās* «поднимутся из земли» описывает территориальное, экономическое или демографическое восстановление страны (см. выше интерпретации № 1, 3, 4, 5); пророчество о едином вожде для Иудеи и Израиля противопоставлено периоду вражды между этими государствами (сиро-эфраимитская война)⁵⁷.

На наш взгляд, данный текст затруднительно соотносить напрямую с историческими событиями, прямо в нем не упомянутыми. Представление о том, что «пророчество надежды» должно было быть создано в период, когда общественно-политическая ситуация начала улучшаться, и до того, как пало Северное царство, представляется упрощенным.

3. Эсхатологический подход.

В рамках этого подхода предполагается отказ от соотнесения текста с конкретными историческими событиями. Считается, что в 2 : 1–3 говорится о неких позитивных для Израиля преобразованиях, которые явятся следствием восстановления отношений между Богом и Израилем⁵⁸. За образец принимается далекое прошлое: формула многочисленности («Сыны Израиля будут многочисленны, как морской песок...») отсылает к истории о патриархах (Быт 13 : 16; 22 : 17; 32 : 12; Нав 11 : 4); общий лидер (но не царь) ассоциируется с пребыванием в пустыне и правлением судей; фраза *wə-‘ālū min-hā-‘ārās* «поднимутся из земли» отсылает к Исходу и пребыванию в пустыне.

Астер предлагает считать, что залогом благополучия, с точки зрения Осии, должен стать отказ от опоры на собственную военную мощь, которую должно заменить упование на Бога как на единственную надежду Израиля⁵⁹. Такой подход позволяет объяснить диссонанс между общим позитивным тоном пророчества и тем, что в нем предвещаются грозные события военного характера (*kī gādōl yōm yizra‘ē(?)l*): военные неудачи должны привести к тому, что народ Израиля вновь обратится к Господу, а Господь ответит ему взаимностью. Тема Исхода связана не с возвращением из плена, а с пребыванием в пустыне — месте заключения Завета. Сам же Завет есть гарантия плодородия, изобилия, плодovitости.

ОСИЯ 2 : 4–15

4 К ответу! Призовите вашу мать к ответу¹:

ведь она не жена мне²,

и я ей не муж.

Пусть она удалит блуд со своего лица

и прелюбодеяние со своей груди³.

5 Иначе я раздену ее донага⁴,

выставлю, как в день, когда она родилась⁵.

6 Уподоблю ее пустыне⁶,

сделаю землю иссушенной,

уморю жаждой.

⁵⁶ Wolff 1974, 31; Rudolph 1966, 57–58; Macintosh 2014, 35; Emmerson 1985, 95–100.

⁵⁷ Наибольшую детализацию этой идеи мы находим у Келле: у Иудеи и Израиля будет общий военный лидер (иудейский царь Иосия), под руководством которого будет дан отпор ассирийцам.

⁵⁸ Andersen, Freedman 1980, 200; Aster 2012.

⁵⁹ Aster 2012, 41–42.

6 И сыновей ее не помилую, ведь они блудные сыновья!

7 Ибо блудила их мать,
осрамилась их родительница.

Она сказала: «Пойду за моими любовниками⁷, которые дают мне хлеба и воды, шерсти и льна, масла и напитков⁸».

8 За это я прегражу тебе⁹ дорогу терновником,
обнесу оградой¹⁰!

Не найдет она своих путей¹¹!

9 Устремится за своими любовниками — и не догонит,
будет искать — и не найдет¹².

Тогда она скажет: «Вернусь¹³ к моему первому мужу¹⁴, ведь лучше мне было тогда, чем теперь».

10 Она и не подозревала, что это Я давал ей зерно, вино и масло¹⁵, и множество серебра и золота — из которого сделали Ваала¹⁶!

11 Поэтому Я заберу обратно¹⁷ свое зерно, когда придет время,
и вино, когда наступит срок¹⁸,
и отниму шерсть и лен, которыми она прикрывает наготу.

12 Тогда Я обнужу ее срам¹⁹ перед любовниками, и никто не сможет вырвать ее из моих рук.

13 Положу конец всякому ее веселью — ее праздникам, новолуниям, субботам — всем ее торжествам²⁰.

14 Я обращаю в пустошь лозу и смоковницы, о которых она говорила: «Вот вознаграждение²¹, которое дали мне любовники» —

я обращаю их в заросли,
и пожрут их дикие звери²².

15 Я заставлю ее ответить за дни²³, проведенные с Ваалами²⁴, для которых²⁵ она воскуряла жертвы²⁶, надевала серьги и украшения²⁷.

Структура

Текст 2 : 4–15⁶⁰ открывается обращением к детям («К ответу! Призовите вашу мать к ответу!»), которое имеет характер зачина. Большая часть текста представляет собой монолог, в котором супруг (Бог) рассказывает о недостойном поведении своей жены (Израиля) и наказаниях, которые ее за это ожидают. Он также содержит пересказ слов жены, объясняющих «логику» ее поступков (в стихах 7, 9, 14). Обвинения и угрозы чередуются: 2 : 4б и 5–6; 7 и 8–9; 10 и 11–15а; заканчивается этот отрывок обвинением в 15б с заключительной формулой *nə'ūm*—YHWH «слово Господа». Переход от обвинений к угрозам оформлен более четко во втором и третьем циклах (7–9 и 10–15) благодаря использованию союза *lākēn* «тогда, за это» в начале стихов 8 и 11. Высказывания с длинными цепочками однородных членов (в т.ч. списками) перемежаются отдельными поэтическими строками, состоящими в основном из двух-трех колонов.

С точки зрения используемых образов и лексики эта перикопа составляет неразрывное единство с последующим фрагментом (2 : 16–25), однако если отрывок 2 : 4–15 целиком выдержан в обвинительном тоне, то в 2 : 16 происходит неожиданный перелом и начинается движение от примирения к полной гармонии. Первая часть заканчивается заключительной формулой (*nə'ūm*—YHWH). В 2 : 4–15 рефреном

⁶⁰ Часть исследователей предлагают иное членение текста, рассматривая 2 : 4–17 как единое целое (Wolff 1974, 32; Clines 1979, 84–86). По мнению Вольфа, пророческие изречения стихов 4–17 неразрывно связаны друг с другом, а стихи 18–25 представляют собой новую серию пророчеств, которые вводятся формулой «в тот день». Эту точку зрения подтверждает исследование де Рехта (Regt 2001, 214–218): он обращает внимание на чередование в лицах в Ос 2 : 4–25, которое, по его мнению, является структурообразующим. Так, пассаж открывается обращением к Израилю («детям») во 2 л. (ст. 4а), затем продолжается в 3 л. (ст. 4б–7), в ст. 8а Бог говорит об Израиле во 2 л., затем следует несколько стихов в 3 л. (ст. 8б–17). Со ст. 18 чередование в лицах совпадает с делением на строфы (см. ниже).

повторяется слово *māʾahābīm* «любовники» (7, 9, 12, 14, 15), которое дальше в тексте не представлено.

В отрывке заметно возвращение к брачной метафоре, заявленной в 1 : 2. Лаконично сформулированный образ, который мы находим в 1 : 2 («блудом блудит эта страна, изменяя Господу»), здесь получает всестороннее раскрытие. При этом, в отличие от первой главы, глава 2 никак не связана с биографией пророка: отсылка к «детям» в 2 : 4 и «сыновьям» в 2 : 6 условна и объясняется общим контекстом метафоры семейного конфликта (и мать, и дети олицетворяют здесь народ Израиля)⁶¹.

Комментарий

1 (2 : 4) *Призовите вашу мать к ответу* | *ribū bā-ʾimmākām* — Общий смысл данного выражения понятен, однако его более тонкие семантические нюансы не имеют однозначной трактовки. Проблему в полной мере отражает большое разнообразие более или менее синонимичных, но все-таки отличающихся друг от друга современных переводов: «plead with your mother, plead» (NRSB), «call your mother to account» (REB), «protest against your mother, protest» (NAB), «to court, take your mother to court» (NJB), «accuse your mother, accuse» (Wolff 1974, 30), «argue with your mother, argue» (Andersen, Freedman 1980, 214). Сравнительно частотный глагол *rāb* предоставляет относительно веские основания для каждого из вариантов, поэтому единственным лингвистическим критерием в данном случае может быть предположение. В библейском корпусе представлен лишь еще один полноценный пример⁶² употребления глагола *rāb* с предлогом *bā-*: *wa-yūiḥar lā-yaʿāqōb wa-yūārāb bā-lābān wa-yūō(ʾ)mār lā-lābān mā-pišʿī mā ḥaṭṭā(ʾ)ṭī kī dālakā ʾaḥārāy* «Иаков разгневался и стал убеждать Лавана, говоря ему так: “Чем я провинился, чем согрешил, что ты вот так преследуешь меня?”» (Быт 31 : 36). Как видно из этого примера, данный узус лишен судебных коннотаций, вследствие чего традиционные переводы «судитесь», «ведите тяжбу» или даже «обвиняйте» следует признать скорее нежелательными⁶³. Скорее речь здесь должна идти о «бытовом», внесудебном споре, целью которого является заставить противоположную сторону признать свою неправоту и отказаться от недостойного поведения — т.е. «призвать кого-то к ответу, к порядку», «заставить образумиться». В то же время, имея в виду многоплановость используемых в тексте образов, нельзя исключить, что «юридический» план также присутствует и обыгрывается в этом тексте, а глагол *rāb* служит его маркером.

2 (2 : 4) *она не жена мне, и я ей не муж* | *hī(ʾ) lō(ʾ) ʾišī wā-ʾānōkī lō(ʾ) ʾišāh* — Среди исследователей распространено мнение, согласно которому эта фраза представляет собой разводную формулу⁶⁴. Как кажется, отсылка к такой формуле⁶⁵ здесь вполне ожи-

⁶¹ Ср. Иер 50 : 12–13, где мать олицетворяет город Вавилон, а дети — его жителей.

⁶² Значение еще одной параллели (Суд 6 : 32) до известной степени ограничено, поскольку рассматриваемое выражение используется в нем как этиологическая интерпретация собственного имени: *wa-yūiḥar ʾū lō bā-yūōm hā-hū(ʾ) yārubbāʾal lē(ʾ)mōr yārāb bō ha-bbaʾal kī nāṣaš ʾāt-mizbāḥō* «В тот день его назвали Иеруббаал, говоря: “Спорил с ним Ваал из-за того, что он разрушил его жертвенник”».

⁶³ В подлинно судебных контекстах глагол обычно употребляется с прямым дополнением (BDB 936, значение 3).

⁶⁴ См. Kuhl 1934, 102–109; Gordon 1936, 279–80; Cassuto 1973, 122–123; Phillips 1981, 16; Whitt 1992, 58; Wolff 1974, 33; Rudolph 1966, 65 («перевернутая» брачная формула). Критику этого подхода см. в Macintosh 2014, 41; Andersen, Freedman 1980, 219–221; Kelle 2005, 232.

⁶⁵ В брачных контрактах из Элефантины (V в. до н.э.) три раза встречается брачная формула *hyʾ ʾšty w-ʾny bʾlh* «Она моя жена, а я ее муж» (TADAE II B2. 6 : 4; 3. 3 : 3–4; 3. 8 : 4). В разводных документах глагольная форма *šnʾty* «я развожусь» (букв. «я возненавидел(а)») в одном документе имеет дополнения *lʾ thyh ly ʾšh* «она больше не жена мне» и *lʾ ʾhyh lk ʾšh* «я больше не жена тебе» (TADAE II B3. 8 : 21–22, 25). В старовавилонских аккадских текстах встречаются формулы *ul muṭi atta* «ты мне не муж» и *ul aššatī attī* «ты мне не жена».

даема, поскольку мотивы, связанные с правовой сферой, обыгрываются еще в ряде стихов этой главы.

Интересно, что структура фразы повторяет структуру кульминационного утверждения в 1 : 9 («Вы не мой народ, и я Не-Буду-Ваш»): два симметричных именных предложения с повторяющимся отрицанием *lō(?)* для отрицания принадлежности.
³ (2 : 4) *со своего лица <...> со своей груди | mi-ppānāhā <...> mi-bbēn šādāhā*. Перевод обоих выражений сопряжен с определенными трудностями. Первое выражение буквально значит «со своего лица», однако *mi-ppānē* также является хорошо засвидетельствованным предлогом с аблативным значением («от, из, с»), в составе которого слово *pānīt* «лицо» полностью десемантизировано. Таким образом, первое выражение может вообще не иметь анатомического значения («пусть удалит от себя», см. «from before her» в NAV и, возможно, перифраз «let her put an end to her infidelity» в REB). Буквальное значение второго выражения — «из-между груди ее» — трудно передать по-русски (ср. «от груди своих» в СП). Как видно из Песн 1 : 13⁶⁶, словосочетание *bēn šadayim* «(пространство) между груди» могло использоваться для описания объятий или любовного соития.

Многие переводчики и комментаторы полагают (на наш взгляд, несколько наивно⁶⁷), что упоминание частей тела в данном контексте свидетельствует о том, что под «блудом» и «прелюбодеяниями» имеются в виду не понятия или действия, а подлежащие «удалению» конкретные предметы, связанные с осуждаемыми сексуальными практиками, такие как украшения, благовоения, татуировки⁶⁸. Это предположение основано, главным образом, на сопоставлении данного места с Ос 2 : 15: *wa-tta'ad nizmāh wə-ḥālyātāh wa-ttēlāk 'aḥārē mə'ahābāhā* «Она надевала серьги и украшения и ходила за своими любовниками». Ср. также Иер 4 : 30 и Иез 23 : 40, где метафора женщины, наряжающейся ради привлечения внимания любовников, используется для описания отношений между Израилем и его политическими союзниками.

⁴ (2 : 4) *прелюбодеяния | na'āyirīt* — Данная лексема в Библии больше не встречается (известен, однако, другой, также редкий, но морфологически тривиальный дериват от глагола *nā'ar* — *nī'urīt*). По мнению некоторых комментаторов, *na'āyirīt* представляет собой неологизм (окказионализм) Осии, образованный по созвучию с *zəpūnīt*⁶⁹.

Корень *n'p* чаще всего употребляется по отношению к мужчинам и описывает преступную связь с женой другого человека — в отличие от глагола *zānā*, который прототипически используется по отношению к женщинам. Таким образом, сравнительно частое употребление *n'p* по отношению к женщинам в книге Осии (кроме данного пассажа см. 3 : 1; 4 : 13) выглядит примечательным. В других библейских книгах отмечено лишь несколько примеров такого рода (Лев 20 : 10; Иез 16 : 38, 32; 23 : 45; Пр 30 : 20), при этом в некоторых случаях (как и в нашем тексте) с помощью образа женщины, совершившей прелюбодеяние (*n'p*), описывается Израиль, Иудея или Иерусалим (Иер 3 : 8–9; Иер 13 : 27; Иез 23 : 37, 43).

⁶⁶ *šərōr ha-mmōr dōdī lī bēn šaday yālīn* «Мой возлюбленный — мешочек с миррой, между грудей моих он ночует». Из еврейского текста нельзя понять однозначно, к кому относится глагол *yālīn* «ночует» — к мешочку с миррой или к возлюбленному, однако значение этого пассажа для анализа Ос 2 : 4 сохраняется в обоих случаях: смысл стиха, очевидно, в том, что возлюбленный располагается там же, где обычно находится благовонный мешочек.

⁶⁷ Как справедливо отмечает Макинтош, «Hosea in fact uses abstract nouns; that he should do so in order to denote concrete artefacts which then in turn signify reprehensible behaviour is too convoluted to be likely» (Macintosh 2014, 40).

⁶⁸ Wolff 1974, 33–34; Mays 1969, 38; Andersen, Freedman 1980, 224–225; Kruger 1983, 109–110; Yee 2001, 375.

⁶⁹ Andersen, Freedman 1980, 224.

⁵ (2 : 5) *выставляю, как в день, когда она родилась* | *wə-hiṣṣagtīhā kə-yōm hiwwālādāh* — Сходный узус глагола *hiṣṣīg* (с основным значением «ставить, помещать») см. в Иов 17 : 6: *wə-hiṣṣiganī li-mšōl ‘ammīm* «Он выставил меня, как притчу для народов».

Выражение «выставить, как в день, когда она родилась» наиболее естественно понимать в смысле «раздеть догола» (ср. рус. «в чем мать родила»), на что указывает, в частности, параллелизм с «я раздену ее догола». На метафорическом уровне нагота здесь служит символом опустошения страны в результате засухи или военных действий (ср. стихи 11–12 и 14 и комментарий ниже).

Раздевание догола в качестве позорного наказания за прелюбодеяние — распространенный в Библии топос, см., в частности, выражение «задрать подол до лица» (*ḥāṣap/gillā šul*) в Иер 13 : 26 и На 3 : 5. Этот образ развивается в Иез 16 — тексте, содержащем немало аллюзий на вторую главу Осии. Неверную жену, олицетворяющую Иерусалим, здесь раздевают догола и побивают камнями (стихи 39–41): ³⁹ *wə-hipšītū ‘ōtāk bəgādayik wə-lāqəḥū kalē tip’artēk wə-hinnīhūk ‘ērōm wə-‘āryā* ⁴⁰ *wə-hā‘ālū ‘ālayik kāhāl wə-rāgəṁtū ‘ōtāk bā-‘ābān wū-bittākūk bə-ḥarḥōtām* ⁴¹ *wə-šārəpū bātayik bā-‘ēš* «Они (враги) сорвут с тебя одежду, заберут твои украшения и оставят тебя голой и неприкрытой. Они поднимут против тебя толпу, тебя побьют камнями и разрубят мечами, а дома твои сожгут огнем».

В то же время словосочетание *yōm hiwwālādāh* «день, когда она родилась» может быть понято буквально, как обозначение конкретного момента во времени, ср. Еккл 7 : 1 (*wə-yōm ha-mmāwāt mi-yuōm hiwwālādō* «и (лучше) день смерти дня рождения») или Иез 16 : 4 и 5 (*bə-yōm hullādāt ‘ōtāk* «в день твоего рождения»). Таким образом, в тексте появляется отсылка к совершенно другому образу, а именно пребыванию в пустыне после Исхода из Египта⁷⁰. На присутствие этой аллюзии, вероятно, указывает параллелизм с *ka-mmīdbār* «как в пустыне» в следующем полустиишии (см. комментарий ниже). Мотив Исхода из Египта как «молодости» Израйля хорошо засвидетельствован у Осии, ср. 2 : 17 (*kī-mē nə‘ūrāhā wū-kə-yōm ‘ālōtāh mē-‘ārāš miṣrayim* «как в дни ее юности, как в день ее выхода из земли Египетской») и 11 : 1 (*kī na‘ar yiṣrā‘ēl wā-‘ōhābēhū wū-mi-miṣrayim kārā(‘)tī li-bnī* «Израиль был ребенком, и я полюбил его, из Египта я призвал (к себе) своего сына»). Близкий вариант этого мотива мы находим в Иез 16 : 4–8, где Израиль предстает в образе брошенной новорожденной девочки, которую Бог нашел и сделал своей женой (ср. также Иер 2 : 2).

⁶ (2 : 5) *уподоблю ее пустыне* | *wə-šamtīhā ka-mmīdbār* — Как известно, сравнительная частица *kə-* в еврейском языке функционирует как предлог, вследствие чего с другими предлогами обычно не сочетается⁷¹. Таким образом, форму *ka-mmīdbār* можно понимать двояко: «как пустыня» и «как в пустыне». Двусмысленность предложной группы поддерживается двусмысленностью глагола: глагол *šām* может значить и «помешать», и «превращать» (ср. HALOT s.v. значение 6 «to place, lay» и значение 18.f «to make like»). Таким образом, с грамматической точки зрения фраза *wə-šamtīhā ka-mmīdbār* может переводиться либо как «я сделаю ее подобной пустыне»⁷², либо как «я как будто помещу ее в пустыню / я буду обращаться с ней, словно в пустыне»⁷³.

⁷⁰ Andersen, Freedman 1980, 225.

⁷¹ Иными словами, смысл «как в пустыне» трудно выразить по-еврейски иначе как *ka-mmīdbār* (BDB455a). Сходным образом, последовательность *kə-yōm hiwwālādāh* в предыдущем полустиишии следует понимать «как в день, когда она родилась» («как день, когда она родилась» не имеет смысла).

⁷² Большинство переводов и комментариев Септуагинты: СП; Harper 1905, 227–228; Wolff 1974, 30; Macintosh 2014, 44.

⁷³ Ср. перевод Андерсена и Фридмана «lest I treat her as *in* the wilderness, and deal with her as *in* the arid land» (Andersen, Freedman 1980, 214).

Перевод «уподоблю ее пустыне» предполагает, что наказание, которое постигнет землю Израиля, — опустошение. В более развернутом виде такая метафора используется в Иер 50 : 12–13 по отношению к Вавилонии, которая предстает в образе женщины — матери своих жителей: ¹² *bōšā ’immākām mē’ōd hāpārā yōladtakām hinnē ’aḥārīt gōyīm midbār šiyuā wa-’ārābā* ¹³ *mi-ḳḳāšār YHWH lō(?) tēšēb wā-hāyūtā šāmāmā kullāh* «Опозорена ваша мать, посрамлена родившая вас! Вот, (она станет) последней из народов, пустыней, землей иссушенной, степью. Из-за гнева Господа она лишится жителей, вся обратится в пустошь» (ср. также Иер 51 : 43: *hāyū ’ārāhā lā-šammā lā-’ārās šiyuā wa-’ārābā* «Ее (Вавилонии) города станут пустошью, иссушенной землей, степью»). В рамках этого подхода 2 : 5a и 2 : 5b, взятые вместе, представляют собой сложное сравнение: жена, которую в наказание за прелюбодеяние раздевают донага, сравнивается со страной, которая в наказание за служение другим богам отдана Господом на разорение и обращена в пустошь⁷⁴.

Перевод «я как будто помещу ее в пустыню» также кажется осмысленным, прежде всего в свете возможной переключки с Ос 2 : 16–17 и отсылки к мотиву пребывания Израиля в пустыне во времена Исхода⁷⁵. При таком прочтении наказание жены за прелюбодеяние мыслится как своего рода «перевернутый Исход»: за неверность Богу народ Израиля будет лишен всех тех благ, которыми одарил его Бог в земле обетованной, и возвращен к состоянию нагого и измученного ребенка, каким он был найден Богом в пустыне (именно такую трактовку, вероятно, подразумевает обсуждавшаяся выше параллель с Иез 16⁷⁶). В рамках этой линии интерпретации выражение *wa-hāmittihā ba-ššāmā(?)* «я уморю ее жаждой» находит дословную параллель в Исх 17 : 3⁷⁷, где народ в пустыне упрекает Моисея, говоря: *lāmmā-zzā hā’ālītānū mimmīšrayim lā-hāmīt ’ōtī wā-’ūt-bānay wā-’ūt-mīknay ba-ššāmā(?)* «Зачем ты вывел нас из Египта? Чтобы уморить нас, наших детей и наш скот жаждой?»⁷⁸.

^{7 (2 : 7)} *naḥitkov | šikkūyū* — Традиционно считается, что «любовники» (*mā’ahābāy*) служат здесь метафорой для ханаанейских богов⁷⁹, ср. 2 : 15, где *mā’ahābīm* сопоставляются с *bā’ālīm* «Ваалы». В других (предположительно более поздних) текстах Ветхого Завета, где используется этот образ, под «любовниками» подразумеваются политические союзники Израиля, см., например, Иез 23 : 9 (*lākēn nātattihā bā-yad-mā’ahābāhā bā-yad bānē ’aššūr ’āšār ’agabā ’ālēhām* «Поэтому Я предал ее в руки ее любовников — в руки ассирийцев, к которым она пылала страстью»), а также Иер 30 : 14; Плач 1 : 19; Иез 16 : 33–37; 23 : 5–22. Некоторые авторы используют это обстоятельство как аргумент для альтернативной интерпретации, согласно которой во второй главе книги Осии также должна идти речь о политических союзниках Израиля⁸⁰, однако, на наш взгляд, в такой гармонизации нет необходимости.

^{8 (2 : 7)} *naḥitkov | šikkūyū* — Редкое слово *šikkūyū* встречается также в Пр 3 : 8 (*rip’ūt tahi lā-šorrākā wā-šikkūy lā-’ašmōtākā* «Пусть будет это облегчением для твоей плоти⁸¹ и влагой для твоих костей») и Пс 102 : 10 (*kī ’ēpār ka-llāhām ’akālīt wā-šikkūyay bi-bkī māsāktī* «Ибо вместо хлеба я ем золу, и примесь слез в моем питье»). Считается, что в контексте Ос 2 : 7 речь должна идти об алкогольных напитках.

⁷⁴ Macintosh 2014, 43.

⁷⁵ Андерсен и Фридман настаивают на этой интерпретации и несколько гиперкритически отвергают альтернативную трактовку (Andersen, Freedman 1980, 226).

⁷⁶ Ср. Zimmerli 1979, 336.

⁷⁷ Andersen, Freedman 1980, 226.

⁷⁸ В тексте — «меня, моих детей и мой скот».

⁷⁹ Harper 1905, 229; Wolff 1974, 35; Rudolph 1966, 67; Mays 1969, 9; Macintosh 2014, 49; May 1932; Tushingham 1953; Moran 1963, 77; Thompson 1977, 479–480; Ackerman 2002, 451–452.

⁸⁰ Yee 2001, 376; Kelle 2002, 119–122. Ср. интерпретационный перевод в Таргуме: *’mmy’ rḥmy* «народы, мои любовники».

⁸¹ Букв. «твоего пупа».

Любопытно, что древние версии единообразно трактуют *šikkūyā* как термин, имеющий более широкое значение и обобщающий предыдущие слова: Септуагинта *πάντα ὅσα μοι καθήκει* «все, что мне полагается», Таргум *wə-kol-parnūsāy* «все мое обеспечение», Пешитта *w-kl d-mtb⁸² ly* «все, что мне требуется». Пешитта, вероятно, опирается здесь на Септуагинту; совпадение же между Септуагинтой и Таргумом вряд ли можно объяснить влиянием одной версии на другую или случайностью.

Обращает на себя внимание то, что в ряде трудных для понимания пассажей средневековая еврейская традиция таким же образом трактует другие слова, содержащие последовательность *šk*. Так, в Быт 41 : 40 выражение *wə-ʿal-pikā yiššaḥ kol-ʿammī* понимается Таргумом Онкелоса как *wə-ʿal mēmṛāk yitzān kol-ʿammī* «По твоему слову весь мой народ будет получать продовольствие». Раши в своем комментарии цитирует перевод Таргума и разъясняет его: *יְהוָה יִתְּנֶנּוּ עָמִי כָּל צָרָתִי וְיִשְׁכַּח כָּל צָרָתִי* «будет получать продовольствие, будет обеспечен, то есть все нужды моего народа будут обеспечены благодаря тебе». Такое же значение Раши, Таргум Онкелоса и Таргум Псевдо-Ионатана видят в Быт 15 : 2, где словосочетание *wū-bān-māšāk bēṭi* трактуется как «распорядитель моего дома»: *בר פרנסת ביתי* (Псевдо-Ионатан), *ובר פרנסת דבית* (Онкелос), *אֲפֻסְרְפֹס שְׂלִי* (בר' מלכים א), *אֲפֻסְרְפֹס שְׂלִי* (Раши). Ср., наконец, Пр 3: 8, где *šikkūy* переводится в Септуагинте как *ἐπιμέλεια* «забота, попечение». Можно заключить, что древние и средневековые переводчики и комментаторы видели в этих пассажах неизвестный из других источников корень (вероятно, *škk*) со значением «обеспечивать», «поддерживать». Убедительных параллелей для этого корня в семитских языках найти, однако, не удастся.

⁹ (2 : 8) *я прегражу тебе дорогу* | *hinanī-šāk ʾāt-darkēk* — Септуагинта и некоторые современные переводы гармонизируют это полустигматическое по лицу с остальным текстом 2 : 4—15 (Септуагинта *τὴν ὁδὸν αὐτῆς* «дорогу ее», NRSV «hedge up her way»). На наш взгляд, в этом нет необходимости.

¹⁰ (2 : 8) *я прегражу ей дорогу терновником, обнесу оградой* | *hinanī-šāk ʾāt-darkēk bassirīm wə-gādartī ʾāt-gādērāh* — Образ создания препятствия на пути человека не раз встречается в Библии, прежде всего в описаниях страданий индивидуума. Ближайшими параллелями являются Плач 3 : 7—9; Иов 3 : 23; 19 : 8 и Пр 15 : 19. В Плач 3 : 7—9 эта метафора расширяется за счет упоминания оков, препятствующих движению: *γ gādar baʿādī wə-lō(ʾ) ʾešē(ʾ) hikkīd nāhoštī ... γ gādar darākay bə-gāzīt nātibōtay ʾiwwā* «Он (Бог) окружил меня стеной, и мне не выйти, Он сделал тяжелыми мои оковы ... Он преградил мне дороги каменными глыбами, искривил мои пути». У Иова мотив создания препятствия ставится в один ряд с образом «темной» (т.е. непроходимой, опасной) дороги, см. *ʾorhī gādar wə-lōʾ-ʾāʾbōr wə-ʿal nātibōtay ḥōšāk yāšīm* «Он (Бог) загородил мой путь, так что я не могу пройти. На мои пути Он наложил тьму» (19 : 8), *lā-gābār ʾāšār-darkō nistārā wə-yūāsāk ʾālōah baʿādō* «(На что дана жизнь) человеку, от которого скрыта его дорога, которому Бог поставил преграды?» (3 : 23). В Пр 15 : 19 «колючей изгородью» называется участь лентяя: *dārāk ʿāšēl ki-mšukat ḥādāk wə-ʾorah yāšārīm sālūlā* «Дорога ленивого — как изгородь из колючек, а путь праведных — мощный».

Некоторые исследователи стремятся реконструировать более конкретные образы, возможно стоящие за Ос 2 : 8. Наиболее распространенная гипотеза строится на сопоставлении этого пассажа с Пс 80 : 13—14 и Ис 5 : 5—6, где Израиль сравнивается с виноградником, ограду которого обозначает слово *gādēr*, при этом в Ис 5 : 5 в параллели используется слово *māšukkā* (ср. родственную глагольную форму *šāk* в нашем тексте), которое обычно трактуется как «изгородь из колючек»⁸²). Хотя в книге Осии есть стихи, где Израиль уподобляется винограднику (9 : 10; 10 : 1), маловероятно, чтобы в Ос 2 : 8 был использован этот образ: едва ли о винограднике можно сказать,

⁸² Macintosh 2014, 51; May 1932, 82; Kelle 2005, 240.

что он «не найдет своих путей». Кроме того, в Пс 80 : 13–14 и Ис 5 : 5–6 в качестве отрицательной характеристики выступает не обнесение оградой, а как раз ее разрушение: виноградник, не огороженный каменной оградой, приходит в запустение, так как в него забредают животные.

Согласно другому мнению, жена/Израиль уподобляется здесь не винограднику, вокруг которого строится ограда, а животному, *против* которого она строится⁸³. В рамках этой трактовки Ос 2 : 8b сопоставляют с Ос 4 : 16 (сравнение Израиля с упрямой коровой и с бараном), 8 : 9 (сравнение с диким ослом). На наш взгляд, это направление мысли также не убедительно.

Во всяком случае, заслуживает внимания коннотационная амбивалентность глагола *šāk*, который может использоваться как в негативном смысле («преграждать»), так и в положительном («оградить»), ср. *hā-lō(?) – 'attā šaktā ba'ādō wū-ba'ad – bēto wū-ba'ad kol – 'āšār-lō mi-ssābīb* «Разве не ты оградил его, и его дом, и все его имущество со всех сторон?» (Иов 1 : 10). Можно допустить, что в Ос 2 : 8 этот глагол употреблен с намеренной двусмысленностью: обнесение стеной служит наказанием за неверность, но одновременно ограждает жену от дальнейшего блуда.

Фраза *wə-gādarī 'āt-gāderāh* необычна и заслуживает специального обсуждения. Хотя аккузатив внутреннего объекта широко представлен в древнееврейском языке, глагол *gādar* «обносить стеной» более нигде не употребляется в такой конструкции; обычно прямой объект при этом глаголе обозначает то, что обносится стеной (ср. *'orhī gādar* «загородил он мой путь» в Иов 19 : 8, *gādar dārākay* «загородил он мои дороги» в Плач 3 : 9). Кроме того, несколько необычным выглядит употребление при слове *gāder* «ограда из камней» притяжательного местоименного суффикса 3 л. ж.р. в объектном (малефактивном) значении: «я построю ее ограду» в смысле «ограду *против* нее (жены/Израиля)». Эти наблюдения заставляют со вниманием отнестись к переводу Септуагинты *ἀνοικοδομήσω τὰς ὁδοὺς αὐτῆς* «я обнесу стеной ее дороги», который, вероятно, отражает альтернативное чтение **wə-gādarī 'āt-dārākāhā* или **wə-gādarī 'āt-'orhōtāhā*. Это чтение поддерживает Пешитта, которая, впрочем, в данном случае может зависеть от Септуагинты⁸⁴.

^{11 (2 : 8)} *И не найдет она своих путей | wū-natībōtāhā lō(?) timšā(?)* – В данном контексте *natībōtāhā* «ее пути» обычно понимают буквально, т.е. как дороги к святилищам: израильтяне не смогут пройти к святилищам Ваала⁸⁵. По мнению Вольфа, такая ситуация возникнет в результате запустения страны – дороги порастут колючками⁸⁶. Действительно, развернутое описание колючек как символа запустения мы находим в Ис 34 : 13 (*wə-'ālōtā 'armənōtāhā sīrīm kimmōš wā-hōaḥ bə-mibšārāhā* «Его (Эдома) дворцы порастут колючками, крапива и репей будут в его крепостях»), при этом тема запустения страны весьма актуальна для Ос 2 : 4–15 (см. особенно 2 : 5). В то же время заслуживает внимания точка зрения Андерсена и Фридмана, согласно которой в данном контексте автор мог иметь в виду и переносное значение слова *natībā* «путь, дорога», а именно «образ жизни, поведение»: неверная жена/Израиль не сможет больше вести себя, как раньше⁸⁷.

⁸³ Andersen, Freedman 1980, 236; Kruger 1999, 99; Kelle 2005, 241.

⁸⁴ Стоит также отметить, что фраза *wə-gādarī 'āt-gāderāh* отсутствует в 4QpHos^a. По мнению Макинтоша, текстологические трудности указывают на то, что вся фраза является глоссой (Macintosh 2014, 50–51), однако это предположение не выглядит достаточно обоснованным.

⁸⁵ Wolff 1974, 36; Andersen, Freedman 1980, 236–237; Macintosh 2014, 51.

⁸⁶ Wolff 1974, 36. Критику см. в Andersen, Freedman 1980, 236. Альтернатива, предлагаемая Андерсеном и Фридманом (недоступность святилищ в результате изменения границ между странами), не кажется правдоподобной.

⁸⁷ Andersen, Freedman 1980, 238

¹² (2 : 9) *будет искать и не найдет* | *bikšātām wə-lō(?) timšā(?)* — В библеистической литературе⁸⁸ неоднократно отмечалось сходство этой фразы (а также Ос 5 : 6) с первыми стихами 3 главы Песни Песней: *bikḳāštī ʔēt šā-ʔāhābā napštī bikḳāštīw wə-lō(?) məṣā(?)tīw* «Искала я того, кого полюбила душа моя, искала я его, но не нашла». Кроме пары глаголов *bikḳēš* «искать» и *māṣā(?)* «находить» (которые в Песн 3 : 1–4 повторяются многократно)⁸⁹, общим для этих двух отрывков является обозначение партнеров при помощи корня *ʔhb* «любить»: ср. *ʔēt šā-ʔāhābā napštī* «того, кого полюбила моя душа» в Песн 3 : 1 и *məʔahābīm* «любовники» в Ос 2 : 9.

Для «национальной» тематической страты главы, в рамках которой через брачные метафоры описываются отношения между Богом и Израилем, кажутся значимыми культовые/теологические коннотации глагола *bikḳēš*: он может употребляться в смысле «обращаться к Богу, искать его милости/расположения» (HALOT 152, значение 4), ср. *wū-bikḳāštām mi-ššām ʔāt-YNWH ʔālōhākā wū-māṣā(?)tā* «Но после этого вы будете искать Господа, Бога твоего, и ты найдешь (Его)...» (Втор 4 : 29), *wa-yḇakḳēš dāwīd ʔāt-hā-ʔālōhīm bəʔad ha-nnāʔar* «Давид искал Бога (= молился) ради мальчика» (2 Цар 12 : 16). Таким образом, мы имеем здесь дело с игрой слов: «искать (*bikḳēš*) любовников» = «обращаться за милостью (*bikḳēš*) к богам».

¹³ (2 : 9) *Тогда она скажет: «Пойду вернусь к моему первому мужу»* | *wə-ʔāmārā ʔēlakā wə-ʔāšūbā ʔāl-ʔīš hā-rī(?)šōn* — Эта фраза является антитезой к 2 : 7 и отчасти цитирует ее, ср. *ʔāmārā ʔēlakā ʔahārē məʔahābay* «Она говорила: “Пойду за моими любовниками”»⁹⁰. Существенно, что глагол *šāb* имеет устойчивые теологические коннотации: он часто употребляется в составе выражений со значением «вернуться к Богу», «быть преданным Богу», «раскаиваться» (BDB 997, значение бс, d), ср., например, Ос 6 : 1: *ləkū wə-nāšūbā ʔāl-YNWH* «Давайте вернемся к Господу».

¹⁴ (2 : 9) *моему первому мужу* | *ʔīš hā-rī(?)šōn* — Использованное Осией выражение находит прямое соответствие в тексте брачного законодательства Втор 24 : 4, где первый муж женщины называется *baʔlāh hā-rī(?)šōn*, при этом в тексте Второзакония значение «муж» выражается словом *baʔal*, а не *ʔīš*, как у Осии. По всей видимости, Осия намеренно избегает употребления лексемы *baʔal* «господин; муж» по отношению к Богу и заменяет его на нейтральный термин *ʔīš*, не вызывающий ассоциаций с Ваалом. Тем самым предвосхищается эксплицитное противопоставление этих двух слов в 2 : 18, где Бог требует от Израиля называть его *ʔīš*, а не *baʔal*⁹¹.

Примечательно, что в рамках законодательства Втор 24 : 1–4 возвращение к первому мужу после нового замужества недвусмысленно запрещается. Таким образом, ситуация, описываемая в Ос 2 : 9, прямо противопоставляется реальной юридической практике. Это противопоставление усиливается за счет того, что во Втор 24 : 4 речь идет о законном браке разведенной женщины, в то время как Ос 2 : 9 предполагает невозможную в реальной жизни ситуацию — сожителство замужней женщины с несколькими любовниками. Ср. Иер 3 : 1, где невозможность такого возвращения описана в максимально эксплицитной форме: *hēn yašallah ʔīš ʔāt-ʔīšō wə-hālākā mē-ʔittō wə-hāyātā lə-ʔīš ʔahēr hā-yāšūb ʔēlāhā ʔod hā-lō(?) hānōp tāhānap hā-ʔārāš hā-hī(?) wə-ʔat zānīt rēʔīm rabbīm wə-šōb ʔēlay* «Если муж отошлет свою жену, и она уйдет от него и станет принадлежать

⁸⁸ См. ссылки в Wolff 1974, 36; Andersen, Freedman 1980, 238.

⁸⁹ Ср. *bikḳāštī ʔēt šā-ʔāhābā napštī bikḳāštīw wə-lō(?) məṣā(?)tīw* «Искала я того, кого полюбила душа моя. Искала я его, но не нашла» (3 : 1; неточный повтор в 3 : 2).

⁹⁰ Wolff 1974, 35; Clines 1979, 85.

⁹¹ Abma 1999, 176. Можно допустить, что разница в терминологии между Ос 2 : 9 и Втор 24 : 4 объясняется не идеологическими предпочтениями Осии (или, по крайней мере, не только ими), но и разницей в стилистическом регистре: в законодательном тексте (Втор 24 : 4) используется юридический термин, а в речи от первого лица (Ос 2 : 9) — нейтральное слово (подробнее см. в комментарии к 2 : 18).

другому мужу — разве сможет тот к ней вернуться? Разве не осквернилась бы от этого страна? Ты же блудила со многими другими, а теперь думаешь вернуться ко мне?».

¹⁵ (2 : 10) *зерно, вино и масло* | *ha-ddāgān wə-ha-ttirōš wə-ha-yūiṣhār* — Зерно, вино и масло составляют главную сельскохозяйственную триаду Леванта. Упоминание этой триады в Ос 2 : 10, вероятно, является аллюзией на договор Бога с Израилем на Синае: согласно Второзаконию, именно эти дары Бог дает народу за соблюдение Его предписаний и законов (Втор 7 : 12–13; 11 : 1–14).

¹⁶ (2 : 10) *множество серебра и золота — из которого сделали Ваала* | *wə-kāsāp hīrbētī lāh wə-zāhāb ‘āšū la-bbā’al* — Большинство комментаторов предполагают, что оба действия (*hīrbētī lāh* «я умножил для нее» и *‘āšū* «они сделали») распространяются как на серебро, так и на золото⁹². Последовательность *‘āšū la-bbā’al* понимается как бессоюзное относительное предложение: «золото, (которое) они превратили в Ваала» = «сделали из этого золота (и серебра) изображение Ваала»⁹³. Такое понимание находит убедительные параллели в Суд 8 : 27 (*wa-yua’as ‘ōtō gid’ōn lə-’ēpōd* «Гидеон сделал из него [из золота] эфод») и Ис 44 : 17 (*wū-šā’eritō lə-’el ‘āšā la-pislō* «А из остатка его [дерева] он делает себе бога, идола своего»), ср. также Ос 8 : 4 (*kaspām wū-zāhābām ‘āšū lāhām ‘āšabbīm* «Из своего серебра и золота сделали они себе идолов») и Иез 16 : 17 ниже⁹⁴. Как и в некоторых других библейских пассажах, золото и серебро символизируют здесь чрезмерное обогащение, которое является одной из причин богоотступничества (ср. Втор 8 : 13–14; 17 : 17; Ис 2 : 7–8). Наряду с многими другими темами второй главы Осии, мотив дарованных Богом драгоценных металлов, из которых неверная жена/народ Израиля делает идолов, развивается в 16-й главе Иезекииля: *wa-ttiḫī kālē tip’artēk mi-zzāhābī wū-mi-kkaspī ‘āšār nātattī lāk wa-tta’āšī—lāk ṣalmē zākār wa-ttiznī—bām* «Ты взяла украшения из моего золота и моего серебра, которое я дал тебе, и сделала себе мужские изваяния, чтобы блудить с ними» (16 : 17).

Несмотря на общую убедительность этой трактовки текста, нельзя не признать, что синтаксис фразы выглядит довольно сложным, при этом интерпретация 2 : 10b сталкивается с рядом дополнительных трудностей. Так, несколько неожиданным выглядит появление глагольной формы 3 л. мн.ч. *‘āšū*⁹⁵ и, наоборот, упоминание Ваала в единственном числе (ср. *bə’ālīm* «Ваалы» в 2 : 15, а также *mə’ahābīm* «любовники» в 2 : 7, 9, 12). В свете этих обстоятельств некоторые комментаторы считают последовательность *‘āšū la-bbā’al* вторичной по отношению к первоначальному тексту⁹⁶.

¹⁷ (2 : 11) *заберу обратно* | *‘āšūb wə-lākaḥtī* — Букв. «я вернусь и возьму». Чаше всего данная конструкция обозначает повторение, возобновление действия («возьму еще раз», «я снова возьму»), однако в данном случае, как и в ряде других примеров, речь идет о более тонком семантическом нюансе («вернуть что-то в прежнее состояние»), ср. BDB 998 значение 8 и Wolff 1974, 31, где приводятся такие примеры, как Нав

⁹² См., например, Andersen, Freedman 1980, 242.

⁹³ Ср. СП «из которого сделали *истукана* Ваала»; Wolff 1974, 30 «which they made into Baal»; Andersen, Freedman 1980, 215 «which they made into a Baal».

⁹⁴ Едва ли приемлемо понимание *‘āšū la-bbā’al* в смысле «(которое) они обратили на службу Ваалу» (ср. NRSV, REB, NEB «they used for Baal», NJB «they have spent on Baal»), критический анализ которого см. в Andersen, Freedman 1980, 244.

⁹⁵ Ср. гармонию в Септуагинте: αὐτὴ δὲ ἀργυρὰ καὶ χρυσὴ ἐποίησεν τῇ Βααλ «Она сделала серебряные и золотые предметы для Ваала».

⁹⁶ Harper 1905, 230; Wolff 1974, 37; Mays 1969, 41; Macintosh 2014, 54. Нельзя исключать, однако, что свойственные этому тексту синтаксические особенности являются чертами поэтического языка (ср. также отсутствие определенного артикля при *kāsāp* «серебро» и *zāhāb* «золото», в противоположность *ha-ddāgān ha-ttirōš wə-ha-yūiṣhār* «зерно, вино и масло» в начале стиха). В целом переход от прозаического стиля в первой половине стиха к поэтическому во второй может объясняться стремлением автора придать своему высказыванию большую выразительность.

2 : 23 (*wa-yyāšūbū šanē hā-ʔānāšim wa-yyērādū mē-hā-hār* «Эти два человека спустились назад с горы»), Пс 71 : 20; 85 : 7 (*tāšūb tāhayyēnū* «Ты возвращаешь нас к жизни»), Втор 23 : 14 (*wā-šabīā wā-kissitā ʔāt-šēʔātākā* «Ты должен покрыть свои испражнения почвой, чтобы это место выглядело, как прежде»). Очевидно, что во всех этих примерах речь идет не о повторении действия, а о различных аспектах возвращения от измененного состояния к более раннему, первоначальному. Довольно близкий к нашему пример с глаголом *lkḥ* «брать» можно обнаружить в 4 Цар 13 : 25: *wa-yyāšob yəhōʔāš bān-yəhōʔāhāz wa-yyikḥaḥ ʔāt-hā-ʔārīm mi-yyad bān-hādad bān-hāzāʔel ʔāšār lāḳaḥ mi-yyad yəhōʔāhāz ʔābīw ba-mmīlḥāmā* «Иехоаш, сын Иехоахаза, вернул себе (букв. «снова взял») города, которые Бен-Хадад, сын Хазаеля, захватил у его отца Иехоахаза в ходе войны».

¹⁸ (2 : 11) *когда придет время <...> когда наступит срок | bā-ʔittō <...> bā-mōʔādō* — Букв. «в его время... в его срок». Имеется в виду, что зерно и виноград не появятся в обычные для сбора урожая сроки, т.е. неверная жена уподобляется земле, лишенной плодов.

Выражение *bā-ʔittō* «в его (= свое) время» часто передает идею своевременности в контексте сельскохозяйственного цикла: о дожде, от которого зависит урожай (Лев 26 : 4; Втор 11 : 4; 28 : 12; Иер 5 : 24; Иез 34 : 26); о жатве (Иов 5 : 26); о плодах деревьев (Пс 1 : 3). Напротив, выражение *bā-mōʔādō* используется в основном по отношению к мероприятиям религиозно-культового характера (Исх 13 : 10; Лев 23 : 4; Числ 9 : 2, 3, 7, 13; 28 : 2)⁹⁷. На основании этого исследователи предполагают здесь, с одной стороны, отсылку к празднику сбора урожая, а с другой — переключку с перечислением праздников в 2 : 13, где *mōʔed* используется как общий термин для праздника⁹⁸. Соответственно, смысл 2 : 11 в том, что праздник Суккот не состоится из-за того, что Бог лишил землю урожая.

¹⁹ (2 : 12) *ее срам | nablūtāh* — Слово *nablūt* в Библии больше не встречается, сложившийся в традиции перевод «срам» (ср. *ḵln* «стыд» в Таргуме) в значительной степени гадательный⁹⁹. В Септуагинте мы находим ἡ ἀκαθαρσία «нечистота» (возможно, как эвфемизм для гениталий). Следует учитывать, что в Библии представлено два других термина с таким же консонантным составом: *nābēlā* «тело, труп» и *nābālā* «безобразный поступок». В то время как первая лексема едва ли может иметь интерпретационное значение в данном случае¹⁰⁰, связь *nablūt* с *nābālā* (и, шире, с глагольным корнем *nbl*) кажется довольно вероятной. Как справедливо отмечено Андерсеном и Фридманом, этот корень демонстрирует устойчивую связь с осуждаемым сексуальным поведением¹⁰¹, см. Втор 22 : 21 (о женщине, потерявшей девственность до брака), Суд 19 : 23 (о гомосексуальном изнасиловании), 2 Цар 13 : 12 (об инцестуальном изнасиловании), Быт 34 : 7 (об изнасиловании).

²⁰ (2 : 13) *всем торжествам ее | kōl mōʔādāh* — По мнению Андерсена и Фридмана, это выражение выступает здесь как общий термин для разного рода праздничных мероприятий, основные типы которых перечисляются ранее (ср. практически такое же перечисление в Иез 45 : 17)¹⁰². Употребление глагола *hišbatī* «прекращу, положу конец» следует, вероятно, понимать как игру слов с *šabbātāh* «е суббота».

⁹⁷ Единственное исключение — Иер 8 : 7 (о времени перелета птиц).

⁹⁸ Macintosh 2014, 57; Andersen, Freedman 1980, 246.

⁹⁹ Вопреки Wolff 1974, 37 и HALOT 664, *nablūt* не может быть заимствовано из аккадского *bāltu* как по структурным, так и по семантическим причинам (Andersen, Freedman 1980, 248): по крайней мере в синхронном плане, аккадская лексема имеет значение «достоинство, почет», а не «стыд, срам» (которое присуще акк. *būštu*, прямому этимологическому и структурному корреляту евр. *būšā/bōšāt*).

¹⁰⁰ Поскольку это слово применяется исключительно к мертвому телу человека и животных, потенциально уместный для данного контекста смысл «голое тело» практически исключен. Еще менее вероятным представлялось бы описание неверной жены как разлагающейся падали.

¹⁰¹ Andersen, Freedman 1980, 248.

¹⁰² Также Macintosh 2014, 62.

Стих 13 обычно понимается как указание на прекращение в Израиле культа Ваала¹⁰³. В рамках этой трактовки стих 13 открывает тему, получившую развитие далее в ст. 15. Нельзя не отметить, однако, что упомянутые здесь термины для праздников (*hōdāš*, *šabbāt*, *haḡ*) используются в других местах исключительно в контексте культа Бога Израиля. Можно допустить, что номинально израильские праздники по своей сути превратились в праздники Ваала¹⁰⁴, ср. Исх 32 : 1–6, где Аарон устраивает жертвоприношения для золотого тельца, называя их «праздником Господа».

Несколько более вероятной представляется, однако, другая интерпретация: из-за нечестивого поведения народа Израиля Бог отказывается от собственных культовых мероприятий¹⁰⁵. Этот мотив несколько раз встречается в пророческих текстах допленного периода, ср., прежде всего, Ис 1 : 13b–14: *hōdāš wə-šabbāt kərō(?) mikrā(?) lō(?) ʾūkal ʾāwān wa-ʾāšārā hōdšekām wū-moʿādēkām šānāʾa napšī hāyū ʿalay lā-tōrah nilʿēn nāšō(?)* «Новолуние, суббота и созывание (на праздник) — я не могу терпеть мерзость вместе с торжествами! Ваши новолуния и ваши собрания ненавидит моя душа, стали они мне бременем, которое я устал нести» (ср. также Амос 5 : 21–24). Главный акцент в этих пассажах делается не на отрицании культовых практик как таковых, а на том, что отправление культа имеет меньшую значимость по сравнению с праведностью: следовательно, даже «правильные» жертвы и праздники Бог отвергает, если народ ведет себя несправедливо¹⁰⁶. Эксплицитно эта идея выражена в знаменитом высказывании Осии из главы 6 (ст. 6): *hāsād hāpašī wə-lō(?)—zābah wə-dašat ʾālōhīm mē-ʾōlōt* «Праведности я желал, а не жертвы, знания Бога — больше, чем всесожжений».

²¹ (2 : 14) *вознаграждение* | *ʾātnā* — Слово *ʾātnā* в Библии больше не встречается. Согласно общепринятой точке зрения, оно является вариантом хорошо известного термина *ʾātan* «плата за услуги проститутки». По мнению Андерсена и Фридмана, в данном контексте обычная форма была изменена, чтобы подчеркнуть, что жена, в образе которой предстает Израиль, обвиняется Богом именно в супружеской неверности, а не в занятии профессиональной проституцией¹⁰⁷. Такая точка зрения кажется крайне маловероятной, в том числе потому, что в Ос 9 : 1 в сходном контексте *ʾātnan* употребляется в своей правильной форме. Более убедительной выглядит точка зрения, согласно которой видоизменение термина в 2 : 14 произошло из-за созвучия с *təʿēnā* «смоковница»¹⁰⁸.

Андерсен и Фридман справедливо обращают внимание на то, что обозначения смоковницы (*təʿēnā*) и лозы (*gāpān*) в еврейском, как правило, женского рода и, тем самым, не должны коррелировать с самостоятельными и энклитическими местоимениями мужского рода в последующем тексте (*hēmām* «они_{м.р.}», *šamfīm* ... *ʾākālātām* «я опустошу их_{м.р.} ... они будут есть их_{м.р.}»)¹⁰⁹. Это обстоятельство, однако, не может служить достаточным основанием для предложенной Андерсеном и Фридманом экстравагантной интерпретации данного фрагмента, в рамках которой как «платой», так и «пищей для диких зверей» оказываются не лоза и смоковницы, а дети неверной жены.

²² (2 : 14) Очень близкое описание содержится в Пс 80 : 14: *yākarsəmānnā hāzīr mī-yuʿar wə-zīz šāday yirʿānnā* «Изгрызет ее лесной кабан, дикие звери будут пастись на ней» (об Израиле в образе виноградной лозы).

²³ (2 : 15) *дни, проведенные с Ваалами* | *yətē ha-bbāʿālīm* — Букв. «дни Ваалов». В комментариях можно встретить два варианта понимания этой генитивной конструкции:

¹⁰³ Macintosh 2014, 62; Wolff 1974, 38.

¹⁰⁴ Harper 1905, 233.

¹⁰⁵ Kelle 2005, 257–258.

¹⁰⁶ Williamson 2006, 88–89.

¹⁰⁷ Andersen, Freedman 1980, 254.

¹⁰⁸ Wolff 1974, 38; Macintosh 2014, 63.

¹⁰⁹ Andersen, Freedman 1980, 251–254. Подчеркнем, что употребление самостоятельных местоимений мужского рода по отношению к антецеденту женского рода пусть и редко, но отмечается в древнееврейском языке (например, Зах 5 : 10; Песн 6 : 8; Руфь 1 : 12). Употребление энклитических местоимений м.р. вместо ж.р. довольно обычно (JM, 149bc).

1) «дни» = период времени (т.е. время, когда был распространен культ Ваала); 2) «дни» = праздничные дни. В рамках второй интерпретации подразумеваются либо ханаанейские праздники¹¹⁰, либо израильские праздники, перечисленные в 2 : 13 и, по сути, превратившиеся в праздники Ваала¹¹¹.

²⁴ (2 : 15) с *Ваалами* | *ha-bbā'ālīm* — Теоним *ba'al* (букв. «хозяин, господин»), как правило, употребляется по отношению к богу грозы и плодородия¹¹². Употребление этого теонима во множественном числе (*bā'ālīm* «Ваалы»), отмеченное и в ряде других библейских пассажей¹¹³, представляет собой непростую проблему, не получившую однозначного решения в библеистической литературе. Наиболее убедительной представляется точка зрения, согласно которой «Ваалами» называли различные местные ипостаси бога-громовержца¹¹⁴. Среди альтернативных интерпретаций упомянем следующие:

— это *pluralis majestatis*¹¹⁵;

— употребление мн.ч. имеет пейоративное значение, т.е. Ваал изображается приниженным и обезличенным¹¹⁶;

— за мн.ч. *bā'ālīm* в подобных пассажах стоит не только Ваал, но и другие ханаанейские божества. Авторы, придерживающиеся этой точки зрения, также обычно считают, что такой узус служит для того, чтобы обезличить и унижить «Ваалов», противопоставленных единому Богу — в контексте Осии, «законному супругу» Израйля¹¹⁷.

²⁵ (2 : 15) для которых | *'āšār* — Наш перевод предполагает, что *'āšār* относится к «Ваалам»¹¹⁸, хотя теоретически это местоимение может относиться и к «дням» (т.е. «дни Ваалов, в которые...»)¹¹⁹.

²⁶ (2 : 15) воскуряла жертвы | *taḳṭīr* — Переводы «кадила им» (СП), «burns incense»¹²⁰ предполагают, что речь идет о воскурении благовоний. В действительности речь почти наверняка идет о дыме жертв всесожжения¹²¹.

²⁷ (2 : 15) серьги и украшения | *niṣmāh wā-ḥālyātāh* — Первый термин обозначал серьгу в ухе (*naṣāmīm 'āšār bā-'oznēhām* «кольца, которые у них в ушах» в Быт 35 : 4) или в носу (*niṣmē hā-'āp* «носовые кольца» в Ис 3 : 21). Второй термин (в таком виде больше не засвидетельствованный) несомненно связан с лексемой *ḥālī*, которая встречается в Пр 25 : 12 (также в параллели с *nāṣām*) и в Песн 7 : 2 (украшение, с которым сравниваются голени героини). Септуагинта дважды переводит это слово как «ожерелье» (Ос 2 : 15: τὰ καθόρυα; Песн 7 : 1: ὀρμίσχοις), этой же интерпретации следуют ревизии Септуагинты в Ос 2 : 15 (Феодотион: ὀρμίσχων, Симмах: περित्रαχίλια).

¹¹⁰ Wolff 1974, 40.

¹¹¹ Harper 1905, 233.

¹¹² Как известно, эти функциональные аспекты бога-громовержца (хорошо известные по сравнительным данным, прежде всего угаритским) лишь изредка бывают прямо отражены в библейских текстах (Herrmann 1999, 137). Важнейшим свидетельством такого рода является рассказ о «соревновании» между Илией и пророками Ваала в 3 Цар 17–18, предметом которого была способность Бога Израйля vs. Ваала произвести дождь.

¹¹³ Суд 2 : 11–12 и 10 : 10–13 (в соположении с *'ālōhīm 'āḥērīm* «другие боги»); 8 : 33 (здесь наряду с «Ваалами» упоминается конкретное божество *ba'al bērit*, букв. «Ваал завета»); 3 Цар 18 : 18 (соревнование между жрецами Бога Израйля и жрецами Ваала и Ашеры).

¹¹⁴ Day 1992, 547; Wolff 1974, 35; Mays 1969, 43; Andersen, Freedman 1980, 257.

¹¹⁵ Macintosh 2014, 66.

¹¹⁶ Bird 1989, 82–83.

¹¹⁷ Abma 1999, 178; Maughtin-Mumby 2008, 251, n. 197.

¹¹⁸ Так в Вульгате (*quibus accendebat incensum*).

¹¹⁹ Ср. Септуагинта: τὰς ἡμέρας τὸν Ваалц ἐν αἷς ἐπέθεν αὐτοῖς «дни Ваалов, в которые она воскуряла им», а также Wolff 1974, 31; Macintosh 2014, 65; Kelle 2005, 261.

¹²⁰ Andersen, Freedman 1980, 215.

¹²¹ См. HALOT 1094; Clements 2004, 12–13; Macintosh 2014, 65.

В Пр 25 : 12 Септуагинта передает *ḥālī* как *σέρδιον* «сердолик». Этимологическая параллель в арабском (*ḥalyat*-) используется в общем значении «ювелирное украшение».

ОСИЯ 2 : 16–25

16 Раз так — теперь я обманом¹ заведу её в пустыню, поговорю с ней по душам².

17 Когда она побывает там³, я верну ей виноградники ее, а Долину Вреда⁴ обращу⁵ во Врата Надежды⁶.

И даст она там ответ⁷ — как в юности, как в день выхода из Египта.

18 В тот день — слово Господне! —

ты назовешь меня *Ишй*,

и не будешь больше называть меня *Баали*⁸.

19 Ты удалишь имена Ваалов со своих уст,

и не прозвучат их имена никогда больше⁹.

20¹⁰ В тот день я заключу для них завет с дикими зверями, с птицами небесными, с живностью, ползающей по земле. Лук, меч и всякое оружие я истреблю из страны¹¹, и дам им жить¹² в безопасности.

21 Тогда я обручусь с тобой навеки:

Я обручусь с тобой справедливостью¹³, правдой, добротой и милосердием.

22 Я обручусь с тобой верностью, и ты узнаешь Господа.

23 В тот день — слово Господне — я дам ответ¹⁴!

Я дам ответ небесам, а они — земле.

24 Земля даст ответ зерну, вину, и маслу,

а они дадут ответ Изреелю.

25 Я посею ее для себя на этой земле¹⁵,

и помилую Непомилованную,

и скажу Не Моему Народу: «Ты мой народ»,

а он скажет: «Бог мой».

Структура

Деление на строфы совпадает со сменой лица¹²²: стихи 16–17 — Бог говорит об Израиле в 3 л. ед.ч. ж.р.; стихи 18–19 — Бог обращается к Израилю во 2 л. ед.ч. ж.р.; стих 20 — Бог говорит об Израиле в 3 л. мн.ч. м.р.; стихи 21–22 — Бог говорит об Израиле во 2 л. ед.ч. ж.р.; стихи 23–25 — в последнем стихе присутствуют практически все возможные варианты (суффикс 3 л. ед.ч. ж.р.; личное местоимение 3 л. ед.ч. м.р.; личное местоимение 2 л. ед.ч. м.р.).

Особое место в организации перикопы занимают троичные перечисления предметов и явлений: три разновидности живых существ (2 : 20), три разновидности оружия (2 : 20), три разновидности сельскохозяйственной продукции (2 : 24); троекратное повторение формулы «я обручусь с тобой» (2 : 21–22).

Место в композиции сборника

Если проведение границы перикопы между 2 : 25 и 3 : 1 не вызывает сомнения (ярко выраженная кульминация в 2 : 25, с одной стороны; отчетливое начало нового сюжета в 3 : 1 — с другой), то отделение 2 : 16–25 от 2 : 4–15 не выглядит объективно необходимым: 2 : 16–25 кажется логическим продолжением предшествующего текста, однако резко контрастирует с ним по настроению (в то время как 2 : 4–15 содержит обвинения и угрозы, в 2 : 16–25 говорится о примирении между Богом и Израилем).

¹²² Andersen, Freedman 1980, 264–265.

Интересно, что «пророчество надежды» в 2 : 16 вводится при помощи дискурсивного маркера *lākēn*, который обычно вводит негативные пророчества и именно так употребляется в 2 : 4–15 (стихи 8, 11)¹²³.

Кульминация в стихе 25 предполагает отсылку к именам детей Осии, вокруг наречения которых построены пророчества в главе 1. Таким образом, кульминация 2 : 25 может рассматриваться как кульминация всего комплекса 1 : 2–2 : 25.

Комментарий

¹ (2 : 16) *я обманом заведу ее* | *hinne ʔānōkī mēpattāhā* — Основное значение еврейского корня *pty* — «быть простым, глупым, наивным». В этом значении он засвидетельствован и в книге Осии (7 : 11): *wa-yhī ʔāprayim kə-yōnā pōtā ʔēn lēb* «Ефрем оказался как голубь — доверчивый, безрассудный»¹²⁴.

В породе Piʔel, которая употреблена в рассматриваемом тексте, этот корень часто употребляется в значении «обмануть» (Суд 14 : 15: *wa-yuō(ʔ)mārū lə-ʔēšāt šimšōn pattī ʔāt—ʔšēk wa-yuaggād—lānū ʔāt—ha-hīdā* «Они сказали жене Самсона: “Обмани твоего мужа, чтобы он сказал нам отгадку”»), иногда в смысле «сбить с правильного пути», «вовлечь в дурное, преступное предприятие» (Пр 1 : 10–11: ¹⁰ *ʔim yēpattūkā haṭṭāʔim ʔal-tōbē(ʔ)* ¹¹ *ʔim yō(ʔ)mārū lākā ʔittānū nāʔarḇā lə-dām nišpənā lə-nākī hinnām* «Не соглашайся, если грешники будут сбивать тебя с толку: “Пойдем, мол, с нами, схоронимся для кровавого дела, подстережем ни в чем не повинного человека”»; Пр 16 : 29: *ʔš hāmās yēpatā rēʔehū wə-hōlikō bə-dārāk lō(ʔ)-ʔōb* «Злодей сбивает с толку ближнего своего и направляет его на нехороший путь»).

Данный пассаж — не единственное место в Библии, где Бог «обманывает» или «сбивает с толку»¹²⁵. Так, в Иер 20 : 7 пророк, отчаявшийся в успехе своей миссии, восклицает: *pittitānī YHWH wā-ʔāppāt* «Ты обманул меня, Господи, и я поддался на обман!»¹²⁶. Еще более ярким примером этого топоса является Иез 14 : 9: *wə-ha-nnābī(ʔ) kī yēputtā wə-dibbār dābār ʔānī YHWH pittēʔi ʔēt ha-nnābī(ʔ) ha-hū(ʔ) wə-nāṭī ʔāt—yādī ʔālāw wə-hišmadīw mi-ttōk ʔammī yišrāʔel* «Если какой-нибудь пророк произнес что-то, заблуждаясь, это значит, что я, Господь, ввел в заблуждение этого пророка! Я простру на него руку и истреблю его из среды Израиля, народа моего». См. также 3 Цар 22 : 20–22, где Бог осуществляет обман (*pittā*) при содействии «духа» (*hā-rūah*).

Важно отметить, что корень *pty* может иметь сексуальные коннотации («соблазнять»), ср. Исх 22 : 15: *wə-kī yēpattā ʔš bātūlā ʔāšār lō(ʔ) ʔorāšā wə-šakab ʔimmāh mähōr yimhārānnā lō lə-ʔiššā* «Если человек соблазнит девственницу, которая не была никому обещана, и возляжет с ней, он должен внести за нее брачный выкуп и взять ее в жены»¹²⁷. Многие современные переводчики и комментаторы предполагают, что

¹²³ Обсуждение этой проблемы см. в Clines 1979, 86; Ben Zvi 2005, 64; Moughtin-Mumby 2008, 253.

¹²⁴ Во Втор 11 : 16 «простота» описывается как возможная причина перехода к служению другим богам: *hiššamarū lākām pān yiptā ləbabbām wə-sartām wə-ʔābadtām ʔālohīm ʔāhērīm* «Остерегайтесь того, чтобы обманулось ваше сердце, так что вы, свернув с пути, станете служить другим богам».

¹²⁵ Противоположный топос (люди пытаются обмануть Бога) также может выражаться этим глаголом, см. Пс 78 : 36 (*wa-yputtūhū bə-pihām wū-bi-lšōnām yəkazzābū—lō* «Они обманывали Его устами своими, своим языком лгали Ему»).

¹²⁶ Ср. также стих 10, где враги пророка говорят: *ʔūlay yēputtā wə-nūkālā lō* «Может быть, он подпадет обману, и мы сможем его одолеть».

¹²⁷ В Иов 31 : 9 соблазнителем (возможно, невольным) выступает женщина, а глагол употреблен в пассивной породе Nipʔal: *ʔim-niptā libbī ʔal—ʔiššā wə—ʔal pātāh rēʔ ʔārābū* «Если мое сердце соблазнилось женщиной, и я стал подстерегать (ее) у ворот ближнего моего...». Сексуальные коннотации представлены уже в древнейшем письменном засвидетельствованном примере употребления западносемитского корня **pty*, а именно в угаритском мифологическом произведении KTU 1.23:39: *ʔil ʔattim k ypt* «Илу двух женщин подлинно решил соблазнить». В современном южноаравийском языке сокотри однокоренной глагол *fīti* имеет значение «извергать сперму, эякулировать».

такие коннотации присутствуют и в нашем пассаже — в более (REB; Macintosh 2014, 69: «woo»; NJB: «seduce») или менее (NRSV; NAB; Wolff 1974, 31: «allure»; Andersen, Freedman 1980, 215: «entice») эксплицитной форме¹²⁸. В действительности наличие такого рода коннотаций в Ос 2: 16 трудно обосновать. Неясно, в частности, следует ли понимать выражение «теперь я обману ее» в смысле «теперь я поступлю с ней так же, как некогда поступали с ней ее любовники». Предпочтительным кажется нейтральный перевод («обманом заведу», ср. СП «увлеку»), а не такой, в котором сексуальные коннотации выступали бы на первый план («соблазну»).

В синтаксическом отношении выражение *məpattāhā wə-hōlakitīhā* скорее всего представляет собой гендиадис, что отражено в переводе: «обману и уведу» = «веду обманным путем» (ср. очень близкую картину в Исх 22 : 15: *yəpattā <...> wə-šākab* «он обманет <...> и возляжет», т.е. «вступит в связь посредством обмана»).

² (2 : 16) *u pəgoworū s ney pə dušam | wə-dibbartī 'al-libbāh* — Выражение *dibbēr 'al-lēb*, букв. «говорить на сердце» (ср. «я буду говорить к сердцу ее» в СП), встречается в Библии еще несколько раз: Быт 34 : 3 (*wa-ttidbaḳ napšō bə-dīnā bat-ya'āqōb wa-yu'ā'āhab 'āt-ha-nna'ārā wa-ydabbēr 'al-lēb ha-nna'ārā* «Сердце его привязалось к Дине, дочери Иакова: он полюбил эту девушку и говорил с ней *по сердцу*»), Быт 50 : 21 (*wə-'attā 'al-tīrā'ū 'ānōkī 'ākalkēl 'ātqām wə-'āt-tappākām wa-yṇāḥēm 'ōtām wa-ydabbēr 'al-libbām* «“Теперь не бойтесь: я снабжу всем необходимым вас и ваших детей”. Так он утешал их и говорил с ними *по сердцу*»), Суд 19 : 3 (*wa-yu'āqom 'išāh wa-yu'ēlāk 'ahārāhā lə-dabbēr 'al-libbāh la-hāšibāh* «Ее муж отправился в путь вслед за ней, чтобы поговорить с ней *по сердцу* и вернуть ее»), Руфь 2 : 13 (*wa-ttōl(?)mār 'āmsā(?) ḥen bə-'ēnākā 'ādōnī kī niḥamīānī wə-kī dibbartī 'al-lēb šiphātākā wə-'ānōkī lō(?) 'āhyā kə-'aḥat šiphōtākā* «Тогда она сказала: “Ты милостив ко мне, мой господин, ведь ты пожалел меня и говорил *по сердцу* со твоей служанкой — а ведь я даже не могу считаться одной из твоих служанок!”»), 2 Цар 19 : 8 (*wə-'attā kūm šēl(?) wə-dabbēr 'al-lēb 'ābādākā* «Теперь выйди и поговори *по сердцу* с твоими слугами», обращенный к Давиду призыв Иоава из-за волнений в армии в связи с оплакиванием Авессалом), 2 Пар 32 : 6 (*wa-yu'ittēn šārē milḥāmōt 'al-hā-'ām wa-yu'ikbašēm 'ēlāw 'āl-rəḥōb ša'ar hā-'ir wa-ydabbēr 'al-ləbābām lē(?)mōr* «Он назначил военачальников над народом и собрал их к себе на площадь у городских ворот, и говорил *по сердцу* с ними следующим образом», предваряет обращение Езекии к армии в связи с нашествием Сенаххериба), Ис 40 : 1–2 (*naḥāmū naḥāmū 'ammī yō(?)mar 'ālōhēkām dabbērū 'al-lēb yərūšālayim wə-kir'ū 'ēlāhā kī mālā'ā šəbā'āh kī nīrā'ā 'āwōnāh kī lāqəḥū mi-yu'ad YHWH kīlayim bə-kol-ḥaṭṭō(?)tāhā* «Утешайте, утешайте мой народ! — говорит ваш Бог, — говорите *по сердцу* с Иерусалимом, сообщите ему, что тяготы его подошли к концу, и наказание за его злодеяния сочтено достаточным — в самом деле, он получил из рук Господа в двойном размере за все свои прегрешения»). В большинстве пассажей для этого выражения можно выявить конкретную специфическую семантику: речь идет о доброжелательной, успокаивающей, иногда снисходительной беседе в ситуациях, когда собеседник скорее ожидал бы иного обращения (Хамор и Дина после изнасилования; Иосиф и его братья после узнавания; человек и покинувшая его жена, которую он стремится вернуть; Боаз и Руфь после встречи на поле)¹²⁹. В большинстве пассажей речь обращена к женщинам, однако

¹²⁸ См., например, Wolff 1974, 41: «Yahweh is represented here in a crudely anthropomorphic picture as a “seducer” who allures a young woman with many other suitors» (отвергается в Andersen, Freedman 1980, 271–272).

¹²⁹ Единственный пассаж, в котором это выражение, как кажется, использовано более или менее нейтрально — 2 Пар 30: 22 (*wa-ydabbēr yəhizkiyyāhū 'al-lēb kol-ha-lwiyīm ha-mmāškīlīm šekāl yōb la-YHWH* «Езекия говорил *по сердцу* со всеми левитами, которые хорошо себя проявили в служении Господу»).

описанные ситуации сильно разнятся, поэтому едва ли можно с уверенностью утверждать, что это выражение «belongs to the language of courtship»¹³⁰.

¹³² (2: 17) *Когда она побывает там* | *mi-ššām* — Букв. «оттуда». Традиционный буквальный перевод «И дам ей оттуда виноградники ее» (СП) непонятен¹³¹, поэтому введение в перевод какого-либо временного маркера или союза, на наш взгляд, практически неизбежно¹³².

С точки зрения еврейского словоупотребления использование *mi-ššām* в значении «после того как; тогда» выглядит необычно, хотя и не лишено вероятных параллелей. Ср., прежде всего, Ис 65 : 20: *lō(?) yihyā mi-ššām ʿōd ʿul yāmīm wə-zākēn ʿāšār lō(?) yəmallē(?) ʾāt-yāmāw* «После этого не будет больше младенца, умершего в считанные дни (после рождения), и старца, не доведшего до конца дни (назначенные ему)». Также заслуживает внимания Втор 4 : 28–29, где *šām* в ст. 28 означает «там» (= «когда вы там окажетесь»), а *mi-ššām* в ст. 29 отмечает следующий этап в развитии сюжета («после того как вы там окажетесь и проведете там некоторое время»)¹³³. Напротив, недостаточно убедительными кажутся приведенные в HALOT два пассажа из псалмов (14 : 5 и 132 : 17), в которых, по мнению авторов словаря, *šām* следует понимать как «тогда» (HALOT 1547)¹³⁴. В качестве возможного примера на временное значение *mi-ššām* в том же словаре приводится Иер 50 : 9 (очевидно неубедительно)¹³⁵. В более широкой перспективе убедительным представляется предложенное Макинтошем¹³⁶ сопоставление этого пассажа с Ос 13 : 4, где предлог *min* в сочетании с обозначением места также следует понимать как отсылку к соответствующему моменту во времени: *wə-ʾānōkī ʾālōhākā mē-ʾārāš mišrāyim*, букв. «Я — Господь Бог твой *om* земли Египетской» (т.е. «со времени пребывания в Египте или Исхода из Египта»). Ср., наконец, частотные выражения *mē-rāḥām/mi-bbāʾān*, букв. «от матки/от живота», в значении «с момента рождения» («покидания утробы»).

¹⁴ (2: 17) *Долину Вреда* | *ʿēmāk ʾākōr* — Этимологический перевод библейского топонима, точное местоположение которого не установлено, см. Нав 15 : 7 и дискуссию в комментарии Вольфа¹³⁷. Согласно Нав 7 : 24–26, в Долине Вреда был казнен Ахан, во время захвата Иерихона прельстившийся добычей, на которую было наложено божественное заклятие. По составу корневых согласных слово *ʾākōr* тождественно глагольному корню *ʿkr*, обычно переводимому как «вносить смуту, беспорядок; разрушать, губить» (см. BDB747; HALOT 825)¹³⁸. Мы не можем быть уверены в том, что

¹³⁰ Wolff 1974, 42; Andersen, Freedman 1980, 272.

¹³¹ Ср. «from there» NRSV; NAB; Wolff 1974, 31; «there» REB; NJB; Andersen, Freedman 1980, 272.

¹³² Macintosh 2014, 71.

¹³³ *wa-ʿābadiām šām ʾālōhīm ... wū-biḳkaštām mi-ššām ʾāt-YHWH* «Там вы будете поклоняться (чужим) богам ... но после этого станете искать Господа».

¹³⁴ В Пс 14 : 5 (*šām pāḥādū paḥad* «там они испугаются страхом») значение «там», на первый взгляд, не подходит по контексту, в то время как значение «тогда» выглядит более привлекательным (ср. NAB: «They have good reason, then, to fear»). В то же время сопоставление с Пс 53 : 6 позволяет допустить, что в Пс 14 : 5 выпущена последовательность *lō(?) ḥayā paḥad*, благодаря которой текст может, предположительно, переводиться как «они испугаются страхом там, где не будет (повода для) страха» (так NJB: «They will be gripped with fear, where there is no need for fear»). В Пс 132 : 17 *šām* может относиться к упомянутому в ст. 13 Сиону («там»), а не к мессианской эпохе («тогда»).

¹³⁵ *kī hinnē ʾānōkī mēʿir wū-maʿālā ʿal-bābāl ḳahal gōyīm gādōlīm mē-ʾārāš šāpōn wə-ʿārākū lāh mi-ššām tillākēd* «Ибо вот, я возбужу и поставлю против Вавилона собрание великих народов из страны Севера, осадят они его и оттуда (т.е. их силами) будет он захвачен» (ср., например, NJB: «by them she will be taken»).

¹³⁶ Macintosh 2014, 71.

¹³⁷ Wolff 1974, 42–43.

¹³⁸ Точный смысл этого сравнительно редкого глагола трудно установить, однако, как справедливо отмечено Мозисом, традиционный перевод «вносить смуту» не поддерживается имеющимися примерами, которые скорее следует интерпретировать в смысле «наносить вред,

между этими словами действительно имелась этимологическая связь, однако текст Нав 7 : 24–26 не оставляет сомнения в том, что носителями языка такая связь ощущалась: в этом тексте глагол *ʿkr* используется для этимологической интерпретации топонима (²⁵*wa-yyō(?)mār yāhōšūa mā ʿākartānū yaʿkorḳā YHWH ba-yyōm ha-zzā ...* ^{26b}*ʿal-kēn qārā(?) šēm ha-mmāqōm ha-hū(?) ʿēmāk ʿākōr ʿad ha-yyōm ha-zzā* «Иисус сказал: “В той мере, в которой ты навредил нам, пусть сегодня навредит тебе Господь!” <...> Поэтому он назвал это место “Долина Вреда”, так оно и называется до сих пор»). Таким образом, этимологический перевод «Долина Вреда» кажется не только допустимым, но и желательным, вопреки обычной практике библейских переводов (ср. «Долина Ахор» в СП).

Трудно оценить, какое значение для понимания текста Осии может иметь упоминание *ʿēmāk ʿākōr* в Ис 65 : 10: *wā-hāyā ha-ššārōn li-nwē sō(?)n wā-ʿēmāk ʿākōr la-rēbāš bākār la-ʿammī ʾašār dārāšūnī* «Прибрежная равнина будет пастбищем овец, а Долина Ахор — лежищем коров, для моего народа, который искал меня». Можно предполагать, что речь идет о том же самом топе: место, сопряженное с мрачными воспоминаниями, превратится в мирное пастбище. В то же время прибрежная равнина (*ha-ššārōn*) едва ли может иметь какие-либо отрицательные коннотации, поэтому нельзя исключать, что упоминание этих двух топонимов в данном пассаже служит нейтральным способом обозначения крайне западного и крайне восточного пределов Ханаана.

⁵ (2 : 17) *я верну <...> обращу | wā-nātattī lā- ... wā-ʾāt- ...* — Синтаксическая структура первой части 17 стиха по-разному понимается переводчиками. В предложении *wā-nātattī lāh ʾāt-kārāmāhā mi-ššām wā-ʾāt-ʿēmāk ʿākōr la-pātaḥ tiḳwā* глагольная форма *wā-nātattī* выполняет роль предиката для обеих частей предложения (double duty). Семантика этого предиката может быть одинаковой в обоих случаях («я отдам ей виноградники ... я отдам ей Долину Смуты»), при этом *la-pātaḥ tiḳwā* приходится несколько расплывчато переводить как «в качестве Врат Надежды». Такой подход сохраняет широкую популярность (СП; NAB; Wolff 1974, 31; Andersen, Freedman 1980, 215), однако предпочтительной кажется иная интерпретация, отраженная в NRSV, REB, NJB, Macintosh 2014, 17. В рамках этого направления мысли предполагают, что форма *wā-nātattī* имеет разные значения в первом и во втором предложении: «дать кому-то что-то» и «превратить что-то во что-то» (примеры на хорошо засвидетельствованное второе значение см. в BDB 681, значение 3b).

⁶ (2 : 17) *Врата Надежды | pātaḥ tiḳwā* — Это словосочетание в Библии больше не засвидетельствовано и не имеет явных аналогов, точный смысл его не известен. Древние версии отражают альтернативную огласовку первого слова, трактуя его как

ущерб, препятствовать» (Mosis 2001, 69–70): Быт 34 : 30 (*ʿākartām ʾōtī la-habʾišēnī bā-yōšēb hā-ʾārāš* «Вы навредили мне, испортив мне отношения с обитателями этой страны»), Суд 11 : 35 (*ʾat hāyū bā-ʾōkārāy* «Ты стала для меня препятствием»), Нав 6 : 18 (*wā-raq-ʾattām šimrū min-ha-ḥērām pān-tahārīmū wū-lāqāhtām min-ha-ḥērām wā-šamtām ʾāt-mahānā yisrāʾēl la-ḥērām wā-ʿākartām ʾōtī* «Но вы сами остерегайтесь закланого, чтобы не оказаться под закланьем: если вы возьмете что-нибудь из закланого, вы обречете на закланье лагерь Израиля и, тем самым, нанесете ему ущерб»), Пр 11 : 17 (*gōmēl napsō ʾš hāsād wā-ʾōkēr šāʾērō ʾakzārī* «Добрый человек сам себе приносит пользу, а жестокий — себе же наносит ущерб»), Пр 11 : 29 (*ʾōkēr bētō yinḥal-rūah* «Наносящий ущерб собственному дому получит в наследство ветер»), 15 : 27 (*ʾōkēr bētō bōšēaʿ bāšāʿ wā-šōnē(?) mattānōt yihyā* «Берущий взятку вредит своему дому, а ненавидящий приношения уцелее»), 3 Цар 18 : 17–18 (*wā-yḥī kī-rʾōt ʾahʾāb ʾāt-ʾēliyyāhū wā-yyō(?)mār ʾahʾāb ʾēlāw ha-ʾattā zā ʾōkēr yisrāʾēl wā-yyō(?)mār lō(?) ʾakartī ʾāt-yisrāʾēl kī ʾim-ʾattā wū-bēi ʾābikā* «Когда Ахав увидел Илию, он сказал ему: “А, это ты, вредитель Израиля!”. Но Илия сказал: “Нет, не я навредил Израилю, но ты и род твоего отца”»), 1 Цар 14 : 29 (*wā-yyō(?)mār yōnātān ʾakar ʾābī ʾāt-hā-ʾārāš rāʾū-nā(?) kī ʾorū ʿenay kī jāʾamī māʾaʿ dabāš ha-zzā* «Ионатан сказал: “Мой отец только навредил стране! Смотрите, как просияли мои глаза от одного лишь вкуса этого меда!”»), Пр 15 : 6 (*bēt šaddīḳ ḥōsān rāb wū-bī-tbūʾat rāsāʿ nāʾkārāt* «Дом праведника — великая сокровищница, а в прибыли нечестивца — нехватка»). Выражение *kāʾēbī nāʾkār* в Пс 39 : 3 с трудом поддается интерпретации.

инфинитив *li-ptōah* «чтобы открыть»: Септуагинта διανοιῆσαι σύνεσιν αὐτῆς «чтобы раскрыть ее понимание»¹³⁹, Феодотион διανοιῆσαι τὴν ὑπομονὴν αὐτῆς «чтобы раскрыть ее стойкость», Вульгата *ad aperiendam spem* «чтобы явить (букв. «открыть») надежду», Пешитта *dptḥ swklh* «чтобы раскрыть ее понимание»¹⁴⁰.

В контексте мотивов Исхода и заселения земли Израиля выражение *pātah tiḳwā* может ассоциироваться с вхождением/возвращением в землю Израиля. Обращает на себя внимание, что та самая Долина Ахор (*ʿēmāk ʿākōr*), которой суждено стать «Вратами надежды», в соответствии с Нав 7 находится как раз в окрестностях первого города, занятого израильянами на территории Израиля, — Иерихона¹⁴¹.

⁷ (2 : 17) *даст она там ответ* | *wə-ʿānātā ššāmmā* — Наш перевод следует традиционной и наиболее распространенной трактовке, согласно которой форма *ʿānātā* принадлежит основному еврейскому глаголу со значением «отвечать»¹⁴². Очевидным аргументом в пользу такого понимания является многократное употребление этого глагола далее в стихах 23–24. Определенным недостатком этой интерпретации является лишь отсутствие местоименного объекта, который был бы ожидаем в данном контексте («ответит мне»).

Что именно подразумевается здесь под «ответом»? С точки зрения Макинтоша, Израиль здесь предстает в образе преданной невесты, отзывчивой и внимательной по отношению к своему жениху¹⁴³. Вольф понимает местоименное наречие *šāmmā* не в локативном, а в направительном значении («туда»), предполагая, что всю фразу следует трактовать как *constructio praegnans*: «she shall willingly follow»¹⁴⁴. По его мнению, речь идет о согласии женщины вступить в брак. Наконец, относительно широкое распространение получила гипотеза, по которой глагол «отвечать» здесь обозначает согласие на половое соитие¹⁴⁵.

Попытки отождествить эту форму с одним из других (подлинных или мнимых) еврейских корней с составом *ʾny* представляются в целом неудачными, прежде всего из-за невозможности гармонизировать это место с последующими употреблениями *ʾny* «отвечать»¹⁴⁶.

Так, Эйтан¹⁴⁷ сопоставлял *ʿānātā* с арабским корнем *ḡny* «жить, обитать»¹⁴⁸. Другой пример употребления этого гипотетического еврейского корня¹⁴⁹ видят в Ис 13 : 22

¹³⁹ Перевод Септуагинты в данном случае почти наверняка имеет экзегетический характер. Происхождение этой экзегезы едва ли можно объяснить, исходя из еврейского текста.

¹⁴⁰ Пешитта опирается здесь на Септуагинту.

¹⁴¹ Macintosh 2014, 72; Abma 1999, 187; Cross 1973, 110; Goldingay 2014, 458.

¹⁴² BDB 772, 1a; HALOT 852, 3a; Harper 1905, 240; Wolff 1974, 31; Andersen, Freedman 1980, 276; Macintosh 2014, 72.

¹⁴³ «She will be attentive», Macintosh 2014, 73.

¹⁴⁴ Wolff 1974, 31.

¹⁴⁵ Cp. Delekat 1964, 41 («accommodate herself to her husband's desires»); Deem 1978, 25 («to give oneself to sexual intercourse»). Важным аргументом в пользу такого понимания является сопоставление с термином *ʿōnā* в Исх 21 : 10, который многими переводчиками и комментаторами (в том числе древними и средневековыми) трактуется как «половые сношения» или «удовлетворение полового желания» (см. Propp 2008, 202). Впрочем, такая трактовка Исх 21 : 10 остается спорной и вряд ли может служить надежным основанием для интерпретации Ос 2 : 17.

¹⁴⁶ Если только не считать, что автор намеренно играет омонимичными корнями, что в принципе возможно, но практически недоказуемо.

¹⁴⁷ Eitan 1937, 62.

¹⁴⁸ Lane 2302. Предполагают, что этот узус засвидетельствован уже в Коране (Ambros 2004, 204). В рамках арабской лексикографической традиции это значение выводится из обычного значения *ḡny* «быть самодостаточным, обеспеченным, богатым» (ср. у Амброса: «basically “to have enough, to be free from want”, but in its places apparently “to prosper, to flourish” or simply “to exist, to live”»). Трудно сказать, справедлива ли эта точка зрения.

¹⁴⁹ DCN 6 500, **ny* VII «dwell». Кроме приведенных примеров, Клайнс предлагает видеть этот корень в Мал 2 : 12.

(*wā-ʿānā*), где описывается, как дикие животные займут разрушенный Вавилон: ²¹ *wā-rābašū šām šīyūim wū-mālāʿū bātēhām ʾōhīm wā-šākanū šām bənōt yaʿānā wū-šāʾirīm yaraqqādū-šām* ²² *wā-ʿānā ʾīyūim bā-ʾalmānōtāw*¹⁵⁰ *wā-tannīm bā-hēkālē ʾonāg* «Дикие кошки будут лежать там, и дома их наполнятся совами! Страусы поселятся там, и дикие козлы будут там скакать! Шакалы будут *жуть* в их крепостях, и гиены — в прекрасных дворцах!»¹⁵¹. Если этот еврейский корень в самом деле существовал, он, возможно, являлся вариантом корня *ʿwn, представленного, главным образом, существительным *māʿōn* «жилище»¹⁵².

Ряд древних и современных переводов (Вульгата, Ибн Эзра, Кимхи; KJV, NAS, СП) видят здесь еще один редкий омоним ʿny со значением «петь» (ʿny IV по BDB 777). В свою очередь, Септуагинта (ταλεινωθήσεται), Симмах (καωθήσεται) и Пешитта (wtmkk) отождествляют эту форму с относительно частотным омонимом ʿny «быть слабым, страдать» (ʿny III по BDB 776).

⁸ (2 : 18) *Išūi <...> Baʿalū | ʾšī ... baʿlī* — В отличие от некоторых других семитских языков (например, аккадского), еврейский язык не знает специального термина для обозначения мужа. Это понятие выражается одной из двух лексем с другим базовым значением: ʾšī «человек, мужчина» и *baʿal* «хозяин, господин»¹⁵³. В данном стихе Бог в образе мужа требует искоренить обращение к нему посредством второго термина, который также являлся обозначением главного ханаанейского божества.

⁹ (2 : 19) *и не прозвучат их имена никогда больше | lō(?) yizzākārū ʿōd bi-šmām* — Букв. «они не будут больше упоминаться по их имени». Отсылает ли эта фраза к конкретным культовым практикам¹⁵⁴ или просто передает идею полного забвения?

В пользу первой возможности говорит наличие предлога *bā-*, ср. близкую параллель в Нав 23 : 7: *bā-šēm ʾālōhēhām lō(?) tazkīru wā-lō(?) tašbīʿū* «Не упоминайте имени их богов и не клянитесь (ими)»¹⁵⁵.

В связи с альтернативной интерпретацией интересно отметить, что выражения *hizkīr šēm* «упоминать имя» и *nižkar šēm* «быть упомянутым (об имени)» в сочетании

¹⁵⁰ Фонетический вариант (или просто ошибка?) для *ʾarmānōtāw*.

¹⁵¹ Употребление глагола в 3 л. ед.ч. м.р. перед субъектом во мн.ч. м.р. (*ʾīyūim*) необычно, хотя и далеко не уникально (JM 554–555, § 155j). По мнению Вилдбергера, за консонантной последовательностью ʿnh стоит 3 л. ед.ч. ж.р. упомянутого выше корневого варианта *ʿwn (т.е. *ʿānā). Ссылаясь на JM 150g, он отмечает, что мн.ч. существительных, обозначающих животных, может восприниматься как собирательное и сочетаться с глагольной формой 3 л. ед.ч. ж.р. (Wildberger 1997, 10). В действительности же практически все примеры такого рода предполагают, что в качестве субъекта выступают существительные женского рода, а не мужского (как *ʾīyūim* в Ис 13 : 22).

¹⁵² По мнению некоторых исследователей, лексема *ʿōnā* (hарах legomenon в Исх 21 : 10) может иметь значение «кров, место проживания, право на проживание» и в этом случае оказывается родственной слову *māʿōn* (и косвенным образом гипотетическому ʿny «жить»). Такая интерпретация Исх 21 : 10 является, однако, далеко не самой убедительной (см. подробно в Kogan 2005, 731–735). Так или иначе, представление о существовании в еврейском языке корня ʿny «жить, обитать» следует признать довольно древним. Так, для Ис 13 : 22 это значение стоит за переводом Септуагинты (κατοικήσουσιν), в то время как сопоставление *wā-ʿānātā* в Ос 2 : 17 с *māʿōn* «жилище» восходит к Раши.

¹⁵³ Интересно проследить, в какой мере эти два варианта соответствуют засвидетельствованному библейскому узусу. Слово *baʿal* в значении «муж» с местоименными энклитиками встречается в Библии шесть раз, и всякий раз речь идет об энклитике третьего лица («ее муж»). Слово ʾšī в значении «муж» с местоименными энклитиками встречается более 50 раз, из них 11 раз с энклитикой первого лица («мой муж») и 7 раз с энклитикой второго лица («твой муж»). Если эти данные статистически значимы, уместно допустить, что употребление лексемы ʾšī было нормой не только в прямой речи женщины, но и при непосредственном обращении к ней («как поживает твой муж?»), в то время как лексема *baʿal* относилась к более отвлеченному, «холодному» регистру (ср. в этом смысле Wolff 1974, 49).

¹⁵⁴ Согласно Wolff 1974, 50 и Andersen, Freedman 1980, 279, речь идет о торжественном провозглашении божественного имени во время культовых церемоний.

¹⁵⁵ Также запрет упоминать имена чужих богов содержится в Исх 23 : 13 (без предлога *bā-*).

с отрицательной частицей засвидетельствованы в контекстах, связанных с уничтожением памяти о ком-либо, в том числе в примерах, никак не связанных с культом¹⁵⁶.

¹¹⁰ (2 : 20) Ближайшую параллель к данному пассажи, в значительной степени разъясняющую его смысл, можно обнаружить в Иез 34 : 25: *wə-kārattī lāhām bərīt šālōm wə-hišbattī ḥayyā-rāʿā min-hā-ʿārāš wə-yāšəbū ba-mmīdbar lā-bāṭaḥ wə-yāšənu ba-yuʿārīm* «Я заключу для них мирный договор: истреблю с земли вредных зверей, так что они смогут спокойно останавливаться в степи и ночевать в лесах». См. далее в стихе 28 (*wə-lō(?) yihyū ʿōd baz la-ggōyīm wə-ḥayyat hā-ʿārāš lō(?) tō(?) kələm wə-yāšəbū lā-bāṭaḥ wə-ʿen maḥārīd* «Они не будут больше отданы на разграбление народам, и дикие звери не будут их пожирать: они будут жить спокойно, никто не будет их пугать»), а также Иов 5 : 23 (*kī ʿim-ʿabnē ha-ššādā bərītākā wə-ḥayyat ha-ššādā hošlāmā lāk* «Ведь с камнями поля¹⁵⁷ будет у тебя завет, и дикий зверь будет в мире с тобой»). Иными словами, Бог сделает так, чтобы дикие животные не наносили ущерб людям — их жизни, здоровью и хозяйству.

¹¹¹ (2 : 20) *устреблю из страны* | *ʿāšbōr min-hā-ʿārāš* — Еврейская лексема *ʿārāš* имеет два основных значения: 1) «земля как место обитания живых существ» (в том числе как суша в противоположность небу и воде) и 2) «страна» (с артиклем — чаще всего о Ханаане, стране Израиля).

подавляющее большинство переводчиков и комментаторов выбирают для рассматриваемого стиха второе значение, полагая, что речь здесь идет о том, что израильтянам будет обеспечено безопасное существование среди других народов. Такое понимание соответствует общему контексту главы и коррелирует с некоторыми параллельными пассажами, в которых эта идея выражена более эксплицитно¹⁵⁸. В этом случае *ʿāšbōr min* приходится, не без натяжки, понимать в смысле «я удалю оружие от этой страны» = «я не допущу нападения на эту страну».

Андерсен и Фридман (Andersen, Freedman 1980, 282) с осторожностью отмечают, что универсалистское понимание этого пассажа также нельзя исключать в свете Ис 2 : 4¹⁵⁹ и Мих 4 : 3. В этом случае *ʿāšbōr min* получает гораздо более естественное прочтение («я истреблю оружие с земли», т.е. «на земле не будет больше войн»).

Наконец, в свете Зах 9 : 10 (*wə-hikrattī-rākāb mē-ʿāprayīm wə-sūs mī-rūšalayīm wə-nikrātā kšāt milḥāmā wə-dibbār šālōm la-ggōyīm* «Я истреблю из Ефрема колесницы, и конницу — из Иерусалима, боевой лук будет сломан, и обратятся они с приветствием к другим народам») можно предложить своеобразный синтез этих двух подходов: *hā-ʿārāš* понимается как «страна Израиля» (ср. *ʿāprayīm, yərūšalayīm* в Зах 9 : 10), однако речь идет об уничтожении оружия самих израильтян («Я истреблю оружие из этой страны» — за ненадобностью), а не врагов.

¹⁵⁶ Пс 83 : 5 (*ʿāmārū ləkū wə-nakhīdēm mi-ggōy wə-lō(?) yizzākēr šēm yišrāʿēl ʿōd* «Они сказали: „Идемте, сделаем так, чтобы они не были больше народом, чтобы не произносилось имя Израиля больше»»), Иер 11 : 19 (*nikrātānnū mē-ʿārāš ḥayyīm wū-šəmō lō(?) yizzākēr ʿōd* «Истребим его из земли живых, так что имя его не будет больше произноситься»).

¹⁵⁷ Согласно остроумному предположению, *ʿabnē* «камни» является вариантной или искаженной формой для *bənē* «сыновья» (т.е. «с сыновьями поля» = «с животными»), см. Clines 2002, 118.

¹⁵⁸ Wolff 1974, 51. См. в первую очередь Лев 26 : 6: *wə-nātattī šālōm bā-ʿārāš wū-šakabtām wə-ʿen maḥārīd wə-hišbattī ḥayyā rāšā min-hā-ʿārāš wə-ḥārāb lō(?) tašābōr bə-ʿaršakām* «Я устрою мир в этой стране, и там, где вы будете обитать, вас никто не напугает: я истреблю вредных зверей из страны, и меч не пройдет по вашей стране».

¹⁵⁹ Ис 2 : 4b—c: *wə-kittatū ḥarḥōtām lə-ʿittīm wə-ḥānūtōtēhām lə-mazmērōt lō(?) yiššā(?) gōy ʿāl-gōy ḥārāb wə-lō(?) yilmədū ʿōd milḥāmā* «И перекуют они мечи свои во плуги, и копыя свои — в садовые ножи. Не поднимет народ на народ меча, и не будут они больше учиться войне». Текст Мих 4 : 3 практически идентичен.

Использование глагола *šābar* в положительном пророчестве в Ос 2 : 20 является, вероятно, игрой с Ос 1 : 5, где этот глагол используется в составе негативного пророчества (*wə-šābartī ʾāt-kāšāt yišrāʾel* «Я сокрушу лук Израиля»).

При любом понимании текста выражение *ʾāšbōr min* следует считать примером *constructio praegnans*: буквальный перевод «я сломаю из земли» соответствует сложному значению «я сломаю и удалю из/от страны/земли».

¹² (2 : 20) *дам им жить* | *wə-ḥiškabtīm* — Букв. «я дам им возможность лежать». Этот же глагол употреблен в приведенной выше параллели из Лев 26 : 6 (*wū-šakabtām wə-ʾēn maḥārīd*), а также в Иов 11 : 18–19 (*wū-bāḥaḥtā kī-yēš tiḳwā <...> lā-bāḥaḥ tiškāb wə-rābaštā wə-ʾēn maḥārīd* «Ты будешь в безопасности, ибо есть надежда <...> будешь обитать в безопасности, возляжешь, и никто тебя не напугает»). Нельзя не сопоставить эти пассажи с хорошо засвидетельствованным в месопотамской литературе образом царя-пастыря, который дает своим подданным возможность спокойно возлежать, подобно стаду, на незащищенной стенами территории: *nišī dadmī aburrī ušarbiš mugallitam ul ušaršišināti* «Жителям обитаемых земель я дал возможность возлежать на открытом пространстве и не допускал, чтобы кто-либо их пугал» (Законы Хаммурапи, эпилог, XL 36; см. другие примеры в CAD A₁ 91).

¹³ (2 : 21) *обручусь справедливостью* | *wə-ʾēraštik lī bə-šādāk* — Текст полностью соответствует «повседневному» узусу глагола *ʾērēš*, засвидетельствованному в 2 Цар 3 : 14: *wa-yiṣlaḥ dāwīd malʾākīm ʾāl-ʾiś-bōšāt bān-šāʾul lē-(ʾ)mōr tənā ʾāt-ʾištī ʾāt-mikal ʾāšār ʾēraštī lī bə-mēʾā ʾorlōt pālīštīm* «Давид послал гонцов к Ишбошету, сыну Саула, с такими словами: “Отдай мне мою жену Михаль, с которой я обручился ценой ста крайних плотей филистимлян”». Как видно из этого пассажа, предлог *bə-* в данном обороте вводит обозначения брачных даров со стороны жениха. В нашем случае в качестве божественного приданого выступают божественные атрибуты: справедливость, правда, доброта, милосердие, верность¹⁶⁰.

¹⁴ (2 : 23–24) *Я дам ответ...* | *ʾāʿānā...* — Последовательность «Господь — небеса — земля — сельскохозяйственная продукция — Изреель (= Израиль)» описывает путь, которым человек получает пищу от Бога¹⁶¹, ср. Лев 26 : 4: *wə-nātattī gišmekām bə-ʾittām wə-nātānā hā-ʾarāš yəbūlah wə-ʿēš ha-ššādā yittēn pīrū* «Я дам дожди в срок, земля даст урожай, и дерево даст свой плод».

Употребление в этой последовательности глагола *ʿānā* «отвечать» (используется 5 раз в ст. 23–24) неожиданно. Исследователи отмечают различные аспекты значения глагола *ʿānā*, которые могли бы прояснить использованный здесь образ: 1) с точки зрения Вольфа, *ʿānā* указывает на то, что урожай будет «ответом» Бога (через посредников) на молитвенное обращение Изрееля¹⁶²; 2) Макинтош сопоставляет Ос 2 : 23–24 с Екк 10 : 19 (*wə-ha-kkāsāp yaʿānā ʾāt-ha-kkōl* «деньги позаботятся обо всем»)¹⁶³ и предлагает для глагола значение «заботиться, быть внимательным к» (ср. русское «отвечать за»)¹⁶⁴.

Как было подробно описано выше, определяющее значение для понимания этого текста имеет употребление глагола «отвечать» по отношению к невесте в Ос 2 : 17. Восстановление «правильных» отношений между Израилем и Богом влечет за собой восстановление целой цепи «правильных» отношений: между Богом и небом, небом и землей, землей и ее плодами, плодами земли и Израилем.

¹⁶⁰ Wolff 1974, 52; возражения против такого понимания в Andersen, Freedman 1980, 283 нам не ясны.

¹⁶¹ Похожим образом рассуждает Абма (Abma 1999, 193–194), сравнивая Ос 2 : 23–24 с Ис 55 : 10 и Пс 65 : 10–12.

¹⁶² Wolff 1974, 54.

¹⁶³ Один из многих возможных переводов для этого трудного места.

¹⁶⁴ Macintosh 2014, 86.

¹⁵ (2: 25) Я посею ее для себя на этой земле | *wū-zəraʿtīhā llī bā-ʾārās* — Точный смысл этой фразы остается неясным.

В рамках наиболее распространенной интерпретации «она» (по-видимому, жена/Израиль) занимает при глаголе валентность, в обычном случае зарезервированную за семенем, а «земля» или «страна» выступает в роли почвы (т.е. обыгрывается двусмысленность слова *ʾārās*): «I will sow her for myself in the land»¹⁶⁵. В наибольшей степени нашему пассажи соответствует Исх 23 : 16: *bikkūrē maʿāšāḱā ʾāšār tizraʿ ba-ššādā* «первые плоды от того, что ты посеял в поле». С точки зрения поэтики такая интерпретация означает, что перед нами растительная метафора: Израиль — растение, которое Бог сажает и о котором заботится (ср. например, Иер 32 : 41: *wū-naʿaʿtīm bā-ʾārās ha-zzō*(ʿ)t «Я насажу их (израильтян) на этой земле»). Употребление глагола *zāraʿ* в Ос 2 : 25, вероятно, обусловлено необходимостью обыграть топоним Изреель и соответствующее негативное пророчество в Ос 1 : 4–5.

Согласно альтернативной точке зрения, разработанной Андерсеном и Фридманом, речь идет об «оплодотворении» Богом Израйля в стране («The insemination of a woman is like the sowing of a field. The object is not “the land” for it happens “in the land”, but rather Israel, restored to “the land”», Andersen, Freedman 1980, 288). В рамках этой интерпретации местоименная энклитика «она» занимает валентность почвы (узус, в отличие от предыдущего, надежно засвидетельствованный в ряде библейских пассажей: ср. *hē*(ʿ)—*lākām zāraʿ wū-zəraʿtām ʾāt-hā-ʾādāmā* «Вот вам семя — засевайте эту почву» в Быт 47 : 23, а также Исх 23 : 10; Лев 25 : 3–4; Пс 107 : 37). По мнению Андерсена и Фридмана, образ оплодотворения является кульминацией серии любовных и сексуальных мотивов, которые развивает автор в главе 2.

Литература / References

- Abma, R. 1999: *Bonds of Love: Methodic Studies of Prophetic Texts with Marriage Imagery (Isaiah 50: 1–3 and 54: 1–10, Hosea 1–3, Jeremiah 2–3)*. Assen.
- Ackerman, S. 2002: The Personal Is Political: Covenantal and Affectionate Love (ʾāhēb, ʾahābā) in the Hebrew Bible. *Vetus Testamentum* 52/4, 437–458.
- Ambros, A.A. 2004: *A Concise Dictionary of Koranic Arabic*. Wiesbaden.
- Andersen, F.I., Freedman, D.N. 1980: *Hosea: A New Translation with Introduction and Commentary*. Garden City (NY).
- Aster, Sh.Z. 2012: The Function of the City Jezreel and the Symbolism of Jezreel in Hosea 1–2. *Journal of Near Eastern Studies* 71/1, 31–46.
- Barlett, J.R. 1969: The Use of the Word זָרָא as a Title in the Old Testament. *Vetus Testamentum* 19, 1–10.
- Batten, L.W. 1929: Hosea's Message and Marriage. *Journal of Biblical Literature* 48, 257–273.
- Ben Zvi, E. 2005: *Hosea*. (Forms of the Old Testament Literature, XXIA/1). Grand Rapids (MI).
- Bird, P.A. 1989: “To Play the Harlot”: An Inquiry into an Old Testament Metaphor. In: P.L. Day (ed.), *Gender and Difference in Ancient Near East*. Minneapolis (MN), 75–94.
- Buss, M.J. 1969: *The Prophetic Word of Hosea: A Morphological Study*. (Beihefte zur Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft, 111). Berlin.
- Cassuto, U. 1973: The Second Chapter of the Book of Hosea. In: I. Abrahams (transl.), *Biblical and Oriental Studies*. Vol. I. Jerusalem, 101–140.
- Clements, R.E. 2004: *Qtr*. In: G.J. Botterweck, H. Ringgren, H.-J. Fabry (eds.), *Theological Dictionary of the Old Testament*. Vol. XIII. Grand Rapids (MI), 9–16.
- Clines, D. 1979: Hosea 2: Structure and Interpretation. In: E.A. Livingstone (ed.), *Studia Biblica 1978. I. Old Testament and Related Themes. Sixth International Congress on Biblical Studies, Oxford*,

¹⁶⁵ С незначительными вариациями СП; NRSB; NAB; NJB; Wolff 1974, 67; Macintosh 2014, 89.

- 3–7 April, 1978. (Journal for the Study of the Old Testament Supplementum, 11). Sheffield, 83–103.
- Clines, D.J.A.: 2002: *Word Biblical Commentary 17: Job 1–20*. Dallas.
- Cross, F.M. 1997: *Canaanite Myth and Hebrew Epic: Essays in the History of the Religion of Israel*. Cambridge (MA).
- Davies, Gr.I. 1992: *Hosea*. London.
- Day, J. 1992: Baal (Deity). In: D.N. Freedman (ed.), *The Anchor Bible Dictionary*. Vol. I. New York, 545–549.
- Dearman, J.A. 2010: *The Book of Hosea*. (New International Commentary on the Old Testament). Grand Rapids (MI).
- Deem, A. 1978: Anath and Some Biblical Hebrew Cruces. *Journal of Semitic Studies* 23, 25–30.
- Delekat, L. 1964: Zum hebräischen Wörterbuch. *Vetus Testamentum* 14, 7–66.
- Eitan, I. 1937: A Contribution to Isaiah Exegesis (Notes and Short Studies in Biblical Philology). *Hebrew Union College Annual* 12–13, 55–88.
- Emmerson, G.I. 1985: *Hosea: An Israelite Prophet in Judean Perspective*. (Journal for the Study of the Old Testament Supplementum, 28). Sheffield.
- Fisher, E.J. 1976: Cultic Prostitution in the Ancient Near East? A Reassessment. *Biblical Theology Bulletin* 6, 225–236.
- Galbiati, E. 1967: La struttura sintetica di Osea 2. In: G. Buccelatti (ed.), *Studi sull'Oriente e la Bibbia*. Genoa, 317–320.
- Glenny, W.E. 2013: *Hosea: A Commentary Based on Hosea in Codex Vaticanus*. Leiden.
- Goldingay, J. 2014: *Isaiah 56–66: A Critical and Exegetical Commentary*. London.
- Gordis, R. 1954: Hosea's Marriage and Message. *Hebrew Union College Annual* 25, 9–40.
- Gordon, C. 1936: Hosea 2: 4–5 in the Light of New Semitic Inscriptions. *Zeitschrift für die Alttestamentliche Wissenschaft* 54, 277–280.
- Gray, J. 1970: *I & II Kings: A Commentary*. Philadelphia.
- Harper, W.R. 1900: The Structure of Hosea 1.2–3.5. *American Journal of Semitic Languages and Literatures* 17, 1–15.
- Harper, W.R. 1905: *A Critical and Exegetical Commentary on Amos and Hosea*. New York.
- Hermann, W. 1999: Baal. In: K. van der Toorn, B. Becking, P.W. van der Horst (eds.), *Dictionary of Deities and Demons in the Bible*. Leiden–Grand Rapids (MI)–Cambridge, 132–139.
- Hoffman, Y. 1989: A North Israelite Typological Myth and a Judaeon Historical Tradition: The Exodus in Hosea and Amos. *Vetus Testamentum* 39/2, 169–82.
- Kelle, B.E. 2005: *Hosea 2: Metaphor and Rhetoric in Historical Perspective*. Leiden–Boston.
- Kogan, L. 2005: Comparative Notes in the Old Testament (I). In: L.E. Kogan, N. Koslova, S. Loesov, S. Tishchenko (eds.), *Babel Und Bibel 2: Memoriae Igor M. Diakonoff: Annual of Ancient Near Eastern, Old Testament, and Semitic Studies*. Winona Lake (IN), 731–737.
- Kruger, P. 1983: Israel, the Harlot (Hos. 2: 4–9). *Journal of Northwest Semitic Languages* 11, 107–116.
- Kuhl, C. 1934: Neue Dokumente zum Verständnis von Hosea 2, 4–15. *Zeitschrift für die Alttestamentliche Wissenschaft* 52, 102–109.
- Lambert, M. 1899: Note exégétique. *Revue des études juives* 39, 300.
- Macintosh, A.A. 2014: *A Critical and Exegetical Commentary on Hosea*. Edinburgh.
- May, H.G. 1932: Fertility Cult in Hosea. *American Journal of Semitic Languages and Literatures* 48, 73–98.
- Mays, J. 1969: *Hosea: A Commentary*. (Old Testament Library). Philadelphia.
- Moran, W. 1963: The Ancient Near Eastern Background of the Love of God in Deuteronomy. *Catholic Biblical Quarterly* 25, 77–87.
- Mosis, R. 2001: 'kr. In: G.J. Botterweck, H. Ringgren, H.-J. Fabry (eds.), *Theological Dictionary of the Old Testament*. Vol. XI. Grand Rapids (MI), 67–71.
- Moughtin-Mumby, S. 2008: *Sexual and Marital Metaphors in Hosea, Jeremiah, Isaiah, and Ezekiel*. Oxford–New York.
- Phillips, A. 1981: Another Look at Adultery. *Journal for the Study of the Old Testament* 20, 3–25.
- Propp, W.H. 1999: *Exodus 1–18: A New Translation with Introduction and Commentary*. Doubleday.
- Propp, W.H.C. 2008: *Exodus 19–40: A New Translation With Introduction and Commentary*. New Haven–London.

- Regt, L. de 2001: Person Shift in Prophetic Texts: Its Function and Its Rendering in Ancient and Modern Translations. In: J. de Moor (ed.), *The Elusive Prophet: The Prophet as a Historical Person, Literary Character and Anonymous Artist*. Leiden, 214–231.
- Renaud, B. 1983: Osée II 2: 'lh mn h'rš: essai d'interprétation. *Vetus Testamentum* 33, 495–500.
- Rudolph, W. 1966: *Hosea*. (Kommentar zum Alten Testament, XIII/1). Gütersloh.
- Rupprecht, K. 1970: עלה מן-הארץ (Ex 1: 10, Hos 2: 2): sich des Landes bemächtigen? *Zeitschrift für die Alttestamentliche Wissenschaft* 82, 442–447.
- Seux, M.J. 1967: *Epithetes royales akkadiennes et sumeriennes*. Letouzey et Ane.
- Talshir, D. 2002–2003: צדוֹת and צָחוֹת in Ancient Hebrew. *Zeitschrift für Althebräistik* 15–16, 108–23.
- Thompson, J.A. 1977: Israel's 'Lovers'. *Vetus Testamentum* 27/4, 475–481.
- Tushingham, A.D. 1953: A Reconsideration of Hosea. Chapters 1–3. *Journal of Near Eastern Studies* 12, 150–159.
- Vriezen, T.C. 1941: *Hosea: profeet en cultuur*. Groningen.
- Wellhausen, J. 1898: *Die kleinen Propheten übersetzt*. Berlin.
- Whitt, W. 1992: The Divorce of Yahweh and Asherah in Hos 2, 4–7.12ff. *Scandinavian Journal of the Old Testament* 6/1, 31–67.
- Wildberger, H. 1997: *A Continental Commentary: Isaiah 13–27*. Minneapolis (MN).
- Williamson, H.G.M. 2006: *Isaiah 1–5: A Critical and Exegetical Commentary*. London.
- Wolff, H.W. 1974: *Hosea*. Transl. by G. Stansell. (Hermeneia, 28). Philadelphia.
- Yee, G.A. 1987: *Composition and Tradition in the Book of Hosea: A Redaction Critical Investigation*. Atlanta (GA).
- Yee, G.A. 2001: "She is not My Wife and I am not Her Husband": A Materialist Analyses of Hos 1–2. *Biblical Interpretation* 9/4, 343–383.
- Zimmerli, W. 1979: *Ezekiel: A Commentary on the Book of the Prophet Ezekiel*. Philadelphia.

Leonid E. Kogan,

National Research University
Higher School of Economics,
Moscow, Russia
E-mail: lkogan@hse.ru
ORCID: 0000-0002-1195-6636

Victoria R. Gordon,

Independent researcher,
Jerusalem, Israel
E-mail: vruvinska@gmail.com

Maria M. Yurovitskaya,

National Research University
Higher School of Economics,
Moscow, Russia
E-mail: myurovitskaya@hse.ru
ORCID: 0000-0003-1523-1760

Acknowledgements: Russian Foundation for Basic
Research, project no. 21-011-44267

Л.Е. Коган,

д. филол. н., профессор
Института классического Востока и античности
НИУ «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

В.Р. Гордон,

независимый исследователь,
Иерусалим, Израиль

М.М. Юровицкая,

старший преподаватель Института
классического Востока и античности
НИУ «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АРАН	—	Архив Российской академии наук, Москва, Россия
ВДИ	—	<i>Вестник древней истории</i> . Москва
ПИФК	—	<i>Проблемы истории, филологии, культуры</i> . Магнитогорск
РС НИА СПб- БИН РАН	—	Русская секция Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия
СА	—	<i>Советская археология</i> . Москва, 1957–1992
СП	—	Синодальный перевод
ЭСИЯ	—	Расторгуева, В.С., Эдельман, Дж.И. <i>Этимологический словарь иранских языков</i> . Т. 1–3. Москва, 2000–2007
BDB	—	Brown, F. Driver, S.R., Briggs, Ch.A. <i>A Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament</i> . Oxford, 1906
BHQ 13	—	Gelston, A. (ed.). <i>The Twelve Minor Prophets</i> . (Biblia Hebraica Quinta, 13). Stuttgart, 2010
BHS	—	Biblia Hebraica Stuttgartensia
BNJ	—	Brill's New Jacoby Online. URL: https://scholarlyeditions.brill.com/bnjo ; accessed on: 12.02.2024
CAD	—	<i>The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago</i> . Chicago, 1956–2010
CDA	—	Black, J., George, A., Postgate, N. (eds.), <i>A Concise Dictionary of Akkadian</i> . 2 nd ed. Wiesbaden, 2000
CH I	—	<i>Coin Hoards</i> . Vol. I. London, 1975
DCH	—	Clines, D.J.A. <i>The Dictionary of Classical Hebrew</i> . Vol. I–VIII. Sheffield, 1993–2016
EIPap	—	Porten, B (ed.). <i>The Elephantine Papyri in English: Three Millennia of Cross-cultural Continuity and Change</i> . Leiden–New York–Köln, 1996
FBJ	—	French Bible de Jérusalem
FGrHist	—	Jacoby, F. (Hrsg.), <i>Die Fragmente der griechischen Historiker</i> . Bd. I–III. Berlin–Leiden, 1923–1958
GG(SL)	—	Gardiner, A.H. Signlist. In: A.H. Gardiner, <i>Egyptian Grammar</i> . 3 rd ed. Oxford, 432–531, 1957
HALOT	—	Koehler, L., Baumgartner, W., Stamm, J.J. <i>The Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament</i> . Leiden, 1994–2000
IGCH	—	Thompson, M., Mørkholm, O., Kraay, C.M. <i>An Inventory of Greek Coin Hoards</i> . New York, 1973
JPS	—	New Jewish Publication Society of America Tanakh
JM	—	Joüon, P., Muraoka, T. <i>A Grammar of Biblical Hebrew</i> . Roma, 2006
KJV	—	King James Version
KRI	—	Kitchen, K.A. <i>Ramesside Inscriptions: Historical and Biographical</i> . Vol. I–VIII. Oxford, 1969–1990
KTU	—	Dietrich, M., Loretz, O., Sanmartín, J. (Hrsg.), <i>Die keil-alphabetischen Texte aus Ugarit</i> . Münster, 1976
Manetho	—	Waddell, W.G. (ed.). <i>Manetho</i> . (Loeb Classical Library, 350). Cambridge, 1964
NAB	—	New American Bible

NAS	—	New American Standard Bible
NJB	—	New Jerusalem Bible
NRSV	—	New Revised Standard Version
PM II ²	—	Porter, B., Moss, R.L.B. <i>Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs and Paintings</i> . Vol. II. <i>Theban Temples</i> . 2 nd ed. Oxford, 1972
REB	—	Revised English Bible
SC	—	Houghton, A., Lorber, C. <i>Seleucid Coins. A Comprehensive Catalogue</i> . Lancaster—London, 2002—2008
TADAE	—	Porten, B., Yardeni, A. <i>Textbook of Aramaic Documents from Ancient Egypt</i> . Vol. I—IV. Jerusalem, 1986—1999
TLA	—	<i>Thesaurus Linguae Aegyptiae</i> . URL: https://aaww.bbaw.de/tla/index.html ; дата обращения: 10.02.2024
Wb.	—	Erman, A., Grapow, H. (Hrsg.), <i>Wörterbuch der ägyptischen Sprache</i> . Bd. I—V. 4. Aufl. Berlin, 1982
Urk. IV	—	Sethe, K. <i>Urkunden der 18. Dynastie</i> . Hefte 1—16. Leipzig, 1906—1909; Helck, W. <i>Urkunden der 18. Dynastie</i> . Hefte 17—22. Berlin, 1955—1958

СОДЕРЖАНИЕ

Ладынин И.А. (Москва) — Царь Рамсес и Бактрия. Об одном мотиве позднеегипетского историописания.....	5
Рунг Э.В. (Москва/Казань) — Повеления Дария I и Ксеркса в корпусе царских надписей Ахеменидов.....	27
Вигасин А.А. (Москва) — К интерпретации «Махабхашы».....	47
Суриков И.Е. (Москва) — Аристотелево определение олигархии и олигархические режимы в Афинах V—IV вв. до н.э.	55
Гарбузов Г.П. (Ростов-на-Дону) — Античное межевание таманско-ольвийского типа в районе Нижнего Поднепровья.....	77
Короленьков А.В. (Москва/Псков) — Бокс глазами Саллюстия: штрихи к портрету.....	107
Fratantuono L. (Maynooth, Ireland) — Nero's New Troy: The Reception of Virgil and Horace in the <i>Ilias Latina</i>	119

ПУБЛИКАЦИИ

Захаров Е.В., Смирнов С.В. (Москва) — Клад селевкидских бронзовых монет из Южного Дагестана.....	131
--	-----

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

Anokhina E.A. (Moscow), Makeeva N.V. (Saint Petersburg) — Six Ostraca of <i>The Teaching of Khety</i> in the State Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow	151
--	-----

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Крих С.Б. (Омск) — Египетское рабство в раннем творчестве М.А. Коростовцева	163
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Смирнова О.П. (Мезон-Лаффит, Франция) — V. Dasen, Th. Daniaux (éd.). <i>Locus Ludi: quoi de neuf sur la culture ludique antique?</i> (Pallas: Revue d'études antiques, 119). Toulouse, 2022	178
Махлаюк А.В. (Нижний Новгород) — Римский императорский двор как политический и социокультурный феномен (B. Kelly, A. Hug (eds.). <i>The Roman Emperor and His Court</i> , c. 30 BC — c. AD 300. Vol. 1: Historical Essays. Vol. 2: A Sourcebook. Cambridge, 2022)	184

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Бугаева Н.В., Снедкова Е.В. (Москва) — «Ломоносовские чтения» на кафедре древних языков и кафедре истории древнего мира МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, 7, 11 апреля 2023 г.).....	194
Андреева Е.Н., Давыдова О.А., Елисеева Л.Г., Иванова А.В., Кириллова М.Н., Ляпустина Е.В., Соломатина Е.И. (Москва) — Ежегодная конференция «Цивилизации древнего Ближнего Востока и античности: историческая динамика общего и особенного» (Москва, 21–22 июня 2023 г.).....	197
Криволапов Г.Л., Иванов В.А., Апенко М.С. (Москва) — Всероссийский круглый стол «Плиний Старший и его “Естественная История”»: К 2000-летию со дня рождения» (Москва, 13–14 октября 2023 г.).....	205
Климов О.Ю., Кулишова О.В., Пантелеев А.Д., Жестоканов С.М. (Санкт-Петербург) — Юбилейная конференция «XXV Жебелёвские чтения» в Санкт-Петербургском государственном университете (Санкт-Петербург, 25–27 октября 2023 г.).....	211

ПРИЛОЖЕНИЕ

О с и я 2. Вступительная статья, перевод с древнееврейского и комментарий Л.Е. Когана (Москва), В.Р. Гордон (Иерусалим, Израиль) и М.М. Юровицкой (Москва).....	220
---	-----

CONTENTS

<i>I.A. Ladynin</i> (Moscow) – King Ramesses and Bactria: A Motif of the Late Egyptian History Writing.....	5
<i>E.V. Rung</i> (Moscow/Kazan) – The Orders of Darius I and Xerxes in the Corpus of the Achaemenid Royal Inscriptions.....	27
<i>A.A. Vigasin</i> (Moscow) – Some Remarks on <i>Mahābhāṣya</i>	47
<i>I.E. Surikov</i> (Moscow) – Aristotle's Definition of Oligarchy and Oligarchic Regimes in Athens, 5 th –4 th Centuries BC.....	55
<i>G.P. Garbuzov</i> (Rostov-on-Don) – Ancient Land Division of the Taman-Olbia Type in the Lower Dnieper Region.....	77
<i>A.V. Korolenkov</i> (Moscow/Pskov) – Bocchus in Sallust: Some Considerations.....	107
<i>L. Fratantuono</i> (Maynooth, Ireland) – Nero's New Troy: The Reception of Virgil and Horace in the <i>Ilias Latina</i>	119

PUBLICATIONS

<i>E.V. Zakharov, S.V. Smirnov</i> (Moscow) – A Hoard of Seleucid Bronze Coins from Southern Dagestan	131
---	-----

IN THE MUSEUMS OF THE WORLD

<i>E.A. Anokhina</i> (Moscow), <i>N.V. Makeeva</i> (Saint Petersburg) – Six Ostraca of <i>The Teaching of Khety</i> in the State Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow	151
--	-----

PAGES OF HISTORIOGRAPHY

<i>S.B. Krikh</i> (Omsk) – Egyptian Slavery in the Early Writings of M.A. Korostovtsev	163
--	-----

CRITICAL AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

<i>O.P. Smirnova</i> (Maisons-Laffitte, France) – V. Dasen, Th. Daniaux (éd.). <i>Locus Ludi: quoi de neuf sur la culture ludique antique?</i> (Pallas: Revue d'études antiques, 119). Toulouse, 2022	178
<i>A.V. Makhlayuk</i> (Nizhny Novgorod) – Roman Imperial Court as a Political, Social and Cultural Phenomenon (B. Kelly, A. Hug (eds.). <i>The Roman Emperor and His Court, c. 30 BC – c. AD 300. Vol. 1: Historical Essays. Vol. 2: A Sourcebook.</i> Cambridge, 2022).....	184

NEWS AND EVENTS

<i>N.V. Bugaeva, E.V. Snedkova</i> (Moscow) – “Lomonosov Conference” at the Departments of Ancient Languages and Ancient History of the Faculty of History of the Lomonosov Moscow State University (Moscow, April 7, 11, 2023).....	194
<i>E.N. Andreeva, O.A. Davydova, L.G. Eliseeva, A.V. Ivanova, M.N. Kirillova, E.V. Lyapustina, E.I. Solomatina</i> (Moscow) – Annual Academic Conference “Civilizations of the Ancient Near East and Antiquity: Historical Dynamics of Common and Specific” (Moscow, June 21–22, 2023)	197
<i>G.L. Krivolapov, V.A. Ivanov, M.S. Apenko</i> (Moscow) – All-Russian Round Table “Pliny the Elder and his Natural History: To the 2000th Anniversary of His Birth” (Moscow, October 13–14, 2023).....	205
<i>O.Yu. Klimov, O.V. Kulishova, A.D. Pantelev, S.M. Zhestokanov</i> (Saint Petersburg) – The 25th Zhebelev Conference at the St. Petersburg University (Saint Petersburg, October 25–27, 2023)	211

SUPPLEMENT

Hosea 2. Introduction, Translation from Biblical Hebrew and Commentary by <i>L.E. Kogan</i> (Moscow), <i>V.R. Gordon</i> (Jerusalem, Israel) and <i>M.M. Yurovitskaya</i> (Moscow)	220
--	-----